

**Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации**

**Проблемы становления
гражданского общества**

*VI Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 30 марта 2018 года

Часть III

Иркутск, 2018

УДК 340
П 78

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Протокол № 2 от 26 марта 2018 года.

П 78 Проблемы становления гражданского общества : сборник статей VI Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 30 марта 2018 г. — Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. — Часть III. — 307 с.

В настоящий сборник помещены статьи участников VI Международной научной студенческой конференции «Проблемы становления гражданского общества» (Иркутск, 30 марта 2018 г.) по актуальным вопросам теории и истории государства и права, гражданского, уголовного, конституционного, трудового, семейного, экологического права, уголовного и гражданского процесса и др.

Материалы предназначены для студентов юридических вузов.

УДК 340

© Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право

<i>Березина Е. В.</i> Актуальные вопросы предмета легализации	8
<i>Блох М. С.</i> Осуществление помилования и амнистии в Российской Федерации и Украине: сравнительно-правовой анализ	12
<i>Бурыкин Д. О.</i> Совершенствование законодательства об охране здоровья лиц, осужденных к лишению свободы за совершение серийных убийств по сексуальным мотивам	14
<i>Возняк И. М.</i> К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации	18
<i>Волков В. Р.</i> Административная преюдиция: изменение основания уголовной ответственности	21
<i>Галекбаров Г. В.</i> К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации).....	25
<i>Губернова Т. Е.</i> Совершенствование законодательства, направленного на пресечение дезорганизации деятельности исправительных учреждений Российской Федерации	29
<i>Давыдова А. И.</i> Перспективы повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде ограничения свободы	33
<i>Давыдов А. А.</i> Предмет легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём: проблемы квалификации.....	36
<i>Демченко В. А.</i> Халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности: характеристика объективной стороны преступления.....	40
<i>Довбня А. И.</i> Анализ российской правоприменительной практики по вопросу признания деяния малозначительным.....	45
<i>Ефимушкина К. Э.</i> К вопросу о присвоении найденного в уголовном праве России	48
<i>Жарких И. А.</i> Неосторожная форма вины при совместной преступной деятельности.....	51
<i>Журавлева К. О.</i> Должностное лицо как субъект коррупционных преступлений.....	55
<i>Заузольцева М. С.</i> Совершенствование правового обеспечения безопасности функционирования Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях активизации деятельности формирований транснациональной организованной преступности.....	59

<i>Злобин А. Д.</i> Некоторые замечания к главе 7 Уголовного кодекса Российской Федерации	63
<i>Кадырбеков А. Д.</i> Феномен Чикатило.....	66
<i>Каростина А. С.</i> Принцип «двойной криминальности» при определении пространственных границ действия российского уголовного закона	69
<i>Касперович Н. С.</i> Ценностно-мировоззренческие основания системы уголовных наказаний	72
<i>Коробейникова М. С.</i> Эвтаназия: к постановке вопроса	75
<i>Куц И. Н.</i> К вопросу о субъективной стороне доведения до самоубийства...	79
<i>Леденёв Д. О.</i> Проблемы квалификации вымогательств, совершенных в соучастии.....	82
<i>Лукьянова А. А.</i> Понятие деятельного раскаяния в уголовном праве России	86
<i>Лумбунова В. В.</i> Проблемы законодательной регламентации ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	89
<i>Матвеева Е. С.</i> Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности	92
<i>Махмутова А. Р., Гангалю Ю. И.</i> К вопросу об особенностях института ограниченной вменяемости в российском уголовном законодательстве.....	96
<i>Медяник Е. Д.</i> К вопросу об административной преюдиции в уголовном праве России	99
<i>Мелкумян Р. А.</i> О дефиниции понятия «уголовный проступок» и перспективах ее законодательного закрепления в УК РФ.....	103
<i>Никитенок Д. Ю.</i> Ответственность соучастников преступления	107
<i>Ночевная В. В.</i> Криминологическое прогнозирование насильственной преступности в городе Астана (на примере грабежа)	111
<i>Олейникова Ю. О.</i> Проблемы определения субъективной стороны в преступлениях, связанных с доведением до самоубийства.....	115
<i>Ольховская Е. А.</i> Киберпреступность	119
<i>Ослай Д. Д.</i> Анализ формирования международного универсального механизма противодействия коррупции.....	126
<i>Панченко И. Ю.</i> Парадоксы социального отрицания преступности	130
<i>Пискун А. В.</i> Проблемы определения понятия «представитель власти» как признака субъекта преступления предусмотренного ст. 285 УК РФ	133
<i>Попова Н. О.</i> Клевета в уголовном праве: современное состояние и тенденции развития нормы	136

Радов В. В. Криминализация деяний, являющихся видами соучастия в преступлении: противоречия уголовного закона или уголовная политика? 139	139
Рустимова А. К. Особенности установления возраста привлечения к уголовной ответственности..... 143	143
Савченко Т. И. Изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних посредством сети «Интернет» 146	146
Сидорова Ю. В. Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним 149	149

Уголовный процесс

Агаркова Н. Н. О реализации принципа состязательности в российском уголовном судопроизводстве 153	153
Бойчук А. В. Изъятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации 155	155
Вирысов Д. С. Участие адвоката при проверке сообщения о преступлении 158	158
Возняк А. М. О некоторых проблемах прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа 162	162
Галкина Д. В. Сравнительно-правовой анализ полномочий прокурора при направлении уголовного дела в суд по Уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 166	166
Горлачева Д. Ю. Суд как участник уголовного судопроизводства в Республике Молдова 170	170
Зыблева Е. Н. Уголовно-процессуальный статус переводчика в законодательстве Армении и Грузии: некоторые аспекты 173	173
Князева Я. П. Применение принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним 176	176
Кобелева В. Н. К вопросу о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве 179	179
Курмачева А. А. Проблемы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами 183	183
Куроптев М. В. Проблема правовой неопределенности, связанной с уголовным преследованием или исполнением наказания в отношении лиц, в выдаче которых Европейским судом по правам человека было усмотрено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. 186	186

<i>Лемеш А. С.</i> Институт реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве Молдовы и Украины	190
<i>Макиенко Н. И.</i> Проблемы применения систем видеоконференц-связи при допросе на стадии предварительного расследования	194
<i>Мухутдинов С. С.</i> Проблемные аспекты познавательной деятельности следователя.....	197
<i>Нарядчиков В. Н.</i> Право лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, на юридическую помощь	199
<i>Очирова А. Д., Антонова Ю. А.</i> К вопросу о концептуальных признаках правовых презумпций в уголовном судопроизводстве	202
<i>Перфильева В. А.</i> Сущность обвинения и соотношение его с уголовным преследованием в российском уголовном судопроизводстве	206
<i>Соломко Е. М.</i> Особенности процедуры временного отстранения от должности в уголовно-процессуальном законодательстве Армении и Грузии	209
<i>Стародубов В. В.</i> Некоторые вопросы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь	212
<i>Сурикова А. А.</i> Временное отстранение от должности через призму субъектного состава (анализ УПК некоторых государств СНГ).....	216
<i>Терехин Р. А.</i> Проблемы и перспективы развития процессуального положения прокурора в стадии возбуждения уголовного дела	220
<i>Тугутова Д. А.</i> К вопросу о применении конструкции «благоприятствование защите» («favor defensionis») в современном уголовном процессе	223
<i>Чигвинцев И. А.</i> К вопросу о реализации принципа участия общественности в уголовном-судопроизводстве.....	227

Криминалистика и юридическая психология

<i>Андреева А. В.</i> Современные тенденции агрессивного поведения несовершеннолетних.....	230
<i>Арнаутова Д. С.</i> Психологические особенности восприятия личности обвиняемого присяжными заседателями	232
<i>Арсеньев С. А.</i> Обстоятельства, подлежащие доказыванию государственным обвинителем по делам о взяточничестве	235
<i>Белевич Ю. С.</i> Качественный осмотр места происшествия как залог успешного расследования и дальнейшего раскрытия неочевидных убийств, связанных с обнаружением неопознанных трупов женщин	238

Березина Е. В. Особенности обнаружения, фиксации, изъятия следов, подвергшихся частичной деструкции	242
Галекбаров Г. В. Значение судебно-психологической экспертизы в определении ролей соучастников преступления	245
Галсанова Я. Б. Использование достижений дерматоглифики в раскрытии и расследовании преступлений	248
Гегбардт А. А. Выемка и осмотр изделий и принадлежностей медицинского назначения при расследовании ятрогенных преступлений... ..	251
Гришанин А. Ю. Ситуационная методика расследования Леонида Яковлевича Драпкина: наследие советской криминалистики в современных условиях.....	255
Кичеева О. А. Психологические аспекты коррупции	259
Козулина Д. В. Социально-психологическая детерминация правонарушений: к вопросу о соотношении объективных и субъективных факторов	262
Коробейникова М. С. Психологические аспекты виктимного поведения потерпевших по делам против свободы, чести и достоинства личности.....	266
Ломач Я. С. Психологические особенности развития правового сознания у будущих прокурорских работников	269
Мелентьев А. С. Криминалистический подход к изучению особенностей убийств с особой жестокостью, совершенных несовершеннолетними	273
Морозов М. А. К вопросу о мотивах совершения должностных преступлений сотрудниками органов внутренних дел	277
Нарышкин П. А. Психологический портрет личности кибертеррориста	280
Плиткина К. В. Тактика допроса несовершеннолетнего с отставанием в психическом развитии	283
Плюснин Н. И. Некоторые аспекты психологического воздействия (рефрейминг) в судебном процессе.....	287
Ратов Я. Д. Технология решения типовых задач в судебно-бухгалтерской экспертизе	290
Романова Е. Р. Правосознание и мотивы правомерного поведения.....	293
Скибин С. А. «Следственная хитрость» или «тактический обман» как нетрадиционный тактический прием в деятельности следователя	297
Чиж А. Д. Тактика проведения следственного эксперимента	300
Юрьева С. В. Содержание проблемы применения одорологии в криминалистике и пути ее решения	304

УДК 343.3/7
Б 48

Е. В. Березина,
*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Актуальные вопросы предмета легализации

В статье раскрываются актуальные вопросы предмета легализации, проблемы, возникающие на практике при применении статей 174, 174¹ Уголовного Кодекса Российской Федерации, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: предмет преступления; легализация денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем; налоги; обязательства.

Преступления, предусмотренные статьями 174, 174¹ УК РФ, являются сложными для правоприменителей по целому ряду причин. Одной из них является проблема определения и конкретизации предмета преступления. Обратимся к Пленуму Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ) №32 от 07.07.2015 г.: «предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, являются не только денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком конкретного состава преступления (например, хищения, получения взятки), но и денежные средства или иное имущество, полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление (например, за убийство по найму) либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте.

При этом под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные и электронные денежные средства, под иным имуществом – движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем)»¹.

На первый взгляд кажется, что Верховный Суд разъяснил, что понимается под предметом указанных преступлений, однако вопросы по-прежнему остаются. Например, являются ли предметом легализации такие денежные средства, которые представляют собой неуплаченные налоги или сборы. Дискуссия на этот счёт особенно остро обозначилась в науке уголовного права после изменения редакции статей 174, 174¹ УК РФ в 2013 году. Дело в

---

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // Рос. газ. 2015. № 6722 (151).

том, что законодатель исключил прежнее указание на составы преступлений, которые не могли быть предикатными (т. е. были исключениями из правил). И это были как раз преступления, связанные с неуплатой налогов, таможенных платежей, сборов, страховых взносов (ст. ст. 193, 194, 198, 199, 199¹, 199² УК РФ). Такое изменение текста уголовного закона укрепило позицию сторонников отнесения неуплаченных налогов, сборов и т. д. к предмету легализации.

Вместе с тем, представляется, что указанная точка зрения является не совсем верной. Следует исходить, в первую очередь, из буквального толкования нормы. Понятия «имущество, заведомо **приобретенное** преступным путем» (ст. 174 УК РФ), «имущество, **приобретенное** в результате совершения преступления» (ст. 174¹ УК РФ) или «выгода, **полученная** в результате совершения преступления»² (ст. 1 Конвенции) подразумевают, что виновное лицо не обладало таким имуществом до совершения предикатного преступления. Такое имущество поступило в активы субъекта преступления в результате совершения предикатного преступления (или основного, как называет его Конвенция), или после, например, если это вознаграждение за совершенное преступление. Если же речь идет о денежных средствах, которые не были уплачены в качестве налогов или сборов, то необходимо определиться с происхождением этих средств. Логично, что налоги уплачиваются только с правомерного имущества (прибыли, полученной от законного предпринимательства, от аренды недвижимости, принадлежащей на праве собственности и т. д.). Следовательно, если эти деньги подлежали уплате в качестве налогов, значит, их преступное происхождение исключается. На этой же точке зрения настаивает профессор П. С. Яни³. То есть сами эти денежные средства преступным путём получены не были.

Можно, конечно, утверждать, что, если лицо не уплатило налоги, значит, оно незаконно накопило денежные средства. Факт накопления не отрицается, личные имущественные фонды лица растут за счет того, что из них не выбывают определенные суммы вопреки закону. Однако «накапливаются» не значит, «приобретаются», накопление есть «нетрата», удержание имеющегося. Н. А. Лопашенко стоит на этой позиции, указывая, что налоговые преступления «не приносят совершившему их преступного дохода», а получение дохода – это увеличение преступником своего имущества за счет приобретения преступным путем того, чего ранее у него не было. В результате совершения таких преступлений происходит преступное неуменьшение, сохранение прежних размеров своего имущества преступника или имущества организации, в которой это лицо работает⁴.

Причина внесения вышеуказанной поправки в уголовный закон оста-

---

² Конвенция об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=7150> (06.02.2018).

³ Яни П. С. Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. 2012. № 9. С. 28–33.

⁴ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к головному закону (раздел VIII УК РФ). М. : ВолтерсКлувер, 2006. С. 363.

ся неясной. Вероятно, законодатель имел намерение отнести неуплаченные обязательные платежи к предмету легализации. Однако суды едва ли могли с этим согласиться: суммы, подлежащие уплаты в качестве, например, налогов, являются добытыми не преступным, законным путем. Нельзя легализовать то, было получено легально. Таким образом, наша позиция такова, что денежные суммы, которые подлежали уплате в качестве налогов, обязательных сборов, страховых взносов, и сейчас не могут быть признаны предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ УК РФ.

Проблема отнесения неуплаченных налогов и иных обязательных платежей к предмету легализации является не единственной. Подобные вопросы возникают также применительно к обязательствам: является ли обязательство (в части права требования) предметом легализации?

Речь идет о возможности завуалирования незаконной перемены лица в обязательстве, а именно кредитора. Злоумышленник приобретает право требовать исполнения обязанности от должника без наличия к тому законных оснований. Например, А нанимает Б для совершения преступления. При этом вознаграждением за совершение преступления становится передача права требования от В (должника) возвратить долг А (кредитору). Само право требования основано на договоре. Б совершает преступление и посредством притворной сделки приобретает у А право требовать от В возврата долга в свою пользу. А далее Б совершает цессию (конечно, соблюдая форму изначальной сделки) и возмездно уступает право требования гражданину Г. Таким образом, указанное право требования может менять кредитора посредством притворных или мнимых сделок до тех пор, пока кредитором по нему снова не станет гражданин Б. А это значит, что право требования придёт к нему уже не под видом материального вознаграждения за совершение преступления, а под видом вполне законной сделки.

Для того чтобы решить, имеется ли в данной ситуации надлежащий предмет для составов легализации, обратимся к положениям гражданского права. Понятие обязательства дается в ст. 307 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности⁵». В качестве оснований для возникновения обязательства (первоначального, где кредитор законно является таковым) ГК РФ называет: договоры и иные сделки; причинение вреда; неосновательное обогащение и др. (см. ст. 8 ГК РФ).

Обязательства, в свою очередь, подразделяются: по структуре на простые и сложные, на односторонние и взаимные; обязательства личного характера; обязательства со множественностью лиц (активная, пассивная, сме-

---

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. 29 дек. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шанная множественность); на основные и дополнительные (акцессорные); по содержанию на определённые и альтернативные; по объекту на имущественные и неимущественные; по основаниям возникновения на договорные и внедоговорные.

Определение основания возникновения изначального обязательства, определение его вида, на наш взгляд, имеет принципиальное значения для правовой квалификации. Конвенция 1990 г. очень широко трактует предмет легализации: «"доходы" означают любую экономическую выгоду, полученную в результате совершения преступлений. Эта выгода может включать любое имущество. "Имущество" означает имущество любого рода, вещественное или невещественное, движимое или недвижимое, а также юридические акты или документы, дающие право на имущество или на долю в этом имуществе»⁶.

Однако ПП ВС РФ №32 от 07.07.2015 несколько сужает понятие предмета легализации. И это уже не любая «экономическая выгода». Для того чтобы обязательство могло быть признано предметом легализации, оно должно отвечать, по нашему мнению, следующим требованиям, которые необходимы в своем единстве:

- имущественный характер (иначе предмет выходит за рамки, очерченные п. 1 ПП ВС РФ №32 от 7.07.2015 г.);
- не связано с личностью кредитора (если это физическое лицо) или с конкретным юридическим лицом (нельзя передать право требования возмещения вреда конкретному юридическому лицу кому-то другому);
- одностороннее (если виновное лицо становится на место кредитора во взаимном обязательстве, то он становится одновременно и должником, следовательно, теряется выгода).

Перечень рассмотренных в настоящей работе возможных предметов легализации отнюдь не является исчерпывающим. Проблема состоит в том, что экономические отношения не стоят на месте. Напротив, они активно развиваются, возникают новые блага, объекты имущественного оборота. Ни законодатель, ни Верховный Суд не в силах учесть все возможные варианты. Проблемы нужно решать посредством формирования правоприменительной практики. Необходимо в каждом конкретном случае, путем тщательного, глубоко анализа на основе теории, в большей части гражданского права, устанавливать, подпадает то или иное благо, которое предположительно лицо легализовало, под признаки предмета преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ УК РФ, обозначенные в п. 1 ПП ВС РФ № 32 от 07.07.2015 г. Кроме того, относительно проблемы неуплаченных налогов и иных обязательных платежей, на наш взгляд, имеет смысл дать разъяснения правоприменителям путем внесения дополнений в ПП ВС РФ № 32 от 07.07.2015 г.

---

⁶ Конвенция об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=7150> (06.02.2018).

Информация об авторе

Березина Екатерина Витальевна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

e-mail: ber483@mail.ru

**УДК 343.29
Б70**

М. С. Блох,

*студентка 2 курса магистратуры
АНО ВО Институт законовещения
и управления ВПА ИЗУ ВПА, г. Тула*

**Осуществление помилования и амнистии в Российской Федерации
и Украине: сравнительно-правовой анализ**

Выбор тематики статьи обусловлен тем, что в системе существующих в российском и украинском законодательстве видов освобождения от ответственности и наказания помилование и амнистия занимают видное место. Это подтверждается их урегулированием не только уголовным, но и другими видами отраслевого законодательства, а именно: уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, конституционным.

Актуальным является теоретическое исследование социально-правового значения помилования, его роли и места в системе видов освобождения от наказания.

Ключевые слова: помилование, амнистия, Уголовный кодекс Украины, Уголовный кодекс Российской Федерации, Конституция Российской Федерации

Законодательство об уголовной ответственности имеет своей задачей правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим. При этом актуальным для действующего законодательства об уголовной ответственности остаются вопросы применения механизмов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Применяя правовой механизм привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, государство оставляет за собой право прощать таких лиц. Одной из форм государственного прощения является возможность применения к лицам, совершившим преступление, процедуры освобождения от уголовной ответственности или наказания, которая реализует принцип гуманизма, направленный на защиту всех членов общества.

Осуществление помилования регулируется разноуровневыми право-

выми нормами. Необходимы их систематизация и совершенствование при наличии единого подхода к пониманию правовой природы и предназначения помилования в Российской Федерации и Украине. Актуальным направлением, обеспечивающим эффективность осуществления помилования, является совершенствование механизма реализации правовых норм в этой сфере.

Формирование понятия помилования и в России, и в Украине шло от понимания прощения как более общего понятия. Прощение включало, прежде всего, отказ от уголовного преследования либо отказ от применения наказания.

Нужно обратить внимание на то, что уголовно-правовая политика в сфере применения амнистии и осуществления помилования является многогранным явлением современной уголовно-правовой политики украинского и российского государства. Политика в сфере применения амнистии и осуществления помилования является комплексом научных концепций, правовых норм, правоприменительной практики, которая направлена на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и реализацию правовых принципов законности, справедливости, гуманизма, экономии мер уголовной репрессии.

Амнистия и помилование как институты права имеют давние традиции и глубокие исторические корни. Освобождение от наказания по амнистии известно с давних времен. В 367 году в Римской империи впервые была объявлена амнистия в честь Пасхи за все преступления, кроме государственной измены, изнасилования, преступлений против мертвых, колдовства и прелюбодеяния.

Институт помилования – не просто комплексный межотраслевой правовой институт, но и важный элемент демократического правового государства, элемент системы сдержек и противовесов во взаимодействии властей. Институт помилования и практика его применения имеют идеологическое содержание, поскольку они влияют на авторитет главы государства. Наиболее схожим с помилованием является институт амнистии. Амнистия, как одно из эффективных средств устранения противоречий в сфере применения права, одновременно выступает и видом освобождения от уголовной ответственности, и видом освобождения от уголовного наказания. Освобождение от наказания по амнистии возможно как в момент вынесения приговора, так и в процессе его исполнения.

Подводя итог вышеизложенному можно сделать следующие выводы:

Помилование и амнистия, несмотря на очевидное сходство, различаются между собой, а именно:

- 1) амнистия, в отличие от помилования, является нормативным актом;
- 2) помилование и амнистия принимаются разными органами государственной власти России;
- 3) разные степени учета желания осужденного в применении к нему амнистии или помилования;
- 4) помилование и амнистия не совпадают по своему содержанию

5) амнистия предполагает возможность проявления милосердия к лицу, совершившему преступление, на более ранних стадиях уголовного процесса. Применение помилования возможно лишь после вступления приговора в законную силу.

Наряду с этим, изучение законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в сфере применения помилования и амнистии указали на ряд пробелов, допущенных законодателем. Тем самым, наиболее оптимальным направлением совершенствования правового регулирования амнистии и помилования осужденных является внесение изменений и дополнений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в соответствии с их предметами правового регулирования. Совершенствование правового регулирования должно привести институт амнистии и помилования в оптимальное состояние, то есть, с одной стороны, такое правовое регулирование должно обеспечить закрепленное Конституцией Российской Федерации право каждого человека, осужденного за преступление, просить о помиловании или смягчении наказания. В связи с этим важным элементом правового регулирования должно стать закрепление нормативных и организационных гарантий реализации данного конституционного права.

Информация об авторе

Блох Мария Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры АНО ВО Институт законовещения и управления ВПА (ИЗУ ВПА, г. Тула).
299055, г. Севастополь, улица Генерала Хрюкина, д.20, кв.5
e-mail: mariya.blokh@yandex.ru тел. +79782571914

удк 343.2/.7

Б 90

Д. О. Бурыкин,

*студент 4 курса ВИПЭ
ФСИН России*

Совершенствование законодательства об охране здоровья лиц, осужденных к лишению свободы за совершение серийных убийств по сексуальным мотивам

В статье анализируются проблемные моменты в организации принудительных мер медицинского характера и последующего лечения лиц, осужденных к лишению свободы за совершение серийных убийств по сексуальным мотивам, предлагаются варианты совершенствования законодательства, направленного на их устранение.

Ключевые слова: сексуальные предпочтения, серийные убийства, организация лечения, исправительные учреждения.

Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за

преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»¹ усилена уголовная ответственность за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы малолетних потерпевших лицами, имеющими судимость за аналогичное ранее совершенное преступление. Но одно данное изменение не может разрешить всей сложности ситуации со всеми видами преступлений, совершаемым по сексуальным мотивам, в т. ч. серийными убийствами. А. О. Бухановский рассчитал, что в России на единицу времени приходится $126,4 \pm 13,2$ серий убийств, от которых за 10 лет гибнет $3116,7 \pm 68,7$ человек»². И главные проблемы в пресечении преступлений данного вида связаны не с ужесточением наказаний, а с организацией мер их предупреждения. Известный в РФ врач, заместитель главы Центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского З. Кекелидзе отмечает, что в условиях современности серийным сексуальным убийцам общество ничего, кроме наказания, не предоставляет. Важнейшим средством пресечения их преступлений он определяет организацию соответствующего лечения таких лиц³. С его мнением следует полностью согласиться. Уголовный закон России в ст. 99 устанавливает вид принудительных мер медицинского характера, который может быть применён судом одновременно с назначением наказания таким лицам, признанным вменяемыми: амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра и сексопатолога.

Особый порядок применения принудительных мер медицинского характера предусмотрен в ч. 1 ст. 97 УК РФ, ч. 4 ст. 18 УИК РФ в отношении лиц, совершивших в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, и страдающим расстройством сексуальных предпочтений (педофилией), не исключаяющим вменяемости. Таким лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, администрация учреждения, исполняющего наказание, не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания, либо при получении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, либо до внесения представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания обязана предложить пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых пре-

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 февр. 2012 г. № 14-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70144008> (12.02.2018).

² Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhicheskie-rasstroistva-u-lits-s-seriinyimi-agressivnyimi-seksualnymi-opasnymi-deistviyami-#ixzz52xpg2ABb> (12.02.2018).

³ См.: Кекелидзе З. Экспертные мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://fedpress.ru> (12.02.2018).

ступлений и проведение соответствующего лечения. Основанием освидетельствования осужденного комиссией врачей-психиатров является добровольное обращение такого осужденного к администрации учреждения, исполняющего наказание, или согласие такого осужденного.

Принятая и установленная на законодательном уровне система организации принудительных мер медицинского характера и лечения осужденных, страдающих сексуальными расстройствами, к наказанию в виде лишения свободы, требует значительного совершенствования по направлениям, связанным как с совершенствованием законодательства, так и организации лечения данных лиц. Изучением соответствующего зарубежного опыта установлено, что в большинстве стран принудительные меры медицинского характера рассматриваются как разновидность иных мер уголовно-правового характера («мер безопасности»). Так, законодательство США предусматривает применение принудительных мер медицинского характера ко всем лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения, которое делает их склонным к совершению половых преступлений⁴.

Для разрешения данной проблемы в УК РФ необходимо учесть некорректность законодательной формулировки п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ: «и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости». Эта формулировка предполагает однозначность понятий «расстройство сексуального предпочтения» и «педофилия». При этом согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) понятие расстройства сексуального предпочтения (раздел F65) является более широким и включает в себя ряд других расстройств⁵. Полагаем, что п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ следует изложить в редакции: «совершившим в возрасте старше 18 лет преступления против половой свободы и половой неприкосновенности и страдающим расстройством сексуального предпочтения, не исключаяющим вменяемости».

Требует своего разрешения и вопрос о правомерности применения повторных принудительных мер медицинского характера к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. В соответствии с ч. 2¹ ст. 102 УК РФ суд вправе назначить принудительную меру медицинского характера повторно лицу, страдающему заболеванием педофилии, – в отношении которого ранее уже принималось решение о ее прекращении. Как справедливо отмечает А. А. Батанов, данное положение «противоречит доктрине российского уголовного права и судебной практике, согласно которым принудительное лечение после отмены принудительных мер медицинского характера применяется только в случаях совершения лицом нового общественно опасного де-

---

⁴ См.: Бакин А. А. Особенности формирования девиантного сексуального поведения осужденных [Электронный ресурс]. URL: <http://lawlibrary.ru/article2020518.html> (12.02.2018).

⁵ Батанов А. Н. Уголовно-правовые вопросы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией) [Электронный ресурс]. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/23543> (12.02.2018).

яния⁶. Полагаем, что данное положение подлежит исключению из текста ч. 2¹ ст. 102 УК РФ и ч. 4 ст. 18 УИК РФ. Вопрос об организации лечения лиц, страдающих расстройством сексуальных предпочтений, должен быть разрешён иными мерами.

В этом плане заслуживает внимания изучение опыта Республики Казахстан. В ч. 3 ст. 88 Уголовного кодекса данного государства отмечается, что порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется Уголовно-исполнительным Кодексом и законодательством о здравоохранении Республики Казахстан⁷, что само по себе является важным, принципиальным и соответствующим практике реализации. В принятой Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы указывается, что там при помещении осужденного в учреждения, связанные с изоляцией от общества, при наличии решения суда о применении принудительных мер медицинского характера разрабатывается соответствующая программа его лечения, рассчитанная до периода освобождения⁸. Порядок осуществления лечения осужденных в местах изоляции от общества в РФ регулируется Приказом Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 года «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу»⁹. Но в содержание объёма оказываемых услуг по лечению осужденных в этом приказе не включен вариант лечения сексуальных отклонений. Такое лечение осужденные в условиях современности должны оплачивать самостоятельно, но это они сделать не смогут.

Таким образом, в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в раздел «Медицинское обслуживание» необходимо включить такой вид деятельности, как разработка и реализация программ лечения осужденных с социально-значимыми заболеваниями. В содержание Приказа Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 года «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» необходимо включить вариант лечения лиц, имеющих сексуальные отклонения. Такие изменения позволят внести соответствующее уточнение в содержание п. 3 ст. 97 УК РФ, изложив его в следующей редакции:

«Статья 97. Основания применения принудительных мер медицинского характера. 4. Порядок исполнения принудительных мер медицинского харак-

---

⁶ Батанов А. Н. Указ. соч.

⁷ УК РФ. Казахстан [Электронный ресурс]. URL: Crimpravo.ru (12.02.2018).

⁸ См.: Указ Президента Республики Казахстан от 8 дек. 2016 г. № 387 [Электронный ресурс]. URL: http://www.inform.kz/ru/prezident-rk-utverdil-strategiyu-reabilitatsii-grazhdan-osvobodivshih-sya-iz-mest-lisheniya-svobody_a2979956 (12.02.2018).

⁹ О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу [Электронный ресурс] : приказ Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17 окт. 2005 г. : с изм. от 06 июня 2014 г. : URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-n-640-miniusta-rf/> (12.02.2018).

тера определяется уголовно-исполнительным законодательством РФ, иными федеральными законами и законодательством о здравоохранении РФ».

Информация об авторе

Бурыкин Дмитрий Олегович – студент 4 курса 541 группы факультета внебюджетного образования ВППЭ ФСИН России.

**УДК 343.3/7
В 64**

И. М. Возняк,
*студентка 4 курса
ФГКОУ ВО «Академия Генеральной
прокуратуры Российской Федерации»*

**К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327
Уголовного кодекса Российской Федерации**

Данное исследование посвящено проблеме неопределенности такого предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, как иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей. В статье изучаются признаки данного предмета преступления, анализируется судебная практика, предлагается возможное решение.

Ключевые слова: подделка документов, иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей, официальный документ для целей ст. 327 УК РФ, предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, а равно изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков. «Подделка документов» уже не является одним из самых распространённых преступлений на территории Российской Федерации¹, количество приговоров, вынесенных по данной статье УК РФ, также уменьшается², однако в Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) не перестают поступать жалобы³ на не-

¹ 749 преступлений зарегистрировано в период с января по ноябрь 2017 года согласно Отчету о состоянии преступности в России, подготовленному ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (31.01.2018).

² 776 осужденных по ч. ч. 1, 2 ст. 327 за 2016 год согласно Отчету о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2016 года; 365 осужденных по ч. ч. 1, 2 ст. 327 за январь–июнь 2017 года согласно Отчету о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 6 месяцев 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (31.01.2018).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Костевой Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями ч. 3 ст. 327 УК РФ : определение Конституционно-

определенность предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ. Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, являются удостоверение и иные официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, поддельные государственные награды РФ, РСФСР, СССР, штампы, печати, бланки. Наиболее интересным из вышеперечисленных предметов являются иные официальные документы, так как именно это понятие не раскрыто в законе. В связи с чем представляется актуальным рассмотрение вопроса о таком предмете преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, как «иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей» с точки зрения сформировавшейся судебной практики.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документ – материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

Этим же законом раскрыто понятие «официальные документы», то есть документы, принятые органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени. Исходя из содержания данного определения, можно заключить, что, во-первых, такой документ должен быть принят органом государственной власти, а, во-вторых, подлежит обязательному опубликованию. Однако такое толкование не применимо для целей уголовного закона и вступает в противоречие со сложившейся судебной практикой.

Так, приговором Илекского районного суда Оренбургской области Р. осужден по ч. 1 ст. 327 УК РФ за подделку диагностической карты, выдающейся оператором технического осмотра после прохождения технического осмотра и содержащей сведения о соответствии или не соответствии транспортного средства требованиям безопасности при его эксплуатации.

Между тем, Конституционный суд Российской Федерации в своем Определении указывает, что термин «официальный документ», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике. Поэтому само по себе то, что в УК РФ не содержится определение понятия «официальный документ», в том числе для целей статьи 327, не может расцениваться как неопределен-

---

го Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 534-О-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 327 УК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2010 г. № 1671-О-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зябревой Ирины Владимировны на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 292 УК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2012 г. № 1469-О.

ность уголовно-правового запрета и основание для произвольного применения данной статьи⁴.

Наиболее правильным и согласованным с судебной практикой представляется мнение А. В. Бриллиантова, согласно которому официальный документ может быть создан в государственном, муниципальном, коммерческом, общественном секторе, а также физическими лицами. Источник его происхождения не должен иметь юридического значения⁵.

По поводу подделки документа физическим лицом существует неоднозначная судебная практика. Так, Л. осуждена по ч. 1 ст. 327 УК РФ за то, что собственноручно внесла заведомо ложные сведения в табель учета рабочего времени работников, а именно поставила отметки о нахождении на рабочем месте полным рабочем дне в количестве 8 часов в определенные даты прие-мосдатчика груза и багажа станции М. В. и подписала данный табель учета рабочего времени.

В то же время, кассационным определением Верховного суда Российской Федерации от 25.11.2005 № 70-о05-20 Судебная коллегия отменила приговор В. в части осуждения по ч. 1 ст. 327 УК РФ за подделку доверенности на право управления транспортным средством, сославшись на то, что выписанная собственноручно доверенность на право управления автомобилем от имени другого лица, не оформленная и не удостоверенная надлежащим образом, не может являться официальным документом.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что официальным документов для целей статьи 327 УК РФ является документ, оформленный и удостоверенный надлежащим образом, вне зависимости от субъекта, который его издал или принял. Данное утверждение предполагает наличие определенного нормативно правового или правового акта, содержащего признаки нормативности, которым установлена процедура удостоверения данного документа.

Еще одним необходимым признаком официального документа для целей ч. 1 ст. 327 УК РФ является предоставление им прав или освобождение от обязанностей. Данная позиция еще раз подтверждается Постановлением Президиума Верховного суда Российской Федерации, согласно которому предметом преступления в ч. 1 ст. 327 УК РФ являются лишь такие удостоверения и другие официальные документы, выдаваемые государственными, общественными или коммерческими предприятиями, учреждениями, организациями, которые предоставляют права или освобождают от обязанностей. Состав указанного преступления отсутствует, если подделан, изготовлен и сбыт документ, который не предоставляет никаких прав и не освобождает от

---

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2010 г. № 1671-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов и др. ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 2. С. 576.

обязанностей⁶.

Подводя итог исследования необходимо отметить, что неопределенность в уголовном законе понятия «иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей» порождает нестабильность судебной практики и нередко приводит к неправильному толкованию закона. Исходя из чего предлагается дополнить ст. 327 УК РФ примечанием следующего содержания: «Официальным документом признается материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, порядок создания, оформления и удостоверения которого предусмотрен законом, иным нормативным правовым актом, правовым актом организации, индивидуального предпринимателя, предоставляющий права и освобождающий от обязанностей».

Информация об авторе

Возняк Изольда Михайловна – студентка 4 курса юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (АГ-ПРФ).

*107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1,
izolda.agaeva@yandex.ru.*

УДК 343.21

В 67

В. Р. Волков,

*магистрант 2 курса
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Административная преюдиция: изменение основания уголовной ответственности

В статье анализируется институт административной преюдиции и возможность его интегрирования в российское уголовное законодательство. Автором предлагается исключить данный институт из норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовная ответственность, основание уголовной ответственности, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовный проступок.

---

⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 сент. 2008 г. № 213-П08 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3.

Административная преюдиция является институтом уголовного права и находит свое применение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации; она не имеет законодательного понятия, единого содержания в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

В доктрине уголовного права преобладающей является позиция, согласно которой административная преюдиция рассматривается как «привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного периода времени (чаще всего в течение года) после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение»¹.

Подавляющее большинство ученых соглашается с подобной дефиницией и ссылается, в том числе, на исторические источники уголовного права². Данная позиция поддерживается и не вызывает спора в той части, в которой содержание дефиниций действовавших уголовных законов соотносятся друг с другом по тождественным признакам. Если совпадение признаков частичное – требуется научное исследование, которое внесет теоретическую ясность в обсуждаемый вопрос.

В связи с введением института административной преюдиции в УК РФ законодателем было криминализовано «опасное состояние» субъекта уголовной ответственности. То есть признание «степени общественной опасности личности» фактически и юридически изменили само основание уголовной ответственности.

Представитель теории социальной защиты профессор Н. Г. Иванов отмечает, что учёт «опасного состояния» необходим как в профилактическом плане, так и в плане назначения наказания, но его нельзя криминализовать³.

Иную позицию занимает профессор В. П. Малков, который пишет о том, что «использование преюдиции в качестве криминообразующего признака в уголовном праве расценивалось как удачная находка законодательной техники»⁴.

Спор учёных о том, в каком качестве используется и должна использоваться административная преюдиция в статьях Особенной части УК РФ, является актуальным. Фактически она выступает в качестве средства криминализации и устанавливает уголовную ответственность за повторное совершение административного правонарушения при наличии определенных условий.

---

¹ Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 248.

² Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Проспект, 2014. С. 230.

³ Иванов Н. Г. Множественность преступлений и административная преюдиция в современном УК РФ // Государство и право. 2017. № 11. С. 80.

⁴ Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2008. № 1. С. 196.

Вместе с тем, когда лицо привлекается к административной ответственности за правонарушение, оно узнает о том, что в случае повторного совершения такого же правонарушения оно будет привлечено к уголовной ответственности, а значит, иметь судимость.

В науке уголовного права высказывается позиция, согласно которой «предшествующее применение к виновному уголовного наказания в пределах срока погашения судимости должно служить сразу же основанием для признания последующего правонарушения уголовно наказуемым деянием, а не проступком»⁵. Думается, что с данной позицией нельзя согласиться, поскольку, во-первых, в таком случае уголовный закон рассматривается как средство репрессии, во-вторых, институт судимости, равно как и институт административной преюдиции, начинает использоваться как средство криминализации, в основном, для преступлений небольшой тяжести, что не соответствует цели гуманизации законодательства.

Вопрос в другом: почему предложения социологов получили свое развитие в науке уголовного права? Представляется, что из-за поиска новой юридической конструкции, способной обеспечить взаимодействие отраслевых законодательств путем криминализации общественной опасности личности.

Как отмечает А. В. Иванчин, «криминализация и дифференциация должны опираться на учет как объективных свойств общественной опасности человеческого поведения, так и опасности личности преступника»⁶. Как представляется, прав профессор В. Н. Кудрявцев, указывавший, что в криминализации каждая крайняя позиция чревата определенными опасностями»⁷.

Полностью поддерживаем данную позицию, поскольку, к примеру, при конструировании составов преступления с административной преюдицией не может не учитываться общественная опасность личности. А значит, нарушается основание уголовной ответственности, установленное ст. 8 УК РФ; в ней закрепляется положение, согласно которому основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. В таких составах учитывается помимо деяния еще и характеристики самой личности, что неправильно и заслуживает внимание ученых.

Известно, что административная преюдиция характеризуется повторностью совершения административного правонарушения и фактом, что к лицу было применено административное наказание. Вместе с этим, профессор М. И. Ковалев считал, что «повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования. Из этого, следует, что повторность – это обстоятельство, характеризующее личность

---

⁵ Малков В. П. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Казань : Познание, 2011. С. 73.

⁶ Иванчин А. В. Указ. соч. С. 230.

⁷ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С 243.

преступника, а не его деяние⁸». И это аргументы, которые не могут ни оспорить, ни признать несостоятельными и необубедительными сторонники использования административной преюдиции в УК РФ.

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что дополнительным аргументом в пользу использования административной преюдиции является «потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера»⁹. В настоящее время Верховный Суд РФ внес на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект о введении понятия «уголовный проступок» в УК РФ и УПК РФ¹⁰. Под проектируемым термином следует понимать преступления небольшой тяжести, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Однако, профессором А. В. Ивановым предлагается расширить применение административной преюдиции в уголовном законодательстве применительно к целой массе преступлений небольшой и средней тяжести – в первую очередь, экономической направленности, а также за «наркопреступления»¹¹. Тогда закономерен вопрос: к каким категориям преступлений УК РФ вообще относит составы преступлений с административной преюдицией? Анализ санкций таких составов позволяет утверждать, что они являются не только преступлениями небольшой тяжести, но среди них выделяются и преступление средней тяжести (статья 212¹ УК РФ) и тяжкое преступление (статья 284¹ УК РФ). Из этого можно сделать два вывода: принятие термина «уголовный проступок» не исключит административную преюдицию из УК РФ, и она не может выступать в качестве «нормы преюдиционного характера».

На современном этапе развития права административная преюдиция в составах преступления Особенной части УК РФ не только изменяет юридическое основание уголовной ответственности, предусмотренное ст. 8 УК РФ, но и выступает средством криминализации, усиливающим наказание за совершение административного правонарушения. В связи с этим думается, что для достижения цели гуманизации уголовного закона административную преюдицию необходимо исключить из УК РФ, усилив административную ответственность за те правонарушения, за которые при их неоднократном со-

---

⁸ Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями : межвузов. сборник науч. трудов. Свердловск, 1982. С. 11–12.

⁹ Лапина М. А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 575–581.

¹⁰ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 окт. 2017 г. № 42. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/24308/> (08.01.2018).

¹¹ Иванов А. В. Перспективы применения административной преюдиции в рамках уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 28–31.

вершении и назначении административного наказания устанавливается уголовная ответственность путем внесения в Кодекс об Административных Правонарушениях Российской Федерации отдельной статьи; в диспозиции перечислить данные составы и установить одинаковые виды, размеры и сроки наказания.

Информация об авторе

Волков Вячеслав Русланович – магистрант 2 курса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
127495, г. Москва, Дмитровское шоссе, 165Екб,
e-mail: slava18-08@yandex.ru

УДК 343.2
Г 15

Г. В. Галекбаров,

студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

**К вопросу о содержании признака структурированности
преступного сообщества (преступной организации)**

В статье автором рассматривается конструктивный признак преступного сообщества (преступной организации) – структурированность, ограничивающий его от иных сложных форм соучастия. На основе анализа материалов судебной практики предлагается перечень характеристик структурированности преступного сообщества.

Ключевые слова: преступное сообщество, организованная группа, структурированность, структурные подразделения.

Формы соучастия классифицируются законодателем по степени организованности соучастников, что подразумевает под собой внутреннюю упорядоченность и систему взаимосвязей явлений – от просто соучастия без предварительного сговора до преступного сообщества.

Стоит отметить, что преступления, совершаемые в соучастии, представляют для общества серьезную опасность, поскольку связан с борьбой с организованной преступностью.

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией) если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ)¹.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Разграничить между собой организованную группу и объединение организованных групп не составляет затруднения. Однако отличить организованную группу от структурированной организованной группы как вида преступного сообщества не так-то просто.

Одним из главных признаков, позволяющих отграничить структурированную организованную группу от организованной группы, является структурированность. Не вызывает сомнения довод, что любая организованная группа является так или иначе структурированной т. е. организованной. Поэтому примененное в законе понятие «структурированная организованная группа» требует пояснения.

В научном сообществе нет однозначной позиции о самом понятии структурированности, и, поскольку данный термин носит оценочный характер, по данному вопросу существуют различные точки зрения.

По мнению некоторых ученых, структурированность – это наличие в составе преступного сообщества структурных подразделений, которые представляют собой группу из двух или более лиц (бригада, звено, группировка и т. д.)². С точки зрения других авторов, структурированность характеризуется стабильностью состава и согласованностью действий³. Кроме этого, в науке уголовного права высказываются позиции, согласно которым данные структурные подразделения могут быть равнозначными и осуществлять однотипные функции в интересах сообщества, но могут быть и неравнозначными и, соответственно, выполнять различные функции⁴.

Законодатель по данному вопросу занимает отдельную позицию. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 понятие «структурированная организованная группа» в п. 3 раскрывается следующим образом: «Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации)»⁵.

---

² Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 282.

³ Шеслер А. В. Уголовное законодательство и судебная практика о преступном сообществе // Акад. вестн. № 1. 2011. С. 152–153.

⁴ Агапов П. В. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. № 6. С. 4.

⁵ О Судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нём [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июля 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Из этого можно сделать вывод, что отличие структурированной организованной группы как вида преступного сообщества от организованной группы состоит в том, что первая состоит из структурных подразделений, т. е. имеет более сложную структуру.

В соответствии с п. 4 под «структурным подразделением» понимается функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации) осуществляет преступную деятельность. Такие структурные подразделения, объединенные для решения общих задач преступного сообщества (преступной организации), могут не только совершать отдельные преступления (дачу взятки, подделку документов и т. п.), но и выполнять иные задачи, направленные на обеспечение функционирования преступного сообщества».

Ряд ученых полагает, что входящие в состав преступного сообщества структурные подразделения являются организованными группами⁶. Высказываются мнения и о том, что структурированная организованная группа, по сути, представляет совокупность организованных групп, действующих под единым руководством⁷.

Такой подход будет означать, что преступное сообщество ничем не отличается от объединения организованных групп. Заметим также, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 прямо не относит структурные подразделения преступного сообщества к организованным группам, называя их группой лиц. Очевидно, тем самым допуская, что структурные подразделения могут иметь форму простой группы.

В настоящее время в литературе часто встречается мнение, согласно которому структурное подразделение преступного сообщества должно рассматриваться исключительно в рамках организованной группы как формы соучастия в преступлении.

Наиболее активным сторонником данной позиции является А. Мондохонов. Он приравнивает структурные подразделения к организованным группам, так как им присущи общие признаки: устойчивость и организованность. В анализируемом Постановлении Пленума Верховного Суда говорится о том, что структурное подразделение характеризуется стабильностью состава и согласованностью действий его членов (характерно для устойчивости).

На наш взгляд, признаки «устойчивость» и «организованность» могут быть в определенной степени присущи структурному подразделению преступного сообщества. Вместе с тем признак «устойчивость» не ограничивается «стабильностью состава и согласованностью действий членов группы».

---

⁶ Тарбагаев А., Челнокова Т. Проблемы квалификации преступлений, совершенных участниками преступного сообщества // Уголовное право. 2012. № 3. С. 61–63.

⁷ Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30–38.

В судебной практике для характеристики устойчивости применяется и ряд других признаков: большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и т. д.

Исходя из изложенного, видится правильным утверждение Ю. А. Цветкова о том, что «структурное подразделение не всегда обладает признаком устойчивости членства: состав участников такого подразделения может изменяться руководством организации без ущерба для выполняемой этим подразделением функции»⁸. Таким образом, структурное подразделение преступного сообщества не всегда может рассматриваться в качестве организованной группы.

Рассмотрим и другие аспекты признака структурированности. Так структурированность организованной группы в качественном аспекте означает, во-первых, функциональную и (или) территориальную обособленность входящих в преступное сообщество структурных подразделений. Во-вторых, наличие в такой группе сложных организационно-управленческих (коммуникативных) связей, отличающихся иерархичностью и устойчивостью. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ отменен приговор в отношении Фардеева и др. в части осуждения по ч. ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием состава преступления, т. к. организованная группа не имела структурных подразделений, характерных для преступного сообщества, «поскольку одни и те же члены организованной группы совершали преступления как в Перми, так и в г. Кирове»⁹.

Следует согласиться с мнением А. Мондохонова, который полагает, что, «по мнению законодателя, если в организованной группе не будет структурных подразделений, то данную группу нельзя рассматривать в качестве преступного сообщества (преступной организации)»¹⁰.

На функциональную и территориальную обособленность структурных подразделений как признак преступного сообщества обращает внимание и Пленум Верховного Суда. Уточняя при этом, что такие структурные подразделения могут не только совершать отдельные преступления, но и выполнять иные задачи, направленные на обеспечение функционирования преступного сообщества (п. 4 ПП от 10 июня 2010 г. № 12). С учетом сложившейся судебной практики иерархичность структурированной организованной группы (вертикальное подчинение) можно определить как не менее чем трехуровневый тип внутригрупповых организационных связей, при котором каждая из нижестоящих ступеней находится в зависимости у вышестоящей ступени (руководитель преступного сообщества (высший уровень), старшие (руково-

---

⁸ Цветков Ю. А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой анализ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5. С. 58–62.

¹⁰ Мондохонов А. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) // Уголовной право. 2010. № 2. С. 51–56.

дители) структурных подразделений такого сообщества (средний уровень), рядовые члены сообщества (низший уровень)). Полагаем, что обычная организованная группа если и обладает иерархичностью, то исключительно двухуровневой (простой): руководитель (высший уровень), исполнитель (низший уровень). В связи с этим В. А. Брсоян и А. А. Крюков справедливо отмечают, что именно трехступенчатая иерархия может послужить формализованным критерием отграничения структурированной организованной группы (преступного сообщества) от организованной группы¹¹.

Вологодский областной суд, квалифицируя действия виновных по ст. 210 УК РФ, указал, что преступное сообщество имело четкую структуру в виде нескольких явно выраженных уровней (звеньев). Высшее звено – руководители, среднее звено – активные участники и руководители отдельных структурных подразделений низовое звено – непосредственные исполнители преступлений¹².

В заключение можно сделать вывод о том, что аспекты территориальной и функциональной обособленности структурных подразделений позволяет отграничить структурированную организованную группу от организованной группы, а также наличие не менее трехуровневой системы. Вместе с тем отметим, что структурные подразделения действуют под единым руководством и в интересах преступного сообщества во исполнение общих преступных целей.

Информация об авторе

Галекбаров Герман Викторович – студент 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

УДК 343.2/.7

Г 93

Т. Е. Губернова,

*студентка 541 группы факультета
внебюджетного образования
ВИПЭ ФСИН России*

Совершенствование законодательства, направленного на пресечение дезорганизации деятельности исправительных учреждений Российской Федерации

В статье раскрываются приёмы законодательного совершенствования и правоприменения норм УК РФ, направленных на пресечение противо-

---

¹¹ Брсоян В. А., Крюков А. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 48.

¹² Приговор Вологодского областного суда в отношении Маслова от 8 февраля 2012 г. Дело № 236/2011.

действия преступных сообществ нормальному функционированию режима исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества (ч. 4 ст. 210 УК РФ, 321 УК РФ), предлагаются варианты изменения их законодательных конструкций.

Ключевые слова: преступное сообщество, дезорганизация, исправительные учреждения, преступная иерархия.

В условиях современности назрела острая необходимость в совершенствовании законодательства, связанного с укреплением режима содержания осужденных в исправительных учреждениях, связанных с отбыванием наказания в виде лишения свободы. Основными мерами противодействия организованной преступности в местах лишения свободы средствами уголовного закона являются правоприменение ст. 321 Уголовного кодекса российской Федерации (УК РФ), предусматривающей уголовную ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества и ч. 4 ст. 210 УК РФ за организацию преступного сообщества и руководство им лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Но обе эти правовые нормы не оказывают достаточной эффективности в своём применении по основаниям:

1. Содержание диспозиции ст. 321 УК РФ не полностью соответствует наименованию предусмотренного ею деяния, так как ограничено вариантами угроз или насилия в отношении осужденных, вставших на путь исправления или сотрудников администрации и их близких в связи с осуществлением ими служебной деятельности. В то же время за гранью криминализации остаётся деятельность лиц высшей преступной иерархии, направленная на создание в системе исправительных учреждений преступных сообществ разного плана для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с организацией бунтов, погромов, захватов заложников и других преступлений, что и является крайней формой дезорганизации их деятельности.

Полагаю, что она должны быть дополнена ч. 4 и 5 следующего содержания:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

4. Организация деятельности, направленной на противодействие администрации исправительных учреждений, связанных с изоляцией осужденных от общества в целях оказания сопротивления в укреплении режима их содержания и сопряжённой с созданием преступного сообщества (преступной организации) или руководства ими лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, – ...

5. Деяние, предусмотренное ч. 4, повлекшее тяжкие последствия, ...»

Конкретными формами и методами осуществления такой деятельности являются следующие действия.

1. На этапе создания преступного сообщества (преступной организации): 1) принятие высокого воровского титула («вор в законе»), «авторитет»,

«смотрящий» или «пахан» от лиц высшей иерархии в преступной среде или наделение данным титулом других лиц¹; 2) формирование состава преступного сообщества (преступной организации) на основе использования кастового деления осужденных из числа лиц, нацеленных на период отбывания наказаний в местах изоляции от общества на активное противодействие администрации в соблюдении установленного вида режима содержания²; 3) вовлечение в состав преступного сообщества (преступной организации) осужденных, имеющих устремление на исправление путём отторжения их от соблюдения установленного вида режима содержания; 4) формирование структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации) на основе конкретных преступных специализаций; 2. На этапе осуществления руководства преступным сообществом: 1) внедрение в сознание участников сообщества правил «воровской морали» и системы «понятий», принятия «воровской клятвы» с целью формирования у них стойкой убеждённости в дальнейшем совершении преступлений и неотвратимости сделанного выбора³; 2) наделение соучастников «воровскими кличками» и системой татуировок для соблюдения конспирации и обезличивания их от остального мира, придания значимости их личности лишь в преступной среде⁴; 3) использование «воровского закона» в качестве идейной основы преступного сообщества и орудия подчинения его участников; 4) формирование органов контроля за функционированием сообщества и его преступной деятельностью, в том числе групп координаторов и «сходки» как коллективного органа для проведения в действие принимаемых решений, связанных с планированием и совершением преступлений и нарушений режима содержания, массовых акций протеста и расправ с лицами, неугодными сообществу; 5) поддержание дисциплины путём реализации через решения «сходки» системы наказаний – «блатных санкций»; 6) создание материальной основы существования преступного сообщества – «общака» и распоряжение его ценностями в интересах сообщества; 7) отчуждение участников сообщества от возможностей получения положительного влияния путём отрыва их от семьи, общественных организаций и общественных мероприятий, от работы в условиях отбывания наказания, исполнения общественных обязанностей; 8) принуждение участников сообщества к совершению акций наказания, чинимых по решениям «сходки» и беспрекословному принятию таких наказаний; 9) организация обучению блатного жаргона как основного языка общения между членами сообщества⁵; 10) формирование преступных специализаций и обучение чле-

---

¹ См.: Дышев С. Воры в законе и авторитеты [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/dibev-sergei/vori-v-z_157/1-vori-v-z_157.html (06.02.2018).

² См.: Там же.

³ См.: Пашкевич А. В. История развития профессиональной преступности [Электронный ресурс]. URL: www.refu.rurefa37/34965/1.html (06.02.2018).

⁴ См.: Энциклопедия преступлений и катастроф. Тюрьмы и наказания / под ред. Т. И. Ревяко. Мн. : Литература, 1996. 576 с.

⁵ Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона / под ред. Д. С. Лихачёва. М. : Края Москвы, 1992. 526 с.

нов сообщества технике совершения различного вида преступлений; 11) толкование правил «воровского закона» в «воровских наказах» в виде требований об изменении правил поведения соучастников в отношениях друг к другу, администрации исправительных учреждений и другим осужденным, указаний о совершении акций неповиновения и расправ с неугодными лицами.

Под тяжкими последствиями следует понимать разрушение объектов жизнеобеспечения исправительных учреждений, производственных зон, ограждений, средств связи. К таким последствиям необходимо отнести и захват заложников, гибель потерпевших, массовые беспорядки на территории учреждения или прилегающей к нему территории и другие опасные действия.

Под субъектом данного состава преступления, как и субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, следует понимать лицо, обладающее признаками: 1) наличием судимостей; 2) следующее в поведении воровским традициям и включённое в касту «блатных»; 3) принявшее высокий воровской титул: «вор в законе», «авторитет», «положенец», «смотрящий» или «пахан» от лиц высшей иерархии в преступной среде⁶; 4;) нацеленное на период отбывания наказаний в местах изоляции от общества осужденных активно противодействовать их администрации в соблюдении установленного вида режима.

В диспозицию ч. 4 ст. 210 УК РФ следует внести уточнение в виде включения специальной цели деяния, изложив её законодательную конструкцию следующим образом:

«Статья 210. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в ней

4. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершённые лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в целях противодействия администрации исправительных учреждений, связанных с изоляцией осужденных от общества в укреплении режима их содержания, ...»

Данные изменения в значительной степени позволят улучшить эффективность правоприменения законодательства, направленного на противодействие негативному влиянию организованной преступности на режим функционирования исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества.

Информация об авторе

Губернова Татьяна Евгеньевна – студентка 541 группы факультета внебюджетного образования ВИПЭ ФСИН России

---

⁶См.: Википедия «Положенцы» и «Смотрящие» [Электронный ресурс]. URL: <https://wikipedia.org/wiki/>; Лисицына Я. Кто такой смотрящий? Подробнее на Elhow [Электронный ресурс]. URL: https://elhow.ru/stati-dlja-vzroslyh/ucება-1/opredelenija-2/kto-takoj-smotrjaschij?utm_source=users&utm_medium=ct&utm_campaign=ct (06.02.2018).

УДК 343.847

Д 13

А. И. Давыдова,

курсант 2 курса ФКОУ ВО
«Воронежский институт
ФСИН России»

**Перспективы повышения эффективности деятельности
уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания
в виде ограничения свободы**

В статье исследуются проблемы правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению уголовного наказания в виде ограничения свободы. Сформулированы предложения по совершенствованию деятельности уголовно-исполнительных инспекций в целях снижения уровня рецидивной преступности среди осужденных.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, исполнение наказания, уголовно-исполнительные инспекции.

В настоящее время ограничение свободы занимает особое место в действующей системе наказаний, поскольку оно является эффективным средством государства в противодействии преступности, а его применение требует действенного организационно-правового обеспечения. Данный вид уголовного наказания исполняется уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ).

Известно, что эффективность деятельности УИИ определяется прежде всего результатами исполнения приговоров и решений (определений) судов, в достижении целей наказания и мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, осужденным к наказаниям без изоляции их от общества¹.

Однако существующие сложности правового регулирования деятельности по исполнению ограничения свободы на законодательном уровне, прежде всего, обусловлены сущностью этого наказания, которое заключается в том, что суд возлагает на осужденного обязанности и ограничения, контроль за исполнением которых осуществляет УИИ. Как свидетельствуют материалы прокурорских проверок, УИИ недостаточно используют предоставленные им права и возложенные на них обязанности при исполнении наказания в виде ограничения свободы.

Эффективность деятельности УИИ, исполняющих наказание в виде ограничения свободы, – это получение оптимальных (наилучших) результатов достижения целей наказания: предупреждения преступлений со стороны осужденных и их исправления, обеспечения соблюдения осужденными ограничений и запретов, установленных судами для данной категории осужден-

---

¹ Тепляшин П. В. Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность. 2011. № 3. С. 38–40.

ных, при наиболее рациональной организации затрат сил, времени их администрацией.

Система электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ) позволяет эффективно обеспечивать контроль за поведением осужденных к ограничению свободы, находящихся на учете в группе риска, склонных к совершению повторных преступлений и иных правонарушений, к уклонению от исполнения возложенных на них судом ограничений и запретов. Например, благодаря постоянному контролю за выполнением возложенной на них судом обязанности находиться по месту жительства в определенное время суток снижается вероятность совершения осужденными к ограничению свободы административных правонарушений, поскольку по статистическим данным 70% административных правонарушений допускается после 21 часа².

Результаты исследования и анализ практики позволяют утверждать о том, что при эффективном исполнении наказания в виде ограничения свободы, при условии постоянного, в том числе электронного контроля за поведением осужденного, осуществляется глубокое и интенсивное воздействие на личность последнего, что способствует реализации восстановительного, исправительного и предупредительного потенциала наказания в виде ограничения свободы и позволяет обеспечить тем самым достижение исправления осужденного, предупреждения совершения им повторного преступления.

В ходе анализа практики работы УИИ установлено, что при исполнении наказания в виде ограничения свободы и использовании оборудования СЭМПЛ возникают проблемы организационного характера, в том числе:

1. В отдельных регионах отмечается недостаточное внимание руководителей территориальных органов к вопросам развертывания системы, без учета оперативной обстановки.

К этому следует добавить, что лишь небольшая часть поступивших в территориальные органы электронных контрольных устройств используется, а остальные к осужденным в виде ограничения свободы не применяются по различным причинам, в том числе из-за неумения сотрудников УИИ правильно эксплуатировать указанное оборудование.

Существуют также проблемы, связанные с условиями эксплуатации СЭМПЛ в России. Например, до сих пор требуют проработки вопросы, когда отсутствует медицинское заключение на ношение электронного браслета, необходимое для определения возможного причинения вреда здоровью (к примеру, влияние на людей с сердечной недостаточностью или использующих специальные электронные средства).

---

² Дубинина О. В. Выявление с помощью электронных средств контроля нарушений порядка отбывания наказания в виде ограничения свободы и использование их в суде при рассмотрении вопросов о замене наказания на лишение свободы : материалы IV Всерос. совещания начальников уголовно-исполнительных инспекций и заместителей начальников территориальных органов ФСИН России, осуществляющих координацию и контроль их деятельности. Геленджик, 2012. С. 78–79.

2. С помощью СЭМПЛ происходит фиксация фактов нарушений осужденными к ограничению свободы, а также обязательное формирование по ним отчетов, отправляемых на стационарный пульт мониторинга.

Отчеты о нарушениях, допущенных осужденными к ограничению свободы, выводятся на печать и могут в последующем являться доказательственной базой в суде при рассмотрении материалов при замене наказания в виде ограничения свободы на более строгое наказание.

Однако на практике в деятельности УИИ существует проблема, связанная с доказыванием в судах фактов нарушения порядка отбывания осужденными наказания в виде ограничения свободы при представлении указанных осужденных к замене ограничения свободы более строгим наказанием – лишением свободы. В ряде случаев суды достаточно критически относятся к результатам фиксации электронными и иными техническими средствами фактов нарушений осужденными к ограничению свободы порядка и условий отбывания наказания. Для решения данной проблемы представляется целесообразным подготовить ФСИН России соответствующие методические рекомендации на уровне управления организацией исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Поскольку перечень задач УИИ непрерывно пополняется, представляется целесообразным создание системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации их сотрудников. На базе образовательных организаций высшего образования ФСИН России возможно установление специализации для подготовки сотрудников УИИ.

Стоит обратить внимание на эксперимент, проведенный Псковским юридическим институтом ФСИН России (в настоящее время Псковским филиалом Академии ФСИН России), на базе которого функционировала подобная лаборатория. К ее функциям относилось распространение передового опыта деятельности УИИ в сфере исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества, на ее базе отрабатывались различные вопросы применения СЭМПЛ. Помимо этого, в лаборатории проводилась профессиональная подготовка сотрудников УИИ, обучение курсантов института, повышение квалификации практических работников УИИ со всех регионов страны. Представляется целесообразным распространение подобной практики в УИС.

Кроме того, большое значение имеет работа по разработке проектов государственных контрактов на создание учебных аудиторий для изучения оборудования СЭМПЛ, а также подготовке методических рекомендаций о порядке его использования.

Стоит отметить, что реорганизация работы личного состава УИИ, а также переход УИИ к новым информационным технологиям контроля и надзора позволит повысить эффективность организации деятельности УИИ по исполнению наказания в виде ограничения свободы.

Предлагается внедрить такие новые способы осуществления контроля над осужденными к ограничению свободы как:

1) голосовая идентификация, которая представляет собой средство голосового контроля, основанного на автоматическом (программном) распознавании голоса осужденного при ответе на телефонный вызов;

2) прямая видеосвязь между инспектором УИИ и осужденным через ведомственную программу ФСИН России³.

Также стоит обратить внимание на необходимость оптимизации структуры управления УИИ, так как в настоящее время она не соответствует задачам, выполняемым личным составом УИИ. По мнению ФСИН России, при возложении новой функции на УИИ необходимо также рассмотреть вопрос об увеличении штатной численности УИИ⁴.

В заключение хотелось бы еще раз отметить необходимость внедрения определенного материально-технического оснащения в УИИ, а также уточнения некоторых законодательных формулировок (например, с помощью судебного толкования), касающихся такого вида наказания, как ограничение свободы.

Информация об авторе

Давыдова Алена Игоревна – курсант 2 курса ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России» (Воронежский институт ФСИН России).394002, г. Воронеж, ул. Урывского, д. 15А, кв. 16, e-mail: dalena97@mail.ru

УДК 343.3/7
Д 13

А. А. Давыдов,
магистрант 1 года обучения
Юридического института
Иркутского государственного
университета

Предмет легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём: проблемы квалификации

В статье анализируются проблемы такого криминообразующего признака преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ как предмет легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём. Также, в статье рассматривается возможность отнесения криптовалют к предмету легализации (отмывания)

---

³Воробьев М. В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде ограничения свободы с использованием средств электронного мониторинга. М., 2015. С. 23–24.

⁴Никитина Т. Н. Совершенствование нормативно-правовой основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Сборник материалов V Всероссийского совещания начальников уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России 19–20 июня 2014 г. Казань, 2014. С. 112.

денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём.

Ключевые слова: легализация, отмывание, криптовалюты.

Вопрос о сущности такого обязательного признака легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём, как предмет преступления, является в доктрине уголовного права достаточно сложным и дискуссионным.

Предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, определяется диспозициями указанных статей как «*денежные средства или иное имущество, приобретенное преступным путём*». Такая формулировка делает диспозиции рассматриваемых статей бланкетными, отсылая нас для понимания значения предмета преступной легализации к иным законодательным актам и актам Верховного Суда РФ.

Для точного уяснения правовой природы предмета преступной легализации, важно проанализировать ряд проблемных вопросов, возникающих при квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём.

Первый из таких вопросов заключается в определении преступного происхождения предмета посягательства, если такой предмет имеет родовые признаки (например, безналичные денежные средства).

Долгое время рассматриваемая проблема оставалась актуальной, однако ее решение пришло вместе с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32, которые в п. 3 предписывают, что при смешении не имеющих индивидуально-определенных признаков денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), с однородным правомерно приобретенным имуществом (например, при зачислении на банковский счет денежных средств из разных источников) последующее совершение финансовых операций или сделок с таким имуществом подлежит квалификации по ст. 174 или ст. 174¹ УК РФ в размере, соответствующем сумме денежных средств либо стоимости иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления).

Далее следует вопрос: какую правовую форму имеют денежные средства в российской или иностранной валюте приобретенные преступным путем, размещенные на банковских счетах и банковских вкладах: форму «денежных средств» или «иного имущества»? По мнению Ганихина А. А., в гражданском праве России общепринятым является подход, заключающийся в том, что у вкладчиков банков нет вещных прав на денежные средства, находящиеся на счетах банков и на банковских депозитах, а есть лишь имущественные права требования к банкам. Следовательно, рассматриваемые денежные средства следует относить скорее к «иному имуществу», нежели к

«денежным средствам»¹.

Следующей проблемой уголовно-правовой квалификации преступной легализации, является вопрос о том, не исчезает ли предмет легализации (к примеру, в виде денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления) при его «смешивании» с денежными средствами, полученными легальным путём. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример: А., в результате карманной кражи, незаконно приобрел 1000 рублей и положил их в карман, где уже находились 1500 рублей, заработанные им в ходе дневной рабочей смены по месту легального трудоустройства. Затем А. пошел в магазин, и купил продуктов на 1300 рублей, таким образом «смешав» их с легально приобретенными денежными средствами. Как полагает П. С. Яни, такое имущество, если его преступный статус не изменен в установленном законом порядке (например, если имущество не возвращено собственнику, не обращено в доход государства (в силу ст. 169 Гражданского Кодекса Российской Федерации)², не конфисковано) – навсегда остается наделенным способностью стать предметом легализации преступно приобретенного имущества даже за пределами срока давности привлечения к ответственности за предикатное преступление³.

Ещё одной проблемой квалификации преступной легализации выступает вопрос о том, являются ли предметом преступной легализации предметы, ограниченные в гражданском обороте. Пленум Верховного Суда РФ решил проблему в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07 июля 2015 г. № 32 указывая, что если имущество, приобретенное преступным путем (в результате совершения преступления), ограничено законом в гражданском обороте и ответственность за его незаконный оборот предусмотрена одной из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (в частности, статьями 186, 191, 220, 222, 222¹, 228¹ УК РФ), то совершение с ним сделки в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению следует квалифицировать только по соответствующей статье как приобретение либо сбыт оружия, боеприпасов, наркотических средств и т. д. без совокупности со ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, являются ли предметом преступной легализации цифровые валюты (криптовалюты). Рассмотрена указанная проблема будет на примере такой криптовалюты как Bitcoin, поскольку правовой статус всех криптовалют на сегодняшний день по законодательству Российской Федерации одинаков.

Bitcoin является пиринговой электронной платёжной системой, исполь-

---

¹ Ганихин А. А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2003. С. 80.

² Гражданский кодекс Российской Федерации Часть первая [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : с изм. от 07 февр. 2017 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (10.04.2017).

³ Яни П. С. Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. 2012. № 10. С. 22.

зующей одноимённые единицы для учёта. Природа биткоина заключается в том, что это протокол, сеть, валюта и язык транзакций. Обычно Bitcoin понимается в узком смысле, как цифровая валюта, однако понятия «цифровой валюты» в Российских нормативно-правовых актах нет. Отнести Bitcoin к иностранным валютам, также не представляется возможным, поскольку указанная криптовалюта не отвечает таким законодательно установленным признакам иностранной валюты как «являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств)» и «средства в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах», так как эмиссия биткоина не осуществляется органом власти какого-либо государства и биткоин не является денежной единицей какого-либо иностранного государства.

Правовая природа биткоина законодательством Российской Федерации никак не определена. Единственными «защепками» для правовой квалификации указанного явления могут послужить предупреждение ЦБ РФ от 27 января 2014 года, в котором говорится о том, что «согласно статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается»⁴, из чего можно сделать вывод, что позиция Банка России заключается в том, что Bitcoin это денежный суррогат, но никак не иностранная валюта и даже не платежное средство.

В последующем, 6 февраля 2014 года Федеральная служба по финансовому мониторингу выпустила Информационное сообщение «Об использовании криптовалют», в котором разъяснил, что использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма⁵.

Несмотря на приведенную позицию Росфинмониторинга, можно утверждать, что криптовалюта в Российской Федерации в настоящий момент является денежным суррогатом, в современных реалиях её нельзя отнести к «безналичным и электронным денежным средствам» и предмету легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём в целом. Из этого следует, что легализация криптовалюты, добытой преступным путём, составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, не образует.

---

⁴ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.html (06.02.2018).

⁵ Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» [Электронный ресурс]. URL: <http://fedsfm.ru/news/957> (06.02.2018).

Информация об авторе

*Давыдов Артём Алексеевич – магистрант 1 курса Юридического института Иркутского государственного университета.
664017, г. Иркутск, ул. Помяловского, 28, 18,
e-mail: aadavydov1@gmail.com*

**УДК 343.6
Д 31**

В. А. Демченко,

*студент 1 курса ЮИ ИГУ,
помощник прокурора Кузнецкого района
г. Новокузнецка Кемеровской области*

Халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности: характеристика объективной стороны преступления

В статье рассматриваются особенности объективной стороны халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности. Автором осуществляется критический анализ доктринальных концепций ответственности медицинских работников, ненадлежащим образом осуществляющих свои профессиональные обязанности по сохранению жизни и здоровью пациентов.

Ключевые слова: халатность, медицинский работник, ятрогенные преступления.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, ситуация с количественным показателем смертности в Российской Федерации находится на весьма критичном уровне¹. Данному обстоятельству способствуют различные факторы, одним из которых является высокий уровень смертности в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи пациентам.

В медицинской и юридической литературе существует немало позиций относительно оптимального определения ненадлежащего оказания медицинских услуг². Не вдаваясь в существующую дискуссию, в качестве терминологической основы обозначения так называемого дефективного оказания медицинской помощи пациентам воспользуемся такой дефиницией как «халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной дея-

---

¹ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (15.01.2018).

² Кудаков А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2011. С. 8.

тельности»³.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) под уголовно-правовую охрану на первое место поставил общественные отношения в сфере жизни и здоровья личности, предусмотрел всевозможные варианты на ее посягательство, но, тем не менее, обошел стороной основания привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за халатное осуществление своих профессиональных обязанностей, повлекшее причинение пациентам различной степени тяжести вреда здоровью либо наступление смерти.

Указанный законодательный пробел порождает самые серьезные последствия как в судебно-следственной деятельности, так и в деятельности самих медицинских работников. Например, в практике следственных и судебных органов нередко происходят ошибки при производстве юридической оценки халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности. Так, при аналогичных ситуациях наступления общественно опасных последствий, вызванных ненормативными действиями медицинских работников, правоприменителями квалификация содеянного осуществляется в диапазоне ст. ст. 109, 118, 124, 293 УК РФ, что безусловно не соответствует правильному и единообразному применению уголовно-правовых норм⁴. Отсутствие в УК РФ специализированной нормы вырабатывает у недобросовестных медицинских работников чувство собственной безнаказанности за совершаемые деяния, а значит, превентивная функция уголовного закона не выполняется. Указанное, безусловно, является основанием для законодательной корректировки в этой части. В России назрела необходимость выработки действенного механизма реализации уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный жизни или здоровью пациентов, вследствие ненадлежащего осуществления своих профессиональных обязанностей.

Сказанное определяет актуальность рассмотрения вопроса о криминообразующих признаках объективной стороны халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в целях выработки концепции необходимой Уголовному кодексу Российской Федерации специализированной нормы⁵.

Учитывая повышенную сложность в процессе производства уголовно-правовой оценки объективной стороны ненадлежащего оказания медицинской помощи пациентам медицинскими работниками, в рамках настоящего исследования рассмотрим именно этот элемент состава преступления.

При характеристике общественно опасного деяния как обязательного

---

³ Демченко В. А. Понятие халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в уголовном праве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 409. С. 166.

⁴ Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестн. Рос. правовой акад. 2013. № 2. С. 66.

⁵ Демченко В. А. Халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности : уголовно-правовой аспект // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. 2016. С. 299.

признака объективной стороны состава преступления, следует сказать, что ненадлежащее осуществление профессиональной деятельности медицинскими работниками возможно в двух классических формах общественно опасного деяния – действии (активная форма) и бездействии (пассивная форма). Например, активную форму будет характеризовать неправильно поставленный врачом диагноз болезни пациента, ненадлежащим образом проведенное оперативное вмешательство и тому подобные действия; пассивную форму образуют такие акты бездействия как неоказание медицинской помощи пациенту, игнорирование необходимости мер оперативного вмешательства и так далее

Халатность медицинских работников характеризуется осуществлением врачевания вопреки порядкам и стандартам осуществления медицинской деятельности⁶. Указанные порядки и стандарты медицинской помощи утверждаются приказами министра здравоохранения Российской Федерации по отдельным категориям болезней, согласно Международному классификатору болезней (МКБ-10).

В указанных нормативных актах главы Минздрава России описывается подробный порядок осуществления диагностических мероприятий, непосредственно лечебная деятельность, а также меры по предотвращению заболеваний. Кроме того, ими устанавливается последовательность необходимых действий, меры, к которым должен прибегнуть медицинский работник, необходимые для сохранения жизни и здоровья пациента. Впрочем, нельзя не признать того факта, что не каждый порядок и стандарт медпомощи может в полной мере охватить рядовую ситуацию обращения (поступления) пациента за оказанием медицинской помощи, а уж тем более ситуацию экстренного характера. Нередко медицинским работникам приходится применять творческий подход в процессе осуществления профессиональной деятельности, так как порядки и стандарты медицинской помощи в полной мере не регулируют определенные ситуации, возникающие в медицинской практике. В таком случае процедура медицинской деятельности должна осуществляться согласно общемедицинским правилам оказания врачебной помощи пациентам. Безусловно, пределы таких общих начал медпомощи не имеют четких границ, носят весьма условный характер, но, тем не менее, благодаря общим правилам медицинской деятельности медицинские работники преодолевают существующие нормативные пробелы порядков и стандартов медицинской помощи.

Таким образом, уголовно-наказуемое деяние медицинских работников будет образовывать такое действие (бездействие), которое противоречит установленным порядкам и стандартам медицинской помощи, а в некоторых случаях – правилам (методикам) медицинской деятельности, имеющим общемедицинский характер.

Общественно опасное последствие халатности медицинских работни-

---

⁶ URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/stranitsa-983> (15.01.2018).

ков при осуществлении профессиональной деятельности образует наступление неблагоприятных последствий для пациента, выражающихся в причинении потерпевшему вреда здоровью либо смерти.

Анализ уголовно-правовых норм гл. 16 УК РФ позволяет прийти к выводу о том, что по общему правилу уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда здоровью человека предусмотрена только в тех случаях, если характер такого вреда является тяжким (ст. 118 УК РФ). Однако, ч. 1 ст. 124 УК РФ в качестве криминообразующего признака называет общественно опасное последствие, выразившееся в причинении больному по неосторожности средней тяжести вреда здоровью вследствие не оказания помощи без уважительных причин. Таким образом, на сегодняшний день причинение вреда здоровью по неосторожности (в рамках гл. 16 УК РФ) формально является уголовно-наказуемым, если такой вред здоровью, в соответствии с медицинскими критериями, квалифицируется как тяжкий либо средней тяжести вред здоровью.

Учитывая особую общественную опасность халатности медицинских работников – лиц, которым по долгу службы вверена чужая жизнь и здоровье, лицам, имеющим специальную профессиональную подготовку, представляется абсолютно логичным и обоснованным, что уголовно-наказуемым общественно опасным последствием ненормативной деятельности медицинских работников следует считать такие последствия, которые выразились в причинении пациенту средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, а также смерти пациента.

Причинно-следственную связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием, согласно утвердившейся в доктрине уголовного права и практики его применения, образует явление реальной действительности (действие/бездействие медицинского работника), закономерно вызвавшее наступление определенного последствия (вред жизни или здоровью пациента).

Не вдаваясь в бурную многолетнюю дискуссию между отдельными учеными-юристами, философами и другими представителями научной мысли, выразим солидарность указанной теории причинно-следственной связи в уголовном праве.

Для того чтобы признать деяние работника сферы здравоохранения преступными необходимо, чтобы действие (бездействие) такого медицинского работника прямо повлиало на причинение вреда жизни или здоровью пациента. Скажем, неправильно поставленный диагноз сказался на неверном выборе способа лечения пациента, что в конечном итоге выразилось в наступлении, например, средней тяжести вреда здоровью. Или, оставленный во время операции в брюшной полости пациента ватный тампон, вызвал перитонит и, как следствие, смерть такого пациента. В описанных случаях наблюдается прямая причинно-следственная связь, указывающая на то, что деяние непосредственным (закономерным) образом повлекло наступление общественно опасного последствия. И, напротив, не будет являться преступ-

ным ненормативное действие медицинского работника, но прямо не повлиявшее на причинении пациенту вреда жизни или здоровью. К примеру, врач, пренебрегая установленным порядком и стандартам оказания медицинской помощи, производит медицинские манипуляции, полагаясь на свое «внутреннее чутье», но тем не менее вред жизни (здоровью) пациента наступает вследствие халатного отношения к собственному здоровью самого пациента

Таким образом, между общественно опасным деянием медицинских работников и общественно опасным последствием должна существовать прямая причинно-следственная связь.

Проведенный анализ признаков объективной стороны халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности позволяет прийти к следующим выводам.

1. Общественно опасным деянием медицинских работников является такое действие (бездействие), которое противоречит установленным порядкам и стандартам медицинской помощи, а в некоторых случаях – правилам (методикам) медицинской деятельности, имеющим общемедицинский характер.

2. Уголовно-наказуемым общественно опасным последствием ненормативной деятельности медицинских работников следует считать такое последствие, которое выразилось в причинении пациенту средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, а также смерти пациента

3. И, наконец, причинно-следственная связь между деянием и наступившим общественно опасным последствием должна носить прямой (закономерный) характер.

Представляется, для того, чтобы решить существующие проблемы правоприменительной деятельности в рамках гл. 16 УК РФ необходимо предусмотреть специальную норму, предусматривающую основания уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный жизни или здоровью пациентов⁷.

Информация об авторе

Демченко Василий Александрович – студент 1 курса Юридического института Иркутского государственного университета (ЮИ ИГУ), помощник прокурора Кузнецкого района г. Новокузнецка Кемеровской области.

664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 10,

email: vasilij.demchenko.1996@mail.ru.

---

⁷ Пархоменко С. В., Демченко В. А. К вопросу о криминообразующих признаках халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности // Глаголь правосудия, 2016. № 2 (12). С. 36.

УДК 343.233
Д 58

А. И. Довбня,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

**Анализ российской правоприменительной практики
по вопросу признания деяния малозначительным**

В статье анализируются проблемы малозначительности деяния как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Малозначительность рассматривается во взаимосвязи с понятием преступления, общественной опасности как признака преступления. На основании теоретических положений и практики федеральных округов Российской Федерации делается вывод о том, как в настоящее время решается вопрос о квалификации содеянного с применением положений, указанных в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: малозначительность деяния, общественная опасность, состав преступления, судебная практика, квалификация.

На сегодняшний день малозначительность деяния является одной из наиболее сложных для уяснения категорий в теории уголовного права и правоприменительной практике. В доктрине отсутствует определение понятия малозначительности, нет единства в понимании её критериев и границ. Налицо плюрализм подходов к данным вопросам в теории.

В частности, нерешенным на сегодняшний день остаётся вопрос: может ли признаваться малозначительным деяние, содержащее квалифицирующие признаки преступления? Предлагается рассмотреть этот вопрос на примере хищения.

Н. В. Вишнякова считает, что деяния, содержащиеся в частях 2, 3 и 4 ст. 158 УК РФ не могут быть признаны малозначительными, так как на это указывает положение ст. 7.27 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В данной статье говорится о том, что мелким хищением может быть признана, например, только такая кража, которая подпадает под признаки ч. 1 ст. 158 УК РФ. Таким образом, части 2, 3 и 4 в случае причинения ущерба в сумме менее 2500 рублей, всё равно не будут подпадать под действие КоАП. Если же их признать малозначительными, то они останутся вовсе ненаказуемыми, что, по мнению автора, недопустимо¹.

И. Г. Рагозина полагает, что любое деяние, содержащее в себе квалифицирующий признак, не может быть признано малозначительным в силу повышенной общественной опасности².

---

¹ Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск. 2008. С. 219.

² Рагозина И. Г., Бражников В. В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1(30). С. 42–46.

Однако закон живет в практике его применения, а потому важно уяснить, как положения ч. 2 ст. 14 УК РФ применяются судами в тех ситуациях, которые мы обозначили. Такой анализ позволяет обнаружить, что распространённые в доктрине утверждения отнюдь не являются превалирующими и не принимаются безоговорочно.

С одной стороны, распространены обвинительными приговоры по фактам хищений с квалифицирующими признаками, где причинённый ущерб мог быть признан малозначительным, но суды отказались от применения ч. 2 ст. 14 УК РФ. Например, гражданин Ф. тайно похитил из сумки спящего потерпевшего 3,5 л пива, а также сотовый телефон. Потерпевшему был причинён ущерб в размере 2 336 рублей 43 копейки. Суд не согласился с мнением защитника и не нашёл в действиях подсудимого признаков малозначительности, аргументируя это тем, что имущество было похищено не просто у спящего человека, а из ручной клади, т. е. при наличии квалифицирующего признака. Ф. был осужден по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ³.

Но не менее распространёнными являются и решения, подобные следующему. К., С. и К. тайно похитили с поля ООО «Зерновая компания» 390 початков гибрида кукурузы, общей стоимостью 3900 рублей. Суд указал, что вред, причинённый в результате хищения кукурузы, не является существенным для ООО «Зерновая компания» (данные о существенности вреда не были добыты на предварительном следствии, не были обнаружены ни в заявлении генерального директора, ни в обвинительном заключении). К., С. и К. были оправданы за отсутствием в их действиях состава преступления⁴.

Если все варианты правоприменительных решений о признании или непризнании деяний малозначительными при наличии квалифицирующих признаков распределить по месту их принятия, то обнаруживается четкий региональный характер правоприменительной практики. С некоторыми исключениями практика может быть разделена даже по федеральным округам.

Так, суды Центрального, Приволжского, Северо-Западного и Северо-Кавказского федеральных округов склонны признавать хищения малозначительными, невзирая на наличие квалифицирующих признаков.

Д. незаконно проник в помещение, откуда тайно похитил 50 кг картофеля общей стоимостью 500 рублей. Петрозаводский городской суда республики Карелия решил, что сумма ущерба не является значительной и производство по делу прекратил ввиду малозначительности деяния⁵. Буйнакский районный суд республики Дагестан прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления ввиду малозначительности деяния по факту незакон-

³ Приговор Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 08 авг. 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-salexardskij-gorodskoj-sud-yamalo-neneckij-avtonomnyj-okrug-s/act-558073187> (06.02.2018).

⁴ Приговор Борисовского районного суда Белгородской области от 31 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-borisovskij-rajonnyj-sud-belgorodskaya-oblast-s/act-100234094> (06.02.2018).

⁵ Приговор Петрозаводского городского суда республики Карелия от 12 нояб. 2012 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-petrozavodskij-gorodskoj-sud-respublika-kareliya-s/act-107025696> (06.02.2018).

ной врезки гражданином Н. Б. Н. в тело газопровода низкого давления и совершенного таким способом хищения газа общим объёмом 559 кубических метров, стоимость которого составила 3523 рубля 88 копеек⁶.

Противоположную позицию занимают суды Южного, ряда субъектов Сибирского, Уральского и суды Дальневосточного федеральных округов.

Г. проник в жилище и тайно похитил из него сыр Гауда 200 грамм, причинив собственнику ущерб в размере 168 рублей 90 копеек. Центральный районный суд г. Волгограда не усмотрел оснований для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, так как, по его мнению, тяжкое преступление – кража с незаконным проникновением в жилище – не может быть признано малозначительным. В связи с этим Г. был осуждён по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁷. С такими же аргументами выносились обвинительные приговоры по краже сотового телефона стоимостью 1000 рублей⁸, по краже половины бутылки водки стоимостью 120 рублей, алюминиевых ложек и вилок стоимостью 70 рублей – все с незаконным проникновением в жилище.

Есть и такие регионы, где хищение признают малозначительным, но квалифицирующему обстоятельству придают самостоятельное значение. Это Республика Башкортостан (Приволжский федеральный округ), Калужская и Ивановская области (Центральный федеральный округ), а также Республика Коми (Северо-западный федеральный округ). А., не обнаружив никого в доме, беспрепятственно проник в жилище, где сварил себе макаронные изделия – вермишель, заварил чая, покушал и ушёл. Потерпевшей был причинён ущерб в размере 103 рубля. Суд не усмотрел в действиях подсудимого признаков состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, признав хищение малозначительным, однако осудил А. по ч. 1. ст. 139 УК РФ за нарушение неприкосновенности жилища⁹. И. заметив, что дверь в квартиру потерпевшей не заперта, проник в жилище, увидел на кухне мясо и картошку, сложил их в пакет и направился к выходу. В этот момент его обнаружил потерпевшая. Суд установил, что ущерб, который составил 495 рублей, не является для потерпевшей значительным и содеянное не представляет общественной опасности. Однако И. был осуждён судом по ч. 1 ст. 139 УК РФ¹⁰.

---

⁶ Приговор Буйнакского районного суда республики Дагестан от 08 дек. 2017 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-bujnaskij-rajonnyj-sud-respublika-dagestan-s/act-567966706> (20.01.2018).

⁷ Приговор Центрального районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 08 авг. 2013 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-455927013> (20.01.2018).

⁸ Приговор Половинского районного суда Курганской области от 12 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-polovinskij-rajonnyj-sud-kurganskaya-oblast-s/act-458133359> (20.01.2018).

⁹ Приговор Людиновского районного суда Калужской области от 18 февр. 2013 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VgIHDI3QacV6> (20.01.2018).

¹⁰ Приговор Салаватского городского суда республики Башкортостан от 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yaDGSEXDbpbu> (20.01.2018).

Региональная разрозненность правоприменительной практики связана, по всей видимости, с отсутствием единой позиции по вопросам малозначительности деяния в доктрине.

Примечательным является и тот факт, что среди правоприменителей по рассматриваемой проблеме официально высказался лишь Иркутский областной суд. Он разработал рекомендации для судов по применению положения, указанного в ч. 2 ст. 14 УК РФ¹¹:

«1) в каждом конкретном случае рассматривать вопрос о возможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ;

2) выяснять о принятии мер органами дознания, предварительного следствия к установлению социальной опасности содеянного лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности;

3) тщательно анализировать фактические обстоятельства дела с приведением в приговоре мотивированных суждений, по которым суд пришел к выводу о том, что деяние является или не является малозначительным, и после этого приходиться к выводу о виновности либо невиновности лица»¹².

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что при едином уголовном законе и правовом пространстве подход к признанию деяния малозначительным напоминает юридическую систему Соединённых Штатов Америки: пересекая границы одного субъекта и попадая в другой содеянное то является тяжким преступлением, то не представляет общественной опасности и преследование за него считается незаконным.

Информация об авторе

Довбня Алина Игоревна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664056, г. Иркутск, ул. Дальневосточная, 29/3, e-mail: ljaka_97@bk.ru

УДК 343.3/.7

Е-91

К. Э. Ефимушкина,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу о присвоении найденного в уголовном праве России

В статье анализируются проблемы ответственности за присвоение найденного имущества. Автором разъясняется в каких случаях содеянное

---

¹¹ Не бесспорные с точки зрения некоторых правоведов и судов, поскольку признанию деяния малозначительным, по мнению этого суда, не препятствуют ни имеющиеся судимости, ни квалифицирующие признаки хищения, ни открытый способ изъятия имущества.

¹² Справка о результатах обобщения судебной практики применения положений части 2 статьи 14 УК РФ (малозначительность деяния) [Электронный ресурс] // Иркутский областной суд. URL: http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (20.01.2018).

необходимо оценивать как кражу, а в каких нормы об ответственности за хищение неприменимы. Предлагаются решения существующих проблем квалификации.

Ключевые слова: преступления против собственности, кража, присвоение найденного, самоуправство, забытая вещь.

В настоящее время весьма сложным остается вопрос о признании преступления в действиях лица, присвоившего найденное имущество. Неразрешенность рассматриваемого вопроса обуславливается тем, что по сравнению с Уголовным Кодексом РСФСР в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) отсутствует норма, которая предусматривала бы ответственность за неправомерное присвоение найденного имущества и обращение его в свою собственность. В этой связи органы предварительного расследования, при отсутствии в УК РФ конкретной нормы, стали вменять ст. 158 УК РФ, и, как следствие, суды стали выносить оправдательные приговоры. При этом участились случаи, когда участковые оперуполномоченные рассматривают как присвоение найденного деяния, очевидно содержащие признаки тайного хищения чужого имущества.

В соответствии с принципом законности, предусмотренном в ст. 3 УК РФ, не допускается применение уголовного закона по аналогии, т. е. в случаях схожих, однако не содержащих всех признаков состава преступления. Ст. 8 УК РФ, в свою очередь, свидетельствует о том, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом»¹, следовательно, отсутствие хотя бы одного из признаков состава преступления исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Что касается составов хищений, то такие признаки раскрываются в примечании к ст. 158 УК РФ.

Затруднения возникают при таких обстоятельствах, когда собственник теряет или забывает свое имущество, а нашедший данную вещь, нарушая нормы гражданского законодательства, присваивает ее себе. Так, наглядным является обвинительный приговор Спасского районного суда Приморского края от 16 апреля 2015 года в отношении гр. Ф., осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к двум годам лишения свободы условно за то, что тот присвоил и распорядился сотовым телефоном стоимостью 6 тыс. руб., оставленным собственником ночью на скамейке возле подъезда жилого дома².

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) устанавливает ряд объектов, которые не обладают признаками предмета хищения: бесхозяйные вещи (ст. 225 ГК РФ), движимые вещи, от которых собственник

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 31 дек. 2017 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Приговор Спасского районного суда Приморского края от 16 апр. 2015 г. № 22-4619/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/pHqmTvjeoLVj/?regular-txt=22-4619&regular-case_doc=&regular-doc_=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court (23.01.2018).

отказался (ст. 226 ГК РФ), а также находка (ст. 227 ГК РФ). Объясняется это тем, что бесхозные вещи и движимые вещи, от которых отказался собственник, по юридическим свойствам не являются «чужим имуществом» для лица, изымающего либо обращающего предметы в свою собственность, следовательно, они не могут выступать в качестве предмета хищения по ст. ст. 158–162 УК РФ. Найденные же вещи, присваиваемые обнаружившим лицом, несомненно, являются для него «чужими», однако и они не могут быть предметом хищения, поскольку в момент обнаружения имущества оно уже было утрачено собственником³. Полагаем, что для признания наличия в действиях лица признаков состава хищения, помимо прочих, необходимо установить следующие нижеизложенные факты.

Прежде всего, деяние должно проявляться в активных действиях, направленных на получение возможности распоряжаться чужим имуществом и состоящих в извлечении его из владения, пользования, распоряжения собственника. Указанный признак применительно к составу кражи (ст. 158 УК РФ) реализуется только путем активных действий и не предусматривает пассивной формы поведения, например, когда лицо видит, как человек уронил или забыл свой мобильный телефон, однако не сообщает ему об этом, а после убытия собственника присваивает потерянное имущество⁴.

С субъективной стороны необходимо учитывать, что хищение совершается только с корыстной целью. Такая цель должна присутствовать у лица непосредственно в момент выполнения объективной стороны преступления, т. е. завладения имуществом, и направлять его действия по изъятию, а не возникнуть в момент обнаружения вещи или после того, как он ее нашел. Если брать во внимание тот факт, что утрата имущества происходит при отсутствии активных действий, направленных на изъятие имущества собственника, в таком случае и умысла на завладение имуществом в момент утраты ее собственником быть не могло. Это прослеживается в решении Суда Ямало-Ненецкого автономного округа, отменившего приговор и кассационное определение суда первой инстанции на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления. Так, суд установил, что «телефон выбыл из фактического владения потерпевшей до того, как был обнаружен осужденным С. В связи с этим, следует признать, что у осужденного С. отсутствовал умысел на тайное хищение чужого имущества, а его действия, выразившиеся в удержании у себя телефона потерпевшей, следует расценивать как присвоение найденного чужого имущества»⁵. Таким образом, при отсутствии всех признаков тайного хищения чужого имущества невозможно привлечь к уголовной ответственности лицо, нашедшего потерян-

³ Никитин А. В. Находка вещи: правовые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 4. С. 51–58.

⁴ Васильев Д., Васильев С. Находка или кража? // Законность. 2007. № 9. С. 32–34.

⁵ Надзорное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.%20php?name=bsr&op=print_text&c%20l=1&=89400001110171617312211000285376 (23.01.2018).

ный собственником имущественный объект и присвоившего его себе.

Более того, необходимо отличать потерянные вещи от забытых. Последние находятся в месте, известном собственнику (законному владельцу), и он имеет возможность за ними вернуться, возратить их. Важно, что забытые вещи могут признаваться предметом хищения только в том случае, если виновный осознавал, что собственник вернется за этой вещью. Об этом могут свидетельствовать такие обстоятельства, как место, где вещь забыта, состояние вещи, истечение времени с момента оставления вещи и др.⁶ Таким образом, завладение вещью, забытой собственником в известном ему месте (в гостинице, купе вагона, здании учреждения и т. д.), служит основанием для квалификации содеянного как хищение, так как виновный осознавал, что имущество не является утраченным, потерянным и собственник имеет возможность возвратиться за своей вещью.

Подытоживая, нельзя не отметить очевидную опасность неправомерного завладения забытым, оставленным или потерянным имуществом. В результате отсутствия единого подхода к решению вопроса об уголовной ответственности за присвоение найденного право собственности, гарантированное Конституцией Российской Федерации, не может считаться защищенным надлежащим образом. К тому же, учитывая массовый характер рассматриваемого явления, полагаем, что УК РФ нуждается во включении самостоятельного состава «Присвоение найденного», предусматривающего ответственность за неправомерное присвоение найденного имущества и обращение его в свою собственность.

Информация об авторе

Ефимушкина Кристина Эдуардовна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

664039 г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: efimushkina.kristina@mail.ru

УДК 343.237

Ж 35

И. А. Жарких,

*магистрант 2 года обучения
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Неосторожная форма вины при совместной преступной деятельности

В статье анализируется институт неосторожного сопричинения вреда и возможность его интегрирования в российское уголовное законода-

---

⁶ Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М., 2007. С. 66.

тельство. Автор критикует нормы частей 3 и 4 статьи 263¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании анализа и обобщения российской судебной практики и зарубежной практики делается вывод о возможности заимствования института неосторожного сопричинения.

Ключевые слова: неосторожное сопричинение вреда, форма вины, соучастие, неосторожное преступление, дифференциация ответственности, нарушение требований в области транспортной безопасности, уголовный закон.

Вопрос о возможности оценки деяния лиц, совместно совершивших неосторожное преступление, как соучастия поднимался уже давно. Косвенно проблема неосторожного сопричинения была затронута еще в уголовно-правовой науке конца XIX в. Согласно так называемой объективной теории соучастия, представителями которой являлись Г. Е. Колоколов и Н. Д. Сергеевский, соучастие как таковое возможно не только в умышленных деяниях, но и в неосторожных¹. Кроме того, вопрос о неосторожной форме вины в соучастии обсуждался и в науке уголовного права советского периода.

Без всяких сомнений, что совместная преступная деятельность двух и более лиц возможна не только в рамках соучастия, но и при неосторожной форме вины. Так, например, приговором Самарского областного суда Олег Зубков и Андрей Лапанов признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 263 УК РФ.

Судом установлено, что командир воздушного судна Олег Зубков и второй пилот Андрей Лапанов 17 марта 2007 года на аэродроме «Курумоч» города Самары Самарской области, обязанные в силу занимаемой должности соблюдать правила безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, при пилотировании воздушного судна ТУ-134А, допустили при посадке самолета опасное сближение с землей и не «ушли на второй круг», что повлекло полное разрушение самолета, гибель шести пассажиров и причинение двадцати восьми лицам вреда здоровью различной степени тяжести².

Случаи, при которых неосторожное преступление совершается несколькими лицами, совместные действия которых взаимообусловлены и приводят к наступлению единого последствия, имеющего уголовно-правовое значение, в доктрине уголовного права получили название неосторожного сопричинения вреда.

---

¹ См., напр.: Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М. : Унив. тип. М. Каткова, 1881. С. 89 ; Салимгареева А. Р. Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 53–59.

² Вынесен приговор командиру воздушного судна ТУ-134А Олегу Зубкову и второму пилоту Андрею Лапанову, признанными виновными в нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта [Электронный ресурс] // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области : официальный сайт. URL: <http://samara.sledcom.ru/news/item/738567> (15.01.2018).

Такие случаи неосторожного сопричинения вреда на практике не единичны. В настоящее время в связи с развитием научно-технического прогресса риск катастроф увеличивается масштабными темпами. Как правило, такие катастрофы происходят по вине определенных лиц, обязанных в силу занимаемой должности выполнять и соблюдать требования соответствующих инструкций по эксплуатации объекта, ведению работ и т. д. Так, например, 10 июля 2011 г. в Куйбышевском водохранилище в районе села Сюкеево Камско-Устьинского района Республики Татарстан произошло крушение теплохода «Булгария», получившее широкую огласку. В результате погибли 122 человека.

В июле 2014 г. приговором Московского районного суда города Казани были осуждены С. Инякина – по ч. 2 ст. 238, ч. 3 ст. 143 УК РФ, Р. Хаметов – по ч. 2 ст. 238, ч. 2 ст. 263 УК РФ, В. Семенов – по ч. 3 ст. 285 УК РФ, Я. Ивашов – по ч. 3 ст. 285 УК РФ, И. Тимергазеев – по ч. 3 ст. 285 УК РФ. Суд установил, что непосредственной причиной затопления «Булгарии» стала совокупность факторов: негодность судна к плаванию как по техническому состоянию, так и по уровню подготовки экипажа, несоблюдение требований и правил безопасности судоходства, неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей судовладельцем, командным составом экипажа, должностными лицами контролирующими органов и т. д.³

В целях комплексного и разностороннего рассмотрения вопроса о неосторожном сопричинении вреда представляется возможным обратиться к законодательству некоторых зарубежных стран.

В первую очередь стоит отметить, что в настоящее время уголовное законодательство большинства стран не предусматривает такого института как неосторожное сопричинение вреда. В частности, УК КНР 1997 года в ч. 2 ст. 25 § 3 указывает, что «двое и более лиц, совместно совершивших преступление по неосторожности, не рассматриваются как соучастники преступления. Они должны нести уголовную ответственность, подвергнуться различным наказаниям в соответствии с совершёнными ими преступлениями»⁴.

Уголовный кодекс ФРГ не содержит общего понятия соучастия, а также норм о неосторожном сопричинении вреда (глава 3 «Исполнительство и соучастие»). В свою очередь, под соучастием в доктрине германского уголовного права понимается участие нескольких лиц различным образом в со-

---

³ Виновные в крушении теплохода «Булгария» получили от 5 до 11 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/incidents/20140707/1015064329.html> (18.01.2018).

⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] : принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (19.01.2018).

вершении умышленного преступного деяния⁵.

В то же время, отдельные государства пошли по иному пути, законодательно установив возможность соучастия в неосторожном преступлении.

Например, по английскому праву соучастие возможно и в умышленном, и в неосторожном преступлении. Важно, чтобы действия, приведшие к неосторожному причинению преступного результата, охватывались первоначальным замыслом участников, и, следовательно, результаты этих действий могли бы быть вменены им в вину.

Н. Е. Крылова и А. В. Серебренникова приводят пример английской судебной практики по делу Салмона. Английский суд признал виновными в неосторожном убийстве, совершенном в соучастии, группу лиц, занимавшихся стрельбой в цель и по неосторожности причинивших смерть мальчику, проходившему неподалеку от места стрельбища. Застреливший мальчика был признан исполнителем 1 степени, остальные — исполнителями 2 степени⁶.

Как и в Англии, в США допускается соучастие не только в умышленных, но и в неосторожных преступлениях. Например, два автомобилиста устроили гонки на шоссе, в результате чего один из них сбил пешехода. Другой водитель будет отвечать в качестве соучастника неосторожного преступления⁷.

По французскому уголовному праву соучастие так же возможно и в неумышленных преступлениях (статья 121-7 УК Франции)⁸. Для российской уголовно-правовой практики интересен пример, когда Кассационный Суд Франции в одном из своих решений указал, что «пассажир, подстрекающий водителя к быстрой езде, в результате чего водитель совершил наезд на пешехода, является причиной происшествия и считается соучастником неосторожного преступления». Во французской уголовно-правовой доктрине указывается, что в данном случае не следует обращаться к институту соучастия в преступлении, так как эти лица должны признаваться соисполнителями, а не соучастниками. Вина пассажира соединяется с основными составляющими преступление признаками, т. е. он такой же соисполнитель, как и водитель⁹.

Что касается российского уголовного законодательства, то УК РФ равнодушно относится к неосторожному сопричинению вреда, никаким образом не упомянув данный институт в своем содержании. Исключение составляют

---

⁵ Зубкова В. И. Уголовное законодательство европейских стран : сравнительно-правовое исследование. М., 2013. С. 77–78.

⁶ Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие. М. : Зерцало, 1997. С. 114.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=5859> (19.01.2018)

⁹ Салимгареева А. Р. Указ. соч. С. 53–59.

лишь преступления, предусмотренные частями 3 и 4 ст. 263¹ УК РФ (нарушение требований в области транспортной безопасности, *совершенное группой лиц по предварительному сговору, организованной группой* соответственно), которые, в целом являясь неосторожными преступлениями, содержат квалифицирующие признаки – совершение преступления в соучастии. Представляется, что в данном случае говорить об обдуманном поступке законодателя не приходится. Подобная законодательная техника не выдерживает критики, и, по нашему мнению, в данном случае имеет место не законодательно регламентированный случай неосторожного сопричинения вреда или «соучастия» в неосторожном преступлении, а не полная проработка данной нормы в процессе законодательной деятельности и, как следствие, несоответствие нормы Особенной части УК РФ положениям Общей части.

По нашему мнению, в настоящее время проблема неосторожного сопричинения вреда приобретает все большую актуальность. Уголовное законодательство нуждается в тщательной проработке сферы совместной преступной деятельности при неосторожной форме вины. В связи с изложенным, полагаем, что имеются основания для законодательной регламентации института неосторожного сопричинения вреда, положения которого предусмотрели бы индивидуализацию и дифференциацию ответственности каждого неосторожного сопричинителя с учетом степени его участия в совершении неосторожного преступления.

Информация об авторе

Жарких Ирина Андреевна – магистрант 2 года обучения Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

127495, г. Москва, Дмитровское шоссе, 165Екб, e-mail: irunya3@mail.ru

УДК 343.3
Ж 91

К. О. Журавлева,

*магистрант 1 года обучения
Автономной некоммерческой
организации высшего образования
Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации
(ИЗУ ВПА, г. Тула)*

Должностное лицо как субъект коррупционных преступлений

В статье анализируется понятие должностного лица. На этой основе выделен ряд проблем квалификации коррупционных преступлений по признаку специального субъекта. Аргументированы пути решения этих проблем.

Ключевые слова: должностное лицо, коррупционная преступность, государственные функции, специальный субъект.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ¹, в целом, довольно полно регламентирует ответственность должностных лиц за коррупционные преступления. Однако, несмотря на весь проделанный объем работы по созданию системы законодательства, направленного на уголовно-правовое противодействие должностной и коррупционной преступности, можно констатировать отсутствие единства подходов к определению понятия должностного лица, причислению к числу должностных тех или иных категорий лиц и, следовательно, наличие проблем, возникающих в практике применения соответствующих правовых норм. Существует явное противоречие между значимостью детальной регламентации понятия должностного лица в тексте уголовного закона и имеющими место недостатками нормативно-правового регулирования связанных с этим вопросом. Многие аспекты дефиниции должностного лица неоднозначно трактуются в науке уголовного права, что, в совокупности с неполнотой разъяснений высшей судебной инстанции, имеет своим следствием ошибки в правоприменительной практике.

Понятие должностного лица имеет определяющее значение для верной квалификации коррупционных преступлений, совершаемых этими специальными субъектами. Без четкого установления уголовно-правовых признаков должностного лица невозможна эффективная борьба с коррупционной преступностью. При этом, как в современной науке уголовного права, так и в правоприменительной практике понимание многих аспектов дефиниции должностного лица продолжает вызывать трудности. Как справедливо отмечает Е. Ю. Четвертакова, в условиях изменения отношений в сфере государственного управления, в том числе передачи государством части своих функций иным субъектам права, компромиссное решение проблемы толкования субъекта должностного преступления может заключаться в признании таковыми лиц, осуществляющих публичную функцию. Подобный подход позволит учесть особенности национального антикоррупционного регулирования и может способствовать его унификации на основе модельного законодательства².

На аналогичной позиции стоит и В. Н. Борков, по мнению которого «должностными лицами в изменяющихся политических и экономических условиях должны быть признаны лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие регистрационно-экспертные, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государ-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Далее, если иное не оговорено – УК РФ.

² См.: Четвертакова Е. Ю. Проблемы унификации понятийного аппарата в сфере борьбы с коррупцией в рамках Содружества Независимых Государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 4. С. 21.

ственных и муниципальных организациях, а также лица, аккредитованные на осуществление отдельных государственных функций»³. Следует согласиться с предложением автора, согласно которому «для преодоления противоречия между фактически охраняемыми общественными отношениями и действующей редакцией названия Главы 30 УК РФ» предлагается «изложить его в следующей редакции: «Преступления против осуществления государственных функций»⁴.

Так, например, как пишут В. В. Коробченко и Т. В. Иванкина, субъектом коррупционного правонарушения, по общему правилу, является лицо, замещающее должность гражданской службы в соответствии со служебным контрактом. Однако необходимо иметь в виду, что субъектом отдельных коррупционных правонарушений может быть не любой гражданский служащий, а только тот, на кого распространяется соответствующее антикоррупционное требование или запрет, за нарушение которого применяются установленные законодательством о государственной службе взыскания⁵.

Можно выделить три группы признаков должностного лица: характер выполняемых функций, место и основание их выполнения. Для признания лица должностным необходимо наличие совокупности всех трех признаков. На практике же для правоприменителя нередко достаточно установления того, что лицо обладает одной из функций, указанных в законе. Место и основание их выполнения для него «презюмируются», в связи с чем делается вывод о том, что лицо является должностным⁶. Так, если доказано, что на лицо возложена обязанность осуществлять характерную для должностного лица функцию, то достаточно закономерным является заключение, что выполняет оно эту функцию постоянно, временно или по специальному полномочию и в тех местах работы, которые, например, определены примечанием к ст. 285 УК РФ. Приведение судебно-следственной практики к единообразию в части уголовно-правового понятия должностного лица сведет к минимуму усмотрение правоприменителя при рассмотрении дел коррупционной направленности, совершаемых данной категорией специальных субъектов, что станет одним из механизмов, способствующих эффективному противодействию коррупции.

Вслед за К. С. Григоровой «необходимо отметить, что на практике вызывает затруднение вопрос о признании возможными субъектами должностных преступлений лиц, которые хотя и не назначены на соответствующие должности, но фактически выполняют функции должностного лица. В соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ они могут признаваться должност-

---

³ Борков В. Н. Название главы 30 Уголовного кодекса РФ следует привести в соответствие с новым определением должностного лица // Современное право. 2016. № 4. С. 96.

⁴ Там же.

⁵ См.: Коробченко В. В., Иванкина Т. В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 35.

⁶ См.: Быкова Е., Яшков С. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организаций // Уголовное право. 2015. № 3. С. 4.

ными, если выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, а также функции представителей власти по специальному полномочию»⁷.

Дискуссионным остается и вопрос о том, можно ли квалифицировать в качестве коррупционного преступления, например, по ст. 290 УК РФ, получение лицом ценностей как незаконного вознаграждения за действия (бездействие) по службе, которые оно совершило в качестве должностного лица, при том, что на момент фактического получения предмета взятки это лицо уже было уволено с данной должности (например, ушло на пенсию), то есть уже не являлось должностным. Верным представляется следующий подход: чтобы действия лица были квалифицированы как получение взятки, получить денежные средства за выполнение соответствующих услуг оно должно, находясь именно в статусе должностного лица.

В целом, исходя из примечания 1 к статье 285 УК РФ, можно выделить следующие признаки, присущие должностному лицу. Во-первых, круг должностных лиц не подлежит расширительному толкованию. Представитель власти обладает распорядительными полномочиями в отношении неопределённого числа лиц, не находящихся от него в служебной зависимости и его законная деятельность должна быть направлена на решение задач, поставленных перед представляемым им органом государственной власти. Осуществление должностным лицом возложенных на него организационно-распорядительных функций предполагает руководство людьми посредством управления деятельностью учреждений, организаций, отделов и т. п. Напротив, осуществление должностным лицом административно-хозяйственных функций не обязательно предполагает руководство людьми, но предусматривает наличие у субъекта возможностей контролировать и распоряжаться материальными ценностями (в частности, осуществлять их получение, ответственное хранение, отпуск, реализацию и т. п.). Действия (бездействие) должностного лица-субъекта злоупотребления должностными полномочиями должны устанавливать, изменять или прекращать права и обязанности физических и юридических лиц, то есть должны иметь юридическое значение.

Во-вторых, должностное лицо должно быть наделено соответствующими функциями на основании правового акта (закона, устава, приказа, инструкции или иного нормативного акта), оформляющего его назначение на конкретную должность и регламентирующего его права и обязанности. Субъектом коррупционного преступления также может быть признано и лицо, в отношении которого не издан нормативный акт о назначении на должность, но которое фактически выполняет организационно-распорядительные, либо административно-хозяйственные функции, либо осуществляет функции представителя власти по специальному полномочию. Специальное полномочие может быть предоставлено управомоченным на то органом, должност-

---

⁷ Григорова К. С. Уголовная ответственность должностных лиц и органов публичной власти // Российский следователь. 2016. № 19. С. 20.

ным лицом, трудовым коллективом и оформлено, соответственно, приказом или решением трудового коллектива.

Таким образом, компромиссное решение проблемы толкования специального субъекта коррупционного преступления может заключаться в признании таковыми лиц, осуществляющих публичную функцию.

Информация об авторе

Журавлева Кристина Олеговна – магистрант 1 года обучения Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (ИЗУ ВПА, г. Тула).

300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 157, кв. 278; *Kriskris-2013@mail.ru*
Kriskris-2013@mail.ru

УДК 343.2/.7
3 12

М. С. Заузольцева,

*студентка 4 курса 541 группы
факультета внебюджетного
образования ВИПЭ ФСИН России*

**Совершенствование правового обеспечения безопасности
функционирования Уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в условиях активизации деятельности
формирований транснациональной организованной преступности**

В статье анализируется комплекс угроз и элементов рисков, порождённых деятельностью формирований транснациональной организованной преступности, оказывающих негативное влияние на функционирование Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях современности и предлагается программа совершенствования уголовно-правового законодательства по противодействию данному явлению.

Ключевые слова: мигранты, вербовка, джамааты, запрещённые предметы, дезорганизация, нападение.

Проявившиеся за последнее десятилетие новые формы и источники угроз личной, общественной и государственной безопасности со стороны организованной транснациональной преступности оказали существенное негативное влияние и на состояние безопасности Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ), изменяя условия её функционирования. Среди наиболее опасных необходимо отметить следующие:

1. Значительный приток в исправительные учреждения РФ осужденных из числа мигрантов. На момент 2017 года в РФ зафиксировано около 6 млн. человек мигрантов, 60% которых прибыло в страну нелегально¹.

В условиях отбывания наказаний в местах лишения свободы данные лица оказывают наиболее сильное противодействие режиму их содержания (противодействие выполнению решений администрации, постоянная нелегальная связь «с волей» и организованной преступностью в РФ и других государствах, проявление религиозной нетерпимости к иноверцам)².

Не менее значимой угрозой для УИС, также связанной с влиянием транснациональной организованной преступности, является распространение в среде осужденных идей религиозного экстремизма и терроризма. В последнее десятилетие в связи с формированием в ряде исправительных колоний подпольных ячеек радикальной и экстремистской направленности (джамаатов) ведётся целенаправленная вербовка осужденных в ряды³. Полагаем, что с этой целью необходимо ужесточить уголовную ответственность за содействие террористической деятельности, совершённое в местах отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества. В ст. 205¹ УК РФ. Содействие террористической деятельности полагаем ввести следующие изменения: ч. 1 и ч. 1¹ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205², частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой-третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» и «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма» – дополнить частью 1.2 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 1¹, совершённые в следственном изоляторе или исправительном учреждении, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы».

Значительную опасность для УИС представляет угроза, связанная с передачей осужденным в места, связанные с изоляцией от общества, запрещён-

---

¹ См.: Миграция 2017. Статистика [Электронный ресурс] // Cnter.yf. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/migraciya-2017.php> (06.02.2018).

² Гаврилов Е. Д. Тенденции пенитенциарных преступлений, совершаемых иностранными гражданами в российских исправительных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <http://euroasia-science.ru/yuridicheskie-nauki/tendencii-penitenciarnyx-prestuplenij-sovershaemyx-inostrannymi-grazhdanami-v-rossijskix-ispravitelnyx-uchrezhdeniyax> (06.02.2018).

³ См.: Семёнова А. Заключение челябинской колонии получила новый срок за вербовку сокамерницы в ИГИЛ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.znak.com/2017-05> (06.02.2018) ; 29.11.17 Новости Интерфакс: Гражданин Таджикистана получил 7 лет строгого режима за вербовку в ИГИЛ заключенных ярославской колонии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Center/news.asp?id=890240&sec=1671> (06.02.2018) ; Пронин И. Ислам в авторитете // Совершенно секретно. 2015. № 6.

ных предметов. Наиболее сложная ситуация складывается с использованием осужденными средств сотовой связи (телефонов, сим-карт, комплектующих к ним). С помощью данных средств связи лидеры преступных формирований продолжают ими руководить из мест лишения свободы, организовывая совершение новых преступлений и поставку запрещённых предметов в исправительные учреждения⁴. Ещё большую угрозу для режима функционирования исправительных учреждений и мест заключения под стражу в условиях современности представляют факты переброски на их территорию запрещённых предметов с помощью беспилотных летательных аппаратов. Полагаем, что данные действия по степени своей общественной опасности должны быть уголовно наказуемы как нападение на объекты инфраструктуры мест лишения свободы и мест заключения под стражу. Аналогичным образом следует квалифицировать и действия, связанные с применением транспортных средств или оружия для организации побегов осужденных или переброски им запрещённых предметов – например, вертолётов, арбалетов⁵.

В целях повышения эффективности правоприменения ст. 321 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, с учётом изложенного полагаем смоделировать её законодательную конструкцию в следующей редакции:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Нападение на сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей с целью оказания противодействия осуществлению им служебной деятельности по обеспечению режима функционирования исправительного учреждения либо его близких с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угрозы применения насилия, – наказываются лишением свободы на срок до восьми лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

4. Нападение на объекты инфраструктуры места лишения свободы или

---

⁴ Новости. МВД предлагает заблокировать сотовые телефоны в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Портал МХГ. URL: <https://mhg.ru/news/mvd-predlagaet-zablokirovat-sotovye-telefony-v-mestah-lisheniya-svobody> (06.02.2018).

⁵ См.: Выставка М. Зэк потратил на побег из ИК на вертолете 80 тысяч [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/86568> (06.02.2018) ; Курский «Робин Гуд» с помощью арбалета перебрасывал наркотики в колонию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FV1YNUkXFak> (06.02.2018).

места содержания под стражей с целью оказания противодействия обеспечению режима функционирования исправительного учреждения, сопряжённое с их разрушением, – наказывается лишением свободы на срок от трёх до пяти лет.

5. Нападение на объекты инфраструктуры места лишения свободы или места содержания под стражей с целью оказания противодействия обеспечению режима функционирования исправительного учреждения, сопряжённое с применением для организации побегов осужденных или переброски на их территорию запрещенных к обращению для осужденных предметов управляемых или беспилотных летательных аппаратов, иных транспортных средств, технических устройств или оружия – наказывается лишением свободы на срок от трёх до восьми лет».

Данное уточнение должно быть также дополнено криминализацией деяний, связанных с фактами злостного неповиновения осужденных администрации уголовно-исполнительных учреждений и незаконной передачи осужденным этих учреждений запрещённых предметов.

В главу 32 УК РФ следует дополнительно внести следующую статью, предусматривающую ответственность за их совершение:

«Статья 321². Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы или содержания под стражей

1. Скрытая от досмотра передача или попытка передачи (пересылки) лицам, содержащимся в местах лишения свободы или содержания под стражей запрещенных для их обращения предметов, если это деяние совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние или в крупных размерах, – наказываются штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового или лишением свободы на срок до 2 лет.

2. Те же действия, совершенные с использованием служебного положения, – наказываются штрафом в размере до 200 тысяч рублей или лишением свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет».

Сбыт оружия, наркотических средств и психотропных веществ в места изоляции осужденных от общества должен квалифицироваться по специально предусмотренным в УК РФ правовым нормам.

В связи с данными изменениями главу 32 УК РФ будет оправданным переименовать следующим образом: «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний».

Подобные аналоги правовых норм введены в уголовные законы Республик Украины, Молдовы, стран Балтии, Казахстана⁶.

---

⁶См. Уголовные кодексы зарубежных стран. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-u> (06.02.2018).

Информация об авторе

Заузолецова Марина Сергеевна – студентка 4 курса 541 группы факультета внебюджетного образования ВИПЭ ФСИН России

УДК 343.2/.7

3 68

А. Д. Злобин,

студент 2 курса

Оренбургского института

(филиала) университета

им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

**Некоторые замечания к главе 7 Уголовного кодекса
Российской Федерации**

В статье проводится критический анализ некоторых положений ст. 34 и 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором предлагается внести ряд изменений в уголовный закон с целью приведения его в соответствие со сложившейся длительной судебной практикой.

Ключевые слова: группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

Наименование ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) представляется достаточно громоздким. На наш взгляд, ст. 35 УК РФ следовало бы именовать «Формы соучастия». Дискуссия о соотношениях понятий «формы» и «виды» соучастия не имеет никакой практической значимости, поэтому ее следует признать несостоявшейся.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления¹. С точки зрения УК РФ, в группе лиц по предварительному сговору допускается наличие одного исполнителя. Однако анализ п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ПП ВС) от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» позволяет прийти к выводу о том, что для признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы предварительный сговор на совершение преступления состоялся между двумя или более исполнителями. При этом, наряду с соисполнителями, другие участники группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей и пособников². Подобная позиция отражается и в других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : ред. от 29 июля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1999. № 3.

В связи со сложившейся длительной судебной практикой, на наш взгляд необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 35 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Наряду с соисполнителями преступления, другие участники группы лиц по предварительному сговору могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников». Ситуация, при которой в совершении преступления по предварительному сговору принимают участие лица, из которых только одно является исполнителем, в теории уголовного права именуется соучастием в преступлении без образования группы лиц³. В данной ситуации квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» не вменяется соучастникам. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым дополнить ст. 35 УК РФ частью 2¹ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным соучастниками без образования группы лиц, если в его совершении участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления, из которых только одно является исполнителем». Действия исполнителя должны квалифицироваться по соответствующей статье Особенной части без ссылки на ст. 33 УК РФ. Действия же организатора, пособника, подстрекателя должны квалифицироваться по статье Особенной части со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Подобные правила квалификации применяются в судебной практике (например, Определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу Ерофеева Ю. И. и Аношкина А. Е. от 12 августа 1999 г. № 3-066/99⁴; п. 10 ППВС от 4 декабря 2014 г. № 16 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁵).

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. На наш взгляд, следовало бы раскрыть признак устойчивости в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Исходя из анализа положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, можно выделить следующие обязательные признаки организованной группы: 1) постоянство состава; 2) длительность существования. Именно данные признаки позволяют отграничить группу лиц по предварительному сговору от организованной группы.

Исходя из положений ч. 4 ст. 35 УК РФ «преступное сообщество» и «преступная организация» являются равнозначными понятиями. Это подтверждается и в п. 3 ПП ВС от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (пре-

³ Жовнир С. А. Несколько замечаний действующему уголовному закону // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2008. № 9. С. 270.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

ступной организации) или участия в нем (ней)»⁶. На наш взгляд, следовало бы исключить двойное наименование данной формы соучастия. Дискуссионным является вопрос о различиях между структурированной организованной группой и объединением организованных групп. Пленум Верховного Суда РФ характеризует одинаковыми признаками подразделение структурированной организованной группы и организованную группу в составе преступного сообщества (преступной организации) (стабильность состава; согласованность действий; наличие двух или более лиц). На наш взгляд, следовало бы согласиться с позицией А. Н. Мондохонова и признать тождественными подразделение и организованную группу⁷. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым внести изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ (п. 16 ПП ВС от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»⁸; п. 16 ПП ВС от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁹), действия всех членов организованной группы независимо от выполняемой роли следует оценивать как действия соисполнителей и квалифицировать по правилам ч. 2 ст. 34 УК РФ за исключением случаев, если лицо не входило в состав организованной группы, участвовало в совершении преступления в качестве пособника или подстрекателя (в этом случае квалификация осуществляется по правилам ч. 3 ст. 34 УК РФ). Согласно п. 14 и п. 17 ПП ВС от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в случае совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией) действия всех участников квалифицируются по статье Особенной части и соответствующей части ст. 210 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. При этом оказание лицом, не являющимся членом преступного сообщества (преступной организации), содействия деятельности такого сообщества (организации) подлежит квалификации как соучастие в форме пособничества по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 2 ст. 210 УК РФ. На наш взгляд, данные особенности квалификации членов организованной группы и членов преступного сообщества (преступной организации) следовало бы отразить в ст. 34 УК РФ.

---

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

⁷ Мондохонов А. Н. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 40–41.

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

Информация об авторе

*Злобин Артем Дмитриевич – студент 2 курса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
460024, г. Оренбург, ул. Туркестанская, 23, тел.: +79123537570, e-mail: zlobinartyom@mail.ru*

**УДК 343.93
К 13**

А. Д. Кадырбеков,

*студент 3 курса
АО "Университет КАЗГЮУ"
г. Астана, Республика Казахстан*

Феномен Чикатило

В статье рассмотрена проблема «Феномена Чикатило», портретное описание маньяка и его жертв. На основе собранных материалов и данных, составлен портрет типичной жертвы Чикатило. Практическим путем (методом анализа) сформулирован четкий и обоснованный вывод. Автором также проверена теория Чезаре Ломброзо о прирожденном преступнике.

Ключевые слова: «Феномен Чикатило», маньяк, убийца, насильственный преступник, теория Ч. Ломброзо, личность преступника.

Для анализа личности и изучения сути «феномена Чикатило», мной была применена теория криминолога Чезаре Ломброзо об особенностях личности преступника, в которой выдвигается тезис о том, что «преступниками уже рождаются» и на генетическом уровне, природой заложено преступное будущее человека, поскольку достаточно самого преступного гена. По мнению Ч. Ломброзо, даже качественное воспитание и высокий уровень контроля формирования личности, не исправят того, что заложено в человека природой и его естеством. Более того, психиатр считал, что такой человек как «личность» – не состоялся, его следует выявлять еще в раннем детстве для последующей изоляции от социума (отправить такого рода «человека» на отдаленный и изолированный от внешнего мира остров, или даже лишить его жизни принудительно). Ученый был убежден, что по внешнему показателю (фенотипу), который у любого человека индивидуален, с легкостью и без усилий можно вычислить преступника. Основными характерными признаками (чертами) преступной личности, психиатр определил: размеры лобной части лица, характерный взгляд (из-под насупленной надбровной дуги) и другие черепно-лицевые характеристики человека. Ч. Ломброзо изобрел инновационное для того времени устройство – «краниограф», с помощью которого измерял форму черепной коробки и размеры (параметры) структурных ча-

стей лица, что впоследствии позволило выделению им четырех типов личности преступника: мошенники, убийцы, насильники и воры.

Отметим, что аналогичные признаки насильственного преступника имеют место и в науке криминологии: слабо выраженные волевые характеристики, наличие явного эгоизма; отсутствие способности самоконтроля; склонность к алкогольной, наркотической или иной форм зависимости; неуважительное отношение к старшим; неприятие общественной морали (моральный нигилизм); ограниченный кругозор (обеспеченный кругом общения); примитивные интересы (задержка на определенном этапе взросления по теории З. Фрейда); цинизм; отсутствие чувства стыда; моральная распущенность.

С целью решения поставленных задач, было проведено анкетирование студентов 2–4 курсов (80 респондентов) специальности «Психология», большая часть которых составили девушки в возрасте от 18 до 21 года, что составило 87,5%. Собрав значительное количество информации и применив метод контент – анализа, выявлены следующие факторы:

1. С теорией, выдвинутой Ч. Ломброзо о наличии преступного гена, согласилось всего лишь 25% респондентов, поскольку большинство респондентов (75%), определило, что на формирование преступника влияет само общество и окружающая среда, но никак не гены.

2. На вопрос «Кто, по-вашему, виновен в преступлении больше, преступник или жертва?»: 76,25% респондентов считают, что виновен преступник, вне зависимости от ситуации и характеристики человека, лишь 12,5% увидели зависимость между действиями обеих сторон.

3. Самым популярным качеством, по мнению респондентов, которым должен обладать «маньяк», названо «психическое расстройство» (по коэффициенту встречаемости он назван в 32 случаях), второй по популярности характеристикой является «агрессия» (20 ответов), далее – «хладнокровность» – 15, «гениальность» и «бесконтрольность» – 9, «скрытность» – 6, «хитрость» – 5, «харизма» – 3 ответа; 18,75% респондентов не смогли сформулировать ни одного варианта.

4. На вопрос, можно ли внешне отличить маньяка от рядового гражданина, 73,75% (59 человек) ответило, что нет, тогда как 26,25% (21 человек) сказали, что смогут отличить. Данный результат показывает наглядно, что по теории Ч. Ломброзо нельзя, наделив определенной характеристикой тип преступника, с точностью утверждать, что человек, подходящий по всем типам и параметрам, может являться преступником именно в той или иной сфере.

5. При определении причин совершения преступления со стороны Чикатило, названы мотивы: «психическое расстройство», «сексуальная озабоченность» и «личность самого Чикатило».

6. Среди методов борьбы с преступлениями сексуального характера, обозначены: ужесточение санкции и меры наказания (22 ответа), профилактические работы с потенциальными жертвами данного преступления (15 ответов), курсы самообороны; усиленный режим работы правоохранительных

органов. Эффективным методом наказания для маньяка, по мнению опрошенных, является «химическая кастрация (38% респондентов); смертная казнь (31%); пожизненное лишение свободы (22%); «принцип Талиона» (4%); принудительное лечение (3%); другие варианты (2%).

В целях выявления особенностей жертв Чикатило, исследованы материалы практики, научные публикации разных ученых. Отметим позицию А. Бухановского, который отмечает, что «такие лица часто трусливы, показательно жаждут власти над половой неприкосновенностью и свободой, жизнью и здоровьем своих жертв. Такое поведение характерно для людей, ощущающих себя духовно незначимыми... формирование такой личности начинается задолго до совершения им первого преступления, в период детства и последующего взросления, возможно имеет место наличия кровавых фантазий». Первой жертвой Чикатило стала девочка Елена З. (9 лет). Данное убийство наглядно показало маньяку, что делает его счастливым и приносит ему удовлетворение. При анализе портретов жертв и их характеристик, был определен фенотип типичной жертвы Чикатило: жертвой преступника, часто становились заведомо беспомощные для него лица, как правило это несовершеннолетние дети (66% жертв из них), в большинстве случаев – лица женского пола (60% жертв), но не исключая и мужской пол (40% жертв); жертва Чикатило обладала и внешними особенностями: овальный тип лица с маловыраженными надбровными дугами, нос прямой, форма губ варьируется от тонких до пухлых.

Анализ нанесенных повреждений жертвам, показал, что Чикатило пользовался ножами (20 единиц ножей). Для начала он подыскивал жертв, втирался в доверие; когда подходила возможность реализовать свой ужасный план, действовал решительно и без эмоций. Как правило, он вспарывал жертвам брюшную полость, изувечивал гениталии.

По мнению А. Бухановского, убийца не имел психической либо интеллектуальной отсталости развития. Имела место четкость в поиске и жертв, которому строго придерживался преступник. Жертвы мужского пола для него были как «символический объект», на котором он, предположительно, разряжался от накопившихся обид, унижений и перенесённых в детском возрасте переживаний.

Для Чикатило свойственен некросадизм – наблюдение за смертью, мучениями жертвы для получения сексуального удовлетворения. Множественные ранения были для него средством «сексуального проникновения» в жертву; будучи импотентом, Чикатило использовал нож как символ полового органа; уродуя половые органы лиц мужского пола, он «выплескивал» на жертв гнев за собственное половое бессилие.

В итоге исследования нами сделан вывод о несостоятельности теории Ломброзо к Чикатило – внешние признаки типичного насильника никак не вяжутся с внешностью данного преступника; ключевым мотивом совершенных им преступлений выступает сексуальное удовлетворение и получение удовольствия от вида смерти; составлен типичный портрет жертвы Чикатило

на основе анализа портретов жертв его преступлений. Сформировано личное понимание определения «Феномен Чикатило»: физическое вменяемое лицо, совершающее преступление на почве удовлетворения половых потребностей и вымещения на жертвах собственных обид за нанесенные травмы детства; отличается неприметной внешностью, никак не проявляет себя в обществе, характеризуется положительно, женат.

Информация об авторе

Кадырбеков Алишер Даржанович – студент 3 курса АО «Университет КАЗГЮУ».

010000, Казахстан, г. Астана, ул. Кургальжинское шоссе, 8, e-mail: Kadyrbekov.2017@bk.ru

**УДК 343.213
К 25**

А. С. Каростина,

студентка 2 курса
Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

Принцип «двойной криминальности» при определении пространственных границ действия российского уголовного закона

В статье раскрывается сущность принципа «двойной криминальности» при определении границ действия российского уголовного закона в пространстве, его положительные и отрицательные стороны, анализируется позиция отечественного законодателя, формулируются предложения по ее уточнению.

Ключевые слова: действие уголовного закона в пространстве, принцип двойной криминальности, законность, справедливость, гуманизм, международное сотрудничество, экстрадиция.

В доктрине существует несколько вариаций названия принципа «двойной криминальности» – «двойная преступность», «двойное вменение», «двойная наказуемость». Сущность данного принципа заключается в том, что деяние должно быть признано преступлением по законодательству обоих государств: государства – места привлечения к уголовной ответственности (Российской Федерации) и государства – места совершения преступления.

В настоящий момент часть 1 статьи 12 УК РФ сформулирована следующим образом: «Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с

настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства».

До 27 июля 2006 г. часть 1 статьи 12 УК РФ включала и другие аспекты принципа гражданства, которые выступали условиями привлечения к уголовной ответственности по российскому уголовному закону:

- деяние, совершённое гражданином РФ или постоянно проживающим в России лицом без гражданства, признаётся преступлением уголовным законодательством иностранного государства;
- лица, совершившие такое деяние, не были осуждены в иностранном государстве;
- при осуждении данных лиц наказание не должно превышать верхний предел санкции, предусмотренной законом иностранного государства, где было совершено преступление¹.

Изначальная редакция части 1 статьи 12 УК РФ подвергалась критике со стороны отечественных учёных и практиков по причине ограничения ею суверенитета российского уголовного закона, его пробельности, нарушения принципа равенства при реализации уголовной ответственности в отношении российских граждан в зависимости от места совершения ими преступного посягательства. Так, в соответствии с принципом «двойной криминальности» было невозможно привлечь к уголовной ответственности граждан за государственные и должностные преступления (к примеру, за государственную измену, получение взятки, неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта, диверсию и др.). Однако, правильно ли поступил отечественный законодатель, отказавшись от этого принципа? Ведь «двойная криминальность» используется в законодательстве многих иностранных государств, таких как: Австрия, Беларусь, Азербайджан, Греция, Германия, Грузия и др.

На первый взгляд, ныне действующая редакция части 1 статьи 12 УК РФ представляется более корректной, так как устраняет перечисленные недостатки, но всё же она вызывает споры у научного сообщества. Так, по мнению Г. И. Богуша, «отказ отечественного законодателя от принципа «двойной преступности» расценивается как недоверие к юрисдикционной деятельности иностранных государств, своего рода уголовно-правовую изоляцию России»². С такой точкой зрения сложно не согласиться, так как в основе экстрадиции лежит аспект взаимности обоих государств, что служит эффективной формой международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Отказ от этого принципа лишь негативно отразится на решении задач, стоящих перед уголовным законодательством России, как внутри страны, так и за ее пределами.

Кроме того, принцип «двойной криминальности» предполагает, что наказание не может превышать верхний предел санкции, предусмотренный

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Цит. по: Шугрин Е. С. Россия и Совет Европы: история, современность и перспективы взаимодействия правовых систем. М. : Проспект, 2016. С. 153.

уголовным законом иностранного государства, что обеспечивает соблюдение принципов справедливости и гуманизма. В соответствии с этим положением, которое лежало в основе определения границ пространственного действия российского уголовного закона, нельзя было назначить более строгое наказание по сравнению с наказанием, предусмотренным уголовным законом иностранного государства, на территории которого совершено преступление. «Двойная криминальность» рассматривается также как проявление принципа законности и выражается в формуле «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» – нет преступления и нет наказания без указания на это в законе³.

Таким образом, этот принцип несёт в себе больше положительных аспектов для российского уголовного закона, включающих обеспечение принципов законности, справедливости, гуманизма, взаимного сотрудничества, чем отрицательных, что может служить толчком для развития уголовного закона России. Что же касается законодательного пробела, связанного с невозможностью привлечения к уголовной ответственности лиц, являющихся гражданами РФ и постоянно проживающими в РФ апатридами, совершивших в иностранном государстве некоторые виды государственных и должностных преступлений, то его можно устранить, внося поправки в уголовный закон. Так, в статье 12 УК РФ можно было бы предусмотреть положение, представляющее собой исключение из принципа «двойной преступности» при совершении за пределами РФ гражданином преступлений, направленных против государственной власти РФ, а также иных преступных посягательств, которые были бы в ведении РФ, путём составления специального их перечня. Это исключение необходимо закрепить в самостоятельной части статьи 12 УК, наподобие части второй, устанавливающей уголовно-правовую юрисдикцию РФ в отношении преступлений, совершённых на территории иностранного государства военнослужащими воинских частей РФ, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации.

В заключение отметим, что принцип «двойной криминальности» является основой для тесного сотрудничества государств между собой в вопросах борьбы с преступностью и в случаях выдачи преступников обеспечивает соблюдение должного баланса между государственными интересами обеих стран⁴.

Информация об авторе

Каростина Анна Сергеевна – студентка 2 курса Института прокуратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, e-mail: annakarostina@mail.ru

---

³ Зелинская Н. А. Международные преступления и международная преступность : монография. Одесса : Юрид. лит., 2006. С. 178.

⁴ Лебединец И. Н. Международное уголовное право : учебное пособие. М. : Проспект, 2015. С. 25.

УДК 343.21
К 28

Н. С. Касперович,

*курсантка 4 курса факультета
милиции учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»*

Ценностно-мировоззренческие основания системы уголовных наказаний

В статье анализируется отечественное уголовное законодательство. Автор вносит обоснованные предложения по совершенствованию, как уголовного, так и административного законодательства в контексте повышения эффективности отдельных видов наказаний.

Ключевые слова: наказание, преступность, ответственность, воздействие, система.

*«Наказывать не строже, а лучше»
М. Фуко – фр. философ*

Система мер, направленных на противодействие преступности в нашем государстве, строится на основе оценки и объема использования традиционного института уголовной ответственности. Состояние преступности в Республике Беларусь на современном этапе позволяет сделать оптимистические оценки в части ее динамики и качественных характеристик. Если в конце прошлого и начале XXI в. имел место рост преступлений, например, в 2001 г. было зарегистрировано 112 189 преступлений, то в январе-сентябре 2017 г. количественный показатель снизился до 64,9 тыс. Об эффективности действующей системы наказаний свидетельствует и то обстоятельство, что не в полной мере решены вопросы по снижению преступлений в области безопасности дорожного движения, коррупции.

По нашему мнению, как бы некоторые ученые не стремились снизить роль наказания по сравнению с иными мерами уголовной ответственности, а также с институтом освобождения от нее, наказание как мера уголовной ответственности занимает и, вероятно, будет занимать преобладающее место в системе всех применяемых мер уголовной ответственности. Об этом свидетельствуют следующие цифры. К различным видам наказания у нас ежегодно осуждается около 90% лиц, остальная часть приходится на иные меры уголовной ответственности. При этом отдельные меры наказания либо малоэффективны, либо вовсе не применяются на практике. Вследствие чего процесс нормативного закрепления системы наказаний в белорусском праве требует более выверенного и научно-обоснованного подхода. Как показывают статистические данные, использование на практике предусмотренных в ст. 48 Уголовного кодекса наказаний не всегда отличается стабильностью.

Немаловажно, что в настоящее время рассматриваемый институт нашел свое отражение в науке не только уголовного, но и административного

права. Тем не менее, дефиниция «система наказаний» до сих пор не имеет общетеоретического статуса в правоведении. Теория государства и права ограничивается преимущественно использованием категории «юридическая ответственность», что негативно складывается на общем учении о наказании, а порой и вовсе приводит к смешиванию со смежными понятиями. Кроме того, законодательство не содержит четких принципов построения системы наказаний. В этой связи актуальным является вопрос о том ужесточать или гуманизировать уголовное законодательство в современных условиях. По результатам проведенных исследований Департаментом социологических и маркетинговых исследований установлено, что 45,9% опрошенных считают существующую систему наказания адекватной совершаемым преступлениям, 23,2% считают ее слишком мягкой, 23,2% слишком жесткой.

Не менее важным является вопрос о том, представляет ли собой наказание систему как единое целостное образование или содержит лишь перечень видов наказания. Полагаем, что системный подход проявляется в описании основных закономерностей взаимосвязи ее отдельных видов, достигая тем самым отражения ее органического единства, а не механического объединения.

Историко-правовой анализ систем наказаний показывает, что государство, решая задачи борьбы с преступностью на различных этапах своего развития, индивидуально подходит к формированию системы уголовных наказаний, оставляя в ней только те виды наказаний, которые прошли апробацию временем и представляются наиболее эффективными в достижении целей исправления преступника, специального и общего предупреждения. Например, в УК 1960 г. значились такие наказания, как ссылка и высылка, но сама жизнь подсказала их неэффективность, что проявилось в исключении их из закона. Аналогичным образом в 2011 г. решился вопрос с направлением в дисциплинарную воинскую часть.

Несколько позднее (в 1997 г.) в систему наказаний был включен арест как краткосрочное содержание лица в условиях изоляции. Для борьбы с бродяжничеством и попрошайничеством в 80-е годы прошлого века было введено такое наказание как направление в воспитательно-трудовой профилакторий, потребность в котором впоследствии отпала, в том числе и в связи с отменой уголовной ответственности за тунеядство.

С принятием УК 1999 г. система наказаний также претерпела ряд изменений. Из нее были исключены увольнение от должности и общественное порицание. Но включены новые виды наказаний: общественные работы, ограничение свободы, ограничение по военной службе, которые на данный момент не в полной мере себя оправдывают. Система наказаний пополнилась и посредством включения в нее исключительных наказаний – пожизненного заключения и смертной казни, раньше представляемых в УК вне системы наказаний. Об эффективности данной новеллы утверждать сложно, поскольку до сих пор не выработано единой точки зрения о том, ликвидировать ли данный институт по образцу Европы или, напротив, пойти по пути США и

КНР, активизировав его применение.

До настоящего времени наблюдалась тенденция активного применения наказания в виде лишения свободы. Однако по указанию Главы государства данная политика была пересмотрена. Это подтверждается разработанной Генеральной прокуратурой Республики Беларусь Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, которая ориентирует суды, в том числе на сокращение объема применения наказания в виде лишения свободы и на расширение использования наказаний материального характера. В последние годы отмечены оживленные дискуссии по поводу наиболее эффективного применения наказания в виде лишения свободы. Это обусловлено рядом объективных недостатков, присущих данному наказанию. Тем не менее, в судебной практике оно до сих пор остается наиболее распространенным. Интересно, что по инициативе Генерального прокурора Республики Беларусь А. В. Конюка и предложению Верховного Суда в 2015 г. максимальный срок наказания в виде ареста снижен до трех месяцев для совершеннолетних и двух месяцев для несовершеннолетних, а также внесены изменения в ст. 90 УК.

Важно подчеркнуть, что УК зарубежных стран предусматривают специальные наказания за совершение преступлений определенной категории. Так, в ряде УК (Испании, ФРГ, КНР) предусмотрено наказание в виде лишения избирательного права. Необходимо обратить внимание, что в УК Азербайджана предусмотрено в качестве дополнительного вида наказания принудительное выдворение иностранцев за пределы Азербайджанской Республики. Известно также, что в Республике Беларусь схожая мера предусмотрена в кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов, как в науке уголовного права, так и на практике является вопрос об эффективности такого наказания как конфискация имущества. В частности, с точки зрения логики, необъяснимо, почему конфискация имущества может применяться только в качестве дополнительного наказания, однако не может быть назначена в качестве основного наказания за преступление корыстного характера. В силу этого полагаем целесообразным установить в УК, что конфискация имущества может применяться как в качестве основного, так и дополнительного наказания.

Не менее важным представляется вопрос и об уголовной ответственности юридических лиц. Подобная тенденция наблюдается в УК большинства стран мира, а именно, Англии, Нидерландов, Польши и др. В Республике Беларусь подобные положения содержатся в КоАП. Мировой опыт свидетельствует, что в такой ситуации вполне успешно можно применять такие виды наказаний, как штраф, специальная конфискация, ограничение деятельности юридического лица, временное прекращение деятельности юридического лица, ликвидация юридического лица. Считаю данный пример положительным, т. к. подобная новелла позволит искоренить имеющиеся на практике случаи нецелесообразного привлечения вышеуказанных субъектов к иным видам ответственности.

Таким образом, действующее законодательство в области установления системы наказаний еще далеко от состояния совершенства, требует определенной корректировки в плане повышения уровня ее согласованности. Чтобы система наказаний в сфере ее применения функционировала нормально, достаточно эффективно, требуется, чтобы, во-первых, она была емкой, т. е. включала такое число видов уголовного наказания, которое позволяло бы суду в каждом случае обеспечить выбор строго индивидуального наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, совершенного человеком, а также его личностных данных. Во-вторых, для обеспечения этой же задачи пределы каждого вида наказания должны быть достаточными для определения судом оптимальной дозы избираемого наказания. В-третьих, система должна соответствовать экономической обоснованности наказаний, а также соразмерности имущественному положению сторон. Комплексный и системный подход к установлению наказаний в законодательстве в перспективе может выступить весьма значимым средством повышения эффективности их действия.

Информация об авторе

***Касперович Надежда Сергеевна** – курсантка 4 курса факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; 375444807153, г. Минск, ул. Багратиона, д.85
kasperovich.n@inbox.ru*

УДК 343.2

К 68

М. С. Коробейникова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Эвтаназия: к постановке вопроса

В статье рассматривается проблема эвтаназии с моральной и правовой точек зрения. Делается акцент на уголовно-правовых аспектах эвтаназии, предлагаются различные пути решения вопроса, анализируется опыт законодательства, регламентирующего эвтаназию в зарубежных странах.

Ключевые слова: эвтаназия, уголовное право, причинение смерти по просьбе потерпевшего.

На сегодняшний день эвтаназия является одной из самых сложных и неоднозначных проблем, с которыми столкнулось общество. В медицинской энциклопедии эвтаназия определяется как «(euthanasia; греч. eu хорошо + thanatos смерть) намеренное ускорение наступления смерти или умерщвле-

ние неизлечимо больного с целью избавить его от страданий»¹. Имеет ли человек право распоряжаться своей судьбой подобным образом, считать это проявлением злой или доброй воли, правомерны ли такие действия стороны, непосредственно осуществляющей эвтаназию? Вот лишь несколько из многочисленных вопросов, касающихся данной проблемы.

Ещё в античные времена точки зрения философов разнились. Так, к примеру, в диалоге Платона «Федон» Сократ говорит о том, что смерть не подвластна человеку, он не может по собственной воле лишать себя жизни, только боги могут указать кому, когда и как уготована смерть. Аристотель же выделял класс действий, смешанных по своему характеру, таких, когда человек принимает решение самостоятельно, однако под натиском различных обстоятельств. То есть выбор смерти при наличии таких обстоятельств как неизлечимость болезни и неминуемые страдания из-за неё².

Ни одна из основных мировых религий, к которым относятся христианство, ислам и буддизм, также не поддерживает эвтаназию.

На сегодняшний день в ряде стран эвтаназия все же легализована. К примеру, Албания, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, а также семь территориальных образований США: Орегон, Вашингтон, Монтана, Вермонт, Колорадо, Калифорния и федеральный округ Колумбия приняли законы, закрепляющие за человеком право на смерть.

В России же эвтаназия запрещена, что говорится в ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента»³. Однако в этом же федеральном законе содержится ст. 20, устанавливающая положение о информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства.

Реализация права на смерть может быть выражена в двух формах: активной и пассивной.

Активная представляет собой действия врача по введению пациенту с его согласия медикаментов, вызывающих быструю и безболезненную смерть.

Пассивная эвтаназия – это отказ пациента от средств жизнеобеспечения, оборудования, препаратов, поддерживающих его жизнь⁴.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: можно ли рассматривать добровольный отказ пациента от медицинского вмешательства пассивной эв-

---

¹ Абрамян С. К., Пилипенко Д. А. Эвтаназия в свете неотъемлемого права человека на жизнь // Гуманит. соц.-эконом. и обществ. науки. 2015. № 11. С. 237–239.

² См.: Ивченко И. А. Эвтаназия как выражение свободы воли и права на смерть (историко-философский анализ) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2013. № 108. С. 95–100.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Уткин И. Е. К вопросу о понятии эвтаназии // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2012. № 18. С. 221–223.

таназией?

На данный момент в Уголовном кодексе Российской Федерации не содержится конкретной нормы, которая бы запрещала эвтаназию под угрозой наказания. Статья 8 УК РФ определяет под основанием уголовной ответственности «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом»⁵. Эвтаназия же как отдельный состав преступления не предусматривается и лицо, совершившее данный акт, может быть привлечено к ответственности по ст. 105 (убийство). Ст. 61 УК РФ, где говорится о совершении преступления по мотиву сострадания, будет влиять не на квалификацию самого деяния, а на наказание виновного лица.

Вероятно, целесообразно было бы выделить эвтаназию в отдельный привилегированный состав преступления, ведь помимо признаков, присущих убийству, она содержит и признаки характерные только для неё самой, которые в целом представляют следующее:

1) объективная сторона – общественные отношения, связанные с жизнью человека или возможностью находиться в живом состоянии. Жизнь любого человека находится под охраной Уголовного кодекса независимо от социального положения, пола, расы, национальности, языка, вероисповедания и т. д.;

2) объективная сторона – деяние, осуществляемое путем действия или бездействия; последствие – причинение смерти; причинная связь между действием или бездействием и причинением смерти;

3) наличие просьбы потерпевшего на причинение ему смерти – такая просьба должна, во-первых, предшествовать во времени совершенному деянию, во-вторых, высказываться свободно, без принуждения, обмана или введения в заблуждение, в-третьих, она должна быть выражена в четкой, ясной, понятной форме, чтобы исключалась всякая двусмысленность понимания воли пациента;

4) противоправность – признак, позволяющий разделить правомерное лишение жизни, к примеру, в случаях необходимой обороны или исполнения приказа от неправомерного;

5) субъективная сторона – всегда умышленное действие или бездействие. Причем косвенный умысел, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично⁶, не может иметь места, так как целью эвтаназии является лишение человека жизни. Мотив и цель этого деяния являются решающими признаками при его квалификации;

---

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

б) субъект – общий, лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста⁷.

Таким образом, видно, что эвтаназию все же следует ограничивать от простого убийства, а ей квалификация по ст. 105 УК РФ нарушает один из принципов уголовного права – принцип справедливости, который закрепляет в ст. 6 УК РФ, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»⁸.

В уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран, таких как Польша, Германия, Португалия, выделяется самостоятельный состав убийства, совершенного по мотивам сострадания или по просьбе потерпевшего. Такое преступление является привилегированным, что означает более мягкое наказание за его совершение по сравнению с простым или квалифицированным убийствами. Но даже несмотря на это отсутствует урегулированность такой формы эвтаназии, происходящей не по воли самого пациента, а с согласия его близких родственников.

Если исходить из точки зрения сторонников эвтаназии, то согласно ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь, что подразумевает под собой и естественное, неотъемлемое право человека на смерть⁹, о гуманном отношении к людям, которые испытывают невыносимые физические и моральные страдания¹⁰, эвтаназию следует легализовать.

В таком случае также необходим ряд мер, который позволит ограничить эвтаназию от других деяний, а самое главное предупредить правонарушения в этой области. Это может быть принятие соответствующих нормативно-правовых актов, включающих перечень болезней и состояний больного человека, при наличии которых может быть осуществлена эвтаназия. Однако и этот вопрос не бесспорный, каждый человек индивидуален и у каждого человека свой болевой порок, а болезни, которые нельзя было вылечить вчера, могут стать излечимыми завтра.

Информация об авторе

Коробейникова Мария Сергеевна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

664035 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1,
e-mail: korobeinikova.mar@yandex.ru

---

⁷ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление : монография. М. : Буквоед, 2006. С. 150–157.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Мустафаев С. Э. Оглы. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные пробл. рос. права. 2016. № 3. С. 130–135.

¹⁰ См.: Михайлова Т. В. Сущность и основные характеристики эвтаназии как социального явления // Изв. Том. политехн. ун-та. 2008. Т. 12. № 6. С. 168–172.

**УДК 343.614
К 95**

И. Н. Куц,
*студентка 3 курса
Юридического института
Томского государственного университета*

К вопросу о субъективной стороне доведения до самоубийства

В статье анализируются проблемы субъективной стороны доведения до самоубийства. На основании точек зрения учёных и анализа судебной практики делается вывод о том, что совершение данного преступления возможно с косвенным умыслом.

Ключевые слова: субъективная сторона, доведение до самоубийства, косвенный умысел.

Вопрос о субъективной стороне ст. 110 УК РФ относится к числу спорных в доктрине уголовного права и в правоприменительной практике. Часть 1 статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Как мы видим, в диспозиции рассматриваемой правовой нормы не содержится прямого указания на форму вины. В связи с этим проблема субъективной стороны данного состава преступления, на наш взгляд, является актуальной и требует разрешения для устранения противоречий в правоприменительной деятельности.

В этой связи в уголовно-правовой науке сложились различные, порой прямо противоположные, подходы к решению данного вопроса.

Одни учёные (например, А. В. Бриллиантов, Г. Н. Борзенков, Д. И. Эльмурзаев, А. И. Коробеев и другие) считают, что совершение рассматриваемого преступления возможно только с умышленной формой вины, при этом допуская как прямой, так и косвенный умысел. Свою позицию они аргументируют тем, что в данном случае виновный должен осознавать, что принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность наступления таких последствий и желает (прямой умысел) или сознательно допускает их или относится к ним безразлично (косвенный умысел).

Другие же авторы полагают, что если имеется прямой умысел на то, чтобы другое лицо покончило свою жизнь самоубийством, содеянное содержит в себе признаки убийства. Так, С. В. Бородин утверждал, что «в случаях, когда лицо ставит себе цель довести другого до самоубийства и создаёт для этого условия, при которых потерпевший вынужден покончить с собой, содеянное надлежит квалифицировать как убийство, которое будет характери-

зоваться особым способом совершения»¹. В связи с этим вторая группа учёных говорит о возможности доведения до самоубийства лишь с косвенным умыслом.

Некоторые авторы (в частности, Г. А. Есаков) придерживаются третьей позиции, согласно которой совершение данного преступления возможно не только с косвенным умыслом, но и по неосторожности. В подтверждение они приводят, как правило, следующее обоснование: в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. А поскольку ст. 110 УК РФ вообще не указывает на форму вины, не стоит исключать неосторожность при совершении данного преступления.

Кроме того, в теории можно также встретить ещё один подход, в рамках которого учёные говорят о доведении до самоубийства как о преступлении с двойной формой вины. Например, Н. К. Семернева и Б. В. Здравомыслов пишут, что субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется неосторожностью либо косвенным умыслом по отношению к последствиям. Н. В. Могиленко утверждает, что неосторожная форма вины имеет место в случаях, когда действия виновного не были нацелены на доведение до самоубийства потерпевшего, а имели другую цель, однако при этом последствия в виде самоубийства или попытки к его совершению наступили². Подобное возможно, к примеру, при совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Стоит отметить, что судебная практика по данному вопросу также неоднозначна. Так, например, приговором Тяжинского районного суда Кемеровской области от 19.04.2016 г. по делу № 1-6/2016 установлено: «Ф. будучи в состоянии алкогольного опьянения, проживая совместно с С., умышленно, с целью доведения её до самоубийства, осознавая, что путем жестокого обращения с С. и систематического унижения человеческого достоинства С. принуждает её к самоубийству, предвидя возможность наступления общественно-опасных последствий в виде смерти С. и относясь к этому безразлично, в период 2013–2015 гг. жестоко обращался с С., систематически унижал её человеческое достоинство, вследствие чего С. покончила жизнь самоубийством через повешение на крыльце квартиры ...»³. Анализируя данную часть приговора, мы можем заметить, что суд признал совершение данного преступления в форме косвенного умысла, признаки которого закреплены в

¹ Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 62.

² Могиленко Н. В. Форма вины при доведении до самоубийства // Актуальные проблемы философии и права : сборник трудов ученых ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Вып. 2. Екатеринбург, 2008. С. 146.

³ Решение по делу № 1-6/2016 (1-149/2015) от 19 апр. 2016 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база данных юристов, адвокатов, судей и судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-tyazhinskij-rajonnyj-sud-kemerovskaya-oblast-s/act-502554669> (25.12.2017).

ч. 3 ст. 25 УК РФ.

Встречаются в судебной практике случаи, квалифицирует действия виновного как совершённые с прямым умыслом. Песчанокопский районный суд Ростовской области в своём приговоре от 12.03.2015 по делу № 1-17/2015 установил, что «В. Н., осознавая общественную опасность своих действий, которыми побуждала В. А. к совершению самоубийства, предвидя возможность самоубийства В. А., и желая наступление этих последствий, унижала человеческое достоинство В. А., что выразалось в оскорблениях ее грубой нецензурной бранью, предложении в адрес В. А. о совершении самоубийства. В результате противоправных действий В. Н. В. А., находясь в состоянии сильной эмоциональной напряженности, совершила самоубийство»⁴. В данной ситуации суд квалифицировал действия виновной не как убийство, как предлагают некоторые учёные, а именно по ст. 110 УК РФ как доведение до самоубийства.

Наконец, судебная практика не исключает и возможности неосторожного доведения до самоубийства. Так, приговором Харовского районного суда Вологодской области от 16.02.2015 по делу № 1-11/2015 установлено следующее: «... П., осознавая общественную опасность своих действий, выразившихся в жестоком обращении и систематическом унижении человеческого достоинства несовершеннолетнего Х, не предвидя наступления общественно опасных последствий в виде его самоубийства, хотя в связи с жестоким характером своего обращения с ним и унижением его человеческого достоинства мог и должен был предвидеть возможность наступления указанных последствий, систематически применял к Х физическое насилие, публично систематически унижал его честь, достоинство, оскорбляя его, в том числе грубой нецензурной бранью. В результате вышеуказанных противоправных действий П., Х покончил жизнь самоубийством...»⁵. Из сопоставления рассмотренной части приговора суда и содержания ч. 3 ст. 26 УК РФ, следует, что суд усмотрел в действиях виновного небрежность.

Таким образом, анализ теоретических источников и сложившейся судебной практики не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о субъективной стороне доведения до самоубийства.

Однако прямой умысел при совершении рассматриваемого состава преступления представляется нам едва ли возможным, так как в этом случае действия виновного будут направлены непосредственно на возбуждение у потерпевшего решимости уйти из жизни и содействие ему в этом. В связи с недавними изменениями уголовного законодательства, подобное охватывается признаками состава преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ –

---

⁴ Решение по делу № 1-17/2015 от 12 марта 2015 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база данных юристов, адвокатов, судей и судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-peschanokopskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-540593591> (25.12.2017).

⁵ Решение по делу № 1-11/2015 от 16 февр. 2015 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база данных юристов, адвокатов, судей и судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-harovskij-rajonnyj-sud-ologodskaya-oblast-s/act-472181640> (25.12.2017).

склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.

Мы не соглашаемся с точкой зрения ученых о том, что доведение до самоубийства возможно умышленно и неосторожно. Думается, что законодатель, формулируя диспозицию доведения до самоубийства тогда бы дифференцировал уголовную ответственность за умышленное и неосторожное совершение преступления, чего в действующем УК РФ не наблюдается. К тому же, состав преступления, за совершение которого умышленно и неосторожно будет установлена одна и та же санкция нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности, а также принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). Вследствие этого мы исключаем неосторожность при совершении данного деяния.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется всё же более верным утверждение о том, что доведение до самоубийства возможно только при косвенном умысле, поскольку, совершая действия, описанные в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, виновный не может не предвидеть возможных последствий своего поведения. Анализ признаков объективной стороны исследуемого состава преступления (способов его совершения) позволяет сделать вывод, что виновный предполагает возможный результат своих действий и способен предвидеть их последствия не абстрактно, как при легкомыслии, а конкретно.

Информация об авторе

Кущ Ирина Николаевна – студентка 3 курса Юридического института Томского государственного университета.

634059, г. Томск, ул. Говорова, 58/1, e-mail: irina_n_kuc@rambler.ru

УДК 343.3/.7

Л 39

Д. О. Леденёв,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Проблемы квалификации вымогательств, совершенных в соучастии

В статье анализируются проблемные вопросы квалификации вымогательств, совершенных в группе, а также приводятся различные точки зрения их правильной квалификации.

Ключевые слова: вымогательство, соучастие, требование, группа.

Соучастие в преступлении является одним из сложных институтов уголовного права и правоприменительной практики. Не является в этом смысле исключением и вымогательство, в качестве квалифицирующих признаков которого предусмотрено совершение его группой лиц по предварительному

сговору (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ) либо организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ). Усиление общественной опасности вымогательства связано с тем, что преступные группы становятся более организованными, используют новые устройства для получения доступа к различной информации, в том числе через сеть интернет, все более изощрённо маскируют угрозу и требование о передачи предмета вымогательства.

В квалифицированном составе вымогательства законодатель не закрепил признак совершения преступления группой лиц без предварительного сговора и некоторые ученые критически отнеслись к этому. Несмотря на распространённость выполнения объективной стороны вымогательства группой лиц без предварительного сговора, пункт «а» части 2 ст. 163 УК РФ исключает данный вид соучастия. Указанное обстоятельство вынуждает правоприменителя квалифицировать действия обоих участников посягательства по признакам ч. 1 ст. 163 УК РФ, что, невзирая на совместность действий соучастников, существенным образом снижает возможности уголовного закона в части усиления ответственности за рассматриваемое преступление¹.

Пункт «а» ч. 2 ст. 163 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за вымогательство группой лиц по предварительному сговору. Указанный состав содержит квалифицирующий признак, так как преступление совершается объединёнными совместными усилиями нескольких лиц, что свидетельствует о более высокой степени общественной опасности. Предварительный сговор при вымогательстве предполагает, что заключение соглашения на совместное посягательство предшествует по времени выполнению вымогательских действий. Указание в законе на этот квалифицированный вид вымогательства позволяет максимально учесть общественную опасность указанных групповых преступлений и усилить предупредительное воздействие закона².

Определение вида соучастия при предварительном сговоре является одним из сложных вопросов в теории уголовного права. Основная точка зрения по данному вопросу исходит из того, что преступная группа возможна лишь в том случае, если лица, участвующие в ней, выступают в качестве соисполнителей. При этом не важно, чтобы каждый исполнитель полностью выполнил совокупность действий объективной стороны преступления. Достаточно выполнить только часть объективной стороны, чтобы появилась возможность говорить о наличии группы. Применительно к вымогательству это выражается в том, что действия соисполнителя могут заключаться только в предъявлении требования или только в высказывании угрозы, применении насилия.

---

¹ Векленко В. В., Никитин Ю. А. Предпосылки совершенствования законодательной конструкции вымогательства, совершенного при отягчающих обстоятельствах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 18.

² Кригер Г. Л. Некоторые уголовно-правовые аспекты преступлений, совершенных организованной группой // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. М., 1990. С. 84.

Конструкция состава вымогательства позволяет также относить к групповому вымогательству случаи, когда один из соучастников фактически исполняет все признаки объективной стороны, а действия других ограничиваются фактом присутствия на месте преступления с целью оказания психического давления на потерпевшего³. Соисполнителями в вымогательстве также будут признаваться лица, которые не высказывали требование о передачи предмета указанного преступления, а только осуществляли в отношении потерпевшего или его близких действия по реализации угрозы: применения насилия, уничтожение или повреждение имущества, распространение нежелательных для потерпевшего сведений.

При этом нужно учитывать важное замечание профессора П. С. Яни: «угроза не уничтожением либо повреждением, а удержанием похищенного самим лицом либо другими лицами имущества признаков вымогательства не содержит. Если лицо за вознаграждение передает потерпевшему похищенный другими лицами автомобиль, такие действия некоторыми юристами предлагается расценивать как преступление, предусмотренное ст. 175 УК, что, однако, вызывает возражение, поскольку, по смыслу этой нормы, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, не предполагает отнесение к такому сбыту возвращение его собственнику»⁴.

В. Н. Сафонов полагает, что при предварительном сговоре может иметь место и распределение ролей и указывает, что законодатель, выделяя группу лиц с предварительным сговором, связывает действия ее участников с совершением, а не с исполнением преступления, что не исключает возможности квалификации действий соучастников с распределением ролей по признаку предварительного сговора⁵.

Если более детально рассмотреть толкование норм ст. 35 УК РФ, то можно сделать вывод о том, что соисполнительство является обязательно только для группы, образованной без предварительного сговора. В то же время, применительно к хищениям, Пленум Верховного Суда РФ указывает, что если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору⁶. Как справедливо заметил А. П. Козлов, так же определена была группа лиц с предварительным сговором в опубликованном Проекте УК РФ: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали исполнители, заранее договорившиеся о совместном его совершении» (ч. 1 ст. 36 Проекта). Однако в ч. 2 ст. 35 принятого и вступившего в силу УК РФ термин «испол-

---

³ Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 69.

⁴ Яни П. С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. № 11. С. 42.

⁵ Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000. С. 65.

⁶ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 1.

нителю» исключен, и речь уже идет только об участвовавших лицах, т. е. победила в итоге здравая позиция, заключающаяся в том, что данная форма группового объединения создается не только действиями соисполнителей, но и других соучастников⁷.

Под организованной группой как особо квалифицирующим признаком вымогательства (п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ) понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Для организованной группы также обязательно достижение предварительного соглашения о совершении одного или нескольких преступлений, однако в данном случае речь идет не о сговоре, а об объединении лиц в этих целях. Поскольку степень организованности – это оценочный признак, здесь возникают различные проблемы в правоприменении. Р. З. Абдулгазиев в своей работе указывает, что признак организованной группы в 79% случаев исключался судом из обвинения либо по причине неверной оценки содеянного на предварительном следствии либо в силу недоказанности того, что группа действительно была организованной⁸.

В Постановлении от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» Пленум Верховного Суда РФ обобщил судебную практику и постарался сократить число судебных ошибок по квалификации вымогательств, совершенных в соучастии. Теперь в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если лицо осуществляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что безупречное теоретическое обоснование института соучастия в преступлении будет способствовать правильной и точной квалификации вымогательств, совершенных группой лиц. При правильной квалификации групповых вымогательств, санкция, заложенная в ч. 2 и ч. 3 ст. 163 УК РФ, будет достигать своей цели и, тем самым, служить основным принципам и целям наказания. Совместно с отлаженным механизмом реализации норм материального и процессуального права это обеспечит эффективное противодействие групповым, организованным формам как вымогательства, так и любого другого преступления.

---

⁷ Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 240–241.

⁸ Абдулгазиев Р. З. Вымогательство по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003.

Информация об авторе

Леденёв Дмитрий Олегович – магистрант 2 года обучения Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

УДК 343.2

Л 84

А. А. Лукьянова,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

Понятие деятельного раскаяния в уголовном праве России

В докладе рассматривается вопрос понятия деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности. Исследуются различные теоретические подходы к определению данного понятия, его лексическое содержание и законодательное определение. Выделяются признаки понятия деятельного раскаяния.

Ключевые слова: основание освобождения от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, постпреступное поведение, признаки деятельного раскаяния.

Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее по тексту – УК РФ) закрепляет принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ). Значение этих принципов, несомненно, велико для регулирования уголовно-правовых отношений. Одним из проявлений принципов справедливости и гуманизма в нормах уголовного закона является институт освобождения от уголовной ответственности. В частности, конкретное выражение указанных принципов – освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Зарождение и первое закрепление норм о деятельном раскаянии лица, совершившего преступление, относится еще ко времени первого памятника права – Русской Правде, т. е. к XI веку. Однако до советского периода данный институт не был сформирован, отсутствовало его системное применение. Если до середины XX века нормы о деятельном раскаянии не находили своего системного применения, то при дальнейшей разработке уголовного законодательства институт деятельного раскаяния был взят на вооружение. Однако в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года деятельное раскаяние, как и в предыдущие периоды, выступало в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность. Применение деятельного раскаяния в качестве

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ : в ред. от 31 дек. 2017 г. № 501-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

основания освобождения лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности, законодательно закреплено только с принятием УК РФ.

Обратимся к лексическому значению понятия деятельное раскаяние. Большинство толковых словарей определяет значение слова деятельный как «живой, энергичный, активно действующий». Слово раскаиваться в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова имеет значение «признаться в совершении ошибки, неправильном поступке, испытать сожаление по поводу совершенного поступка»². В. И. Даль определяет значение слова раскаиваться как «каяться, сожалеть о своем поступке, сознавать, что сделано не то, убиваться совестью, казнить за прошлое»³.

В литературе существует множество определений понятия деятельное раскаяние. Например, Э. Р. Дадакаев под деятельным раскаянием понимает позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, при котором оно осознает недопустимость им содеянного, понимает степень своей ответственности в этом, полностью признает свою вину, добровольно и активно действует, явкой с повинной и другими общественно полезными поступками способствует раскрытию преступления, возмещению нанесенного ущерба или иным образом заглаживанию причиненного преступлением вреда либо совершает другие поступки, свидетельствующие о его раскаянии⁴.

Е. Л. Забарчук, деятельное раскаяние определяет как предусмотренные уголовным законом общественно полезные, активные, добровольные действия лица, совершившего преступление, выразившиеся в конкретных формах, сочетание которых дает вывод об утрате лицом общественной опасности либо ее снижении⁵.

Как указывает С. Н. Шатилович, деятельное раскаяние есть добровольное положительное поведение виновного лица, искренне сожалеющего о совершенном преступлении и направленное на содействие правоохранительным органам в выявлении и раскрытии как собственных, так и связанных с ними иных общественно опасных деяний, в том числе деяний соучастников, а также такое же поведение, направленное на предотвращение, устранение или снижение общественно опасных последствий⁶.

Часть 1 статьи 75 УК РФ устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред,

---

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 159, 604.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 59.

⁴ Дадакаев Э. Р. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

⁵ Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

⁶ Шатилович С. Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 8–9.

причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным⁷.

При этом, пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁸ определяет, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить.

Выделим признаки деятельного раскаяния.

Во-первых, это действия, выраженные в объективной реальности, т. е. действия должны быть выражены вовне, а не существовать только в сознании лица, совершившего преступление.

Во-вторых, это действия лица, совершившего преступление. Лицо, не причастное к совершению преступления, не может «деятельно раскаиваться» в содеянном.

В-третьих, это постпреступное поведение лица, т. е. деяние уже совершено, период времени от момента начала его совершения до момента окончания пройден.

В-четвертых, это сознательные действия лица, совершившего преступление. Данное лицо понимает, какие действия он совершает, с какой целью, каким образом и т. п.

В-пятых, это добровольные действия лица, совершившего преступление, что означает отсутствие принуждения со стороны третьих лиц в отношении данного лица.

В-шестых, это выполнение определенных действий, описанных уголовным законом. УК РФ в статье 75 устанавливает совокупность условий, при соблюдении которых лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

В-седьмых, при определенных объективных обстоятельствах лицом могут быть совершены не все указанные в уголовном законе действия.

В-восьмых, вследствие деятельного раскаяния лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным, т. е. угроза причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом прекращает существовать.

Представляется необходимым законодательное определение признаков деятельного раскаяния, представляющего собой выраженное в объективной реальности, осознанное, добровольное, постпреступное поведение данного

---

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ : в ред. от 31 дек. 2017 г. № 501-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 : в ред. от 29 нояб. 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

лица, выраженное в действиях, предусмотренных уголовным законом, в т. ч. направленных на устранение или уменьшение вреда, причиненного содеянным, и вследствие которого лицо перестает быть общественно опасным.

Информация об авторе

Лукьянова Анна Александровна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

*664035 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1,
e-mail: avhimenko13@qmail.com*

**УДК 343.4
Л 84**

В. В. Лумбунова,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Проблемы законодательной регламентации ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации

Автором рассматриваются проблемы законодательной регламентации статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрены признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 146 УК РФ. Проанализированы причины, препятствующие применению данной нормы на практике.

Ключевые слова: нарушение авторских и смежных прав, крупный ущерб, крупный размер.

Конституция Российской Федерации в ст. 44 устанавливает, что «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества»¹. Гарантируя свободу творчества, государство берет на себя обязательство по обеспечению защиты прав создателей произведений на результаты их творческой деятельности.

В частности, ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за нарушение авторских и смежных прав.

Мы остановимся на рассмотрении такого обязательного признака объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, как последствия в виде крупного ущерба автору или иному правообладателю.

---

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята 12 дек. 1993 г. : в ред. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 29 июля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Именно наличие крупного ущерба дает правоприменителю основание для разграничения составов административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» и состава уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 146 УК РФ.

Суть проблемы сводится к следующему: согласно ч. 1 ст. 146 УК РФ уголовная ответственность наступает лишь в том случае, если деяние причинило крупный ущерб. В примечании к той же статье указано, что деяния, предусмотренные настоящей статьей, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышают сто тысяч рублей, а в особо крупном размере – один миллион рублей³.

На первый взгляд, данное несоответствие не имеет существенного значения, но именно оно делает ч. 1 ст. 146 УК РФ трудно применимой на практике.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» от 26.04.2007 года № 14 (далее – ППВС РФ № 14) в пункте 24 разъясняет, что применительно к ч. 1 ст. 146 УК РФ ущерб, который может быть признан судом крупным, в законе не указан, суды при его установлении должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации). При этом следует учитывать положения ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которой, если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы⁴.

Из вышеизложенного можно сделать вывод: примечание к ст. 146 УК РФ распространяет свое действие лишь на ч. 2 и ч. 3 ст. 146 УК РФ (в диспозициях указанных частей прямо прописывается – крупный размер), а оценка ущерба как крупного применительно к ч. 1 ст. 146 УК РФ производится с учетом сложившейся судебной практики, исходя из обстоятельств конкретного дела.

Соответственно, встает вопрос о том, какими критериями должен руко-

---

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 29 июля 2017 г.

⁴ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака [Электронный ресурс] : постановление пленума Верховного суда Рос. Федерации от 26 апр. 2007 г. № 14. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

водствоваться суд для признания ущерба крупным, ведь ППВС РФ № 14 приводит нам лишь примерный их перечень.

Одни авторы считают, что при оценке ущерба необходимо руководствоваться субъективными и объективными критериями. «Объективным критерием может служить размер гонорара за произведение, а субъективным – оценка ущерба (имущественного или морального) как крупного самим автором»⁵.

Другие, например, Н. А. Лопашенко, считают, что крупный ущерб в отношении частного лица в любом случае не может быть менее одного минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) в месяц, в отношении других потерпевших – менее 200 МРОТ⁶.

Мы согласны с позицией тех авторов, которые считают необходимым учитывать и объективные, и субъективные факторы. Так, «если потерпевший – физическое лицо, то критериями определения размера ущерба могут выступать его имущественное положение, величина доходов, значимость для него утраченного имущества, месячный бюджет его самого или семьи, членом которой он является, и т. п. Если же ущерб причинен юридическому лицу, то в качестве критериев можно выделить его финансовое положение, размер оборотных средств, а также наступление таких последствий, как причинение реального ущерба (расходы кредитора, утрата или повреждение имущества) и упущенная выгода (неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено)»⁷.

При этом, несмотря на то, что ППВС РФ № 14 нам прямо указывает, что при квалификации не должен учитываться причиненный потерпевшему моральный вред, в том числе связанный с подрывом его деловой репутации⁸, мы считаем, что моральный вред, все таки, должен учитываться при расчете ущерба, причиненного правообладателю, поскольку в рамках ч. 1 ст. 146 УК РФ посягательство осуществляется на личное неимущественное право автора (право авторства), а не на исключительное (имущественное) право.

Такой же точки зрения придерживается и Т. Г. Понятовская, которая указывает, что «значение ущерба не исчерпывается стоимостью количества объектов авторских прав или контрафактных экземпляров. При установлении

---

⁵ Бородин С. В. Комментарий к ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Правовой центр ИВВ МВД России. URL: <http://www.nashyprava.ru/biblio/ukrf97/ukrf146.php> (06.02.2018).

⁶ Лопашенко Н. А. Проблемы борьбы с экономической преступностью: законодательный аспект // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 261.

⁷ Пучков Д. В. Проблемы определения крупного ущерба при расследовании преступлений в сфере интеллектуальной собственности на примере ст. ст. 146, 147 УК РФ // Российский юридический журнал, № 2. С. 131.

⁸ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака [Электронный ресурс] : постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 апр. 2007 г. № 14. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

признаков крупного ущерба следует учитывать всю совокупность авторских прав, имущественных интересов правообладателя и последствий их нарушения»⁹, в то же время, отмечая, что при оценке ущерба как крупного могут применяться признаки, указанные в примечании к ст. 146 УК РФ¹⁰.

Поэтому, предлагаем примечание к ст. 146 УК РФ изложить следующим образом: «Крупный ущерб правообладателю в соответствии с частью первой настоящей статьи определяется с учетом имущественного положения правообладателя, причиненного морального вреда, но не может быть менее ста тысяч рублей, а особо крупный ущерб – не менее одного миллиона рублей».

Деяния, предусмотренные частью второй и частью третьей настоящей статьи, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышают сто тысяч рублей, а в особо крупном размере – один миллион рублей».

Информация об авторе

Лумбунова Виктория Владимировна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: yatag7@mail.ru

УДК 343.2

М 33

Е. С. Матвеева,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности

В статье анализируются теоретическая и практическая стороны судебного штрафа, который назначается судом при освобождении лица от уголовной ответственности. Автор рассматривает вопросы реализации данного подинститута на практике. На основе анализа делается вывод об урегулированности и значимости судебного штрафа как меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, преступление.

---

⁹ Понятовская Т. Г. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. М., 2014. С. 305–306.

¹⁰ Там же.

В связи с изменениями в уголовном законодательстве 3 июля 2016 г. в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) был введён ряд статей, регулирующих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа¹.

В соответствии со ст. 104⁴ УК РФ «судебный штраф – денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности»². Перечень оснований назначения судебного штрафа регламентирован ст. 76² УК РФ, которые должны быть в совокупности: лицо впервые совершило преступление; преступление небольшой или средней тяжести; лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или загладило причинённый вред.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»³ в п. 2 конкретизирует условия, при которых лицо может считаться впервые совершившим преступление. В свою очередь, ст. 15 УК РФ и статьи Особенной части определяют преступления небольшой и средней тяжести.

На первый взгляд, практика применения такого поединститута должна быть достаточно проста, однако, вызывает ряд трудностей у правоприменителей. В частности, проблемы реализации связаны с третьим условием ст. 76.2 УК РФ. В науке уголовного права в зависимости от объективной стороны преступления предусмотрены материальный и формальный составы преступления. Материальные составы не вызывают трудностей для назначения судебного штрафа. Так, например, преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, имеет материальный состав и является преступлением небольшой тяжести, поскольку наказание не превышает трёх лет лишения свободы. Возместить ущерб или загладить причинённый вред, который был нанесён совершением такого преступления, возможно в соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №19, согласно которому ущерб «может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лече-

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : федер. закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : ред. от 28 апр. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние)»⁴, и «под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства»⁵.

Формальные составы вызывают наибольшие сложности в реализации ст. 76.2 УК РФ. Преступление с формальным составом считается оконченным с момента совершения общественно-опасного деяния независимо от наступления общественно-опасных последствий. В Особенной части УК РФ таковых преступлений предусмотрен целый ряд, «конструкция которых не предусматривает возможность причинения какого-либо ущерба или иного вреда гражданам, организациям и иным лицам (наиболее распространенные на практике, – ст. 228, ст. 222, ст. 138 ст. 297, ст. 308 и многие другие)»⁶. Вследствие этого возникает вопрос об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.² УК РФ. С одной стороны, вред по некоторым преступлениям с формальным составом возместить невозможно, поскольку он не выражен физически, материально, не имеет никакой стоимости. Однако с другой стороны, вред не всегда должен иметь материальную выраженность, главное – наличие того факта, что был нанесён уголовно-правовой вред общественным отношениям в связи с совершением преступления. В таком случае следует руководствоваться базовыми принципами уголовного права и выходить за рамки понимания вреда только как имущественного ущерба. В соответствии с этим подозреваемый или обвиняемый вправе загладить причинённый им вред действиями, которые противоположны совершённого преступлению.

«К примеру, если речь идет о ст. 228 УК РФ, то виновный имеет возможность загладить уголовно-правовой вред, предотвратив возможное распространение предмета преступления, в ст. 308 УК РФ при даче заведомо ложных показаний виновный может также загладить уголовно-правовой вред дачей правдивых показаний»⁷.

Также необходимо обратить внимание на то, что некоторыми статьями Особенной части УК РФ для лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести, предусмотрено наказание в виде штрафа. И так как судебный штраф является освобождением от уголовной ответственности, не являясь при этом уголовным наказанием, и не влечет за собой судимости, то

---

⁴ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19.

⁵ Там же.

⁶ Екимов А. А. Назначение судебного штрафа как основание для освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. г. Москва, декабрь 2016 г. М. : Буки-Веди, 2016. С. 135–137.

⁷ Там же.

целесообразнее использовать данную норму Общей части УК РФ. В частности, все сомнения по поводу обвиняемого должны трактоваться в пользу обвиняемого в связи с тем, чтобы улучшить его положение, согласно ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 49 Конституции Российской Федерации.

Также примечания к ряду статей Особенной части УК РФ регламентируют особые основания освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, судебный штраф, являясь общим основанием, может применяться только в тех случаях, если иное не предусмотрено статьями Особенной части УК РФ или примечаниями к ним.

Ст. 104.5 УК РФ предусматривает размеры судебного штрафа, где максимальный размер штрафа не должен превышать половины штрафа, который предусмотрен статьей Особенной части, а в случае, если в статье Особенной части отсутствует такой вид наказания, как штраф, то размеры судебного штрафа не должны превышать двухсот пятидесяти тысяч рублей. Также размеры судебного штрафа определяются судом в соответствии с тяжестью совершённого преступления, а также с учётом материального положения обвиняемого и его семьи.

Также необходимо отметить, что статьи УК РФ о судебном штрафе чётко не указывают момент освобождения лица от уголовной ответственности. В связи с этим, анализируя ч. 2 ст. 104.4 УК РФ, а также ст. 446.2 и ст. 446.5 УПК РФ, для освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа необходимы два условия: постановление суда об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также обязательная выплата штрафа лицом, совершившим преступление. В случае невыплаты судебного штрафа в сроки, установленные судом, судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности. В связи с этим, лицо будет освобождено от уголовной ответственности не с момента вынесения судом постановления, а только с того момента, как оно непосредственно выплатило судебный штраф.

Таким образом, назначение судебного штрафа для освобождения от уголовной ответственности является новым, но не до конца урегулированным поединститутотом, поскольку в нормах УК РФ о судебном штрафе имеются определённые пробелы, коллизии с другими статьями УК РФ и примечаниями к ним, а также сложность в определении судебного штрафа на лицо, совершившее преступление с формальным составом. Однако развитие данного поединститута как меры уголовно-правового характера имеет широкие перспективы применения, поскольку судебный штраф уменьшит нагрузку на судебную и уголовно-исполнительную систему, и, кроме того, улучшит положение обвиняемого, который впервые совершил преступление небольшой или средней тяжести.

Информация об авторе

Матвеева Екатерина Сергеевна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

e-mail: katrin_m_irk@mail.ru, тел. 89148809000

УДК 343.225

М 36

А. Р. Махмутова,

Ю. И. Гангало,

*студентки 2 курса Челябинского филиала
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации
(ЧФ РАНХиГС при Президенте РФ)*

**К вопросу об особенностях института ограниченной вменяемости
в российском уголовном законодательстве**

В данной статье представлена категория «ограниченной (уменьшенной) вменяемости», ее место и значение в уголовном праве. Анализируется понятие «ограниченной вменяемости», ее влияние на решение вопроса об уголовной ответственности лица. Указываются различные точки зрения ученых о данном институте уголовного права, раскрывается сущность «ограниченной вменяемости».

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, психические расстройства, медицинский и юридический критерии, уголовная ответственность.

Анализируя часть 1 статьи 21 Уголовного Кодекса Российской Федерации, можно утверждать, что невменяемость – это характеристика лица, совершившего преступление, которая выражается в том, что это лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) либо руководить им вследствие хронического либо временно-го психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики¹. В таком случае, лицо не подлежит уголовной ответственности. А понятие вменяемости, в отличие от невменяемости, не закреплено в нормативном порядке, однако выступает в качестве само собой разумеющегося требования при привлечении к уголовной ответственности и наказании лица.

До 1997 года «вывод о вменяемости лица» имел два способа выражения – «вменяем» или же «невменяем». Других вариантов Уголовный Кодекс РСФСР в то время не предусматривал. Но все кардинально поменялось с вступлением в силу с 1 января 1997 года Уголовного Кодекса Российской

---

¹ Черкашин Е. Ф. Невменяемость в уголовном праве (криминологические и социально-правовые аспекты) // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 75.

Федерации. В нем появилась беспрецедентная для российского уголовного законодательства статья 22 – «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости», в которой впервые закрепляется норма, регулирующая уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, однако ограничивающими способность лица к осознанно-волевому поведению. Для обозначения данного психического состояния лица используется термин «ограниченная вменяемость».

Данное понятие включает в себя перечень психических расстройств, не исключающий вменяемости лица, к ним относится психопатизация, психопатия (расстройство личности), посттравматические стрессовые расстройства («афганский» синдром), невроз, невротические синдромы и прочее². Особенности ограниченной вменяемости: а) исследованию подлежит вменяемый субъект; б) оцениваемое психическое расстройство ограничивает, но полностью не лишает лица способности к произвольной регуляции поведения. Подобно невменяемости, ограниченная вменяемость проявляется в совокупности медицинского и юридического критериев³.

Ограниченная вменяемость не исключает уголовную ответственность за совершенное преступление, но учитывается судом при назначении наказания, а также может стать поводом для назначения принудительных мер медицинского характера. Например, в Республике Адыгея Галушко О. В. совершил кражу в соответствии с пунктом «а» части 3 статьи 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Судом была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, в результате которой установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния обнаружил психическое расстройство в форме органического расстройства личности смешанного генеза с психотическими эпизодами, обусловленными употреблением психоактивных веществ, что не исключало его вменяемости, однако ограничивало его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в соответствии со статьей 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с пунктом «в» части 1 статьи 97 и частью 2 статьи 99 Уголовного Кодекса Российской Федерации, назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у врача психиатра⁴. Таким образом, для установления психического состояния лица назначается судебная экспертиза согласно пункта 3 части 1 статьи 196 Уголовно-

---

² Пестов Д. А. Категория "ограниченной вменяемости" и проблемы ее применения в уголовном праве Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4. С. 2.

³ Рыжова О. А., Паменкова И. А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4. № 1. С. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nevmenyaemost-i-ogranichennaya-vmenyaemost-ponyatie-kriterii-znachenie-v-rossiyskom-ugolovnom-prave>. (03.02.2018 г.)

⁴ Приговор Майкопского районного суда Республики Адыгея от 11 сент. 2017 г. по обвинению Галушко О. В. Дело № 1-137/2017.

процессуального Кодекса Российской Федерации. А для установления ограниченной вменяемости требуется заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, целью которой будет выявление обстоятельств, нарушающих способность лица осознанно руководить своими действиями.

Таким образом, законодатель специально оговорил, что в соответствии со статьей 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, все-таки подлежит уголовной ответственности.

Ограниченная вменяемость «сохраняет все атрибуты вменяемости», поэтому уголовная ответственность лица, признанного ограниченно вменяемым, должна наступать на общих основаниях, и именно поэтому ограниченная вменяемость не означает признание вины в меньшей степени и снижение наказания⁵. Но чаще всего на практике суды учитывают наличие психических расстройств в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (например, kleптомания при совершении кражи). А вот состояние простого алкогольного, наркотического или токсического опьянения не признается психическим расстройством, в чем солидарны большинство юристов и психиатров. На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, согласимся с Р. Р. Тугушевым. Он вносит предложение об изменении названия статьи 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации – «ограниченная вменяемость», поскольку, по его мнению, нынешнее название является некорректным и противоречит логической стройности норм УК РФ. Ограниченная вменяемость является специальным обстоятельством, подлежащим учету при привлечении лица к уголовной ответственности, и поэтому именно это обстоятельство нужно закрепить в названии статьи, не объяснив в самом названии, что она содержит правовую норму об «уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости»⁶.

Во-вторых, существует настоятельная необходимость в коррекции и уточнении юридических и медицинских критериев применения нормы «ограниченной вменяемости», необходимо установление баланса между ними, а также рассматривать категорию ограниченной вменяемости не отдельно, а в комплексе с вменяемостью и невменяемостью⁷.

В-третьих, так как установлено, что тенденция совершения насильственных преступлений против жизни и здоровья человека увеличивается на

---

5 Тугушев Р. Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2002. С. 78.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Шамгунов А. Н. Проблемы применения нормы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, в судебной и судебно-психиатрической практике // Вестник ЧелГУ. 2003. № 2. С. 104.

основе психических расстройств, не исключających вменяемости, следует укрепить арсенал уголовно-процессуальных средств, которые, в свою очередь, направлены на установление психического состояния у обвиняемого в целом.

Информация об авторах

Махмутова Анастасия Руслановна – студентка 2 курса Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЧФ РАНХиГС при Президенте РФ).

454450, г. Челябинск, ул. Потемкина, д. 3, кв. 146,

e-mail: stasiya190@mail.ru

Гангало Юлия Ильинична – студентка 2 курса Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЧФ РАНХиГС при Президенте РФ).

454112, г. Челябинск, ул. Пионерская, д. 14, кв. 42,

e-mail: ooolya07@mail.ru

УДК 343

М 42

Е. Д. Медяник,

магистрант 2 года обучения
по направлению «Юриспруденция»,
АНО ВО Институт законовeдения
и управления ВПА, г. Тула, Россия

К вопросу об административной преюдиции в уголовном праве России

В статье анализируется состояние современного уголовного закона в части функционирования норм с административной преюдицией. В работе затронуты вопросы о сущности административной преюдиции в уголовном праве, дискуссии российских и советских правоведов о целесообразности ее использования, а также обозначены проблемы социального, нормативного и технического характера, затрудняющие применение данного приема юридической техники.

Ключевые слова: административная преюдиция, административное наказание, уголовная ответственность, повторность, личность правонарушителя, преступление, состав преступления.

В правовой системе Российской Федерации вряд ли найдется еще одна отрасль, которая претерпела столь многочисленные изменения, как уголовное право. Нестабильность экономики, влияние политических процессов, состояние криминализации общества повлекли за собой не только изменения уголовной политики государства, но и требуют коренного переосмысления

положений теории уголовного права. К сожалению, уголовно-правовая наука не всегда успевает реагировать на изменение законодательства. Но в большей степени проблемой является то, что наука в недостаточной степени влияет на формирование уголовного законодательства. Разрыв между теорией уголовного права и уголовным законодательством России создает порой проблемы понимания сущности уголовной ответственности, различий между преступлением и иными правонарушениями. Примером этому является возврат к практике административной преюдиции (далее – АП) в уголовном праве, которая не так давно оценивалась правоведами как изживший себя институт. Под АП в уголовном праве понимается условие установления уголовной ответственности для лица, если оно в течение определенного периода после одного или двух административных наказаний за правонарушение совершит такое же правонарушение, объявленное преступлением в статье Особенной части УК РФ.

Как свидетельствуют М. А. Лапина, Н. И. Хавронюк, АП – это сугубо советская выдумка, и в уголовных кодексах стран Западной и Центральной Европы уголовно-правовых норм с административной преюдицией практически не найти¹. Исключение составляет современное уголовное законодательство Республики Беларусь, статья 32 которого в качестве условия уголовной ответственности предусматривает административную или дисциплинарную преюдицию.

Начиная с УК РСФСР 1922 г. и в последующих уголовных законах АП имела большое разнообразие использования в статьях Особенной части и, например, в УК РСФСР 1960 г. она применялась в разное время в более чем 25 статьях. В период разработки УК РФ 1996 г. имел место практически полный отказ от прямой формулировки АП в уголовно-правовых нормах, но с течением времени (и особенно с 2011 года) обнаружилось стремление законодателя вернуться к АП в уголовном праве в ее классическом виде. Тем не менее, теоретического обоснования такого подхода нет до сих пор, что вызывает неоднозначные оценки среди ученых и практиков и традиционно делит их на сторонников и противников данного подхода.

Приверженцы АП приходят к выводу о том, что ее использование исключает случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству² и является своего рода средством сдерживания преступности при одновременной реализации принципа экономии уголовно-правовой репрессии³. Ведь лицо, совершив-

---

¹ Лапина М. А., Карпухин Д. В., Грунцевский Ю. В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1142.

² Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 51.

³ См. напр.: Грунтов И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 12 ; Малков В. П. Административная и дисциплинарная

шее административное нарушение и подвергнутое за это административно-правовому воздействию, тем самым предупреждается о возможном его привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им еще одного такого же нарушения»⁴.

Однако, по нашему мнению, наличие нормы об административном правонарушении, тождественном преступлению, имеет и обратное значение. Заведомо зная, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за первично совершенное правонарушение, оно вполне осознанно будет нарушать административное законодательство. Таким образом, АП имеет положительный эффект только по отношению к лицам, не являющимся злостными правонарушителями. Последних же она укрепляет в мысли о том, что уголовную ответственность можно избежать. Именно поэтому в настоящее время появились критические замечания по поводу АП в статье УК РФ о причинение побоев, смысл которых свелся к необоснованности использования такого приема – отмечается рост насилия в семейных отношениях, заканчивающихся побоями.

Анализ позиций противников АП позволяет сделать вывод о том, что нормы с АП способствуют усилению репрессивности уголовного законодательства, нарушают принцип *non bis in idem* (за одно не дважды), т. к. повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, требующее не административно-правового, а уголовно-правового реагирования, а также размывают границы между преступлением и административным правонарушением, между уголовным и административным правом.

В то же время существование норм с АП разрушает теорию уголовного права.

1. «Преступление с АП, не являясь формой множественности преступлений, не наделенное признаками единичного простого, ни единичного сложного преступления, противоречит теории преступления и существовать не может»⁵.

2. «Преступлением считается только общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава, независимо от иных обстоятельств, в частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок»⁶.

В настоящее время, когда преюдиционные нормы введены в УК РФ и стали обычным явлением, наиболее актуальным видится обращение к следующим сугубо практическим проблемам применения уголовного закона:

1. АП предполагает возможность привлечения к уголовной ответствен-

---

преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 196.

⁴ Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 40.

⁵ Герасимова Е. А. Проблемы использования института административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 180.

⁶ Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 28.

ности за совершение двух однородных поступков, когда имеется предварительная административно-правовая оценка первого из них, без которой нет общественной опасности содеянного в целом. Обособлено одно из таких деяний по логике АП общественной опасностью не характеризуется. Однако вредоносность тождественных деяний отличаться не может.

2. В социальном контексте АП искусственно принижает способности современного человека познавать общественную опасность соответствующего деяния без предварительного административно-правового упрека. В таком случае АП должна вводиться во все нормы Особенной части УК РФ.

3. Во избежание разрушения самой системы уголовного права как отрасли права и законодательства необходимо привести Общую и Особенную части УК РФ в соответствие. Прежде всего, в корректировке нуждаются базовые понятия – понятие преступления, понятие состава преступления.

4. Административная преюдиция по существу является обстоятельством, характеризующим личность правонарушителя, что разделяется многими учеными⁷, которые считают, что виновный при совершении повторных преступлений демонстрирует вызов обществу и тем самым обнаруживает свою повышенную опасность. Из этого делается вывод о том, что административное наказание не дало должного результата и требуется усилить ответственность за совершение тождественного (однородного) преступления путем введения АП в уголовное право. Вышесказанное не отменяет того факта, что в понятие «состав преступления» термин «личность» не входит, а используется понятие «субъект», что еще более запутывает механизм действия АП в уголовном праве.

Для приведения в соответствие элементов состава преступления с реалиями действующего уголовного закона предстоит большая работа и здесь пока нет однозначного решения. Например, возможно выделить еще один специальный субъект в уголовном праве – лицо, ранее подвергнутое административному наказанию, хотя и эта мера повлечет за собой проблемные моменты. Также актуальным будет анализ субъективной стороны преступления, поскольку в подавляющем большинстве случаев лицо осознает возможность привлечения к уголовной ответственности, но целенаправленно совершает правонарушение с повторным прямым умыслом.

В заключение еще раз отметим, что в настоящее время институт АП уже имеет место быть в уголовно-правовой сфере, однако он не просто характеризуется пробелами и недоработками, а его существование вообще не обосновано с правовой точки зрения.

---

⁷ См., напр.: Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 41 ; Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. М. 2008, № 2. С. 87.

Информация об авторе

Медяник Екатерина Дмитриевна – студентка 2 курса АНО ВО Института законоведения и управления ВПА (АНО ВО ИЗУ ВПА).

300028, г. Тула, ул. Болдина, 98, e-mail: yekat.medyanik2015@yandex.ru

УДК 343.2

М 47

Р. А. Мелкумян,

студентка 3 курса

Института юстиции

Саратовской государственной

юридической академии

**О дефиниции понятия «уголовный проступок»
и перспективах ее законодательного закрепления в УК РФ**

В статье рассматривается дефиниция уголовного проступка, которая была предложена Верховным Судом РФ, а также критерии, определяющие ее сущностное наполнение. Автор делает вывод о необходимости дальнейшей разработки данного понятия и включения его определения в УК РФ.

Ключевые слова: уголовный проступок, административное правонарушение, административная преюдиция, преступление.

Уголовное законодательство Российской Федерации подвергается постоянным изменениям. Связано это, в первую очередь, с развитием различных криминальных проявлений и необходимостью государства своевременно на них реагировать. Связь реформирования прослеживается и с тенденциями уголовной политики России, определяющей направления, в которых вынуждено двигаться уголовное законодательство. Одним из таких направлений является введение в уголовное законодательство категории «уголовный проступок».

Несмотря на неоднозначное отношение ученых и правоприменителей к введению данной категории в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), Пленум Верховного Суда РФ постановлением от 31.10.2017 внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹ (далее – постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017).

Понятие «уголовный проступок» не является новым для отечественно-

---

¹ О внесении в Государственную Думу РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 окт. 2017 г. № 42. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

го законодательства. Оно, наряду с преступлением, существовало еще при Петре I², так же как и в ст. 2 Главы I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³ В Уголовном уложении 1903 г. в ст. 3 Главы I «О преступных деяниях и наказаниях вообще» законодатель структурирует преступные деяния по принципу назначаемых наказаний на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки⁴. Советский период характеризуется переосмыслением многих позиций, в том числе уголовно-правовых, поэтому законодатель «отказался от категоризации преступлений, установленной в дореволюционном уголовном законодательстве, равно как и от закрепления такой уголовно-правовой категории, как уголовный проступок»⁵. Основываясь на приведенном анализе отечественного законодательства, представляются неверными позиции противников введения уголовных проступков, которые обосновывают свои доводы тем, что их появление в УК РФ будет являться результатом влияния исключительно общемировых тенденций.

В уголовно-правовой науке существует множество предложений о том, каким именно должно быть определение уголовного проступка и какими характеристиками он должен обладать. Пленум ВС РФ в постановлении от 31.10.2017 под уголовным проступком признает *преступление* небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Таким образом, Пленум ВС РФ предлагает осуществлять автоматический перевод преступлений небольшой тяжести в категорию уголовных проступков, избрав критерием для разделения этих понятий вид уголовно-правовой санкции и фактически создав пятизвенную систему преступлений. Спорным является признание уголовного проступка преступлением, так как получается, что качественной разницы между ними не наблюдается, однако сам термин «проступок» призван обозначать *непреступное деяние*, общественная вредность которого выше общественной вредности административного правонарушения.

В целях выявления сущности уголовного проступка находим верным привести критерии отнесения противоправных деяний к категории уголовных проступков, выведенных Е. В. Роговой:

1) «характер общественной опасности деяния (объектами уголовных проступков являют объекты уголовно-правовой охраны, за исключением

---

² Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 15–18.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (04.03.2017).

⁴ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года [Электронный ресурс] // Библиотека книг по истории России эпохи Николая I. URL: <http://library6.com/8569/item/553030> (04.03.2017).

⁵ Рогова Е. В. Уголовный проступок в истории отечественного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3. С. 37.

жизни человека, мира и безопасности человечества);

2) степень общественной опасности деяния, которая характеризуется последствиями уголовных проступков, способом совершения деяния, отношением субъекта к совершенному деянию и его последствиям;

3) распространенность деяния;

4) общественное восприятие деяния как уголовного проступка»⁶.

Таким образом, уголовные проступки – это деяния, общественная опасность которых существенно ниже, чем у преступлений, что должно подкрепляться и особым объектом посягательства, неопасным способом совершения деяния, а также определенной формой вины (в большинстве случаев – неосторожностью). Еще Н. Ф. Кузнецова предлагала различать как преступную, так и непроступную общественную опасность, которая присуща как раз уголовным проступкам⁷.

Необходимо также отметить, что введение уголовного проступка по задумке Пленума ВС РФ никак не повлияет на наличие административной преюдиции в УК РФ. Видится, что «соседство» двух этих категорий приведет к разрушению системы преступных деяний, размыванию всяких границ между уголовным и административным правом. Введение уголовного проступка и есть та альтернатива, которая способна устранить негативные моменты, возникающие при применении административной преюдиции, ведь по существу уголовный проступок как раз и является «буферной зоной» между правонарушением и преступлением. Да и в целом, касаясь соотношения этих двух элементов, нужно отметить, что в УК РФ и КоАП РФ существует достаточное количество схожих между собой составов правонарушений, которые различаются исключительно размером вреда и граница между которыми очень тонка. В связи с этим представляется, что для более эффективной борьбы с правонарушениями, «посягающими на права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц, безопасность окружающей среды, общественный порядок и общественную безопасность, и по степени своей общественной опасности тяготеющие к уголовно-наказуемым деяниям»⁸, т. е. по своей сути не административными (управленческими), необходимо перенести их в уголовно-правовое поле, создав для этого категорию уголовных проступков⁹.

---

⁶ Рогова Е. В. Реализация идеи законодательного закрепления уголовного проступка // Трансграничная безопасность и государство в современном мире : матер. междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2016. С. 128.

⁷ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 76.

⁸ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко» : постановление Конституционного суда РФ от 14 февр. 2013 г. № 4-П // Рос. газ. 2013. 27 февр.

⁹ См. об этом также: Корсун Д. Ю. О законопроекте Верховного Суда, связанного с декриминализацией ряда преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 88–94.

Ввиду несовершенства предложенной Пленумом ВС РФ дефиниции необходимо сопоставить ее с уже имеющимся определением уголовного проступка в УК Республики Казахстан. Уголовным проступком по УК РК признается «совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее *незначительный вред* либо создавшее *угрозу причинения вреда* личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста»¹⁰. Необходимо отметить, что употребление такой оценочной характеристики, как незначительный характер вреда, способствует размыванию границы между проступком и малозначительным деянием, которые предусмотрены уголовными законами и РФ, и РК, что не является, по нашему мнению, рациональным решением вопроса о соотношении этих двух категорий. Впрочем, по мнению Е. В. Роговой, «деяния, формально подпадающие под действие ч. 2 ст. 14 УК РФ, наряду с преступлениями небольшой тяжести могут стать основой формирования категории уголовных проступков, что позволит реагировать на них со стороны государства в рамках уголовно-правового поля»¹¹. С данной точкой зрения сложно согласиться, т. к. малозначительные деяния необходимо отличать от проступков или преступлений, ведь они априори не несут в себе общественной опасности. Считаем, что с введением уголовных проступков следует конкретизировать критерии малозначительности путем издания Пленумом ВС РФ соответствующих рекомендаций, компенсировав тем самым субъективизм данного понятия.

В связи с изложенным считаем, что проект, предложенный Пленумом ВС РФ, в указанном виде не может быть принят ввиду значительности предполагаемых изменений, требующих серьезной переработки как уголовного, так и административного законодательства, и нуждается в совершенствовании.

Информация об авторе

Мелкумян Роза Амбарцумовна – студентка 3 курса Института юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 410028, г. Саратов, ул. Вольский пер., 15К1, кв. 143, e-mail: roza.melkumyan@gmail.com

---

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. № 226-V : с изм. и доп. по сост. на 09 янв. 2018 г. [Электронный ресурс] // Система правовой информации «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=0;0 (04.03.2017).

¹¹ Рогова Е. В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3(59). С. 23–29.

УДК 347.243

Н 62

Д. Ю. Никитенок,

студентка 3 курса

Владивостокского государственного

университета экономики и сервиса

(ВГУЭС)

Ответственность соучастников преступления

В статье анализируются проблемы ответственности соучастников преступления. Согласно действующему уголовному законодательству, ответственность соучастников определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Автор проанализировал как законодательные, так и теоретические положения о соучастии и подробно рассмотрел проблемы, связанные с ответственностью соучастников. Предлагается авторская редакция ст. 63 и 67 УК РФ.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, виды соучастников, ответственность соучастников преступления, назначение наказания.

Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии, является одним из спорных вопросов уголовного права. Связано это, прежде всего с тем, что институт соучастия имеет сложную структуру, а также содержит в себе некоторые противоречивые элементы. Согласно статье 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. На основании п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) признается отягчающим обстоятельством и согласно ч. 7 ст. 35 влечет назначение более строго наказания.

Действующий уголовный кодекс предусматривает нормы, касающиеся назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, но не предъявляет конкретных требований к назначению наказания соучастникам, оставляя решение вопроса за судом. Не устанавливаются такие критерии и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания». По мнению автора данной работы, упомянутый вопрос требует более детальной регламентации и более полного разрешения.

Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ соучастниками преступления признаются: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Основанием для такого разграничения является роль соучастников, характер выполняемых ими действий, степень их участия в преступлении. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай: «Цель такого разграничения – дать более точную юридическую оценку действиям каждого из соучастников, определить объем его вклада и назначить справедливое наказание, которое будет соответствовать характеру

и степени содеянного»¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнитель – лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ. Согласно с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившие ими. Часть 4 статьи 33 УК РФ предусматривает следующее определение – подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Пособником же признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Такое разграничение имеет большое значение при назначении наказания. Например, самая большая разница между организатором/исполнителем – пособником/посредником, без смягчающих и отягчающих обстоятельств, составила 3 года^{2,3}. Из проанализированных нами 100 дел по ч. 1 ст. 105 УК РФ по каждому виду соучастников следует, что строже всего наказывались действия исполнителя и организатора. Минимальный размер наказания назначался именно подстрекателю и пособнику. В уголовно-правовой науке так же господствует позиция о том, что исполнитель и организатор должны нести более тяжкое наказание по сравнению с пособником и посредником. Так, А. В. Ушаков утверждает, что «в плане сравнительного анализа характера действий, выполняемых названными фигурами соучастников, наибольшую опасность, как правило, представляют действия организаторов и исполнителей преступления»⁴. Г. Л. Кригер пишет, что «теория уголовного права и судебная практика, конкретизируя общее положение о наказании соучастников, признают, что наибольший вред в совершении преступления причиняют его исполнитель и организатор и потому в отношении них должно применять, как правило, более строгое наказание, конечно же, с учетом характера и

---

¹ Иногамова-Хегай Л. В., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов. М. : ИНФРА-М, 2008. С. 560.

² Приговор Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 2-11/2016 от 31 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/ННХvkzqqVIZv (15.01.2017).

³ Приговор Иркутского областного суда по делу 2-90/2014 от 18 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-467501251> (15.01.2017).

⁴ Здравомыслов Б. В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. М. : Юристъ, 1999. С. 480.

степени проявления преступной функциональной роли»⁵.

В. С. Комиссаров вообще говорит о ключевой фигуре в соучастии только исполнителя: «Исполнитель – обязательная фигура преступления, совершаемого в соучастии: без любого другого соучастника преступление может быть совершено, физическое отсутствие исполнителя означает невозможность совершения преступления»⁶.

Именно исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления, его действия являются некой «почвой» для действий иных соучастников и влияют на их правовую оценку, а также характеризуются умышленной формой вины. Необходимо также отметить, что при отсутствии действий исполнителя само соучастие как институт уголовного права исключается.

Особо опасной фигурой среди иных соучастников признается организатор преступления. Так, М. И. Ковалев утверждает, что «из всех соучастников можно выделить организатора, степень участия которого в преступлении логически всегда является наивысшей»⁷. «Если исполнитель признается наиболее важной фигурой в соучастии, то организатор является самой опасной фигурой. От его преступной воли зависит поведение других лиц (иногда десятков и сотен)»⁸. Его действия, как и действия других соучастников, характеризуются умышленной формой вины, а что самое важное, выражаются в нескольких формах преступного поведения. Организатором признается тот, кому в большинстве случаев принадлежит идея совершения преступления, тот, кто осуществляет отбор и распределяет роли соучастников, разрабатывает план преступления, осуществляет руководство и некоторые другие функции. Необходимо подчеркнуть, что согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность за приготовление к преступлению наступает только за те, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких, что также говорит о том, что организатор является наиболее опасной фигурой соучастия.

Исследования, проводимые наукой уголовного права, указывают на то, что вопросы, касающиеся ответственности соучастников и назначения им наказания упираются в акцессорную теорию соучастия, получившей широкое распространение в настоящее время. Сущность данной теории заключается в том, что основной фигурой преступления признается исполнитель, при этом действия других участников носят второстепенный характер, их ответственность производна от действий исполнителя и зависит от ответственности последнего. Акцессорная теория нашла поддержку у многих отечественных авторов, так М. И. Ковалев утверждает, что «Отрицание акцессорности является отражением социологических воззрений. Уголовному законодательству свойственно признание акцессорной природы соучастия, а без исполнителя

⁵ Кудрявцева В. Н. Курс российского уголовного права. Общая часть. М. : Юристъ, 2001. С. 384.

⁶ Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. М. : Статут, 2012. С. 879.

⁷ Козаченко И. Я., Незнакомова З. А. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов. М. : Норма, 1999. С. 258.

⁸ Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право : учебник. М. : Юристъ, 1999. С. 480.

нет и соучастия»⁹.

Изложенное позволяет утверждать, что действия исполнителя и организатора характеризуются высокой степенью общественной опасности, а соответственно должны повлечь за собой назначение более сурового наказания.

Действия подстрекателя и пособника характеризуются меньшей степенью опасности, вследствие чего наказание им назначается менее строгое. Так, Алешина У. Н., ранее не судимая, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, за что приговорена к лишению свободы на 8 лет с ограничением свободы сроком на 1 год¹⁰. Химова В. А., ранее не судимая, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, за что приговорена к лишению свободы сроком на 6 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима¹¹. Захаренко Н. А., ранее не судимый, признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, за что приговорен к лишению свободы сроком на 6 лет 6 месяцев¹².

Подстрекатель является тем соучастником, который, как и пособник, не выполняя объективной стороны преступления, играет в соучастии второстепенную роль. Все действия подстрекателя сводятся к тому, чтобы, влияя на волю исполнителя путем уговора, убеждения или угрозы, вызвать у последнего решимость совершить определенное преступление. Пособник своими действиями только усиливает решимость исполнителя совершить преступление, оказывая помощь в различных ее проявлениях – от советов до предоставления орудий совершения преступления. Однако, несмотря на кажущуюся «простоту» действий, в его деяниях также присутствует общественная опасность. Так, оказание помощи во время приготовления к преступлению, а также участие в самом его совершении свидетельствует о высокой степени вовлеченности пособника в преступление. Многие авторы указывают на то, что общественная опасность подстрекателя выше, чем пособника. Е. В. Благов утверждает: «Подстрекатель появляется до, пособник – после возникновения у исполнителя решимости совершить преступление. Первый ее порождает, последний – только укрепляет»¹³.

В настоящее время уголовный кодекс не делает вывода и не закрепляет точный размер наказания за преступление, совершенное в соучастии. Бес-

⁹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. С. 560.

¹⁰ Приговор Иркутского областного суда по делу № 2-16/2014 от 07 фев. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1166950#0> (18.01.2017).

¹¹ Приговор Вяземского районного суда по делу 1-23/2010 от 9 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-vyazemskij-rajonnyj-sud-smolenskaya-oblast-s/act_100135250 (18.01.2017).

¹² Приговор Лоухского районного суда Республики Карелия по делу № 1-17/2015 от 16 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-louhskij-rajonnyj-sud-respublika-kareliya-s/act-540012827> (19.01.2017).

¹³ Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 505.

спорно, при совершении преступления вклад в преступный результат у каждого соучастника свой, в зависимости от выполняемой им роли, соучастники являются участниками общей вины, но назначение наказания каждому из них, по мнению автора данной работы, должно быть законодательно конкретизированным. В связи с этим, предлагаю дополнить статью 67 УК РФ следующими частями.

3) Срок и размер наказания исполнителя и организатора не может быть менее трех четвертых максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи Особенной части настоящего кодекса.

4) Срок и размер наказания подстрекателя не может быть менее половины максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи Особенной части настоящего кодекса.

5) Срок и размер наказания пособника не может быть менее одной трети максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи Особенной части настоящего кодекса.

А пункт «в» части 1 статьи 63 УК РФ дополнить следующими словами: «наказание за которое не может быть менее одной трети максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи Особенной части настоящего кодекса».

Информация об авторе

Никитенок Диана Юрьевна – студентка 3 курса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).

690033, г. Владивосток, ул. Постышева, д. 43, кв. 51, e-mail: *dianka-live@list.ru*

**УДК 343.97
Н 86**

В. В. Ночевная,

студентка 3 курса

ВШП АО «Университет КАЗГЮУ»

Республика Казахстан

Криминологическое прогнозирование насильственной преступности в городе Астана (на примере грабежа)

На основе анализа статистических данных за период 2008-2017 год сделан вывод относительно количества грабежей на 2018 год в городе Астана. При анализе был использован метод криминологического прогнозирования – метод экспертных оценок.

Ключевые слова: прогнозирование, преступность, грабеж, насильственная преступность.

Криминологическое прогнозирование – важнейший вопрос профилактики и предупреждения преступности, который способствует повышению эффективности деятельности государства по борьбе с нею. Профессор Каиржанов Е. И. дал этому термину следующее определение: «Это научное предсказание изменений, тенденций и закономерностей преступности в целом как социального явления, отдельных видов, групп преступлений в будущем, перспектив (путей) предупреждения преступности, ее различных сторон»¹.

Криминологическое прогнозирование способно оценить состояние преступности в настоящий момент, определить особенности ее проявления, а также спрогнозировать перспективы ее развития в будущем, её последствия. На сегодняшний день в Республике Казахстан состояние и динамику преступности определяет сложившийся кризис в сферах общественной жизни. Согласно мнению ученых, длительное проведение реформ в последние годы является причиной ухудшения в обществе криминальной ситуации. Фактором, влияющим на рост грабежей, является и развитие в экономике страны рыночных отношений. Как указывает Карпец И. И.: «Рыночные отношения изначально беременны преступностью»².

В этой связи мною был составлен краткосрочный прогноз – на 2018 год. По замыслу исследования он должен помочь оценить тенденции развития преступности на примере грабежей, а также определить установить факторы, влияющие на изменение их динамики. Данные прогнозы зависят от того, как они отражаются в общесоциальных и экономических прогнозах явлений, наиболее влияющих на преступность; необходимы для профилактики, планирования и других способов борьбы с преступностью на актуальный период времени, связывая его с общей системой социального и экономического планирования. Сам прогноз преступности, даже краткосрочный, помогает поставить конкретные цели и задачи для профилактики, а также ее основные направления, вовремя подготовить необходимое количество ресурсного обеспечения для борьбы с преступностью.

Если обратить внимание на официальную статистику, то можно обнаружить, что в Астане количество выявленных грабежей варьируется из года в год (Диаграмма 1)³. Среднее количество зарегистрированных грабежей в год – 1,3 тысячи по медиане.

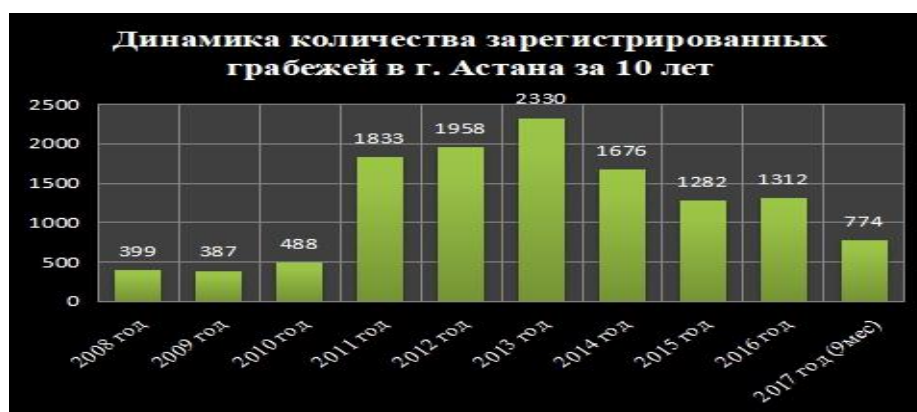
---

¹ Каиржанов Е. И. Криминология (Общая часть). Алматы, 1995. С. 185.

² Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М. : Российское право, 1992. С. 152.

³ Статистические данные грабежей в г. Астана за 10 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPAGEGROUP/Services/Pravstat> ; <http://qamqor.gov.kz/gis/analytics/index.html> ; <http://infopublic.pravstat.kz/crime> (15.02.2018).

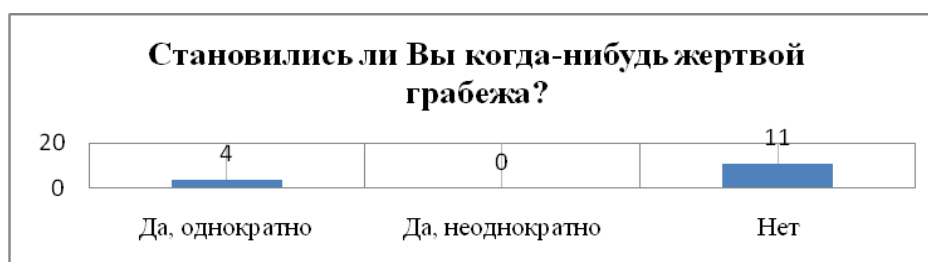
(Диаграмма 1)

Существует несколько методов криминологического прогнозирования, из которых для реализации поставленных задач был избран метод экспертных оценок. Значимость данного метода заключается в высказывании своего суждения о прогнозируемом явлении или событии специалистом, который, помимо официальных данных, полагается на свою интуицию и опыт.

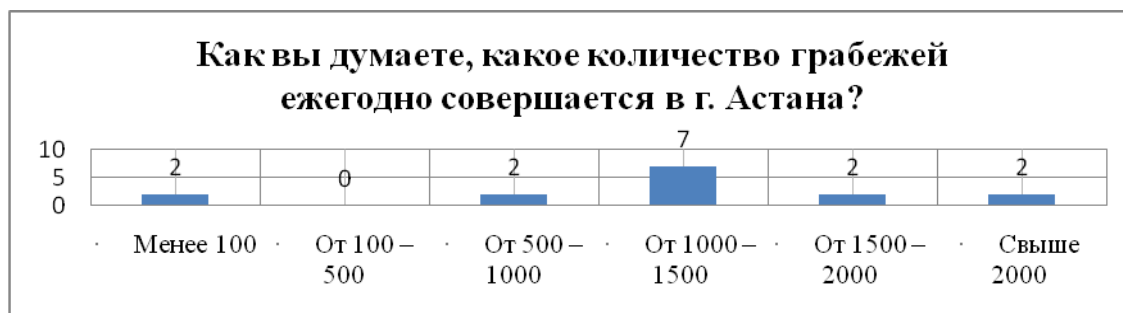
Метод экспертной оценки можно реализовать посредством передачи экспертам матриц, которые содержат количественную оценку возможных изменений в виде заранее установленного перечня, например, факторов, по заданной шкале.

Экспертная группа состояла из 15 респондентов, 10 преподавателей научной сферы КАЗГЮУ, имеющих практический опыт и 5 сотрудников УВД района «Есиль» города Астана. В ходе исследования каждому респонденту была предложена специально разработанная анкета. В итоге были получены следующие результаты:

1) По результатам анкетирования только 4 из 15 опрошенных респондентов становились жертвой грабежа, из них лишь один сотрудник УВД.

2) По мнению респондентов, количество грабежей в г. Астана ежегодно варьируется от 1000 до 1500. При этом, сотрудники УВД дали ответы только от 1000–1500 и от 1500–2000.

3) В данном вопросе респонденты указали различные факторы, следовательно, все они оказывают разную степень влияния на совершение грабежей. Из них 1 вариант отметило 2 сотрудника УВД, 2 вариант – 3 сотрудника УВД, 3 вариант – 2 сотрудника УВД, 4 вариант – 0 сотрудников УВД, 5 вариант – 3 сотрудника УВД, 6 вариант – 2 сотрудника УВД, 7 вариант – 1 сотрудник УВД и 8 вариант – 2 сотрудника УВД.

4) На вопрос: «Какой способ наказания, по Вашему мнению, более эффективен для данного вида уголовного правонарушения?» Абсолютно все респонденты ответили – лишение свободы с конфискацией имущества, либо без таковой.

5) Большая часть респондентов считает, что количество грабежей в г. Астана в 2018 году уменьшится. Из них 2 сотрудника УВД указали вариант «Количество грабежей возрастет» и 3 сотрудника УВД отметили, что количество грабежей не изменится.

б) Большая часть респондентов считают, что количество грабежей в г. Астана в 2018 году будет примерно от 1000 до 1300. Из них 3 сотрудника УВД указали 1000–1300 и 2 сотрудника УВД 1500–1700.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что метод экспертных оценок позволил спрогнозировать перспективу снижения количества грабежей в 2018 году: в городе Астана – это число предположительно будет составлять от 1000 до 1300.

Информация об авторе

Ночевная Виктория Владиславовна – студентка 3 курса специальности «Правоохранительная деятельность» АО «Университет КАЗГЮУ». 010000, г. Астана, ул. Коргалжинское шоссе, 8, v_nochevnaya@kazgiu.kz

**УДК 343.6
О 54**

Ю. О. Олейникова,
студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

Проблемы определения субъективной стороны в преступлениях, связанных с доведением до самоубийства

В статье рассматриваются проблемы, возникающие у правоприменителя при определении субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Автор анализирует различные подходы к определению субъективной стороны, существующие в науке уголовного права.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, суицид, субъективная сторона.

В доктрине высказываются различные точки зрения относительно причин редкого применения ст. 110 УК РФ. Среди них – высокая латентность преступлений, недостаточно эффективная работа правоохранительных органов, необходимость обращения к положениям других наук в процессе работы с нормой. Каждая из этих причин кажется вполне обоснованной. Однако, по нашему убеждению, их ряд может быть дополнен и сложностью определения субъективной стороны преступления. Обращаясь к зарубежному опыту, можно выявить, что некоторые законодатели императивно закрепляют возможные формы вины данных составов. Например, в ст. 110 УК Армении говорится о том, что доведение до самоубийства возможно лишь при косвенном умысле или неосторожной форме вины. Между тем отечественный законодатель не решается давать каких-либо практических рекомендаций на этот счет.

Основная трудность в данном вопросе заключается в том, что формирование умысла на доведение лица к самоубийству и выполнение действий, направленных на причинение смерти, относятся не одному лицу, а как минимум к двум разным лицам. И наступление общественно опасных последствий зависит не только от действий виновного лица, но и подходящей для совершения преступления обстановки, а также от психофизиологических характеристик самого потерпевшего. В частности, от особенностей его восприятия. Как справедливо отметил Л. А. Рогачевский: «Реальные жизненные ситуации воспринимаются людьми на основе их познавательной деятельности. Воспринимая внешнее явление, человек проникает в его сущность и определяет его значение для себя. Восприятие ситуации получает оценку, вследствие чего у субъекта возникает определенное оценочное отношение. Чисто рациональной оценки быть не может»¹. Таким образом, можем ли мы иметь представление о полноте характеристики субъективной стороны в преступлениях, связанных с доведением или склонением лица к самоубийству? Данный вопрос является одним из самых дискуссионных среди исследователей.

Так, одна группа исследователей убеждена, что доведение до самоубийства возможно только при наличии умышленной формы вины – как с прямым, так и с косвенным умыслом². В своих доводах они руководствуются тем, что, как правило, виновный имеет примерное представление о психологических характеристиках потерпевшего (например, о его темпераменте, склонности к осуществлению необдуманных действий, уровне эмоционального восприятия, склонности поддаваться влиянию других лиц), а также об

---

¹ Рогачевский Л. А. Эмоции и преступления. Л., 1984. С. 32.

² Аниязц М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 180 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 250–251 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2004. С. 281.

уязвимом состоянии некоторых потерпевших (в силу возраста, психологических отклонений и т. д.). Исходя из понимания данных характеристик, виновное лицо определяет степень влияния и его методы для осуществления преступного умысла. Более того, закрытый перечень способов совершения преступления, указанных в диспозиции, на первый взгляд, исключает любое проявление неосторожности при их применении.

Споры возникают и среди сторонников отнесения вины в рассматриваемом составе к её умышленному проявлению. В частности, это касается вида умысла, с которым лицо может совершать инкриминируемое деяние. Например, В. Ш. Аюпов поддерживает мнение, согласно которому преступление, квалифицируемое по ст. 110 УК РФ может быть совершено только с прямым умыслом: «осуществляемые в объективной реальности действия виновного, в результате которых потерпевший все же принимает решение покончить с собой, отражают четко осознаваемое виновным его стремление к тому, чтобы потерпевший выбрал именно этот вариант поведения»³. Напротив, А. В. Наумов, В. Н. Радченко и А. С. Михлина, приверженцы иного подхода, предусматривающего возможность квалификации инкриминируемого деяния только при наличии косвенного умысла⁴. А Д. И. Эльмурзаев полагает, что «указанное в ст. 110 УК РФ деяние чаще всего совершается с косвенным умыслом, реже – с прямым»⁵.

В литературе существует также точка зрения, согласно которой наличие прямого умысла в субъективной стороне доведения до самоубийства является необоснованным, так как в подобных случаях речь идет о непосредственном причинении смерти человеку – преступном деянии, предусмотренном ст. 105 УК РФ: «При наличии прямого умысла на доведение до самоубийства виновный должен нести ответственность за убийство. То обстоятельство, что лишение жизни выполняется самим потерпевшим, не имеет значения для квалификации деяния»⁶. Думается, что с подобной точкой зрения нельзя согласиться, поскольку в ней не учтены различия в объективной стороне ст. ст. 105 и 110 УК РФ. Рассмотрение выполнения объективной стороны самим потерпевшим в качестве способа убийства не может соответствовать смыслу ст. 105 УК РФ.

Р. А. Адельханян приводит весомый аргумент, отрицающий наличие неосторожной формы вины: «Признание возможности уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ при неосторожном отношении лица к факту самоубийства (попытки самоубийства) другого лица вряд ли соответствует

---

³ Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2 (4). С. 15.

⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрид. лит., 2004. С. 82–83; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Н. Радченко и А. С. Михлина. М., 2000. С. 232.

⁵ Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 21.

⁶ Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1997. С. 40.

буквальному пониманию ч. 2 ст. 24 УК РФ»⁷. Действительно, в ст. 110 УК РФ нет никаких указаний на то, совершение указанного в ней преступного деяния может быть совершено с неосторожной формой вины.

Свое несогласие с приведённой точкой зрения выражает Ю. А. Уколова, говоря о том, что доведение до самоубийства возможно только при неосторожной форме вины, причём в виде небрежности⁸. Предположительно, сторонники данного подхода строят свои суждения, основываясь на том факте, что совершение или несвершение акта самоубийства по большей части зависит от психологических особенностей потерпевшего. А, следовательно, виновное лицо не имеет никаких гарантий осуществления своего преступного умысла. Представляется, что данная позиция содержит в себе некий смысл – действительно, трудно найти в УК РФ такой состав, который предполагал бы наибольшую зависимость реализации намерений виновного лица от действий потерпевшего, чем нормы, связанные с доведением до самоубийства. Как справедливо отметила Н. Г. Чукаева: «Возможны также случаи невинного, объективно виктимогенного и стрессогенного поведения лица, которое неожиданно для него приводит потерпевшего к самоубийству, которое лицо должно было, но не могло предвидеть как последствие своих предосудительных и аморальных или даже противоправных действий. Все эти варианты виктимогенного поведения должны быть учтены и правильно оценены следователем и судом»⁹.

Однако мы не можем исключить и наличие умышленной формы вины в составе субъективной стороны преступления. А потому полагаем, что наиболее верной является точка зрения, представляющая собой симбиоз двух противоположных – а именно, допущение признания при квалификации рассматриваемых преступлений как умышленную, так и неосторожную формы вины. Такого подхода придерживается большинство авторов¹⁰. Во-первых, это будет связано с тем, что формирование решимости на совершение суицида и осуществление действий по их провоцированию относятся к деятельно-

---

⁷ Уголовное право России. Практический курс / Р. А. Адельханян и др. ; под общ. ред. А. И. Бастрыкина ; под науч. ред. А. В. Наумова. М., 2007. С. 347.

⁸ Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2008. С. 10.

⁹ Чукаева Н. Г. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. 4 (14). С. 43.

¹⁰ Сидоров Б. В., Михопаркин В. Г. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 94 ; Щетинина Н. В. Некоторые вопросы применения статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 4 ; Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий / под ред. Г. А. Есакова. 7-е изд. М. : Проспект, 2017. С. 188 ; Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М., 2006. С. 330–331 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2008. С. 310 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова и др. ; отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004. С. 180.

сти разных людей. Во-вторых, преступные деяния, связанные с доведением лица до самоубийства, обладают следующей особенностью: по сравнению с другими преступными составами именно они в большей степени зависят от психофизиологических характеристик потерпевшего. И наконец, в-третьих, для охвата наибольшего количества различных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается правоприменитель, будет правильнее предусмотреть уголовным законом. Главным преимуществом подобной позиции является её универсальность и практическая польза, связанная с тем, что практически все жизненные ситуации, влекущие за собой общественно опасные последствия в виде причинения потерпевшим смерти самому себе, будут предусмотрены УК РФ и упростят деятельность правоприменителя.

Информация об авторе

Олейникова Юлия Олеговна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1;

e-mail: ipkpr@irmail.ru

УДК 343.3/7

О 56

Е. А. Ольховская,

*студентка 3 курса Института права
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
(ВГУЭС)*

Киберпреступность

В связи с повышенной социальной опасностью использования технических устройств и информационных технологий в преступных целях, автор данной работы рассматривают современное состояние борьбы с компьютерными преступлениями в России, анализирует их виды и классификации.

Ключевые слова и словосочетания: киберпреступление, кибербезопасность, информационные технологии, компьютерное мошенничество, информационная безопасность

Развитие научно-технического прогресса, связанное с внедрением современных информационных технологий, привело к появлению новых видов преступлений, в частности, к незаконному вмешательству в работу электронно-вычислительных машин, компьютерных сетей, хищению, присвоению, вымогательству компьютерной информации, опасному антисоциальному явлению, получившим распространенное название – «киберпреступность». толковый словарь Оксфорда определяет приставку «cyber-» как – «относя-

щийся к информационным технологиям, сети Интернет, виртуальной реальности»¹.

На сегодняшний день отсутствует единое мнение употребления терминологии для описания преступности в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий. Ряд авторов отдают предпочтение термину «киберпреступность», другие считают более корректным употребление термина «преступления в сфере компьютерной информации»². Т. Л. Тропина понимает киберпреступление как «виновно совершенное общественно опасное уголовно наказуемое вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные деяния, совершенные с помощью устройств доступа к информационному пространству». Криминологическое понятие «киберпреступности» шире в своем содержании понятия «компьютерная преступность» и является более предпочтительным для описания всей преступности в IT-сфере³. По мнению экспертов ООН, термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, или против компьютерной системы или сети. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде⁴. Мы согласны с указанными позициями и считаем, что данные понятия соотносятся как общее и частное: киберпреступность включает в себя всю преступность, совершаемую с использованием информационного пространства, информационно-телекоммуникационных технологий. Компьютерное преступление – это только то преступление, которое посягает на безопасное функционирование компьютеров и компьютерных сетей, а также на обрабатываемые ими данные.

На сегодняшний день, основным документом, регулирующим вопросы международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, является «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации», принятая в 2001 г. Россия отказалась ее ратифицировать, поскольку отдельные положения Конвенции противоречат интересам России в области национальной безопасности. Конвенция Совета Европы о киберпреступности подразделяет киберпреступления на пять групп. Выделяя в первую группу «компьютерные преступления», называя их преступлениями против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных. Во вторую группу входят преступления, связанные с использованием компьютерных средств. Третью группу составляют преступления, связанные с контентом (содержанием дан-

¹ Оксфордский толковый словарь английского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (06.02.2018).

² Крылов В. В. Расследование преступлений в сфере информации. М., 1998. 264 с.

³ Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2005. 209 с.

⁴ Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/topics/crime/docs10.htm> (06.02.2018).

ных). В четвертую группу вошли преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав. Пятую группу составляют преступления, связанные с распространением информации расистского и другого характера, подстрекающего к насильственным действиям, ненависти или дискриминации отдельного лица или группы лиц, основывающимся на расовой, национальной, религиозной или этнической принадлежности⁵.

Помимо классификации, предложенной Конвенцией Совета Европы о киберпреступности, существуют иные, разработанные специалистами и исследователями. Американским исследователем Д. Л. Шиндер предложена более подробная классификация, охватывающая достаточно большое количество преступлений, которые можно отнести к категории «кибер». На основе ее исследований предлагается следующая классификация: 1) Насильственные или иные потенциально опасные киберпреступления, посягающие на физическую безопасность, жизнь и здоровье человека; 2) Преступления, посягающие на конфиденциальность информации 3) Деструктивные киберпреступления, заключающиеся в повреждении данных и посягающие на целостность данных и безопасность функционирования компьютерных систем. 4) Преступления, посягающие на имущество, имущественные права, а также на право собственности на информацию и авторские права. 5) Преступления, посягающие на общественную нравственность; 6) Преступления, посягающие на общественную безопасность; 7) Иные киберпреступления – традиционные преступления, совершение которых компьютер или облегчает, или дает новые возможности для их совершения⁶.

Д. Уолл, являющийся одним из наиболее авторитетных западных исследователей преступности в сфере ИТ-технологий, предлагает следующую классификацию: преступления, нарушающие работу компьютера, куда отнесены взлом, блокирование и модификация компьютерной информации; преступления связанные с содержанием сетевых ресурсов, к которым отнесены распространение порнографических материалов, публикаций расистского и экстремистского характера; преступления с использованием компьютеров, которые основаны на применении сетевых компьютеров для осуществления финансовых махинаций и мошеннических схем⁷.

В свою очередь, исследование научной отечественной литературы по рассматриваемой теме также показывает неоднозначность мнений исследователей относительно видов преступности категории «кибер». Поскольку преступления в сфере компьютерной информации характеризуются разнообразием способов совершения и дополнительных объектов преступного пося-

---

⁵ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 [рус., англ.] [Электронный ресурс] : заключена в г. Будапеште 23 нояб. 2001 г. : с изм. от 28 янв. 2003 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/pravosudie/46/konvencija-o-prestupnosti-v-sfere-kompyuternoj-informacii---185-rus--angl-.html> (06.02.2018).

⁶ Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2005. 209 с.

⁷ Wall D. Cybercrime: the transformation of crime in the information age. N.-Y., Polity, 2007. P. 49–50.

гательства, то и причиненный ими вред может существенно различаться по своему характеру и степени. В связи с этим Старичков предлагается систематизировать преступления в сфере компьютерной информации в зависимости от тяжести последствий, наступивших в результате их совершения. Тогда преступления в сфере компьютерной информации можно разделить на четыре группы: повлекшие последствия небольшой тяжести, т. е. ущерб от которых не превышает десятикратного минимального размера оплаты труда (МРОТ); повлекшие последствия средней тяжести, т. е. причинившие легкий или средней тяжести вред здоровью человека либо материальный ущерб, не превышающий ста МРОТ; повлекшие тяжкие последствия, т. е. причинившие тяжкий вред здоровью человека либо материальный ущерб от которых не превышает тысячи МРОТ; повлекшие особо тяжкие последствия, т. е. вызвавшие смерть человека, явившиеся источником экологической катастрофы, причинившие материальный ущерб, превышающий тысячу МРОТ⁸.

Следует отметить, что ни одна из предложенных классификаций на сегодняшний день не является совершенной и исчерпывающей, перечень преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, весьма значителен, стремительная тенденция информатизации общества, свидетельствуют о том, что он будет все более расширяться. В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации под преступлениями в сфере компьютерной информации понимаются совершаемые в сфере информационных процессов и посягающие на информационную безопасность деяния, предметом которых являются информация и компьютерные средства. Данная группа посягательств является институтом особенной части уголовного законодательства, в рамках главы гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» криминализован весьма ограниченный круг деяний. Такими являются: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Объектом охраны данных норм выступает компьютерная информация, а иные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ими не охватываются.

Следует отметить, что российский законодатель в нескольких диспозициях статей предусмотрел специальный квалифицирующий признак – «деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» ч. 3 ст. 137 (Нарушение неприкосновенности частной жизни),

---

⁸ Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации : уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Иркутск, 2006. 26 с.

ст. 171.2, (Незаконные организация и проведение азартных игр) ст. 185³, (Манипулирование рынком), п. «г» ч. 2 ст. 242¹ (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), ч. 2 ст. 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ч. 2 ст. 280¹ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), ч. 1 ст. 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Для ч. 2 п. «б» ст. 228¹ и ч. 2 п. «г» ст. 242² законодатель установил более суровое наказание.

Анализ норм УК РФ свидетельствует, что квалифицирующий признак – «деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» может быть применен к значительной части статей кодекса. В частности, к ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства). Суд по одному из первых российских дел о доведении до самоубийства в интернете, в декабре 2011 года приговорил Анну Симоненко к 1 году и девяти месяцам колонии-поселения и штрафу в размере 800 тысяч рублей, которая в социальной сети по мотиву мести под разными вымышленными именами, публиковала сведения, порочащие честь, достоинство молодого человека. В результате он решил покончить жизнь самоубийством. Об этом он не раз говорил своим близким. 21 марта 2010 года молодой человек исполнил свое намерение и повесился. «Молодая гвардия Единой России» подготовила и направила в Госдуму и Общественную палату законопроект, вводящий наказание за пропаганду суицида в интернете. На расширенном заседании коллегии МВД по итогам работы ведомства за 2016 год Владимир Путин поддержал введение уголовной ответственности за склонение к самоубийству через интернет. Мы согласны инициативой и считаем, что данный квалифицирующий признак следует применить к таким преступным деяниям как: нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), кража (с использованием компьютерной техники и информационных технологий) (ст. 158), все виды мошенничества (ст. 159–159⁵), вымогательство (ст. 163), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), террористический акт (ст. 205¹), содействие террористической деятельности (ст. 205), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205²), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210), шпионаж (ст. 276), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280).

С учетом обширного перечня норм, к которым следует отнести в качестве квалифицирующего признака – «деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», а также, расположенные в разных главах УК квалифицирующие признаки, которые свиде-

тельствуют об осознании законодателем распространенности совершения различных преступных посягательств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, автор данной работы считает целесообразно отнести данный квалифицирующий признак к обстоятельством, отягчающим наказание.

Как указывает Л. Д. Гаухман, «основанием для того, чтобы признать необходимость отягчения наказания являются: совершение преступления с использованием специально изготовленных технических средств (каковым является компьютер, компьютерная система, хакерская программа и т. д.)»⁹. Н. А. Коменский указывает, что «использование компьютерной информации и информационных технологий в качестве средства совершения преступления повышает его общественную опасность»¹⁰. По мнению Т. Л. Тропиной, «киберпреступность обладает повышенной общественной опасностью вследствие возможности причинения крупного ущерба при минимальных затратах и невысоком риске»¹¹. В 2015 г. ущерб российской экономике от действий киберпреступников составил около 203 млрд руб. Финансовый ущерб составил 123 млрд руб., а еще около 80 млрд руб. потребовалось на ликвидацию последствий и восстановление после сбоев. С кибератаками столкнулись 92% из 600 опрошенных компаний, из которых 42% пришлось на крупные коммерческие компании и госструктуры.

В связи с повышенной социальной опасностью использования технических устройств и информационных технологий в преступных целях, автор данной работы поддерживает инициативу отнесения к обстоятельствам, отягчающим уголовное наказание преступлений, совершенных с использованием сети интернет. К приведённым выше основаниям для признания необходимости отягчения наказания следует отнести: повышенную латентность совершения преступления, обеспечиваемая спецификой сетевого информационного пространства (развитые механизмы, анонимности, сложность инфраструктуры и т. п. Как обоснованно указывает А. А. Комаров «высокая латентность и безнаказанность киберпреступников может повлечь переход традиционных форм мошенничества в интернет и приведёт к снижению выявления и раскрытию деяний, совершенных данным способом»¹²; трансграничный характер сетевых преступлений, это приводит к отсутствию как таковых границ в киберпространстве, что позволяет преступникам уйти от ответ-

---

⁹ Уголовное право. Часть общая : учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана. М. : Юриспруденция, 1999. 784 с.

¹⁰ Коменский Н. А. Компьютерная информация и информационные технологии как средство совершения преступления // Преступления в информационной сфере: проблемы расследования, квалификации, реализации ответственности и предупреждения : материалы международной научно-практической конференции 14–15 февр. 2013 г. / ред. кол.: А. В. Шуняева, Е. А. Попова, С. А. Пучнина. Тамбов : ИД ТГУ имени Г. Р. Державина, 2013. С. 138–139.

¹¹ Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2005. 209 с.

¹² Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 16.

ственности. В настоящее время наметилась устойчивая тенденция объединения лиц для совершения киберпреступлений, которые затрагивают интересы нескольких потерпевших одновременно, так 11 марта 2015 во Владивостоке около 200 клиентов лишились своих средств, хранящихся на картах Сбербанка. На мобильные телефоны поступали сообщения о снятии денежных средств на территории США и Великобритании. В России наблюдается неготовность правоохранительных органов расследовать такие категории дел, для решения приходится обращаться к помощи специалистов, которая требует определенных денежных затрат. Перечисленные признаки присутствуют во всех видах киберпреступлений как в единичном плане, так и в совокупности, что говорит о повышенной социальной опасности использования компьютерной техники и информационно – сетевых технологий как средства совершения преступления. Основная задача на текущий момент для законодателя – создание Уголовного кодекса Российской Федерации, который бы соответствовал современным требованиям уголовного права и был способен защитить граждан и государство в интернет-сфере. Требуется введение общих понятий, касающихся киберпреступлений, самого понятия «киберпреступление», более полного списка существующих на сегодняшний день киберпреступлений. На Форуме безопасного интернета Сенатор Елена Мизулина, выступила с инициативой изменения российского законодательства, сообщив присутствующим, что «в ближайшее время Совет Федерации подготовит законопроект, в котором использование интернета при совершении преступлений будет считаться отягчающим обстоятельством». Соответствующие поправки планируют внести в статью 63 УК («Обстоятельства, отягчающие уголовное наказание»). В связи с повышенной социальной опасностью использования технических устройств и информационных технологий в преступных целях, автор данной работы поддерживает инициативу отнесения к обстоятельствам, отягчающим уголовное наказание преступлений, совершенных с использованием сети интернет. Целесообразно дополнить ст. 63 УК пунктом «р», указав в нем, что совершение преступления с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет") является обстоятельством, отягчающим наказание.

Информация об авторе

Ольховская Екатерина Антоновна – студентка 2 курса, Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС)

*690014, г. Владивосток ул. Гоголя, 39а,
email: Ekaterina.Olhovskaya@vvsu.ru.*

УДК 343.3/7 : 341

О 72

Д. Д. Ослий,

*магистрант 1 года обучения
Группы ЮМуз-171 Волгоградского
государственного университета*

Анализ формирования международного универсального механизма противодействия коррупции

Статья посвящена анализу формирования международного универсального механизма противодействию коррупции, указаны важные международные нормативно правовые акты, способствующие содействию государств в противодействии коррупции. Изучены направления международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, ООН, имущество, преступление, конвенция, законодательство.

Приобретшая в условиях глобализации новое качество, выражающееся, в частности, в ее транснациональных формах, коррупция является серьезнейшим противоречием глобализации, одним из вызовов мировому развитию. Это обуславливает необходимость и важность международного антикоррупционного сотрудничества. При этом международное сотрудничество в борьбе с коррупцией – система отношений между государствами в лице их органов, международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями и иными организациями в сфере противодействия коррупции, включающую согласованные политику, антикоррупционную стратегию и тактику, выработку международных договоров и соглашений, их имплементацию во внутреннее законодательство государств, правоприменительную, организационно-правовую, информационную и научно-исследовательскую деятельность соответствующих субъектов сотрудничества по предупреждению коррупции, непосредственной борьбе с ней на основе международно-правовых документов и принятых в соответствии с ними положениями национального законодательства. Борьба с коррупцией в рамках Организации Объединенных Наций осуществляется в различных формах и различными органами. Рассмотрим подробнее некоторые аспекты противодействия коррупции в рамках ООН. **Генеральная Ассамблея ООН** неоднократно принимала документы о предупреждении коррупции и перевода активов незаконного происхождения, борьбе с этими явлениями и возвращении таких активов. Важное значение имеет резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 60/207 от 22 декабря 2005 года «Предупреждение коррупции и перевода активов незаконного происхождения, борьба с этими явлениями и возвращение таких активов, в частности в страны происхождения, в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций

против коррупции»¹. Генеральная Ассамблея обратилась ко всем государствам-членам и компетентным региональным организациям с предложением предупреждать коррупцию во всех ее формах, включая подкуп, отмывание денег и перевод незаконно приобретенных активов, бороться с ней и устанавливать за нее уголовную ответственность, а также добиваться оперативного возвращения таких активов посредством принятия мер по возвращению активов. Было рекомендовано осуществлять региональное сотрудничество в деле предупреждения коррупции и перевода активов незаконного происхождения.

Следует признать, что Программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия доказала свою эффективность как механизм разработки проектов антикоррупционных документов.

31 октября 2003 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята **Конвенция ООН против коррупции**². В Конвенции содержится комплекс мер по предупреждению и пресечению коррупции (создание органов, осуществляющих предупреждение коррупции, усиление стандартов бухгалтерского учета и аудита, перечисление деяний, которые государства должны рассматривать как преступления; вопросы международного сотрудничества в борьбе с коррупцией, обеспечение доказательственной базы при расследовании коррупции и др.). Конвенция была ратифицирована Россией в 2006 году³, однако ее имплементация должным образом проведена не была. Конвенция ООН против коррупции является документом универсального характера. Текст Конвенции разрабатывался учрежденным Генеральной Ассамблеей ООН «Специальным комитетом», в работе которого активно участвовала сформированная Правительством РФ межведомственная делегация. В Конвенции получили дальнейшее развитие положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности⁴. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принята 15 ноября 2000 года. Конвенцию дополняют Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. Конвенция и Протоколы вступили в силу для Российской Федерации 25 июня 2004 года. В сферу Конвенции вошли и коррупционные деяния (имеющие транснациональный характер и совершенные при участии организованной преступной группы). В их числе: а) серьезные преступления, к которым относятся преступления, наказуемые по уголовному законодательству государства лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет; б) конвенционные преступления, включающие создание организованной преступной группы и участие в ней (статья 5), отмывание доходов от преступлений (ста-

---

¹ URL: <http://www.vsrif.ru/files/16014> (06.02.2018).

² Собрание законодательства. 2006. № 26. Ст. 2780.

³ Собрание законодательства. 2006. № 12. Ст. 1231.

⁴ URL: http://www.unodc.org/pdf/crime/a_res_55/res5525r.pdf (06.02.2018).

тья 6), коррупцию (статья 8) и воспрепятствование осуществлению правосудия (статья 23). Конвенция детально регламентирует правовую помощь и сотрудничество правоохранительных органов, в том числе в непроцессуальных (с точки зрения правовой системы России) формах. Важная роль в борьбе с коррупцией принадлежит международным и национальным **неправительственным организациям (МНПО)**. Важнейшей из антикоррупционных МНПО считается Transparency International (The coalition against corruption)⁵, основанный в 1993 году с целью противодействия коррупции и является международной неправительственной некоммерческой организацией по законодательству ФРГ⁶. В настоящий момент Transparency International имеет отделения в 90 странах мира. Российский Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл» расположен в Москве. Transparency International составляет так называемый Индекс восприятия коррупции (ИВК). Индекс ранжирует страны по оценкам степени распространённости коррупции среди государственных служащих и политиков⁷. ИВК фокусирует внимание на коррупции в государственном секторе и определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением в целях личной выгоды⁸. В отношении восприятия коррупции ИВК является надёжным инструментом измерения. ИВК основан на данных опросов экспертов и деловых кругов. ИВК за 2016 г. ранжирует 176 страны мира по шкале от 0 до 100 баллов, ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – наименьший. Идя навстречу запросу международного сообщества, в 2016 году Transparency International обновило методику расчёта ИВК таким образом, что отныне станут возможными межгодовые сравнения, отслеживание прогресса или регресса. Это особенно актуально для России. Зафиксировав местоположение России в ИВК 2016 года, мы можем рассчитывать на то, что в последующие годы ИВК поможет нам ответить на вопрос: какова эффективность системных реформ противодействия коррупции? В Индексе Восприятия Коррупции в 2016 году (ИВК) Россия набрала 28 баллов и заняла 123 место из 176 возможных⁹. Среди бывших советских республик лучшей в рейтинге уже много лет остается Эстония: в 2016 году она заняла 32-е место.

---

⁵ В русскоязычных текстах эта организация называется «Трансперенси Интернешнл».

⁶ URL: <http://www.transparency.org> (06.02.2018).

⁷ ИВК основан на данных экспертных опросов и исследований, проводимых различными представительными организациями. Индекс отражает мнения предпринимателей и аналитиков из различных стран мира, в том числе экспертов, проживающих в стране, в отношении которой проводилось исследование.

⁸ Исследования, используемые Трансперенси Интернешнл при составлении ИВК, в основном содержат вопросы, связанные со злоупотреблением властью, имеющим отношение к извлечению личной выгоды, направленное, например, на подкуп государственных должностных лиц при осуществлении государственных заказов. Источники информации не разделяют административную и политическую коррупцию, а также низовую и верхушечную коррупцию.

⁹ Россия в Индексе Восприятия Коррупции: новая точка отсчёта [Электронный ресурс]. URL : <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/rossiia-v-indekse-vospriatiia-korruptcii-2016-novaia-tochka-otscheta> (06.02.2018).

Грузия на 51 месте. Ниже России – Туркмения и Узбекистан (170-е место), Таджикистан (157-е), Киргизия (154-е), Украина (144-е) и Азербайджан (139-е). Первое место в рейтинге поделили Финляндия, Дания и Новая Зеландия. Великобритания на 17-м месте, там же – Япония. Transparency International призывает государства к принятию следующих мер.

- Способствовать тесной координации действий правительств, частного сектора и гражданского общества, направленных на повышение эффективности и устойчивости усилий в противостоянии коррупции и совершенствованию государственного управления.

- Ратифицировать, применять и отслеживать соблюдение существующих антикоррупционных конвенций во всех странах в целях соблюдения единых международных норм.

Российская Федерация должна обеспечить реализацию национальной антикоррупционной правовой политики в соответствии с задачами функционирования международно-правового механизма противодействия коррупции. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией в настоящее время осуществляется по следующим направлениям: криминализация различных проявлений коррупции; расширение субъектов коррупционных правонарушений; применение административных, финансовых, гражданско-правовых способов борьбы с коррупцией; использование мероприятий, снижающих доходность от коррупционной деятельности; регламентация публичной службы и управленческой деятельности в частном секторе, снижающих уровень коррупционности; повышение прозрачности функционирования публичных институтов; активное вовлечение в противодействие коррупции институтов гражданского общества; расширение антикоррупционной деятельности международных межправительственных и неправительственных организаций.

В настоящее время коррупционное законодательство России находится на недостаточном уровне развития, что по-прежнему позволяет различным коррумпированным чиновникам, олигархам, а также с высоким уровнем доходов предпринимателям совершать коррупционные действия, в том числе путем использования пробелов в законодательстве РФ. В связи с изложенным существенные изменения могут наступить только при вышеуказанном международном сотрудничестве.

Информация об авторе

Ослай Д. Д. – магистрант 1 года обучения, группы ЮМуз-171 Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета.

УКД 343.92
П 16

И. Ю. Панченко,

студентка 3 курса
АО «Университет КАЗГЮУ»
Республика Казахстан

Парадоксы социального отрицания преступности

Исследование парадоксов социального отрицания преступности дает возможность рассмотреть преступность как неотъемлемую часть развития общества и разработать рекомендации по устранению причин преступности.

Ключевые слова: социальное отрицание преступности, общество, меры, воздействие.

Понятие «социальное отрицание преступности» наиболее полно дается в учебнике «Криминология» Иншакова С. М. как «негативная оценка обществом деяний, представляющих опасность (как для общества в целом, так и для отдельных людей), установление запретов на них, социальные акции по предотвращению и пресечению таких деяний»¹. В нашем понимании, социальным отрицанием преступности является чувственность и восприятие социумом общественно-опасных деяний, в связи с чем происходит переосмысление и принятие необходимых мер для контроля, снижения и возможности искоренения преступности. Основная идея социального отрицания преступности заключается в следующем: 1) в процессе становления общества преступность является его неотъемлемым явлением, которое контролируется законами и предпринимаемыми мерами; 2) преступность сопутствует развитию общественных отношений и видоизменяется, она является препятствием для нормального развития жизни общества, обеспечения порядка и регулирования безопасности; 3) преступность является негативным явлением и посягает на человеческие блага, а задача общества и государства заключается в стремлении обеспечения порядка и безопасности, что подразумевает под собой отрицание преступности (т. е. общество определило преступность как общественно опасное деяние, с которым необходимо бороться).

В целях борьбы с преступностью, в каждом государстве существуют субъекты, выполняющие функции противодействия преступности. В Республике Казахстан такими органами являются органы прокуратуры, внутренних дел, антикоррупционная служба и служба экономических расследований². Помимо государственных органов в осуществлении воспрепятствования пре-

---

¹ Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 47

² Закон Республики Казахстан. О государственной службе Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗПК [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (06.02.2018).

ступности могут также принимать участие граждане, СМИ и различные учреждения (к примеру, школы).

Эффективными подходами к воздействию на преступность являются: предупреждение, профилактика, борьба или контроль преступности. В основе предупреждения преступности лежит комплекс мероприятий, проводимый государственными органами, общественными организациями и иными объединениями, с целью воздействия на причины и условия развития преступности. Профилактика преступлений представляет собой комплекс эффективных мер, принимаемых с целью предупреждения готовящихся или начавшихся преступлений. Борьба с преступностью подразумевает под собой ужесточенные меры, направленные на охрану интересов и благ общества посредством соблюдения норм уголовного закона.

Контроль преступности основан на теории Э. Дюркгейма: «... нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа; этот уровень быть может, не невозможно установить»; преступность есть нормальное социальное явление, которое нужно контролировать, так как существование общества без преступности является невозможным³. Объектом, на который направлена реализация антикриминального воздействия, является любая деятельность людей, которая может повлечь негативные последствия и подорвать безопасность и порядок в обществе. Так как ежедневно происходит видоизменение преступных деяний, наиболее распространенными и часто применяемыми методами воздействия на преступность являются: профилактическое воздействие посредством воспитания; удовлетворение потребностей общества; контролирование антисоциального поведения; ограничение свободы лиц, совершивших преступные деяния; развитие практики самозащиты. На общественное воспитание влияет идеология, которая подразумевает под собой нравственные и моральные ценности, которые прививаются человеку в семье, образовательных учреждениях, СМИ, в религиозных организациях и в исправительных учреждениях. Для удовлетворения потребностей общества характерно повышение уровня материального и духовного состояния.

Парадоксально, но удовлетворение потребностей может привести к глобальным негативным последствиям. В качестве примера можно рассмотреть эксперимент «Вселенная-25» Джона Кэлхуна. Основная идея заключалась в создании «райских условий» для развития популяции мышей и наблюдения за девиантным поведением подопытных. Для качественного и наиболее реалистичного моделирования Вселенной ученый построил бак размерами два на два метра и высотой полтора метра с отсутствием лазеек для выхода; создал условия для поддержания наиболее комфортной и благоприятной температуры (+20°C), а также снабдил «Вселенную» постоянной подачей во-

---

³ Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности. Современные буржуазные теории. М. : Прогресс, 1966. С. 39–40.

ды и пищей в изобилии, чтобы мыши не нуждались в необходимости поиска пропитания. Первоначально в бак было поселено четыре пары здоровых мышей, но в скором времени их максимальная численность составила около 2200 особей. Примечательно, но через некоторое время после запуска эксперимента в мышинном раю создалась социальная иерархия, в которой присутствовали «отверженные». Среди всех грызунов они выделялись внешними признаками: у них были покусаны хвосты и в некоторых местах, отсутствовала шерсть. Данная категория образовалась в связи с тем, что стареющее поколение не желало освобождать место и зачастую они направляли свою агрессию на молодых особей, которые в свою очередь под влиянием негативного воздействия не желали размножаться или нападали на более уязвимых мышей. В конечном итоге образовался новый социальный слой, которому ученый присвоил название «красивые». Удивительным было то, что у «красивых» мышей отсутствовало желание спариваться и размножаться, что в конечном итоге привело к вымиранию обитателей «мышинного рая». Вывод: стремление обеспечить все население материальным и духовным благосостоянием в конечном итоге может привести к эволюции социальной иерархии и другим негативным последствиям, вызванным идеальными условиями существования⁴. Следующим методом воздействия на преступность является контролирование антисоциального поведения. Данный метод является одним из наиболее эффективных методов, с помощью которого происходит подавление девиантного поведения и, в случае необходимости, привлечения к ответственности лиц, совершивших общественно опасные деяния. Ограничение свободы лиц, совершивших противоправные деяния, преследует цель защиты общества и пресечения противоправных деяний. В основе данного метода заложен страх, который выражает реакцию индивида на наступление неблагоприятных последствий.

Последним методом воздействия на преступность является практика самозащиты. Несмотря на то, что данный метод наиболее часто подвергается критике, он является эффективным и направлен на разработку рекомендаций как не стать жертвой преступлений.

Перечисленные методы активно применяются в Республике Казахстан и влияют на статистику преступлений.

Подводя итог настоящему исследованию, и отвечая на вопрос «как избавиться от преступности», необходимо отметить, что преступность является изменчивым явлением и на протяжении существования человечества избавиться от нее не удалось еще ни одному государству, но в теории существует два способа, искореняющих преступность.

Сущность первого заключается в реальном искоренении преступности посредством уничтожения преступных действий. Для достижения этой цели требуется модификация общества и общественного сознания, что в большин-

---

⁴ Эксперимент «Вселенная-25»: как рай стал адом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cablook.com/mixlook/eksperiment-vselennaya-25-kak-raj-stal-adom> (06.02.2018).

стве случаев невозможно, так как человек является индивидом со сформировавшимся мировоззрением и отношением ко всему происходящему.

Второй способ предусматривает устранение лишь внешних факторов, вследствие чего общественно опасные деяния остаются, но не признаются как преступления, в связи с чем не возникает необходимости воздействия на них.

Информация об авторе

Панченко Инна Юрьевна – студентка 3 курса специальности «Правоохранительная деятельность» Высшей школы права АО «Университет КАЗГЮУ,

*010000, Казахстан, Астана, Коргалжинское шоссе, 6, каб.220,
i_ranchenko@kazgiu.kz, 87172293303.*

УДК 343.3

П 34

А. В. Пискун,

*магистрант 2 года обучения
Крымского юридического института
(филиала) Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации*

Проблемы определения понятия «представитель власти» как признака субъекта преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ

В статье анализируется понятие «представитель власти» с точки зрения уголовного закона. Автор рассматривает точки зрения ученых и подчеркивает значимость в конкретизации указанной дефиниции в правоприменительной практике.

Ключевые слова: должностное преступление, представитель власти, субъект преступления, должностное лицо, распределительные полномочия.

Должностные преступления обращают пристальное внимание на себя с точки зрения их социальной оценки как преступлений повышенной опасности, порождающих разнообразные негативные последствия в различных сферах жизни общества, кроме того они серьезно отражающихся на репутации органов власти и доверии к ним населения.

К большому сожалению, в действующем уголовном законодательстве мы наблюдаем существенные расхождения и противоречия, связанные с применением признаков субъекта указанного преступления. Определяя эти признаки, законодатель указывает на осуществление лицами функций представителя власти либо выполнение организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций (примечание к ст. 285 УК РФ). Однако в правоприменительной практике возникают существенные проблемы

при конкретизации этих понятий и соответственно, квалификации действий виновных, при этом особо выделяется проблема определения понятия «представитель власти».

В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ под «представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости»¹.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в п. 3 указывает, что к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к статье 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности².

Представляется не совсем логичным то, что из определения представителя власти, которое дано в примечании к ст. 318 УК РФ следует, что данная дефиниция действует в других статьях УК РФ, где используется указанные термин. Тогда как из дефиниции должностного лица, изложенного в примечании ст. 285 УК РФ видно, что данный термин применяется только в отношении норм, расположенных в гл.30 УК РФ, что вызывает недопонимание со стороны правоприменителей, поскольку определение «должностное лицо» содержится и в иных статьях УК РФ, например, ст. 140, ч. 3 ст. 141, ст. 215¹ УК РФ.

Некоторые вопросы вызывает формулировка «должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа». Отметим то, что ряд исследователей отмечают проблему отсутствия четкого определения понятия правоохранительных и контролирующих органов. В научном сообществе существует позиция, что к правоохранительным органам нужно относить военизированные органы, осуществляющие оперативную и следственную работу на основании специальных законов. В этой связи, представляется правильным законодательно закрепить понятия правоохранительных и контро-

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 31 декабря 2017г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 окт. 2009 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

лирующих органов³.

Еще одним существенным недостатком определения «представителя власти», является неконкретизированность понятия «распределительные полномочия». По мнению А. Бриллиантова и П. Яни: «недостаточная определенность содержания «распорядительные полномочия» может породить у суда сомнения относительно возможности отнесения указанных лиц к числу представителей власти»⁴.

А. Р. Саруханян отмечает, что «распорядительные полномочия реализуются в праве должностного лица отдавать в пределах своей компетенции указания, обязательные к исполнению другими должностными лицами и гражданами». То есть, должностное лицо, исходя из своих полномочий, отдает официальный приказ, который обязателен для исполнения должностными лицами, гражданами, юридическими лицами⁵.

Заслуживает внимания мнение Н. Егоровой, которая выделяет две категории представителей власти: лица, осуществляющие функции публичной власти в самих органах публичной власти, и лица, выполняющие иные публичные функции. К последним она относит нотариусов, аудиторов, третейских судей, профессиональных оценщиков – при проведении обязательной оценки объектов, принадлежащих РФ, субъектам РФ, либо муниципальным образованиям; служащих коммерческих организаций – при выполнении функции органа дознания или уполномоченных налагать административные взыскания; членов военно-врачебных комиссии, медико-социальных экспертных комиссий – при медицинском освидетельствовании граждан и вынесении заключений; членов диссертационных советов – при голосовании о присуждении ученых степеней и даче заключений по диссертации и т. п.⁶

Борьба с преступлениями, совершенными должностными лицами на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений деятельности уголовной политики Российской Федерации, повышение эффективности в котором, может быть достигнута путем законодательного закрепления указанных выше положений.

С целью достижения желаемых результатов в борьбе с преступлениями, совершенными должностными лицами, теория уголовного права в целом и правоприменительная практика в частности требует дальнейшего законодательного совершенствования, что наглядно показано на примере дефиниции «представитель власти». Устранение указанных недочетов и дополнительное разъяснение в рамках актов судебного толкования позволит избежать проблем, связанных с квалификацией рассматриваемого состава преступления.

---

³ Алексушин Г. В. История правоохранительных органов. Самара, 2005. С. 249.

⁴ Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: представитель власти // Законность. 2010. № 5. С. 19.

⁵ Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления : учеб. пособие для вузов. Ставрополь, 2013. С. 97.

⁶ Егорова Н. Управленческие функции специального субъекта преступлений (уголовный закон, теория, судебная практика) // Уголовное право. 2007. № 2. С. 156

Информация об авторе

Пискун Антон Вячеславович – магистрант 2 года обучения Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (КЮИ (ф) АГП РФ).

299043, г. Севастополь, ул. Невская, 5, кв.157; e-mail: anton7@bk.ru

УДК 343.63

П-57

Н. О. Попова,

студентка 3 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

**Клевета в уголовном праве: современное состояние
и тенденции развития нормы**

В статье рассматривается состав преступления, предусмотренный ст. 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации «Клевета». Анализируется становление данной нормы в УК РФ, а также тенденции развития государства и общества, в связи с чем, исследуется обоснованность внесения определенных изменений в ст. 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, клевета, защита прав, состав преступления, распространение сведений, заведомо ложные сведения, сведения, порочащие честь и достоинство.

Честь и достоинство являются важнейшими социальными благами. На любом этапе развития и становления нашего государства такие нравственные категории как честь и достоинство всегда были одним из приоритетных направлений в защите прав человека и гражданина. В настоящее время Конституция РФ провозглашает право каждого на защиту своей чести и доброго имени. Достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления. Кроме того, охрана чести и достоинства регламентирована в Уголовном кодексе Российской Федерации, Кодексе об административных правонарушениях и других нормативных актах.

Одним из составов Уголовного кодекса Российской Федерации, который подвергается неоднозначной оценке, как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей и исследователей, является ст. 128¹ Уголовного Кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за такое деяние как клевета.

В российское уголовное право термин «клевета» вернулся относительно недавно: в октябре 2012 года. Уголовный кодекс РФ был дополнен в июле 2012 г. ст. 128¹, предлагающей легальное определение, рассматриваемому деянию.

В настоящий момент, клевета как состав преступления представляет собой распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и до-

стоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Относительно объекта преступления, в доктрине существуют различные точки зрения. Так, А. А. Власов и Л. В. Сердюк, считают, что данное преступление посягает на два объекта. В определении одного из объектов посягательства, исследователи приходят к единому мнению, что такое преступление как клевета посягает на честь лица. В определении же второго непосредственного объекта, их мнения разнятся, а именно А. А. Власов считает данное деяние посягающим на общественный порядок⁷, а Л. В. Сердюк – на нормальное функционирование психики потерпевшего или его близких⁸. Законодатель, в диспозиции ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, указывает в качестве объекта три блага – честь, достоинство и репутацию.

Состав ст. 128¹ УК РФ сконструирован по типу формального, поскольку в диспозиции законодатель указывает только на деяние, без ссылки на необходимость наступления тех или иных последствий. Кроме того, построение состава клеветы по типу формального, при определенных условиях позволяло бы нам признавать потерпевшим от данных преступлений любое лицо, в том числе психически больного и малолетнего, что соответствует современным реалиям и тем тенденциям, поскольку в соответствии с международной практикой государство должно защищать права и свободы каждого человека, независимо от его физиологических или психологических особенностей.

Клевета всегда выражается в активном действии. Таким образом, исходя из диспозиции ст. 128¹ УК РФ, необходимы три условия для наличия состава преступления:

- 1) факт распространения виновным сведений о потерпевшем;
- 2) порочащий характер этих сведений;
- 3) заведомая ложность сведений, несоответствие их действительности, что означает, что лицо, достоверно знало о том, что эти сведения не соответствуют действительности⁹.

Субъект клеветы общий – любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16-ти лет.

Если порочащие сведения распространяются в СМИ, то субъектом преступления является лицо, непосредственно выступившее или опубликовавшее свое сообщение¹⁰.

Субъективная сторона деяния, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ представляет собой прямой умысел виновного.

На наш взгляд, в связи с развитием технологий в сфере коммуникаций,

---

⁷ Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. С. 128.

⁸ Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем : учеб. пособие. Волгоград, 1981. С. 41.

⁹ Энциклопедия уголовного права. Т. 14. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. СПб. : Издание профессора Малинина ГКА, 2007. С. 593.

¹⁰ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Рос. газ. 2005. № 3719 (0).

в диспозиции ч. 2 ст. 128¹ УК РФ видится целесообразным расширить перечень источников, в которых могут быть распространены порочащие честь и достоинство сведения, так, помимо публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения и средства массовой информации, возможно, включить в данный список Интернет.

Безусловно, в разъяснении ППВС РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» прописано, что Интернет непосредственно входит в данный перечень, однако не указано, как разрешить вопрос о наличии или же отсутствии состава преступления в случае, если, информация, относящаяся к клевете будет размещена на интернет ресурсе, не зарегистрированном в качестве средства массовой информации¹¹.

Кроме того, в настоящее время, а также рассматривая данное явление в динамике, возможно, утверждать, что личная и профессиональная жизнь человека во многом зависит от того, какие сведения о лице находятся в общем доступе, и какую информацию распространяют о лице окружающие.

На наш взгляд, в случае распространения сведений, порочащих честь и достоинство человека, которые, впоследствии, могут нанести ущерб карьере потерпевшего или же любой сфере жизни, наказание в виде штрафа не совсем целесообразно. Данное высказывание возможно обосновать тем, что денежная санкция не всегда должным образом влияет на сознание человека, не повышает тем самым правовую культуру лица и не предотвращает совершение правонарушений в будущем. Уплатив штраф государству, лицо совершившего такое деяние не восстановит репутацию потерпевшего перед окружающими, хотя и в рамках гражданского судопроизводства, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», потерпевший имеет право предъявить иск о возмещении убытков и морального вреда, однако, и эта возможность не всегда может восстановить в правах потерпевшего и возместить ему причиненный вред. В уголовном законе некоторых стран Европы (Германия, Испания) предусмотрена ответственность за клевету и лицам, совершившим вышеуказанное деяние, назначается наказание вплоть до лишения свободы. Возможно, в УК РФ стоит предусмотреть и более строгое наказание, нежели штраф или обязательные работы.

В связи с изложенным, предлагается ввести в санкцию ст. 128¹ УК РФ дополнительные меры ответственности, в виде публичного извинения, обязательного опровержения ранее распространенной информации, порочащей честь и достоинство потерпевшего, а также возможно добавить в санкцию ст. 128¹ УК РФ наказание в виде ареста.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 128¹ УК РФ

---

¹¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

всегда был и остается спорным, поскольку объект данного преступления нематериальный, он является нравственным, оценочным. Кроме того, в связи с развитием общества и государства развиваются и общественные отношения, соответственно законодатель должен дополнять и видоизменять данный состав согласно изменениям в обществе. Возможно, стоит данный состав закрепить более обобщенно, однако, предполагая включение всех необходимых элементов для правильной квалификации преступления, или же наоборот детализировать, чтобы у правоприменителей не возникало вопросов по поводу применения нормы, которая на наш взгляд, должна быть в уголовном законе, поскольку честь и достоинство являются основными неотъемлемыми правами человека и играют немаловажную роль в современности.

Информация об авторе

Попова Наталья Олеговна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664039, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1; *natasha-tasha11@mail.ru*

УДК 343.2
Р 15

В. В. Радов,

студент 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

**Криминализация деяний, являющихся видами соучастия
в преступлении: противоречия уголовного закона
или уголовная политика?**

В статье анализируются тенденции изменения уголовного закона России в связи с криминализацией некоторых видов соучастия. Рассматриваются аспекты исторического становления института соучастия и оснований уголовной ответственности конкретных видов соучастия. Исследуется обоснованность внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: институт соучастия, виды соучастников, криминализация деяний, социологическая теория соучастия.

Несмотря на существенное реформирование уголовного кодекса в России в конце 1990-х годов, законодательные новеллы продолжают изменять уголовный закон. Явным доказательством этому служит хотя бы то, что на сегодняшний день действует уже 169 редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (от 31.12.2017).

Уголовная политика Российской Федерации в её законотворческой части, а именно в криминализации деяний, приобретших общественную опасность, безусловно, зиждется на конкретных принципах, основных началах. Одним из таких является системная целостность норм уголовного закона.

При этом совершенствование закона должно сочетаться с принципом экономии уголовной репрессии. На стадии законотворчества необходимо следовать указанным принципам и криминализировать лишь те деяния, которые действительно представляют достаточную степень общественной опасности.

Так, в 2017 году мы восприняли от законодателя новые статьи Уголовного кодекса РФ (№ 120-ФЗ): ст. ст. 110¹, 110², 151². Криминализация деяний: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» есть не что иное, как введение в Особенную часть элементов института Общей части – соучастия в преступлении (подстрекатель, пособник, организатор), то есть в совершении самоубийства. Объяснение такой новелле понятное – нет преступления «самоубийства», чтобы привлечь к ответственности соучастников со ссылкой на статью 33 УК РФ. К схожей конструкции состава преступления представляется верным отнести преступления, предусмотренные ст. 230, ст. 230¹.

Однако существование ряда других статей Особенной части УК РФ не представляется возможным объяснить. К таким составам преступлений, на наш взгляд, будет справедливым отнести следующие: ст. 205¹, ст. 212, ст. 282³, ч. 2 ст. 361 УК РФ и др.

Наиболее явную парадоксальность системы действующего уголовного закона представляет собой наличие преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ – пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ. Заметим, что в отечественном «уголовном законодательстве пособник традиционно рассматривается как один из видов соучастников, и его понятие, как правило, содержалось в нормах Общей части уголовного права. В действующем уголовном законе понятие пособника содержится в ч. 5 ст. 33 УК РФ»¹. Таким образом, сравнительный анализ указанных норм (ч. 3 ст. 205¹ и ч. 5 ст. 33 УК РФ) вынуждает сделать вполне логичный вывод, заключающийся в том, что диспозиция ч. 3 ст. 205¹ УК РФ традиционное пособничество напрямую признает исполнением.

В 2011 году профессор А. И. Рарог высказал следующее мнение по данному поводу: «При наличии нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, соучастие в террористическом акте и других преступлениях террористического характера, перечисленных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, будет возможным только в форме соисполнительства, действий организатора и подстрекателя, но не пособника, что внесет сумбур в институт соучастия»².

Однако в указанную норму внесены дополнения в качестве части 4

---

¹ Коровин Е. П. Содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и институт соучастия: вопросы соотношения // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2 т. Краснодар : Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 105.

² Рарог А. И. Сомнительная коррекция института соучастия // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права 26–27 мая 2011 года. М. : Проспект, 2011. С. 115.

(05.05.2014, № 130-ФЗ), а также части 1¹ (29.12.2017, № 445-ФЗ). В связи с чем, справедливым будет утверждение о том, что соучастие в террористическом акте и некоторых других преступлениях террористического характера возможно только в форме соисполнительства. Исходя из вышеуказанных рассуждений, применение посредством ссылки положений ст. 33 УК РФ вместе со ст. 205 УК РФ представляется прямо тождественным положениям ст. 205¹ УК РФ. Такая ситуация, как, безусловно, верно заметил профессор А. И. Рарог, вносит «сумбур в институт соучастия».

Для объяснения такого противоречия в уголовном законе, мы обратились к энциклопедии уголовного права, так как весьма важным является «теоретическое обоснование уголовной ответственности соучастников при различных формах и видах соучастия»³. К тому же «правильная квалификация действий (бездействия) соучастников зависит напрямую от уяснения сути понятия правовой природы соучастия, которая может быть теоретическим обоснованием такой квалификации»⁴.

Исторически сложились две основные теории понимания природы соучастия: акцессорная и социологическая. Классической школой права была разработана старейшая акцессорная теория, сторонники которой считали, что подстрекатель и пособник подлежат тому же наказанию, что и исполнитель. Они не признавали обязательного смягчения наказания другим соучастникам. При этом профессор Н. С. Таганцев признавал, что «общность вины и деятельности, хотя и влечет за собой солидарную ответственность всех соучастников, но вовсе не уничтожает всякое индивидуальное различие между ними <...> по свойству ролей главных и второстепенных участников»⁵.

Стоит заметить, что значительный вред теоретической разработке проблемы соучастия нанесли высказывания далеко неоднозначного Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, расценивая проблему соучастия как форму политической борьбы, он рекомендовал ученым-юристам на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства (16 июля 1938 г.) соучастие понимать не в узком смысле, а только в широком – «как совокупность действий многих или нескольких лиц, не только вызвавших данный преступный результат, но и в той или иной мере и степени, прямо или косвенным образом, посредственно или непосредственно предопределивших или облегчивших наступление преступного результата, являющегося конечной целью преступной деятельности»⁶.

Следовательно, институт соучастия становился уже инструментом политической борьбы, в связи с чем «теоретически оправдывало необоснованные политические репрессии»⁷.

³ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб. : Издание профессора Малинина ГКА, 2007. С. 10–11.

⁴ См. Там же. С. 12.

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 753.

⁶ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 116.

⁷ Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении. СПб. : Издание профессора Малинина ГКА, 2007. С. 11.

Социологическая школа права обосновывала концепцию, которой расширяла сферу применения репрессий через нормы Особенной части и означала почти полную ликвидацию института соучастия (крайне радикальную позицию занимал И. Я. Фойницкий). При этом институт соучастия представлялся излишним, что объяснялось необходимостью того, что в Особенной части уголовного закона должна быть предусмотрена ответственность каждого вида соучастия применительно к конкретным преступлениям.

В современном законодательстве мы видим проявления акцессорной теории, например, положении ч. 5 ст. 35 УК РФ. Так, при решении вопроса об ответственности организатора или руководителя организованной группы или преступного сообщества, они подлежат ответственности не только за организацию и руководство преступным объединением, но и за все преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом, если они охватывались их умыслом, т. е. установлена «солидарная ответственность» за «общую вину».

Однако в рассматриваемых нами в начале положениях уголовного закона, как то: ч. ч. 1¹, 3, 4 ст. 205¹ УК РФ, – мы находим отражение именно теории понимания соучастия социологической школы права.

Резюмируя вышесказанное, подведём итог. Основания ответственности всех видов соучастников и форм соучастия едины, и они установлены совокупностью норм Общей части, образующих институт соучастия. Конкретно: установление уголовной ответственности за организацию финансирования терроризма в самостоятельной норме (ч. 4 ст. 205¹ УК РФ) действительно представляется излишней, в связи с тем, что ответственность за такие деяния могла быть реализована по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ⁸. При этом, настаивая на однозначной необходимости построения уголовного закона России по акцессорной теории понимания природы соучастия, считаем, учитывая положения уголовной политики Российской Федерации, что проявления социологической теории (при криминализации преступлений даже террористического характера) вносит рассогласованность в нормы Общей и Особенной частей одного из самых важных законов государства – уголовный кодекс, в связи с чем убеждены, что указанные изменения уголовного закона России не обоснованы.

Информация об авторе

Радов Владислав Владимирович – студент3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664039, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1,
e-mail: vv-radov@mail.ru

---

⁸Коровин Е. П. Указ. соч. С. 108.

УДК 343.224.1
Р 88

А. К. Рустемова,

*студентка 2 курса Казахского
Гуманитарно-юридического
университета*

Особенности установления возраста привлечения к уголовной ответственности

В статье анализируются причины установления минимального возраста уголовной ответственности. Рассмотрен опыт зарубежных стран и аргументы с точки зрения психологии несовершеннолетних. Взяты во внимание условия жизни подростков и другие практические данные. Также, изучено уголовное законодательство Республики Казахстан по данному вопросу.

Ключевые слова: возрастной порог, преступность несовершеннолетних, возрастная дифференциация, психическое развитие, воспитательное воздействие.

Возрастом мы называем определенный временными рамками период, который человек проживает с момента своего рождения. Возраст является объектом изучения ряда наук и имеет немаловажное значение в юридическом понимании. От возраста зависит, будет ли лицо привлекаться к уголовной ответственности, могут ли применяться к нему некоторые смягчающие обстоятельства в силу его несовершеннолетия, какие меры наказания могут быть применены. Установление возраста, по достижению которого лицо подлежит уголовной ответственности, является абсолютной необходимостью в системе уголовного права, выступая неким элементом справедливости и гуманности по отношению к субъектам уголовных правоотношений.

Уголовное законодательство Республики Казахстан предусматривает возраст привлечения к уголовной ответственности, равный шестнадцати годам. Данное положение регламентировано статьей 15 действующего Уголовного Кодекса РК. Существует также четырнадцатилетний возрастной порог, по достижению которого лицо подлежит уголовной ответственности за определенные Кодексом уголовные правонарушения¹.

В большинстве современных государств уголовной ответственности подлежат лица, достигшие тринадцати- и шестнадцатилетнего возраста. Однако есть страны, где этот возрастной порог существенно отличается. Если в уголовном законодательстве Республики Казахстан малолетними считаются дети до четырнадцати лет, то в Англии это дети до десяти лет. Самый низкий

---

¹ Уголовный Кодекс Республики Казахстан : практическое пособие. Алматы : Норма-К, 2014. 240 с.

возраст привлечения к уголовной ответственности определен законодательствами таких государств как Египет, ОАЭ, Ирак, Иордания, Ирландия, Лихтенштейн и ряда других. В этих странах привлечь к уголовной ответственности могут уже с семи лет. Такой возраст привлечения к уголовной ответственности можно обосновать применением системы климатерических периодов, разработанной Гиппократом на основе принципа детерминизма Демокрита. Согласно данной системе человеческий организм имеет свойство обновляться каждые семь лет, как в физическом, так и в нравственном смысле. Система, отразившись в римском праве, повлияла на современное уголовное право Европы².

Несмотря на существенную разницу возраста уголовной ответственности среди различных государств, каждый из них, так или иначе, имеет свое научное обоснование. Учитывается не только уровень преступности среди несовершеннолетних, но и уровень психического развития, способности осознавать преступность своего деяния. Так, чувство вины появляется у человека уже на шестом – седьмом году его жизни, однако не связано с чувством ответственности. В последующие годы ребенок начинает осознавать суть ответственности, но происходящие события не вызывают у него чувства вины. В 11 лет понимание личной ответственности и собственной вины обретают более четкие границы. Психолог Грановская Р. Н. сообщает, что в 11 лет подросток становится более импульсивным, наблюдается развитие волевой сферы³. К 11 годам большинство подростков способно предвидеть последствия тех или иных действий, и как они могут повлиять на другие лица. Байбарин А. А., анализируя этот вопрос, приходит к выводу, что лицо к 11 годам способно самостоятельно регулировать свое поведение⁴. Подросток рассматривает характер своих действий, не только ограничиваясь наказаниями старших, но и пропуская это сквозь призму обычной морали.

Кроме психического развития также следует учитывать внешние социальные факторы, которые прямо воздействуют на формирование личности ребенка. В современном мире научно-технического развития дети воспринимают абсолютно любую информацию с самых различных источников. Нынешние анимационные фильмы в бесчисленных объемах показывают аморальное поведение, несвойственное адекватному человеку. Миллионы видеороликов из интернета носят негативный характер, что, безусловно, отражается на психике ребенка. Кроме того, имеет место высокий уровень преступности среди социально незащищенных, уязвимых слоев населения. И этого никто не скрывает, напротив, все чаще выносятся на всеобщее обсуждение факты совершения тех или иных преступлений, фото- и видеоматериалы, констатирующие их, зачастую находятся в открытом доступе в интернет-

---

² Спасенников Б. А. О семилетнем возрасте уголовной ответственности // Novainfo. 2015. № 36. С. 125.

³ Грановская Р. М. Элементы практической психологии. 5-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003. С. 444.

⁴ Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста. М. : Высшая школа, 2009. С. 72.

источниках. На Конференции по ювенальной юстиции ЕС (Париж, 2001 г.) было установлено, что средний западноевропейский ребенок до 12 лет просматривает около 100 000 сцен крайнего насилия⁵.

На сегодняшний день имеется ряд оснований для снижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Ученые приходят к тому мнению, что лицо, достигшее двенадцати – тринадцатилетнего возраста уже может адекватно оценивать противоправность своего деяния. Снижение возраста уголовной ответственности путем ориентирования на воспитательное воздействие поспособствовало бы профилактике подростковой преступности. Однако это сложный и неоднозначный вопрос, ведь имеются и множество противоположных убеждений. Так, снижение возраста уголовной ответственности противоречит принципам гуманности и способствует увеличению доли участия несовершеннолетних в сфере уголовно-правового воздействия.

Очевидно, что не все дети одинаково осознают преступность своего деяния в определенный законодателем возраст. Однако, справедливо и гуманно, на наш взгляд, законодатели применяют многоступенчатые возрастные пороги, по достижению которых лица подлежат уголовной ответственности за совершение исчерпывающего ряда уголовных правонарушений. Так, например, современное уголовное законодательство Республики Узбекистан определяет четыре возрастные категории. За совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах лицо привлекают к ответственности с 13 лет. Кроме того, имеется ряд преступлений, за совершение которых подлежат ответственности лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста⁶. В уголовном законодательстве Республики Казахстан предусмотрены определенные уголовные правонарушения, ответственность за совершение которых наступает с четырнадцати лет. Отделение таких правонарушений связано с тем что, именно их подростки совершают чаще всего и по достижению этого возраста они уже способны осознавать преступность своего поведения. Так, согласно статистическим данным Комитета по статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан, наиболее совершаемыми уголовными правонарушениями среди лиц 14-15 лет являются хулиганство (ст. 293 УК РК), грабеж (ст. 191 УК РК), вымогательство (ст. 194 УК РК). В статье имеется также ряд преступлений против личности такие как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, похищение человека и др. Однако в отличие от Уголовного Кодекса РК 1997 года, в последнем (2014 г.) в список таких уголовных правонарушений включены посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан (ст. 178), диверсия (ст. 184). На наш взгляд, это связано с тем, что дети не только к 14

---

⁵ Алтынбаева Р. Р., Привалов К. В. Преступность несовершеннолетних в странах Евросоюза // XLНеделя науки СПбГУ : материалы международной научно-практической конференции. Ч. XIX. СПб. : Изд.-во Политехн. ун-та, 2011 С. 97.

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-ХII : с изм. и доп. по состоянию на 14 сент. 2017 г. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (06.02.2018).

годам, но уже с раннего возраста имеют представление о том, что они живут в независимом государстве, что его нормальное существование обеспечивают органы государственной власти. Средства массовой информации также дают возможность подросткам практически понять важность государственного аппарата, а различные видеоматериалы показывают большое количество примеров нарушения общественного порядка.

Таким образом, вопрос установления минимального возраста уголовной ответственности был и является открытым. Сколько бы ни было объяснений со стороны самых различных наук, практического опыта, невозможно точно определить такой возрастной порог. Исходя из собственной точки зрения, при установлении возраста уголовной ответственности наряду с психофизиологическим развитием подростков необходимо учитывать тот возраст, до которого несовершеннолетние совершают меньшее количество уголовных правонарушений, нежели чем после такового. Также, многоступенчатость возрастных порогов, предусмотрение особенностей развития несовершеннолетнего в системе уголовного права, выражая его гуманность, дает возможность подходить к ситуации более индивидуально.

Подводя итоги данной работы, следует сказать о том, что на сегодняшний день имеет место необходимость более детального изучения проблемы возрастной дифференциации в уголовном праве, которая существует на параллели с динамично развивающимися концепциями общества и государства.

Информация об авторе

Рустемова Айнур Кайратовна – студентка 2 курса Казахского гуманитарного юридического университета.

010000, Республика Казахстан, г. Астана, Коргалжинское ш. 8,
a_rustemova@kazguu.kz

УДК 343.851.3

С 12

Т. И. Савченко,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних посредством сети «Интернет»

В статье анализируются проблемы противодействия распространению порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет. Рассматриваются отдельные стороны судебной практики, а также деятельности правоохранительных органов и СМИ. Предлагаются варианты повышения эффективности профилактической работы.

Ключевые слова: порнографические изображения, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, Интернет, органы прокуратуры.

В сети «Интернет» представлено немало веб-ресурсов, на которых публикуются запрещенные материалы. Нередко блокирование их деятельности и уголовное преследование вызваны не результатами повседневной деятельности правоохранительных органов, а вследствие того, что на такие сайты обратили внимание СМИ, возник общественный резонанс. Очень часто такие происшествия связаны с распространением порнографических изображений несовершеннолетних.

Согласно примечанию к ст. 242¹ УК РФ, под материалами с порнографическими изображениями несовершеннолетних понимаются материалы, содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях: полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего; несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера; полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием; совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера.

Так, взволновавший общественность безнравственный случай произошёл в Приморье, где функционируют сайт и группы в социальных сетях, создатели которых выкладывали фотографии обнаженных девушек и публиковали ссылки на их аккаунты, имена и номера телефонов¹.

Данный Интернет-ресурс работал с осени 2017 года, и за несколько месяцев появилась информация о сотнях девушек, большинство из которых несовершеннолетние. С помощью изображений подростков его администраторы получали доход. В частности, удаление фотографий, опубликованных на сайте, оценивалось в пять тысяч рублей. Владельцы сайта осуществляли свою деятельность посредством шантажа.

Думается, что каждое отдельное преступление, направленное против половой неприкосновенности и половой свободы личности, имеет индивидуальную историю. Дети, подвергавшиеся в несовершеннолетнем возрасте насилию, в том числе и сексуальному, нередко начинают проявлять агрессию по отношению к людям и обществу в целом. Данные факты являются предпосылками для совершения преступлений в дальнейшем. Так, создатель вышеуказанного сайта подвергся домашнему насилию в возрасте 14 лет, согласно информации, опубликованной на сайте Управления министерства внутренних дел по Приморскому краю².

Существует большое количество поставщиков контента для взрослых. Кроме того, каждый человек может отправить свой материал, именно так происходит в большинстве случаев. Публикуются имена и фамилии девушек, их фотографии, а также номера телефонов и ссылки на профили в социаль-

---

¹ Информационное агентство KrasnodarMedia [Электронный ресурс] : информационно-аналитический портал. URL: <http://krasnodarmedia.su/news/668455/> (14.02.2018).

² Управление МВД России по Приморскому краю [Электронный ресурс] : информационно-аналитический портал. URL: <https://25.мвд.рф/> (12.02.2018).

ных сетях. Доступ к этой информации свободный, поэтому просмотры таких Интернет-ресурсов измеряются тысячами. В основе меркантильного замысла лежит ревность, зависть и чувство мести, а также желание заработать на изображениях несовершеннолетних.

Проверкой Интернет-сайтов и сопутствующих групп в социальных сетях, публикующих эротические фотографии подростков, занимаются все ответственные правоохранительные структуры совместно с Роскомнадзором. Уголовным законом предусматривается ответственность по ст. 242¹ в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового³. Примером является приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 23.12.2016 г. №№ 1-214/2016, которым назначено наказание гражданину К. в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы⁴.

Суд квалифицировал действия подсудимого К. по п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ – приобретение, хранение в целях распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Иногда несовершеннолетние сами выкладывают свои фото. Как считает руководитель центра когнитивной психологии Светлана Брижак, подросткам не хватает любви родителей, они растут в ее дефиците. У подростка существует потребность в эмоциональной связи, в общении, они хотят общаться, однако не умеют вести себя в Интернете, что и вызывает подобные ситуации. Их интимные фото – это крик души: "обратите на меня внимание, я могу удивить"⁵.

При этом обнародование личных фото может сильно травмировать несовершеннолетних которые, безусловно, не думали о последствиях. После появления информации о себе в неприглядном виде подростки сталкиваются с агрессивным преследованием в среде сверстников. Их шантажируют еще большей оглаской, травят в школе и в Интернете. Тем самым для подростков создают определенную базу для совершения дальнейших преступлений.

Органы прокуратуры играют важную роль в предупреждении правона-

---

³ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 31дек. 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ Приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 23 дек. 2016 г. по делу № 1-214/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-vaninskij-rajonnyj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-549710403> (14.02.2018).

⁵ Информационное агентство PrimaMedia [Электронный ресурс] : информационно-аналитический портал. URL: <https://primamedia.ru/news/670302> (14.02.2018).

рушений данного вида. Они обладают полномочиями по выявлению вышеуказанных сайтов в процессе мониторинга сети «Интернет» и обращения в суд с исковым заявлением о блокировании выявленных сетевых ресурсов. Информацию о выявленных нарушениях для принятия мер по их устранению органы прокуратуры могут направлять в Роскомнадзор. С другой стороны, органы прокуратуры выполняют множество всевозможных функций и работают на пределе возможностей, а потому не могут уделять больше внимания обозначенной проблеме без ослабления надзора на других направлениях.

В этой связи следует согласиться с позицией правоведов⁶, считающих, что, необходима отладка, усовершенствование механизмов взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества, различными общественными объединениями, а также с научными и образовательными учреждениями, политическими партиями для использования их возможностей в выявлении сайтов с запрещенной информацией в целях последующего блокирования.

Информация об авторе

Савченко Татьяна Игоревна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664046, г. Иркутск, бульвар Постышева, 6А, e-mail: lady_t_ki@mail.ru.

УДК 343.241.2

С 34

Ю. В. Сидорова,

*студентка 3 курса Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним

В данной статье автор рассматривает основные вопросы, связанные с назначением несовершеннолетним осужденным наказания в виде штрафа, выявляет противоречия в действующем законодательстве и предлагает пути их разрешения.

Ключевые слова: несовершеннолетний осужденный, штраф, уголовное наказание несовершеннолетних.

---

⁶ Юрковский А. В., Милорадов С. А., Полянская В. А. Основы управленческой работы в органах прокуратуры : учебное пособие. Иркутск, 2015. С. 79 ; Криминология. Особенная часть : учебник / О. С. Капинус и др. М., 2016. С. 311.

Регламентация в уголовном законодательстве особых правил применения мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних объясняется такими принципами уголовного права, как справедливость и гуманизм.

По мнению некоторых авторов¹, большое количество уголовно-правовых норм направлены именно на охрану и защиту прав несовершеннолетних в силу того, что в правовом государстве на первом месте стоят интересы подрастающего поколения. Однако, по мнению В. Г. Ермакова и А. А. Середина², государство по отношению к несовершеннолетнему, совершившему преступление, имеет двойную позицию: оно осуждает совершение несовершеннолетним преступного деяния и способствует его наказанию, а с другой – осуществляет все возможные меры по охране несовершеннолетнего.

Одним из видов наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации³ (далее – УК РФ), является штраф, который представляет собой денежное взыскание в размере от одной до пятидесяти тысяч рублей или в размере дохода осужденного за период от двух недель до шести месяцев (ч. 2 ст. 88 УК РФ). По нашему мнению, стоит обратить внимание на тот факт, что штраф может назначаться несовершеннолетнему как при наличии у него самостоятельного заработка или имущества, так и при отсутствии такового. В случае отсутствия у несовершеннолетнего осужденного заработка или имущества штраф может взыскиваться с законных представителей несовершеннолетнего при условии их согласия.

Уголовный закон указывает на три основные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Наличие в УК РФ возможности взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его законных представителей, по нашему мнению, противоречит вышеперечисленным целям наказания. Несовершеннолетний не может в полной мере осознать суть назначенного ему наказания. У него формируется чувство вседозволенности и безнаказанности⁴.

Также стоит отметить, что взыскание штрафа с родителей, попечителей или иных законных представителей несовершеннолетнего осужденного нарушает принцип вины. В ст. 5 УК РФ указывается, что лицо подлежит уго-

---

¹ Астемиров З. А., Зиядова Д. З. Некоторые пути совершенствования уголовно-правовой защиты несовершеннолетних // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 2. Право. С. 155.

² Ермаков В. Г., Середин А. А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 68

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

⁴ Верина Г. В. Конституция Российской Федерации – основа уголовного законодательства: коллизии и пути преодоления // Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности / ред. О. С. Ростова и др. Саратов, 2009. С. 223–225.

ловной ответственности только за те общественно опасные деяния, в отношении которых установлена его вина. Только виновное лицо подлежит уголовной ответственности и вытекающему из привлечения к уголовной ответственности наказанию. Таким образом, можно сделать вывод, что возложение на законных представителей обязанности по уплате штрафа, назначенного за совершение несовершеннолетним преступного деяния, означает также и возложение на них обязанности понести наказание. Но виновным в совершении конкретного преступного деяния признается несовершеннолетний.

Однако стоит принять во внимание и тот факт, что штраф – наиболее мягкий вид наказания, и его наличие в перечне назначаемых несовершеннолетним наказаний обусловлено упомянутым выше принципом гуманизма. Законодатель стремится к минимизации применения в отношении несовершеннолетних лиц уголовного наказания, что ясно прослеживается в значительном сокращении видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, а также размеров и сроков наказаний (например, исправительные работы назначаются несовершеннолетним на срок до одного года, а совершеннолетним – от двух месяцев до двух лет). К несовершеннолетним осужденным необходим особый подход в силу их эмоциональной и психической незрелости⁵.

На наш взгляд, применение к несовершеннолетнему осужденному, не имеющему самостоятельного заработка, такого вида наказания, как штраф, не является эффективным и в конечном итоге не достигается основная цель наказания – исправление осужденного. Несовершеннолетним, у которых отсутствует самостоятельный заработок или собственное имущество, более разумно назначать лишение права заниматься определенной деятельностью, если совершенное им преступление связано с осуществлением ими конкретной деятельности, или же назначать обязательные работы, то есть те виды наказаний, которые в системе назначаемых несовершеннолетним наказаний по строгости стоят после штрафа. В итоге несовершеннолетний лично несет наказание и претерпевает ряд лишений его прав, что невозможно проследить в случаях назначения ему штрафа, который уплачивают его законные представители.

Таким образом, считаем целесообразным внести в ч. 2 ст. 88 УК РФ изменение касательно назначения штрафа: «штраф назначается несовершеннолетнему осужденному исключительно при наличии у него самостоятельного заработка или имущества». Данное изменение, по нашему мнению, позволит преодолеть противоречие ч. 2 ст. 88 УК РФ с принципом вины и основными целями уголовного наказания, а также позволит более эффективно повлиять на несовершеннолетнего осужденного.

---

⁵ Таюрская Е. А. Несовершеннолетний в уголовном праве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 3 (70). С. 56.

Информация об авторе

Сидорова Юлия Вадимовна – студентка 3 курса Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 10,

e-mail: julia-sidorova97@mail.ru

УДК 343.1
А 23

Н. Н. Агаркова

студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

О реализации принципа состязательности в российском уголовном судопроизводстве

В статье анализируется принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности сторон. Исследуется вопрос о составляющих элементах принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются позиции ученых относительно расширений полномочий стороны защиты в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: принципы, состязательность сторон, уголовное судопроизводства, сторона защиты.

Принципы права – основополагающие начала, характеризующие сущность того или иного правового явления, лежащие в основе его построения и функционирования, отражающие закономерности развития общества и государства, объективно сложившихся общественных отношений в праве в целом, отрасли права, правовом институте¹. С помощью принципов во многих отраслях права разрешается проблема урегулирования вновь возникших правоотношений, которые не были предусмотрены в законе, либо в случае конкуренции между отдельными нормами. Именно поэтому между самими принципами, представляющими собой систему, не должно быть противоречий².

Одним из вопросов, вызывающих острые дискуссии в теории и проблемы правоприменительной практики, уже более 20 лет является вопрос о реализации принципа состязательности в российском уголовном судопроизводстве.

В соответствии с положениями ст. 15 УПК РФ принцип состязательности включает в себя 3 признака:

1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо;

2) суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;

3) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Одной из основных проблем реализации рассматриваемого принципа является то, что при сохранении смешанной модели уголовного

¹ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1998. С. 35.

² См.: Лавдаренко Л. И. Принципы уголовного судопроизводства: проблема иерархии и конкуренции между ними // Российский следователь. 2017. № 11. С. 13–17.

судопроизводства, состязательность на законодательном уровне провозглашается принципом всего уголовного судопроизводства, а значит, должна определять процессуальную деятельность и в досудебном производстве.

Имея ввиду именно досудебное производство, некоторые ученые говорят о том, что в российском уголовном процессе не существует равенства сторон, которое обеспечивает принцип состязательности. В частности, А. Э. Амасьянц пишет: «При условии, что к материалам уголовного дела не приобщаются все факты, собранные защитником, создается одностороннее представление о сущности дела, что может привести к нарушению целостной картины судебного процесса и к неправильному решению суда на основе односторонности, субъективности материалов, представленных стороной обвинения»³. Сторонники идеи распространения всех элементов состязательности на досудебное производство предлагают уравнивать возможности стороны обвинения и защиты, предусмотрев «параллельного расследования». Такое предложение вызывает возражения. Во-первых, приобщение материалов, полученных адвокатами, потребует их проверки с точки зрения допустимости. Во-вторых, как известно, адвокаты, в отличие от следователей, представляют личные интересы представляемых участников – обвиняемых, которые в большинстве случаев пытаются избежать уголовной ответственности. В связи с этим будут возникать вопросы о достоверности представляемых защитой материалов, что в итоге станет приводить к затягиванию сроков производства по делу. В-третьих, «параллельное расследование» потребует расширить полномочия адвокатов по сбору доказательств, что может увеличить угрозу «произвола по отношению к гражданам»⁴. Возражая против «параллельного расследования» Е. А. Доля приводит и такой серьезный аргумент: «В условиях все увеличивающейся дифференциации в доходах и имущественном положении граждан параллельное расследование может привести к двойному стандарту судопроизводства: один – для бедных, другой – для богатых, т. е. фактическому неравенству перед законом и судом ...»⁵.

По нашему мнению, распространение принципа состязательности на досудебное производство может помешать быстрому, полному и беспристрастному расследованию уголовного дела. Мы считаем, что следователь либо дознаватель должен оставаться единственным участником, формирующим уголовное дело⁶.

---

³ Амасьянц А. Э. Уголовно-процессуальные проблемы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2013. № 2.

⁴ Ленский А. В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России и его эффективность. Томск, 1998. С. 26.

⁵ Доля Е. А. Проект общей части УПК Российской Федерации: критический анализ // Государство и право. 1995. № 5. С. 84.

⁶ См.: Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном процессе. Иркутск, 2007. С. 208.

Еще одной проблемой, на которой хотелось бы остановиться при рассмотрении принципа состязательности, является вопрос о роли суда в доказывании. Как известно, в отличие, например, от судей англо-саксонской системы права, наш судья активен в доказывании. В юридической литературе высказываются суждения, что активность суда в доказывании несовместима с принципом состязательности, поскольку судья начинает выступать на одной из сторон (имеется ввиду сторона обвинения). Мы стоим на другой позиции, согласно которой судья должен оставаться активным в собирании доказательств, так как в своей деятельности он не будет подменять стороны в состязании, он лишь будет собирать необходимые доказательства для детального и тщательного рассмотрения дела по существу и вынесения законного и объективного решения.

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что принцип состязательности в полной мере реализуется в судебных стадиях отечественного уголовного судопроизводства. Внедрение его в досудебное производство со стороны законодателя должно быть взвешенным, не идти в разрез с традиционно присущими для отечественной уголовно-процессуальной системы принципами, обеспечивающими справедливое, основанное на истине правосудие.

Информация об авторе

Агаркова Наталья Николаевна – студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

*664047, г. Иркутск, ул. Партизанская, 107А,
e-mail: agarkova.nata@mail.ru*

УДК 343.146

Б 72

А. В. Бойчук,

*магистрант 1 года обучения
Юридического института
Байкальского государственного
университета*

Изъятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

В статье рассмотрены вопросы изъятия электронных носителей информации при расследовании преступлений. Автором выделен ряд проблем, возникающих в практической деятельности правоохранительных органов при изъятии электронных носителей информации в качестве доказательств по уголовным делам и анализируются научные подходы к данной проблематике. По результатам исследования автором предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: электронные носители информации, изъятие электронных носителей, электронные доказательства, участие специалиста, вещественные доказательства, обыск, выемка.

В связи с развитием информационных технологий и повсеместным внедрением электронно-вычислительной техники в деятельность граждан и организаций, электронные носители информации стали обыденной частью жизни общества. Актуальным стало и использование электронных носителей информации в качестве доказательств при расследовании уголовных дел, поэтому законодателем данное понятие было введено в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ в 2012 году. Однако в УПК РФ отсутствует само определение понятия «электронный носитель информации», что порождает проблемы при трактовке данного термина.

Анализируя научную литературу, можно прийти к выводу, что большинство авторов опираются на понятие электронного носителя, закрепленное в ГОСТе 2.051-2013, где под электронным носителем понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» (подп. 3.1.9)². Предположительно, из такой логики исходил и законодатель при внесении изменений в УПК РФ.

В соответствии с УПК РФ изъятие электронных носителей информации для использования в качестве доказательств может проводиться при проведении обыска (ст. 182 УПК РФ) и выемки (ст. 183 УПК РФ). Этими нормами предусмотрены схожие правила изъятия электронных носителей информации.

При производстве обыска или выемки электронные носители информации изымаются с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве данных следственных действий в обязательном порядке ведется протокол следственного действия по общим правилам.

Необходимо отметить, что законодателем упущен ряд моментов, связанных с изъятием электронных носителей информации. Законодатель предусмотрел правила изъятия электронных носителей информации лишь при обыске и выемке, в то время как осмотр места происшествия остался без

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

² ГОСТ 2.051-2013 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. М. : Стандартинформ, 2014. 17 с.

его внимания, хотя при проведении данного следственного действия также возможно обнаружение рассматриваемых объектов. По причине чего вне правового регулирования остается вопрос об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в момент производства осмотра места происшествия. Такой подход законодателя оставляет на усмотрение следователя вопрос о привлечении специалиста, что противоречит логике, по которой участие специалиста при обыске и выемке обязательно. Бесспорным представляется тот факт, что при производстве осмотра места происшествия возможно непредвиденное обнаружение таких доказательств, как электронные носители информации, и их изъятие в таком случае может проводиться без привлечения специалиста. Однако при проведении обыска такая ситуация также возможна, в отличие от выемки, когда изымаемые предметы заблаговременно известны следователю и есть возможность заранее пригласить специалиста.

Само установление обязанности привлечения специалиста при изъятии электронных носителей информации вызывает ряд вопросов. Как справедливо отмечает М. В. Старичков: «Не вызывает сомнений, что изъятие электронных носителей информации, являющихся частью других компьютерных устройств или подключенных к другому оборудованию, а также копирование информации с изымаемых электронных носителей в интересах третьих лиц должно производиться только специалистом. Но вряд ли есть техническая необходимость привлекать специалиста для изъятия, например, сотового телефона, цифрового фотоаппарата, mp3-плеера, а в соответствии с требованиями УПК РФ в ходе обыска или выемки это обязательно»³.

В такой ситуации предлагается изменить правовую норму, дополнив ее положением о том, что привлечение специалиста необходимо только в случаях, когда изъятие электронных носителей информации невозможно без применения специальных знаний, а также при необходимости копирования информации с электронных носителей, либо, если изъятие электронного носителя информации целиком затруднено.

Однако, как отмечают А. Л. Осипенко, А. И. Гайдны, правомерна и иная точка зрения, согласно которой участие специалиста направлено, главным образом, на грамотное проведение изъятия электронных носителей информации и обеспечение их правильного хранения в последующем, а копирование информации выступает для него лишь сопутствующей задачей. Очевидно, законодателю стоило бы дать более четкую регламентацию этого обстоятельства⁴.

В УПК РФ установлено, что копирование информации не допускается, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по за-

---

³ Старичков М. В. Вопросы использования носителей компьютерной информации в качестве доказательств // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2017. № 2. С. 119–124.

⁴ Осипенко А. Л., Гайдны А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежск. ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 1–8.

явлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Однако критерии, по которым можно определить, воспрепятствует копирование информации с электронных носителей расследованию или нет, в законе отсутствуют, что может повлечь за собой необоснованный отказ в копировании информации. Такое упущение можно восполнить путем создания на законодательном уровне единых рекомендаций для правоохранительных органов, в которых будут четко обозначены основания, при которых копирование информации с электронных носителей может воспрепятствовать расследованию преступления. Основание отклонения ходатайства о копировании информации в обязательном порядке должно отражаться в протоколе следственного действия.

Таким образом, законодательство в сфере регулирования такого доказательства, как электронные носители информации, требует постоянного усовершенствования. При этом нормотворчество должно основываться на практическом опыте правоприменителя и своевременно модернизироваться в связи с развитием информационных технологий.

С учетом изложенного полагаю целесообразным на сегодняшний день высказать следующие рекомендации:

– урегулировать на законодательном уровне вопрос изъятия электронных носителей информации не только при обыске и выемке, но и при других следственных действиях;

– привести к единообразию правовые нормы, регулирующие участие специалиста при изъятии электронных носителей информации для использования в качестве доказательств;

– создать правила, которым нужно следовать при решении вопроса о возможности копирования информации с электронного носителя по ходатайству, указанных в законе лиц.

Информация об авторе

Бойчук Анна Валерьевна – Магистрант 1 курса Юридического института Байкальский государственный университет.

664003 г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11. тел. 8(3952) 5-0000-5.

УДК 343.13

В 52

Д. С. Вирясов,

магистрант 2 года обучения

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»

Участие адвоката при проверке сообщения о преступлении

В статье анализируется процессуальный статус адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: адвокат, квалифицированная юридическая помощь, проверка сообщения о преступлении.

Конституция РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48). В уголовном судопроизводстве данное конституционное право обеспечивается на всех стадиях производства по уголовному делу¹. На стадии возбуждения уголовного дела – начальной стадии уголовного процесса, обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи отличается недостаточной правовой урегулированностью². В результате изменений, внесенных Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ³, в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) были непосредственно закреплены и конкретизированы отдельные аспекты обеспечения данного конституционного права на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права, в том числе, право пользоваться услугами адвоката, и обеспечивается возможность осуществления этих прав. Следует отметить, что и до непосредственного закрепления и конкретизации в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ право пользоваться услугами адвоката в ходе проверки сообщения о преступлении реализовывалось на основании положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и положений Конституции РФ (ст. 48). Так, адвокат участвует с доверителем в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении (даче объяснений...), в интересах доверителя заявляет ходатайства, обжалует незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц в рамках проверки сообщения о преступлении.

Одной из проблем правового регулирования обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела является недостаточное правовое регулирование процессуального статуса адвоката, участвующего при проверке сообщения о преступлении. УПК РФ не определяет процессуальный статус адвоката, оказывающего юридическую помощь лицам при проверке сообщения о преступлении, его права, обязанности, ответственность. Процессуальные права и обязанности адвоката в данном случае можно выявить путем толкования положений УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и непосредственно ст. 48 Конституции РФ.

---

¹ См.: Крысина Н. Р. Конституционный принцип обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2 (67). С. 92.

² См.: Мухудинова Н. Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе : монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 3.

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-первых, адвокат, оказывающий юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении, реализует права, предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п. 3 ст. 6):

- право собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке, предусмотренном ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Указанные органы и организации в установленном порядке обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их копии;

- право опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь;

- право собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством РФ;

- привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи;

- беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе, в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности;

- фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну.

Адвокат вправе совершать иные действия, не противоречащие законодательству РФ (п. 3, 7 ст. 6 данного Федерального закона).

Во-вторых, адвокат, оказывающий юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении, реализует основные процессуальные права:

- участвовать в производстве следственных, процессуальных действий, производимых с участием доверителя при проверке сообщения о преступлении;

- знакомиться с протоколами следственных, процессуальных действий, произведенных с участием доверителя при проверке сообщения о преступлении;

- заявлять ходатайства;

- заявлять отводы;

- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

Указанные процессуальные права необходимы адвокату для реализации функции оказания юридической помощи доверителю при проверке сообщения о преступлении. Так, например, адвокат, реализуя полномочия, предусмотренные пп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской дея-

тельности и адвокатуры в РФ», собранные им сведения (справки, иные документы), может представить должностному лицу, осуществляющему проверку сообщения о преступлении, заявив соответствующее ходатайство.

И хотя УПК РФ непосредственно не закрепляет процессуальные права адвоката, оказывающего юридическую помощь лицам при проверке сообщения о преступлении, наличие указанных процессуальных прав объективно необходимо для реализации адвокатом функции оказания юридической помощи доверителю. В правоприменительной практике адвокаты реализуют данные процессуальные права, участвуют в производстве процессуальных действий с участием доверителя (в большинстве – при получении объяснений), заявляют ходатайства в целях обеспечения прав и законных интересов доверителя, знакомятся с материалами проверки сообщения о преступлении, обжалуют незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, в суд, прокурору, руководителю следственного органа. Однако отсутствие законодательного закрепления прав адвоката в УПК РФ приводит к ограничению его возможностей по оказанию юридической помощи доверителю при проверке сообщения о преступлении⁴.

Полагаем, что дальнейшее развитие обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела необходимо в сторону расширения и конкретизации процессуальных полномочий адвоката, оказывающего юридическую помощь лицам, участвующим при производстве проверки сообщения о преступлении.

Информация об авторе

Вирясов Дмитрий Сергеевич – магистрант второго года обучения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»)
430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44,
e-mail: dima.viriasov@yandex.ru

---

⁴ См., например: Защитительная адвокатская деятельность : учебное пособие / Л. Д. Калинкина и др. Саранск, 2015. 248 с. ; Шигурова Е. И., Шалятова Е. В. Возбуждение уголовного дела: новые вопросы и проблемы // Ученые записки кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева / науч. ред. Л. Д. Калинкина. Саранск, 2017. Вып. 7. С. 27–32 ; Фирсов С. Н., Здоровина Н. В. Обеспечение прав личности на стадии возбуждения уголовного дела: сравнительный анализ УПК Российской Федерации и Республики Беларусь. С. 32–39 ; Сухова О. А. К вопросу о правовой грамотности населения и проблемах реализации права на получение квалифицированной юридической помощи // Финансовая и правовая грамотность – основа успеха : материалы круглого стола / М-во образования и науки РФ ; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, 2016. С. 141–149.

УДК 343.1
В 64

А. М. Возняк,

*студент 4 курса Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

О некоторых проблемах прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

В статье анализируется практическое применение положений законодательства об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Исследуются вопросы приостановления процессуальных сроков, возможность производства следственных действий после направления уголовного дела с соответствующим ходатайством в суд и иные уголовно-процессуальные аспекты.

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, процессуальные сроки, иные меры уголовно-правового характера.

В связи с вступлением в силу Федерального закона № 323-ФЗ¹ от 03.07.2016 в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) появилось новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Не вдаваясь в научную полемику у целесообразности введения указанного основания освобождения от уголовной ответственности, его уголовно-правовой сущности и иные теоретические положения, в рамках настоящей статьи мы рассмотрим некоторые практические аспекты применения положений указанного института.

Определенные проблемы в правоприменительной практике вызывает вопрос течения сроков предварительного расследования при направлении следователем с согласия руководителя следственного органа ходатайства в суд в порядке, предусмотренном ст. 446.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), для прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Так, в ч. 2 ст. 162 УПК РФ предусмотрено, что срок предварительного следствия исчисляется с момента возбуждения уголовного дела до момента направления уголовного дела с обвинительным заключением или постанов-

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Ч. II). Ст. 4256.

лением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера прокурору либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу. Кроме того, ст. 208 УПК РФ не содержит такого основания приостановления производства по уголовному делу как направление в суд постановления о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Таким образом, направление следователем уголовного дела с постановлением о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не приостанавливает и не прекращает течение процессуального срока предварительного следствия, несмотря на то, что по своей сути и содержанию рассматриваемое ходатайство аналогично обвинительному заключению², поскольку в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации в указанном постановлении должны быть изложены: описание преступного деяния, в совершении которого лицо подозревается или обвиняется; доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение; основание для прекращения судом уголовного дела или уголовного преследования и назначения подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; указание о согласии подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию³. Полагаем, такое положение не в полной мере соответствует требованиям о разумном сроке уголовного судопроизводства, изложенным в ст. 6.1 УПК РФ, поскольку фактически уголовное дело выбывает из производства следователя, поскольку его оригиналы направляются в суд, хотя юридически сроки производства по уголовному делу текут, несмотря на то, что в течение десяти дней следователь лишен фактической возможности проводить следственные действия, в связи с этим сроки предварительного расследования необоснованно затягиваются. Кроме того, полагаем, следователь не имеет права проводить следственные действия в период нахождения уголовного дела с постановлением о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в суде, поскольку это может привести к тому, что судья при вынесении решения будет обладать не полным объемом фактических данных, установленных при производстве по уголовному делу.

Следует заметить, что УПК РФ не предусматривает возможность продления срока предварительного расследования судьей. Таким образом, не яс-

---

² Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10.

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

но, как должен поступить следователь, которому судья возвратил уголовное дело и отказал в его прекращении с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, если срок предварительного следствия по указанному уголовному делу истек в период его нахождения в суде. Вынести постановление о возбуждении перед руководителем следственного органа ходатайства о продлении срока предварительного следствия следователь не может, поскольку в он фактически не имеет уголовного дела в своем производстве, лишен возможности надлежащим образом обосновать необходимость продления сроков расследования. Полагаем, необходимо дополнить ст. 162 УПК РФ положением о том, что срок предварительного расследования прекращается с момента поступления в суд материалов уголовного дела с рассматриваемым ходатайством, а в случае отказа в его удовлетворении, уголовное дело возвращается руководителю следственного органа, который устанавливает срок предварительного расследования до одного месяца со дня поступления уголовного дела следователю с возможностью продления указанного срока в общем порядке.

Вызывает определенные вопросы то, что в силу ч. 3 ст. 446² УПК РФ копия постановления о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не направляется прокурору, хотя в силу ч. 4 ст. 446² УПК РФ участие прокурора в рассмотрении указанного ходатайства является обязательным. Кроме того, в силу ст. 246 УПК РФ, прокурор лишен возможности ознакомиться с содержанием ходатайства, а также материалами уголовного дела, до судебного заседания, а о самом возбуждении соответствующего ходатайства он может узнать только из извещения суда о рассмотрении ходатайства. Кроме того, ч. 2 ст. 446² УПК РФ предусматривает, что неявка прокурора не является препятствием к рассмотрению ходатайства⁴. Полагаем, установленный законом порядок лишает прокурора возможности надлежащим образом осуществлять уголовное преследование, что противоречит ч. 1 ст. 37 УПК РФ. Считаем целесообразным обязательное направление прокурору копии рассматриваемого постановления, что позволит прокурору заранее подготовить аргументированную позицию о законности прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Кроме того, для обеспечения надлежащего надзора за деятельностью органов предварительного следствия, а также осуществления уголовного преследования, полагаем, необходимо изменить саму процедуру прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. На наш взгляд, следователь с согласия руководителя

---

⁴ Панько Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3.

следственного органа должен направлять уголовное дело с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прокурору, который в течение двух суток принимает решение о согласии либо о не согласии с указанным постановлением, а затем в обязательном порядке направляет уголовное дело с постановлением следователя в суд. Таким образом, прокурор сможет ознакомиться с содержанием постановления о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, проверить законность указанного решения следователя, а затем изложить в суде свое мотивированное заключение о возможности удовлетворения ходатайства следователя.

Также следует отметить, что в ч. 2 ст. 37 УПК РФ не содержится указания на то, что прокурор дает согласие дознавателю на вынесение постановления о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что вступает в коллизию с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, где этот порядок предусмотрен. Полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 37 УПК РФ недостающим положением, содержащимся в ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ о даче прокурором дознавателю на возбуждение перед судом рассматриваемого ходатайства.

Подводя итог следует заметить, что при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа столкнулись с рядом законодательных пробелов, которые номинируемо возникают при внедрении в действующее законодательство новых институтов. Тем не менее, указанный институт является действенным, применяемым на практике, в частности при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ, где приоритетной задачей органов предварительного следствия является возмещение ущерба потерпевшим, а институт судебного штрафа является хорошим инструментом решения указанной задачи без излишней уголовной репрессии.

Информация об авторе

Возняк Андрей Михайлович – студент 4 курса юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (АГП РФ).
107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 10 стр. 1,
e-mail: voznjak1347@mail.ru

УДК 343.16

Г 16

Д. В. Галкина,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Сравнительно-правовой анализ полномочий прокурора
при направлении уголовного дела в суд по Уставу уголовного
судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу
Российской Федерации**

В статье анализируются полномочия прокурора при направлении уголовного дела в суд по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. Автор акцентирует внимание на существенном ограничении полномочий прокурора в современном УПК РФ и указывает на необходимость учета исторического опыта при дальнейшем реформировании УПК РФ.

Ключевые слова: полномочия прокурора, направление уголовного дела в суд, Устав уголовного судопроизводства, обвинительный акт.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) является одним из важнейших памятников права в российской юридической науке. Его положения сыграли важную роль в укреплении демократических основ российского правосудия. В Уставе состязательное начало уголовного процесса было развито сильнее, чем, например, во французском УПК 1808 г., несмотря на то, что многие положения Устава были заимствованы именно у французов. Огромную роль судебная реформа 1864 г. в целом и Устав, в частности, сыграли в кардинальном изменении содержания деятельности прокуратуры, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что многие положения Устава нашли свое отражение и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Например, это такие положения, которые касались участия полиции в производстве предварительного следствия (гл. 1 отд. 1), существа обязанностей и степени власти прокуроров и их товарищей (гл. 1 отд. 3), призыва или привода обвиняемого к следствию (гл. 5 отд. 1) и множество других положений, которые и в настоящее время не теряют своей актуальности¹.

Более подробно хотелось бы рассмотреть положения Устава, касающиеся полномочий прокурора при направлении уголовного дела в суд, а также провести сравнительный анализ положений Устава и УПК РФ.

После проведения судебной реформы 1864 г. на прокурора в уголовном

---

¹ Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1440.

судопроизводстве было возложено выполнение двух функций: уголовное преследование и надзор (наблюдение) за законностью расследования преступлений.

Устав наделил прокурора полномочиями по реализации функции уголовного преследования при поступлении к нему уголовного дела по окончании расследования. Согласно ст. 512 Устава, прокурор, в случае «очевидной неполноты произведенного следствия» мог «потребовать дополнительные сведения, или обратиться к расследованию». Несмотря на это, прокурору под «опасением законной ответственности» запрещалось останавливать течение дела для пополнения следствия несущественными сведениями².

Прокурор, получив материалы окончательного следственного производства, при наличии в них данных для обвинения конкретного лица в совершении преступления составлял обвинительный акт, который, представляя собой окончательное обвинение прокуратуры, по сути своей являлся и ее заключением о предании обвиняемого суду. От суда не требовалось выносить специальное решение о предании суду. Получив обвинительный акт, он должен был в распорядительном заседании обсудить, «не требует ли дело каких-то особенных с его стороны распоряжений, и определить порядок, в котором оно подлежит дальнейшему производству» (ст. 527 и 547 Устава).

Если вышестоящий прокурор (прокурор при судебной палате) не соглашался с обвинительным актом, то дело передавалось на рассмотрение судебной палаты (суда среднего звена общих судебных установлений), и она решала вопрос о предании суду (ст. 529 и 534 Устава).

Что касается обвинительного акта, то, согласно ст. 520 Устава, в нем обязательно должны были быть указаны:

- 1) событие, заключающее в себе признаки преступного деяния;
- 2) время и место совершения преступного деяния;
- 3) звание, имя, отчество и фамилия обвиняемого (а также его прозвище);
- 4) сущность доказательств и улики, собранных по делу против обвиняемого
- 5) определение по закону, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния;

К обвинительному акту прокурором в обязательном порядке прилагался список лиц, подлежащих вызову в суд.

Вместе с тем при наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, прокурор мог подготовить соответствующее заключение о прекращении уголовного преследования и направить его в суд, которому был вправе решить данный вопрос по существу. В этом же порядке решались вопросы об изменении подсудности дела либо его приостановлении (ст. 523 Устава).

---

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 174.

Следует отметить и такое, на наш взгляд справедливое, положение Устава, в соответствии с которым при направлении в суд обвинительного акта или заключения о прекращении уголовного дела прокурор был обязан изложить свое мнение «относительно пресечения обвиняемому способов уклоняться от суда», если считал нужным изменить или отменить какую-либо из принятых ранее против него мер (ст. 524 Устава).

Обратимся к современным полномочиям прокурора, установленным УПК РФ. Сразу необходимо отметить, что положения двух уголовно-процессуальных нормативных актов на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства, несмотря на огромную разницу во времени принятия, очень схожи по своему содержанию, хотя имеются и определенные различия.

Согласно положениям современного УПК РФ прокурор по результатам изучения материалов уголовного дела принимает решения, которые различаются в зависимости от формы предварительного расследования.

Если уголовное дело было расследовано в форме предварительного следствия, то прокурор уполномочен принять оно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;
- 2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;
- 3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду (ст. 221 УПК РФ).

При производстве дознания прокурор должен принять оно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного акта и о направлении уголовного дела в суд;
- 2) о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта со своими письменными указаниями;
- 3) о прекращении уголовного дела;
- 4) о направлении уголовного дела для производства предварительного следствия (ст. 226 УПК РФ).

Если же уголовное дело расследовалось в сокращенной форме дознания, то прокурор уполномочен принять оно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд;
- 2) о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления, устанавливая для этого срок не более 2 суток;
- 3) о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке;

4) о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела (ст. 226⁸ УПК РФ).

Как видно из приведенных положений УПК РФ в настоящее время прокурор лишен полномочий по составлению обвинительного акта, что является кардинальным отличием полномочий прокурора, установленных современным законодательством, в сравнении с полномочиями прокурора по Уставу.

В настоящее время, в отличие от XIX в., роль прокурора при проведении предварительного расследования существенно уменьшилась: прокурор не обладает правом присутствовать при производстве следственных действий, он не может давать следователю письменные указания о направлении расследования и т. п. Все эти обстоятельства существенно сокращают участие прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, возможно, поэтому в настоящее время нецелесообразно наделять прокурора полномочием по составлению итогового обвинительного документа (заключения или акта) при направлении уголовного дела в суд.

Также необходимо отметить, что УПК РФ, регулируя полномочия прокурора при окончании предварительного расследования, возложил на прокурора обязанность по уведомлению обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и (или) представителей о направлении уголовного дела в суд (ст. 222 УПК РФ). Считаем необходимым упомянуть, что Устав не предусматривал такую обязанность прокурора, однако, к обвинительному акту прикладывался список лиц, которые, по его мнению, должны быть вызваны к судебному следствию (ст. 521 Устава).

Что касается сроков принятия решения прокурором по поступившему уголовному делу, то в УПК РФ этот срок зависит от формы предварительного расследования. В случае проведения предварительного расследования в форме предварительного следствия, данный срок составляет 10 суток (ст. 221 УПК РФ), при проведении дознания – 2 суток (ст. 226 УПК РФ), а при проведении дознания в сокращенной форме – 3 суток (ст. 226⁸ УПК РФ). Что касается Устава, то ст. 517 закрепляла обязанность прокурора «дать указанный в законе ход всякому следствию в течение недели от времени его получения».

Сопоставляя современное положение прокурора в уголовном процессе при направлении уголовного дела в суд с правовым статусом прокурора, определенном Уставом, можно отметить их несомненную общность во многих положениях. Существенным различием является то, что обязанность по составлению обвинительного заключения в Уставе возлагалась на прокурора, а в ныне действующем УПК на следователя, дознавателя. Однако данное обстоятельство вполне логично объясняется тем, что в последнее время значительная часть ранее относящихся к компетенции прокурора полномочий была передана руководителю следственного органа. В полном объеме полномочия прокурора, связанные с реализацией функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью, сохранились только в отношении расследования уголовных дел в форме дознания.

Подводя итог, укажем, что исторический опыт Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на протяжении многих лет сохраняет свою актуальность, он должен быть учтен при дальнейшем реформировании УПК РФ, а тенденция ограничения полномочий прокурора, за короткий срок доказавшая свою несостоятельность, должна отойти на второй план.

Информация об авторе

Галкина Дарья Владимировна – студентка 1 курса магистратуры Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664022, г. Иркутск, ул. Семена Лагоды, 4/1, кв. 57,

e-mail: Prosec.96@yandex.ru

УДК 343.1

Г 69

Д. Ю. Горлачева,

*студентка 4 курса Института права
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
(ВГУЭС)*

Суд как участник уголовного судопроизводства в Республике Молдова

В статье анализируется процессуальный статус суда как участника уголовного судопроизводства в Республике Молдова. Проводится сравнительный анализ с процессуальным статусом суда как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, Республика Молдова, Российская Федерация, процессуальный статус, суд, полномочия.

Процессуальный статус каждого из участников уголовного судопроизводства имеет свои специфические особенности, что обусловлено различным содержанием их интересов и степенью заинтересованности в производстве по уголовному делу.

В нормах современного Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова (далее – УПК Республики Молдова), принятого 14 марта 2003 года¹, легального понятия «участников уголовного судопроизводства» не закреплено, в связи с чем, следует обратиться к положениям российского уголовно-процессуального закона для понимания данной дефиниции.

Так, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено легальное понятие «участников уголовного су-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 21 июля 2017 г. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3833 (30.01.2018).

допроизводства», под ними понимаются лица, принимающие участие в уголовном процессе².

Под процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства в науке уголовного процесса традиционно принято понимать совокупность установленных уголовно-процессуальным законодательством страны прав и обязанностей участника уголовного процесса³.

В УПК Республика Молдова выделяются пять групп участников уголовного судопроизводства, процессуальный статус которых детально регламентирован: судебные инстанции; сторона обвинения; сторона защиты; представители и правопреемники; другие лица, участвующие в уголовном процессе. Существенных различий между систематизацией участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации⁴ и систематизацией участников уголовного судопроизводства в Республике Молдова не имеется. Исключение составляет лишь отделение института представительства и правопреемства от стороны защиты и стороны обвинения в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. Тем не менее, отличия, заслуживающие нашего внимания, усматриваются в процессуальном статусе суда как участника уголовного судопроизводства в этих странах.

Суд не отнесен ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты в уголовном судопроизводстве как в Российской Федерации, так и в Республике Молдова, он является самостоятельным, независимым и непредвзятым участником уголовного судопроизводства. Процессуальный статус суда как участника уголовного судопроизводства в Республике Молдова закреплен в УПК Республики Молдова в разделе «Судебные инстанции» и имеет некоторые отличия от процессуального статуса (компетенции) суда как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Это объясняется существенными различиями в структуре судебной системы этих стран. Так, судебная система Республики Молдова, в отличие от российской судебной системы, включает 39 районных, 3 городских (муниципальных), 5 секторальных (в г. Кишиневе) судов, 5 апелляционных палат, Высшую судебную палату. Специализированным судом является единственный в стране военный суд, наделенный полномочиями районного суда⁵.

Законодатели Республики Молдова и Российской Федерации возлагают на суд не только функцию осуществления правосудия, но и выполнение функции контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (уголовного преследования). Тем самым в значительной

---

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс] : ред. от 31 дек. 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

³ Россинский С. Б. Уголовный процесс : учебник. М. : Эскмо. 2015. С. 101.

⁴ См. подробнее о подходе российского законодателя: Верещагина А. В. Новеллы уголовно-процессуального кодекса РФ: концептуальный аспект // Журнал российского права. 2003. № 10. С. 26–27.

⁵ Милушев Д. Уголовно-процессуальные законы Молдовы и России: общая характеристика // Вестник Славянского ун-та Респ. Молдова. 2006. Вып. 12. С. 159–165.

мере повышается роль суда в обеспечении защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством⁶.

В отличие от России в уголовном судопроизводстве в Республике Молдова в рамках каждой судебной инстанции действует судья по уголовному преследованию, который не имеет полномочий осуществлять правосудие путем разбирательства и разрешения уголовных дел по существу. Судья по уголовному преследованию наделяется свойственными только лишь ему полномочиями, в которые входит: взятие лица под предварительный или домашний арест, а также изменение, приостановление или отмена этих мер пресечения, продление срока их применения; принятие решений о временном освобождении задержанного или арестованного лица и их отмены, а также принятие решений о временном лишении лица водительских прав; разрешение проведения обыска, освидетельствования, ареста имущества, изъятия предметов и документов, содержащих государственную, коммерческую или банковскую тайну, экзгумации; принятие решения о помещении лица в медицинское учреждение; разрешение прослушивания сообщений, выемки корреспонденции, видеозаписи; рассмотрение жалоб на незаконные акты и действия органов уголовного преследования, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и прокурора; иные следственные и процессуальные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Молдова.

Компетенция судебных инстанций, входящих в судебную систему Республики Молдова, определена в УПК Республики Молдова и различна с компетенцией суда как участника уголовного судопроизводства в России. Только лишь в качестве суда первой инстанции уголовные дела по обвинению подсудимых в совершении большинства преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Республики Молдова, рассматривают районные, городские (муниципальные), секторальные и военные суды.

В качестве суда первой инстанции уголовные дела о преступлениях, отнесенных Уголовным кодексом Республики Молдова к особо тяжким или чрезвычайно тяжким (например, шпионаж, терроризм, геноцид) рассматривают Апелляционные палаты. Однако, поскольку совершение такого рода преступлений не так распространено на территории Республики Молдова, главная роль Апелляционных палат сводится к рассмотрению в качестве апелляционной или кассационной инстанции жалоб на решения, вынесенные судами первой инстанции, а также разрешение конфликтов компетенции (споров о подсудности), возникающих между судами.

В качестве суда первой инстанции уголовные дела по обвинению Президента Республики Молдова в совершении преступлении рассматривает только Высшая судебная палата. По этой причине в большинстве случаев

---

⁶ Милушев Д. Указ. соч. С. 161.

Высшая судебная палата в качестве кассационной инстанции рассматривает кассационные жалобы на решения районных и приравненных к ним судов, решения апелляционных палат, принятые в первой и апелляционной инстанциях.

Кроме того, Высшая судебная палата Республики Молдова дает разъяснения по вопросам судебной практики, с целью обеспечения единообразного применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Молдова. Следует подчеркнуть, согласно ст. 2 Закона Республики Молдова о Высшей судебной палате разъяснения Пленума Высшей судебной палаты Республики Молдова, в отличие от Российской Федерации, не носят характер толкования законов, не являются обязательными для соблюдения органами уголовного преследования и нижестоящих судебных инстанций, носят исключительно рекомендательный характер.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, суд (судебные инстанции) является независимым и неподвластным участником уголовного судопроизводства, как в Российской Федерации, так и в Республике Молдова. На суд (судебные инстанции) как на участника уголовного судопроизводства в рассматриваемых странах возложена функция осуществления правосудия, выполнение функции контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (уголовного преследования). Различия суда как участника уголовного судопроизводства в Республике Молдова и в Российской Федерации обусловлены различиями в судебной структуре и спецификой уголовного законодательства этих стран.

Информация об авторе

Горлачева Дарья Юрьевна – студентка 4 курса института Права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
690012, г. Владивосток, ул. Надибаидзе 11-390,
e-mail: Dgorlachyova@bk.ru.

**УДК 343.1
3 96**

Е. Н. Зыблева,

*студентка 4 курса Института права
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
(ВГУЭС)*

Уголовно-процессуальный статус переводчика в законодательстве Армении и Грузии: некоторые аспекты

В статье анализируется деятельность и роль переводчика в уголовном процессе Армении и Грузии. Автор излагает значение переводчика в реализации права на пользование родным языком. Также на основании сопоставле-

ния нормативной регламентации, сформулирован вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства в указанных государствах.

Ключевые слова: уголовный процесс, Армения, Грузия, участник уголовного процесса, язык уголовного судопроизводства, переводчик.

Весомая роль в реализации положений принципа национального языка уголовного судопроизводства отведена переводчику. Он вступает в процесс для преодоления языковых барьеров. Его участие связано с обеспечением прав участников производства, а также с решением основных задач судопроизводства. Переводчик приглашается для осуществления перевода документов, для оказания помощи при проведении следственных и судебных действий, для ознакомления участников процесса с материалами уголовного дела и в других случаях. Без переводчика невозможно создать надлежащие условия коммуникации между участниками производства по делу, если некоторые из них не владеют языком судопроизводства. Учитывая важность роли переводчика в уголовном процессе, актуальным и необходимым является надлежащее определение его статуса.

Переводчик, осуществляя свои процессуальные функции, выступает связующим звеном между лицами, осуществляющими уголовное производство, и лицами, не владеющими языком судопроизводства. Эта связь обеспечивает законный ход уголовного процесса.

Следует согласиться, что функция переводчика, в определенном смысле, шире функции специалиста: его деятельность составляет важнейшую гарантию осуществления принципов языка судопроизводства, права на защиту и служит эффективным средством охраны законных интересов лица, не владеющего языком уголовного процесса.

Армения и Грузия, как правовые государства, признают переводчика в качестве субъекта уголовного процесса, о чем свидетельствует изучение их Уголовно-процессуальных кодексов. В судебном производстве состязательность сторон и равные возможности предоставления своих доводов являются ключевыми моментами. Вместе с тем, именно переводчик, как незаинтересованное и квалифицированное лицо, осуществляет поддержку сторон. Важно также подчеркнуть, что возможность свободно изъясняться, важна на любой стадии уголовного производства. Ярким примером в этом плане может служить досудебная стадия, когда правоохранительные органы формируют материалы уголовного дела, на этом этапе также крайне важно взаимопонимание сторон.

Согласно ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения (далее – УПК Армении)¹, переводчиком признается лицо, незаинтересо-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : закон от 01 авг. 1998 г. № ЗР-248 : в ред. от 07 июля 2016 г. // Официальный интернет-портал Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus> (06.02.2018).

ванное в уголовном деле, приглашённое органом, осуществляющим уголовное производство, для осуществления перевода.

Следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии (далее – УПК Грузии)² определение переводчика не закреплено. Сущность данного института в Грузии можно установить из ст. 11 УПК Грузии, в которой указано, что участникам уголовного процесса, которые не владеют государственным языком, предоставляется переводчик.

Исследуя правовое положение переводчика в Армении и Грузии, стоит также добавить, что в УПК обеих стран не определены четкие критерии, согласно которым лицо может быть привлечено к участию в деле в качестве переводчика³.

По мнению М. А. Джафаркулиева, под переводчиком следует понимать совершеннолетнего, обладающего достаточным знанием языков, а также владеющего специальной терминологией, знание которых необходимо для полного и точного выполнения перевода в рамках следственных и судебных процессов. Кроме того, переводчик не должен выполнять функции других участников уголовного процесса и быть заинтересованным в исходе дела, к которому он привлечен⁴.

В ст. 83 УПК Армении и в ст. 54 УПК Грузии перечислены права и обязанности переводчика. Отметим, что в УПК Грузии перечень обязанностей намного меньше, чем в УПК Армении. Например, он не содержит обязанность по подтверждению своей профессиональной компетенции. Можем предположить, что в Грузии подтверждение профессиональной компетенции осуществляется на основании внутреннего убеждения органа, которое ведёт производство по уголовному делу, о возможности привлечения лица к участию в качестве переводчика.

Так же необходимо обратить внимание на то, что в УПК Грузии переводчик имеет право отказаться от перевода, если он не обладает необходимыми для этого знаниями. В УПК Армении такого права не закреплено.

Подытоживая проведенный анализ, можно сделать вывод, что по законодательству Армении и Грузии переводчиком является лицо, достигшее совершеннолетия и обладающее надлежащей квалификацией, свободно владеющее языками, знание которых необходимо для устного и письменного перевода, не заинтересованное в исходе дела, и не выполняющее функции другого участника процесса и назначенное в установленном порядке в соответствии с действующим законодательством. То есть по своему процессуальному положению переводчик является самостоятельным участником уголовно-

---

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия [Электронный ресурс] : закон от 09 сент. 2009 г. № 1772-Пс // Закон Онлайн. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (06.02.2018).

³ Ларин А. А. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 145.

⁴ Джафаркулиев М. А. Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве / под ред. Г. М. Миньковский. Баку : Азернешр, 1989. 208 с.

го процесса и подчиняется только закону, что требует от него полного и точного (достоверного) перевода.

Важно отметить, что и в Грузии, и в Армении переводчику отведена роль, позволяющая надлежащим образом исполнять возложенные на него функции. Это, в свою очередь, делает судебный процесс более эффективным и соответствующим общей мировой практике.

В целом, рассматривая теоретический аспект роли переводчика в уголовном процессе, можно сделать вывод, что научное мнение в этом вопросе едино: переводчик – это полноценный и крайне важный участник уголовного процесса.

Информация об авторе

Зыблева Екатерина Николаевна – студентка 4 курса института Права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).

*690014, г. Владивосток, ул. Толстого, 25,
e-mail: pivovarova2812@gmail.com.*

УДК 343.85

К 54

Я. П. Князева,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Применение принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним

В данной статье анализируется порядок и основания применения принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в соответствии с действующим законодательством. Обозначена проблематика отсутствия в уголовном законе применения к несовершеннолетним мер специального воспитательного характера. На основе проведенного исследования подчеркивается необходимость применения к несовершеннолетним правонарушителям, страдающим психическими патологиями особого комплексного подхода.

Ключевые слова: несовершеннолетние, принудительные меры медицинского характера, специальные меры воспитательного воздействия.

Психическое здоровье – одно из обстоятельств, требующих особого внимания при исследовании проблемы преступности несовершеннолетних. Подростковый возраст априори сопровождается нестабильностью эмоционального фона. Ситуация осложняется тем, что ввиду общедоступности дети начинают раннее употребление алкоголя, знакомятся с токсическими и наркотическими веществами.

У несовершеннолетних правонарушителей зачастую выявляются задержки психического развития, психические отклонения разного рода, невротические реакции. Так, согласно проведенным исследованиям, у 51,3% подростков, совершивших правонарушения, имелись психические отклонения, среди которых первое место занимают пограничные состояния: неврозы, психогенные депрессии, психопатии¹.

В случае, если имеются данные об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, необходимо назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела (ст. 195, 196, ч. 2 ст. 421 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)². Применительно к несовершеннолетним основаниями применения принудительных мер медицинского характера являются: 1) совершение деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)³, в состоянии невменяемости; 2) наступление психического расстройства, делающего невозможным назначение или исполнение наказания после совершения преступления; 3) совершение преступления и наличие психического расстройства, не исключающими вменяемости (ст. 97 УК РФ). В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁴ перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста. В названном Постановлении указывается, что психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22 УК РФ, ч. 2 ст. 433 УПК РФ). Однако некоторые исследователи не согласны с тем, что учёт психических расстройств, не исключающих вменяемости, осуществляется только при назначении наказания и основания применению принудительных мер медицинского характера. Например, В. П. Емельянов говорит о том, что

---

¹ Гурьева В. А., Семке В. Я., Гиндикин В. Я. Психопатология подросткового возраста (теоретический, клинический и судебно-психиатрический аспекты). Томск : Национальный исследовательский ТГУ, 1994. С. 18.

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июля 1996 г. № 63–ФЗ : в ред. 19 фев. 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174–ФЗ : в ред. 19 фев. 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 фев. 2011 г. № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

«несовершеннолетние преступники не столько преступники, в собственном смысле этого слова, сколько психически ненормальные личности, что они по-иному воспринимают окружающую действительность, чем нормальные люди, у них несколько иные потребности, мотивы, идеалы, цели, стремления»⁵. В этой связи, по мнению В. П. Емельянова, в отношении несовершеннолетних с психическими патологиями наряду с наказанием необходимо применять специальные меры воспитательного воздействия. Возможность применения специальных мер воспитательного воздействия предусмотрена Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶, а именно: «несовершеннолетние в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода могут быть помещены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в соответствии с законодательством об образовании в случаях, если они: достигли возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20 УК РФ, и не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ч. 4 ст. 150).

Между тем, уголовный закон не содержит прямого установления о применении таких мер. Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ «если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20 УК РФ, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности», в отношении же специальных мер в отношении таких несовершеннолетних уголовный закон не содержит каких-либо предписаний. Нет разъяснений по этому вопросу и в решениях Верховного суда РФ.

В отношении несовершеннолетних, так же как и взрослых, установлены следующие виды принудительных мер медицинского характера: а) принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; б) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа; в) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа; г) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей пси-

---

⁵ Емельянов В. П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями / под ред. И. С. Ноя. Саратов : Саратовский университет, 1980. С. 17.

⁶ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ : в ред. 7 июня 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

хиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением (ст. 99 УК РФ). Как справедливо отмечает Н. Ю. Скрипченко, «при выборе принудительных мер медицинского характера, избираемых в отношении несовершеннолетних, следует исходить как из степени его общественной опасности, определяемой по психическому состоянию подростка и характеру совершенного им общественно-опасного деяния, так и личностных особенностей, включая возраст. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что суды при назначении вида принудительного лечения ориентируются только на психическое состояние лица, не учитывая возраст»⁷.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что к несовершеннолетним правонарушителям, страдающим психическими патологиями, требуется особый комплексный подход, сочетающий меры медицинского характера и меры содействия в дальнейшей благополучной социализации, способствующие исключению возможности их отторжения обществом. Однако на настоящий момент проблема применения принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних и специальных мер в отношении подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, ждет своего решения.

Информация об авторе

Князева Яна Павловна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664022, г. Иркутск, ул. 4-я Советская 1ж, e-mail: knyazeva.yr@mail.ru

**УДК 343.16
К 55**

В. Н. Кобелева,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ)*

К вопросу о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена изучению правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве, являющегося комплексным уголовно-процессуальным и уголовно-правовым институтом. В ней проведен анализ различных подходов, сложившихся в научной доктрине.

---

⁷ Скрипченко Н. Ю. Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним: реалии и перспективы совершенствования // Бизнес в законе. 2014. № 4. С. 26–30.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное соглашение о сотрудничестве, правовая природа.

Введение института досудебного соглашения о сотрудничестве связано с внедрением компромиссных процедур в российскую правовую систему. Целями введения этого института в российское уголовно-процессуальное право, как было заявлено в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы», были: повышение качества раскрытия и расследования наиболее сложных групповых преступлений, в частности, «казачных» убийств, бандитизма, коррупционных проявлений, с участием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, за счет сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства¹. Отсюда следует, что досудебное соглашение о сотрудничестве было призвано быть способом оптимизации противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным в соучастии.

Оценивая институт досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо обратить внимание на постепенный рост уровня его применения. Так, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве имело место: в 2012 г. – по 2289 уголовным делам (0,25 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных в суде), в 2013 г. – по 3261 делам (0,36 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных в суде), в 2014 г. – по 4241 делам (0,46 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных в суде), в 2015 г. – по 4543 делам (0,47 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных в суде)².

Анализ практики досудебных соглашений о сотрудничестве и ее сопоставление с положениями закона позволяет сделать вывод о неопределенности места этого института и противоречивости соответствующих законодательных положений в уголовно-процессуальной и уголовно-правовой системах. В этой связи исследование правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве и перспектив его развития представляется актуальным.

Вопрос об определении правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве – является ли он частно-правовым институтом, внедренным и адаптированным в публичный уголовный процесс, либо же он имеет под собой публично-правовую (уголовно-процессуальную или уголовно-правовую) основу, в которой просматриваются отдельные черты договорного

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [Электронный ресурс] : пояснительная записка к проекту Федерального закона № 485937-4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Судебная статистика [Электронный ресурс] // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (05.02.2018).

права, – является крайне важным и определяющим для нашего исследования.

В случае признания частно-правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве, в качестве ориентира для применения и дальнейшего реформирования рассматриваемого института могут быть применены средства, выработанные и апробированные в рамках договорного права.

Некоторые исследователи считают, что досудебное соглашение о сотрудничестве строго формально можно считать процессуальным соглашением: оно названо в УПК РФ соглашением и заключается в публичной сфере – когда возбуждено уголовное дело и процессуальные отношения между лицом и государством начались³.

Вместе с тем Н. Г. Елисеев отмечает, что правовую природу подобных договоров нельзя охарактеризовать однозначно: они состоят из материальных и процессуальных элементов. К процессуальным договорам применимы как специальные нормы процессуального права, предназначенные для регулирования отдельных разновидностей процессуального договора, так и общие нормы материального права о сделках и обязательствах⁴. В этой связи следует отметить, что подобная особенность наблюдается и в правовом регулировании досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.¹ УПК РФ, ч. 2, 4 ст. 62, ст. 63¹ УК РФ), которая порой склоняет исследователей к определению существа соглашения как материально-правового⁵, процессуального⁶ или смешанного⁷ института.

Говоря о правовой природе досудебного соглашения, следует согласиться с некоторыми авторами о том, что «нельзя не отметить наличие некоторых сходных черт с некоторыми институтами уголовного права, такими как деятельное раскаяние»⁸. И. Э. Звечаровский, в целом поддерживая эту позицию, отмечает, что по своему социально-правовому назначению институт соглашения о сотрудничестве в определенном смысле совпадает с институтом деятельного раскаяния, институтом добровольного отказа от доведе-

---

³ См., напр, Головизнин М. В. О природе особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2012. № 7. С. 32–35.

⁴ См.: Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. М., 2015. С. 368; Муратова Н. Г., Чельшев М. Ю. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 20–24 и др.

⁵ См.: Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Красноярск, 2015. С. 34–58; Ключников С. С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2013. С. 16 и др.

⁶ См.: Головизнин М. В. Указ. соч. С. 32–35; Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2013. С. 15–70 и др.

⁷ Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. С. 9–10.

⁸ Дудина Н. А. Указ. соч. С. 34–58, 66–67.

ния преступления до конца⁹.

Действительно у данных правовых институтов наблюдается единый механизм действия: сначала положительный результат со стороны лица, совершившего преступление (например, способствование раскрытию и расследованию преступления), и лишь затем – хотя и не совпадающие по характеру и объему, но благоприятные уголовно-правовые последствия. Однако, как отмечает И. Э. Звечаровский, этим же механизмом «отмечаются и отличия механизма действия института соглашения о сотрудничестве от институтов добровольного отказа и деятельного раскаяния: если последние начинают «работать» сразу после совершения преступления (оконченного или неоконченного), то институт соглашения о сотрудничестве – лишь после заключения такого соглашения, а соответственно – после получения лицом, совершившим преступление, статуса подозреваемого или обвиняемого»¹⁰. Такая точка зрения представляется обоснованной и справедливой.

Рассуждая над данным вопросом, нельзя не обратить внимания на точку зрения, вбирающую в себя практически все вышеописанные сходства рассматриваемых институтов. Так, по мнению С. С. Ключникова, соглашение о сотрудничестве – это комплексный институт (регламентируется нормами УК РФ и УПК РФ), однако имеющий уголовно-правовое ядро, кроме того, это институт договорный, поскольку его содержание определяется уголовно-правовыми принципами¹¹.

Таким образом, приведенное разнообразие позиций относительно материальной и процессуальной основы досудебного соглашения о сотрудничестве подчеркивает неоднозначный характер этого института и позволяет сделать вывод о его межотраслевой смешанной природе. Изложенные доводы бесспорно свидетельствуют о том, что наполнение этого института значительно и в процессуальной, и в материально-правовой сферах.

Информация об авторе

Кобелева Валентина Николаевна – студентка 1 курса магистратуры Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

*г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1. Телефон: 89501219013,
e-mail: valushka-kobeleva@mail.ru*

---

⁹ Звечаровский И. Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Ключников С. С. Указ. соч. С. 16.

УДК 343.13
К-93

А. А. Курмачева,

*курсант 4 курса
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического
института Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(ВФ ДВЮИ МВД РФ)*

Проблемы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

В статье рассматриваются нормативные и практические проблемы, сдерживающие перспективное развитие нового следственного действия; проводится его сопоставление со сходными следственными действиями как в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, так и в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: оператор связи, следственное действие, оперативно-розыскное мероприятие, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, предмет доказывания.

В настоящее время происходит бурное развитие общества нового типа, для которого характерно внедрение информационных технологий во многие сферы жизни. Это предопределило появление в 2010 г. в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее по тексту – УПК РФ) нового следственного действия – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186¹ УПК РФ, далее по тексту – ПИСМА), производство которого создает дополнительные возможности для получения значимой (доказательственной и ориентирующей) информации, имеющей значение для раскрытия и расследования различных категорий преступлений.

Получение указанных сведений в процессе расследования уголовных дел было возможно задолго до появления нового следственного действия. Практика находила выход в проведении альтернативных следственных действий. Рассмотрим отличия ПИСМА от сходных процессуальных действий – выемки (ст. 183 УПК РФ), а также контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), поскольку его становление было обусловлено интеграцией уголовно-процессуальной регламентации выемки предметов и документов, которые составляют охраняемую законом тайну, и контроля, и записи переговоров. Анализ правовой природы ПИСМА позволяет сделать вывод о самостоятельном характере этих следственных действий.

Сущностные отличия изучаемого следственного действия от выемки заключаются в следующем: 1) целью производства ПИСМА является определенная информация, зафиксированная на материальном носителе, а цель

выемки – изъятие определенных предметов и документов; 2) при выемке изымают уже готовые документы, тогда как в ходе ПИСМА такая информация должна быть вначале отобрана (выделена) из массива имеющейся у оператора связи (законного владельца соответствующей информации) и сформирована им; 3) ПИСМА имеет сложный характер, поскольку включает в себя получение информации, осмотр носителя с этой информацией и принятие решения о приобщении в качестве вещественного доказательства, а выемка носит простой характер и включает в себя только само получение искомого¹.

В отличие от контроля и записи переговоров сущность ПИСМА заключается в том, что: 1) в ходе данного следственного действия устанавливается сам факт получения (передачи) информации, без раскрытия полученных сведений; 2) ПИСМА может быть осуществлено при расследовании преступлений любой категории, тогда как контроль и запись переговоров не могут производиться при расследовании преступлений небольшой тяжести; 3) контроль и запись переговоров осуществляется в отношении переговоров, которые еще только должны состояться, а в рамках ст. 186¹ можно получить информацию как в отношении будущих, и уже состоявшихся соединений. Очевидным было то, что ни выемка, ни контроль и запись переговоров в полной мере не раскрывали сущность ПИСМА и использовались для этого лишь в связи с отсутствием полноценной процессуальной формы.

В. Ю. Стельмах предлагает следующее определение ПИСМА: «Это самостоятельное следственное действие, производимое по судебному решению, заключающееся в получении от оператора связи на материальном носителе сведений о фактах соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, осмотре следователем данного носителя сведений, и решении вопроса о признании носителя с представленными сведениями вещественным доказательством и приобщении его к уголовному делу»².

На сегодняшний день ПИСМА является распространенным следственным действием, которое проводится по многим уголовным делам. В практической деятельности выделяют следственные ситуации, на основе которых мы выделили примерный перечень направлений использования указанных сведений, позволяющих: 1) получить информацию о соединениях, происшедших в момент совершения преступления; 2) установить круг лиц, которые принимали участие в совершении данного деяния; 3) конкретизировать место и время осуществления отдельных юридически значимых действий, в совокупности образующих объективную сторону состава преступления; 4) извлечь информацию о фактах переговоров между соучастниками, которые на протяжении некоторого времени осуществляют подготовку и планирование преступления, в большинстве случаев – посредством общения по те-

---

¹ Лапин Е. С. Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // Рос. следователь. 2011. № 3. С. 50.

² Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи : монография. Екатеринбург : Уральский ЮИ МВД России, 2015. С. 114.

лефону (что позволит установить состав соучастников, их местонахождение, а также может послужить доказательством роли отдельного лица при совершении группового преступления); 5) доказать связь обвиняемого с другими лицами, так или иначе связанными с преступлением (соучастниками, свидетелями, потерпевшими), особенно в ситуации, когда обвиняемый отрицает эту связь; 6) установить факт нахождения лица, пользующегося абонентским устройством, на определенной ограниченной территории.

Однако остаются неисследованными некоторые процессуальные и тактические проблемы производства ПИСМА, которые можно изложить по пунктам.

1. Рассматриваемое действие является длящимся, однако порядок его досрочного прекращения законодательно не регламентирован. С целью устранения отмеченного недостатка требуется закрепить в УПК РФ и максимально унифицировать этот порядок.

2. УПК РФ при производстве следственного действия не предоставляет участникам право на обжалование судебного решения, направленного на получение сведений, передаваемых по средствам электросвязи. Судебное решение должно вступать в законную силу немедленно после вынесения, иначе возможность его производства может быть заблокирована.

3. ПИСМА позволяет получить сведения о соединениях любых средств электросвязи. Употребленные в ст. 186¹ УПК РФ термины «абонент» и «абонентское устройство» являются неточными, поскольку соединение происходит не между абонентами, а между используемыми ими средствами электросвязи, а компьютеры, активно применяющиеся для направления сообщений, не являются «абонентскими устройствами». В силу этого предлагается заменить название следственного действия, которое более точно отражает его сущность, – «получение сведений о соединениях средств электросвязи». Действующая редакция п. 24¹ ст. 5 УПК РФ сужает познавательные границы следственного действия, закрепляя конкретный перечень данных, которые получены в ходе его проведения.

В связи с вышеизложенными проблемами заслуживает внимания зарубежное законодательство. Так, в соответствии с постановлением Сейма Латвии от 21 апреля 2005 г. новый УПК установил возможность проведения таких следственных действий, как наблюдение и слежка за лицом, специальный следственный эксперимент, контроль средств связи (ст. 215 УПК Латвии), известные законодательству РФ как оперативно-розыскные мероприятия³.

УПК Украины предусматривает систему негласных следственных (розыскных) действий, которые проводятся оперативными работниками на ос-

---

³ Уголовно-процессуальный закон Латвии. На русском языке [Электронный ресурс] // Юридическая помощь. 2016. URL: <http://www.sbsnews.eu/ru/bezopasnost/yuridicheskaya-pomoshch/item/416-ugolovno-protsessualnyj-zakon-latvii-na-russkom-yazyke> (17.01.2016).

новании решения следственного судьи⁴ и заключаются в использовании технического оборудования, применяемого для установления местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного устройства, не раскрывая содержание передаваемых сообщений.

Таким образом, закрепление в УПК РФ такого следственного действия как ПИСМА объясняется объективной потребностью в выделении его как самостоятельного действия, направленного на получение указанной информации, которая имеет важное доказательственное значение. Однако ученые и практики выявили ряд теоретических, нормативных и проблем, сдерживающих перспективное развитие ПИСМА, которые, на наш взгляд, нуждаются в адекватном разрешении.

Информация об авторе

Курмачева Александра Александровна – курсант 4 курса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, 690087, г. Владивосток, ул. Котельникова 21

e-mail: sashylya.16-10@mail.ru

**УДК 341
К 93**

М. В. Куроптев,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Проблема правовой неопределенности, связанной с уголовным преследованием или исполнением наказания в отношении лиц, в выдаче которых Европейским судом по правам человека было усмотрено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Статья посвящена проблемным вопросам выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора лица, подавшего в Европейский Суд по правам человека жалобу на нарушение прав человека при осуществлении экстрадиции.

Ключевые слова и словосочетания: выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора, Европейский Суд по правам человека, основания отказа в выдаче.

Институт выдачи в современном международном и внутригосударственном праве позволяет достаточно эффективно осуществлять сотрудничество по передаче для уголовного преследования или исполнения приговора лица, совершившего противоправное деяние на территории иностранного

---

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. 2012. URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm> (13.04.2012).

государства. Вместе с тем, существуют сложные вопросы, возникающие в правоприменительной практике, которые требуют изучения и дополнительной правовой регламентации. К таким, в частности, относится вопрос о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора лица, направившего жалобу о нарушении прав человека при осуществлении выдачи в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ).

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора осуществляется при наличии определенных условий (например, наказуемости деяния по уголовному законодательству как запрашивающего, так и запрашиваемого государства) и отсутствии оснований для отказа в выдаче. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) такие основания содержатся в ст. 464. Кроме оснований отказа в выдаче, предусмотренных внутренним законодательством, имеются и основания, содержащиеся в международных нормативных правовых актах. Так, согласно ст. 11 Европейской конвенции о выдаче 1957 г.¹ основанием для отказа в выдаче может послужить факт того, что «преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей Стороны», а в соответствии со ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.² «ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток». Это также подтверждается разъяснениями Верховного суда Российской Федерации³.

В целях обеспечения соблюдения прав выдаваемого лица государство, запрашивающее выдачу, гарантирует, в частности, неприменение к нему пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращение и наказание. Несмотря на это, выдаваемые лица считают такие гарантии недостаточными и обращаются в Европейский Суд с жалобами на нарушение прав человека, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴ (далее – Конвенция). В частности, заслуживает внимания ситуация с экстрадируемым А. Исаковым, подавшим жалобу в ЕСПЧ

---

¹ Европейская Конвенция о выдаче Париж, 13 дек. 1957 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 20 сент. 2012 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059> (05.02.2018).

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Нью-Йорк 10 дек. 1984 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1305395/> (05.02.2018).

³ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания [Электронный ресурс] : постановление пленума от 14 июня 2012 г. № 11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв. 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г. URL: <http://www.espch.ru/content/view/52/37/> (06.02.2018).

по факту возможности применения к нему в Республике Узбекистан пыток⁵. При рассмотрении дела позиция суда была основана на том, что в данном государстве пытки являются широко распространенной и устойчивой проблемой и в этой связи какие-либо дипломатические заверения со стороны узбекских властей не могут служить надежной гарантией против угрозы жестокого обращения. Стоит отметить, что такого рода позиция Европейского Суда ведет к довольно неоднозначной практике, связанной с выдачей в государства с низким уровнем соблюдения и защиты прав человека, где сложилась устойчивая практика применения пыток и жестокого обращения. Большинство подобных жалоб будут априори удовлетворяться в пользу граждан, в отношении которых стоит вопрос о выдаче.

Если в отношении выдаваемого лица, обратившегося в ЕСПЧ, применены обеспечительные меры, предусмотренные правилом 39 Регламента Европейского Суда, то это лицо не может быть выдано Российской Федерацией в запрашивающее государство до принятия Судом решения. Лицо не выдается и при принятии ЕСПЧ решения о нарушении ст. 3 Конвенции при осуществлении его экстрадиции. При таких обстоятельствах лицо должно быть освобождено из-под стражи. Возникает два вопроса: во-первых, может ли такое лицо быть выдворено с территории Российской Федерации в административном порядке, как находящееся в нашем государстве незаконно; во-вторых, может ли это лицо быть привлечено к уголовной ответственности на территории Российской Федерации?

Отвечая на первый вопрос, необходимо отметить, что в Российской Федерации имела место практика выдворения в административном порядке лиц, в отношении которых были применены обеспечительные меры, предусмотренные правилом 39 Регламента ЕСПЧ. На эту практику обратил внимание Комитет министров Совета Европы, который в рамках заседания 23-25 сентября 2014 года выразил озабоченность имеющимися случаями «предполагаемых похищений», принудительного перемещения лиц с территории Российской Федерации, происходящие после освобождения задержанных в порядке экстрадиции лиц ввиду истечения срока содержания под стражей или при применении к ним мер пресечения, не связанных с лишением свободы, а также после вступления в силу постановлений Европейского Суда, согласно которым в случае принудительного перемещения заявителя в государство, запрашивающее его выдачу, будет иметь место нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации довела до сведения подчиненных прокуратур информацию о позиции Комитета министров Совета Евро-

---

⁵ Решение Европейского суда по правам человека от 9 июля 2010 г. по жалобе Абдулажона Исакова против Российской Федерации № 14049/08 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12085113/12085113-006.htm> (10.02.2018).

пы⁶. Такая практика имела место в отношении уже упомянутого выше гражданина Узбекистана А. Исакова, а также других лиц⁷. Приведенная позиция Совета Европы позволяет однозначно сказать, что выдворение указанных лиц из Российской Федерации в запрашивающее выдачу государство в административном порядке невозможно.

Для ответа на второй вопрос обратимся к ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁸. Согласно указанной норме иностранные граждане, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера. Например, ст. 7 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.⁹ предусматривает, что «договаривающееся Государство, на территории которого оказывается предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано, без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования». В случае, если отсутствуют обстоятельства, предусмотренные ст. 12 УК РФ, лицо, выдача которого невозможна в связи с решением Европейского Суда, не может быть привлечено на территории Российской Федерации к уголовной ответственности за деяние, в связи с которым запрашивалась выдача. Таким образом данное лицо может избежать ответственности за совершенное на территории другого государства преступление. Но это противоречит принципу *aut dedere aut judicare*, предполагающей обязанность государства «либо выдать, либо предать суду» виновное лицо.

Подводя итогу, необходимо отметить, что рассматриваемый вопрос демонстрирует проблему правовой неопределенности при осуществлении выдачи лиц для уголовной ответственности и является значимым для правоприменительной практики. Представляется, что выходом из такой ситуации

---

⁶ О дополнительных мерах по пресечению случаев незаконного принудительного перемещения с территории Российской Федерации лиц, находящихся в межгосударственном розыске [Электронный ресурс] : информ. письмо Ген. прокуратуры Рос. Федерации от 20 нояб. 2014 г. № 81/2-1844-10. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См., например : Решение Европейского суда по правам человека от 21 мая 2015 г. по жалобе Мухитдинова против Российской Федерации № 20999/14 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71354698/> (10.02.2018).

Решение Европейского суда по правам человека от 14 нояб. 2013 г. по жалобе Касымахунова против Российской Федерации № 29604/12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=373328#09193275060459903> (10.02.2018).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : с изм. от 7 марта 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁹ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов Гаага, 16 дек. 1970 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 10 сент. 2010 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml (05.02.2018).

является заключение международных договоров, предусматривающих возможность привлечения лиц к уголовной ответственности в запрашиваемом государстве в случае, если выдача таких лиц в запрашивающее государство не может быть осуществлена в связи с соответствующим решением Европейского Суда.

Информация об авторе

Куроптев Максим Владимирович – студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1,
e-mail: kuroptev.maxim@yandex.ru

УДК 343.13

Л 44

А. С. Лемеш,

студентка 4 курса
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса

**Институт реабилитации в уголовно-процессуальном
законодательстве Молдовы и Украины**

Аннотация: статья посвящена анализу уголовно-процессуального законодательства республики Молдова и Украины в части регулирования вопросов, связанных с реабилитацией и возмещением вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного судопроизводства. Отмечено, что в УПК этих двух стран содержится ряд существенных положений, не нашедших своего отражения при регламентации института реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве России. Сделаны выводы о наличии позитивных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства Республики Молдова и Украины, которые связаны с удачным разрешением на законодательном уровне ряда проблем реабилитации и могут быть использованы в качестве международного опыта для России.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, реабилитирующие основания, задачи уголовного процесса, институт реабилитации, уголовно-процессуальное законодательство, Молдова, Украина.

Одним из направлений исследования проблем, связанных с реабилитацией в российском уголовном процессе, является изучение международного опыта обеспечения защиты граждан от незаконного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод, свидетельствующего о неоднозначном подходе в различных странах к правовому регулированию указанных вопросов. Представляет интерес выявление позитивных тенденций в развитии институ-

тов реабилитации и возмещения вреда, причиненного органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, в уголовном процессе зарубежных стран.

За период действия УПК РФ практика применения института реабилитации обусловила необходимость переосмысления целого ряда содержащихся в нем положений, поиска путей оптимизации защиты прав граждан, пострадавших в ходе уголовного преследования¹.

В первую очередь следует отметить влияние интеграционных процессов на признание международных правовых стандартов в сфере защиты прав и свобод граждан, что в целом не могло не отразиться на укреплении правовых позиций лиц, пострадавших от действий органов уголовного судопроизводства и способствовало закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве соответствующих правовых норм.

Например, по смыслу УПК республики Молдова и Украины защита от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина отнесена к числу задач уголовного процесса. В то же время обращают на себя внимание концептуальные различия в подходах к регулированию процедуры реабилитации и возмещения вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного судопроизводства.

Так, в Республике Молдова и Украине, в отличие от России, законодатель пошел по пути решения вопросов о возмещении вреда пострадавшим в результате уголовного преследования в соответствии с положениями законодательства о порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования и судебных инстанций, т. е. возмещение вреда фактически осуществляется не в рамках уголовного процесса и, соответственно, уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Украины и УПК Республики Молдова содержат по одной статье, касательно возмещения ущерба, причиненного незаконными решениями, действиями и бездействием (ст. 130 УПК Украины и ст. 524 УПК Республики Молдова). Тогда как в УПК РФ вопросу реабилитации посвящена отдельная глава (гл. 18 УПК РФ).

Рассматриваемый институт имеет конституционную основу (ст. 56 Конституции Украины² и в ст. 53 Конституции Республики Молдовы)³.

В Республике Молдова вопрос о возмещении вреда пострадавшим в результате уголовного преследования закреплён в Законе Республики Молдова

---

¹ См.: Низамов В. Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 213–221 ; Верещагина А. В. Определение размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование // Журнал российского права. 2015. № 11(227). С. 151–159.

² Конституция Украины [Электронный ресурс] // Meget : сайт. URL: <http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini> (06.02.2018).

³ Конституция Республики Молдовы [Электронный ресурс] // Президент Республики Молдова : сайт. URL: <http://www.presedinte.md/titulul2> (06.02.2018).

от 25 февраля 1998 года № 1545 «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций», а на Украине данные положения были развиты в нормах Закона Украины «Про порядок возмещение ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, органов досудебного расследования, прокуратуры и суда» от 1 декабря 1994 г.

Таким образом, можно заметить, что институты реабилитации на Украине и в Республике Молдова схожи тем, что ни в УПК Украины, ни в УПК Республики Молдовы нет закрепленных правовых норм. Вопрос о реабилитации разрешается не в рамках уголовного процесса, а в рамках гражданского судопроизводства.

Для совершенствования правовой регламентации реабилитации и возмещения вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного преследования, в УПК РФ, УПК Украины и УПК Республики Молдовы следует сделать поправки, регламентирующие основания и последствия частичной реабилитации.

В частности, к основаниям частичной реабилитации лица некоторые авторы обоснованно относят⁴:

- ✓ осуждение к лишению свободы на срок менее чем срок нахождения его под стражей или к мере наказания, не связанной с лишением свободы;
- ✓ исключение из приговора части обвинения, вследствие чего заключение под стражу или лишение свободы по закону недопустимо;
- ✓ снижение вышестоящим судом срока лишения свободы до размера, меньшего по сравнению с фактически отбытым, либо замена менее строгим видом наказания;
- ✓ необоснованность задержания, заключения под стражу, помещения в медицинское учреждение в случаях осуждения без назначения уголовного наказания.

При этом частичная реабилитация влечет возмещение имущественного ущерба и устранение последствий морального вреда в той мере, в какой он был необоснованно причинен обвиняемому или осужденному.

Заслуживает внимания и более последовательный, чем в России, подход законодателей ряда государств к процедуре решения вопросов об устранении последствий морального вреда. Согласно ст. 3 Закона Украины «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», ущерб возмещается за счет средств государственного бюджета, кроме воз-

---

⁴Рукавишников П. П. К понятию реабилитации в уголовном процессе России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2006. № 3. С. 264–268.

врата имущества. А при изучении ст. 524 УПК Республики Молдова, лица, которым в ходе уголовного судопроизводства был причинен материальный либо моральный ущерб незаконными действиями органов уголовного преследования или судебных инстанций, имеют право на справедливое возмещение ущерба в соответствии с положениями законодательства о порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования и судебных инстанций⁵.

По смыслу ч. 1 ст. 136 УПК РФ независимо от того, каким органом уголовного судопроизводства причинен моральный вред, обязанность по его возмещению в определенной части возложена на прокурора, т. к. именно он от имени государства приносит официальные извинения пострадавшему лицу.

Стоит сказать, что помимо возмещения денежного характера в реабилитацию входит и восстановление трудовых прав лица: возмещение утраченного заработка, восстановление на работе. В случае если предприятие ликвидировано, объявлено банкротом, реорганизовано и прочее, то лицу через органы занятости должна быть предоставлена другая подходящая работа.

Ответственность государства за ущерб, причиненный судебными ошибками, является негативной ответственностью, так что это происходит в отсутствие виновной ответственности лиц, ответственных за следственные и судебные органы.

Представляется очевидным, что в целом об эффективности правового регулирования реабилитации и возмещения вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного преследования, можно судить только по результатам комплексного исследования законодательства и практики его применения, с учетом правовых нюансов, характерных для правовой системы того или иного государства.

Тем не менее, существуют объективные основания полагать, что позитивные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, связанные с удачным разрешением на законодательном уровне ряда затронутых проблем, могут быть использованы в качестве международного опыта для дальнейшего их исследования применительно к уголовному процессу России.

Информация об авторе

Лемеш Александра Сергеевна – студентка 4 курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (ФГБОУ ВО «ВГУЭС»).

690087, г. Владивосток, ул. Сабанеева, 15-72, e-mail: tiga95@mail.ru

---

⁵ Коршунов А. В. Неустранённые проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 47–55.

УДК 343.132
М 15

Н. И. Макиенко,

*курсант 4 курса Владивостокского
филиала Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(ВФ ДВЮИ МВД РФ)*

Проблемы применения систем видеоконференц-связи при допросе на стадии предварительного расследования

В статье анализируется нормативное закрепление применения систем видеоконференц-связи в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. На основании изучения законодательства, обобщения практики его применения автор вносит предложения по совершенствованию законодательства в части дистанционного допроса на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, видеоконференц-связь, предварительное расследование, дистанционный допрос.

В современном мире огромное влияние на все сферы нашей жизни оказывает научно-технический прогресс, а необходимость внедрения его достижений в сферу правоприменения, в том числе, в уголовное судопроизводство, не вызывает сомнений, в этом мнении едины законодатели, руководители правоохранительных органов, ученые, практики, лица, вовлекаемые в процессуальную деятельность.

Российская Федерация по площади занимает первое место в мире, при этом во многих населенных пунктах расстояние до районного центра более 500 км. Во многих регионах страны есть районы, в которых транспортные сообщения осуществляются, как правило, речным или воздушным путем; имеются проблемы с трудоустройством граждан. Зачастую денежных средств на приобретение дорогостоящих билетов у людей нет, в связи с этим подавляющее большинство граждан не имеет возможности приехать в районные центры для участия в допросе в ходе уголовного судопроизводства.

Допрос – самое распространенное следственное действие по собиранию доказательств. Согласно данным Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, в ходе проведения допроса формируются около 85 % доказательств по уголовным делам¹.

---

¹ См.: Труды ФГКУ ВНИИ МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vniivvd.ru/work> (20.05.2017).

Изучение ст. 187–191 Уголовно-процессуального кодекса РФ² (далее по тексту – УПК РФ) позволяет прийти к выводу, что закрепленные нормы в части порядка проведения допроса постепенно теряют способность отвечать потребностям практики в связи с постоянным совершенствованием научно-технических средств фиксации показаний.

Допрос с использованием систем видеоконференц-связи сегодня представляет собой определенную модель, закрепленную в ч. 2 ст. 278 УПК РФ: суд-поручитель – суд-исполнитель. Суд, который рассматривает уголовное дело, поручает суду по месту нахождения свидетеля организовать проведение допроса с помощью систем видеоконференц-связи. На практике такое поручение суда оформляется письмом на имя должностного лица (если это исправительное учреждение) либо поручением судьи об оказании содействия в организации участия лица в судебном разбирательстве с указанием даты и времени его проведения³.

Данная модель представлена в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», в ходе реализации которой предполагается оснастить 1250 зданий федеральных судов общей юрисдикции системами видео-протоколирования хода судебных заседаний, 95 % федеральных судов общей юрисдикции – комплектами видеоконференц-связи. Применительно к арбитражным судам предполагается создание системы персональной видеоконференц-связи судей, в частности, внедрение соответствующего программно-аппаратного комплекса, оборудование залов судебных заседаний видеокамерами купольного типа и создание системы хранения видеозаписи всех судебных заседаний⁴.

Однако российские следователи и дознаватели также испытывают острую необходимость дистанционно получать показания от допрашиваемых лиц. Закрепленные в УПК РФ нормы, регламентирующие процедуру вызова и допроса в досудебном производстве, не позволяют решить назревшие проблемы получения показаний у потерпевших или свидетелей, проживающих в другом населенном пункте. Они безнадежно устарели как с точки зрения права, так и в моральном, организационном и других аспектах.

По инициативе депутата Государственной Думы К. А. Лазарева 8 апреля 2015 г. на рассмотрение Государственной Думы был внесен законопроект, зарегистрированный 1 апреля 2015 г. под номером 76413-6 «О внесении дополнений в УПК РФ (в части производства предварительного рассле-

---

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс] : ред. от 31 дек. 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Архипова Е. А. Применение видеоконференц-связи в уголовном процессе России и зарубежных стран // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 5. С. 45–49.

⁴ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. № 1406 // Рос. газ. 2012. 16 окт.

дования с применением систем видеоконференц-связи)»⁵, но 3 ноября 2016 г. было принято решение отклонить данный законопроект, хотя предложенные изменения были направлены на сокращение сроков предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, оптимизацию досудебного производства, повышение его эффективности.

Приведем некоторые доводы в пользу предлагаемых изменений.

Во-первых, система видеоконференц-связи будет способствовать осуществлению принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ), тем самым повысит эффективность расследования, позволит как можно быстрее узнать информацию о преступлении, следовательно, быстрее его раскрыть.

Во-вторых, такая процедура допроса удобнее для самих допрашиваемых лиц. Для дачи показаний нужно будет прибыть в ближайший отдел полиции, а не в другой населенный пункт. Такие удобства для явки могут послужить мерой для повышения правдивости показаний, так как многим вероятным свидетелям проще заявить о том, что им неизвестны обстоятельства расследуемого уголовного дела.

В-третьих, дистанционный допрос мог бы служить дополнительной гарантией безопасности и возможностью более откровенных показаний от лиц, опасющихся посткриминального воздействия.

В-четвертых, следователи станут чаще применять надежное дополнительное средство фиксации показаний – видеозапись следственного действия. Это позволит суду и сторонам убедиться в правильности проведения процедуры допроса.

В-пятых, закрепление в УПК РФ использования систем видеоконференц-связи при допросе на стадии предварительного расследования сблизит наше законодательство и законодательство других государств, где дистанционный допрос давно уже предусмотрен.

По нашему мнению, необходимо внести изменения в статьи УПК РФ, которые будут регулировать применение систем видеоконференц-связи при производстве допроса. Например, путем введения в УПК РФ новой нормы:

«Статья 191¹. Особенности проведения допроса с использованием систем видеоконференцсвязи:

1. Проведение допроса с использованием систем видеоконференц-связи осуществляется по решению следователя, дознавателя или по ходатайству участника уголовного судопроизводства в случаях:

1) если участник следственного действия не имеет возможности явиться по состоянию здоровья или другим уважительным причинам, в том числе значительной отдаленности от органа, ведущего расследование;

2) если имеется необходимость обеспечения безопасности лица, участ-

---

⁵ Государственная Дума [Электронный ресурс] : официальный сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law?number=764131-6&registration-start=01.04.2015&sort=date> (22.05.2017).

вующем в уголовном производстве;

3) в том случае, если участник следственного действия – малолетнее или несовершеннолетнее лицо.

2. Видеоконференц-связь осуществляется на основании постановления следователя или дознавателя. Следователь или дознаватель, ведущий производство по уголовному делу, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 152 УПК РФ, выносит поручение следователю или дознавателю по месту нахождения участника уголовного судопроизводства организовать проведение допроса путем использования систем видеоконференцсвязи.

3. Допрос, проводится по общим правилам, установленным статьями 178 – 191, 192 и 193 УПК РФ».

Внесение таких изменений и внедрение их в следственную практику потребует определенных материальных затрат, но, по нашему мнению, это не должно стать непреодолимой преградой на пути к совершенствованию законодательства и практики правоприменения.

Таким образом, применение систем видеоконференц-связи на стадии предварительного расследования – объективное требование времени, реализация которого в следственной практике значительно повысит эффективность раскрытия преступлений и сократит сроки расследования уголовных дел.

Информация об авторе

Макиенко Надежда Игоревна – курсант 4 курса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (ВФ ДВЮИ МВД РФ).

690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21,

e-mail: nadia_m96@mail.ru

УДК 343.14

М-92

С. С. Мухутдинов,

*магистрант 1 года обучения
Юридического института
Иркутского государственного
университета (ЮИ ИГУ)*

Проблемные аспекты познавательной деятельности следователя

В статье анализируются положения законодательства, устанавливающие требования к информационной деятельности следователя: содержанию различных доказательств, характеризующего материала т. д.; и наиболее частые ошибки правоприменителей, возникающие при приведении указанных требований в исполнение.

Ключевые слова: доказательства, всесторонность, полнота, объективность, достаточность, непосредственная оценка информации.

В соответствии с п. 36.2 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению под стражу в какой бы то ни было форме¹, утверждённого резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года и п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 № 41² заключение под стражу может быть назначено только в том случае, если невозможно применить более мягкой меры пресечения. Также, в соответствии со ст. 99 УПК РФ при наличии таких оснований, как вероятность побега подозреваемого (обвиняемого), продолжение им преступной деятельности или возможность угрозы участникам судопроизводства должны учитываться: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), его возраст, состояние здоровья (физическое и психическое), семейное положение, род занятий, а также другие обстоятельства. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что к иным обстоятельствам могут относиться посткриминальное поведение подозреваемого (обвиняемого) – способствование раскрытию преступления, а также данные, касающиеся его социального и имущественного положения.

В положениях, регламентирующих заключение под стражу, имеется ряд оценочных категорий: «при наличии достаточных оснований полагать», «может заниматься преступной деятельностью», «может угрожать свидетелю». При этом по смыслу закона мера пресечения подлежит быть применена уже при наличии простой возможности наступления таких последствий. Следователь должен предвидеть возможность наступления таких негативных последствий при несвоевременном ходатайстве перед судом о применении меры пресечения. Таким образом, следователь обязан собрать и исследовать достаточный объем информации, дать ей объективную оценку и сделать не менее объективный вывод о необходимости применении меры пресечения в виде заключения под стражу и невозможности применения другой, более мягкой, меры пресечения. К таким сведениям можно отнести сведения о ранее совершённых преступлениях, наличии антисоциальных, социопатических установок, характер преступных действий, поведение в процессе расследования, «очевидность» осуждения лица на длительный срок, что вызывает модель мышления «терять больше нечего, была – не была».

Зачастую характеризующий материал, поступающий с места жительства, составляется формально, что при не обеспечивает его объективность (достоверность); указываются те обстоятельства, которые вероятнее всего могут быть, однако, так ли это на самом деле, не проверяется. В результате, следователь вынужден использовать данные с пороком содержания, зачастую даже не подозревая об этом.

Таким образом, следователь перед тем, как ходатайствовать перед су-

---

¹ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме принят 9 дек. 1988 г. резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : постановление Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дом об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу должен оценить его поведение в процессе совершения преступления, пред- и посткриминальное поведение, тяжесть преступления, возраст подозреваемого (обвиняемого) сведения о его личности, состоянии здоровья, род занятий, семейное положение, возможность его побега, воздействия на участников уголовного судопроизводства, продолжения преступного поведения. Собрав этот доказательственный материал, следователь должен проверить, достаточно ли в нём данных, требующихся для обоснования необходимости заключения под стражу, объективно ли дана оценка личности и её поведения. Всесторонне изучив имеющиеся сведения, следователь должен смоделировать вероятное поведение подозреваемого (обвиняемого) в ближайшее время и сделать соответствующий вывод, а также соотнести меру пресечения с преступлением, вменяемым данному лицу, степенью и характером причинённого деянием вреда.

Очевидно, что всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела, являясь основой принятия следователем процессуальных решений, представляет собой не только гарантию качественного расследования, но и гарантию защиты прав, свобод и законных подозреваемого (обвиняемого) при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Информация об авторе

***Мухутдинов Сумбат Сумбатович** – студент 1 курса магистратуры Юридического института Иркутского государственного университета (ЮИ ИГУ).*

664049, г. Иркутск, мкр. Юбилейный, 78-55,

e-mail: sumbat199518@gmail.com,

сот. тел.: 89246254228

УДК 343.13

Н 30

В. Н. Нарядчиков,

аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»)

Право лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, на юридическую помощь

В статье рассматривается проблема реализации права на получение квалифицированной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Ключевые слова: юридическая помощь, право на защиту, проверка сообщения о преступлении.

Изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ¹, устанавливают, что защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Таким образом, право на защиту обеспечивается на начальном этапе производства по уголовному делу – на стадии возбуждения уголовного дела – при проверке сообщения о преступлении.

Указанный закон также непосредственно закрепил право лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, пользоваться услугами адвоката (ч. 1¹. ст. 144 УПК РФ). Это конкретизирует существующий порядок обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи при проверке сообщения о преступлении.

Следует отметить, что защитник, как участник уголовного процесса с четко определенным процессуальным статусом, имеет гораздо больший объем прав и гарантий их обеспечения при проверке сообщения о преступлении, по сравнению с адвокатом, оказывающим юридическую помощь лицам, при производстве проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому участие защитника на данном начальном этапе производства по уголовному делу является важной гарантией обеспечения права лица, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи².

При проверке сообщения о преступлении еще нет таких участников, как подозреваемый, обвиняемый. Однако лицу, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, по смыслу закона, должно обеспечиваться право на защиту. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что при обеспечении права на защиту следует учитывать не официальный процессуальный статус лица, а его фактическое положение в уголовно-процессуальных отношениях и уже исходя из этого, обеспечивать реализацию его прав³.

---

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., напр., Мухудинова Н. Р. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи – гарантия обеспечения прав участников российского уголовного судопроизводства // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 120.

³ По делу о проверки конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»

В качестве защитника, лица, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, участвует адвокат. Наряду с адвокатом в качестве защитника не могут участвовать ни близкий родственник, ни иное лицо, т. к. согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» относительно ч. 2 ст. 49 УПК РФ, защиту в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат (п. 10)⁴.

На защитника, участвующего в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, следует распространять уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие приглашение, назначение, замену, защитника, оплату его труда, конкретизировав их применительно к данной процессуальной ситуации⁵. В научной литературе высказываются замечания о невозможности непосредственного применения всех положений в отношении защитника в данном случае; по мнению исследователей, соблюдение сроков явки защитника в соответствии со ст. 50 УПК РФ может блокировать скоротечную стадию уголовного судопроизводства⁶.

В целях совершенствования процессуального порядка участия защитника при проверке сообщения о преступлении необходимо регламентировать процессуальный статус лица, защиту которого он осуществляет (лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении), его процессуальные права, а также процессуальный порядок производства проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела, что позволит четко определить процессуальные права защитника, принимающего участие в их производстве для оказания квалифицированной юридической помощи подзащитному.

[Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵См., например: Крысина Н. Р., Казакова Л. К. Обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи при производстве проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному права на защиту : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 13 дек. 2013 г. / отв. ред. Л. Д. Калинкина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 78.

⁶См., например: Рыжаков А. П. У лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Нарядчиков Владимир Николаевич – аспирант первого года обучения кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»).

430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44, e-mail: olodimer@mail.ru

**УДК 343.1
О 95**

А. Д. Очирова,

Ю. А. Антонова,

студентки 3 курса
Восточно-сибирского филиала
Российского государственного
университета правосудия
(ВСФ РГУП)

**К вопросу о концептуальных признаках правовых презумпций
в уголовном судопроизводстве**

В статье представлен анализ правовых презумпций. Рассматриваются определение понятия презумпция и основные общепринятые черты. На основании работы делаются выводы о значимости правовых презумпций.

Ключевые слова: презумпция, юридический факт, норма права, доктрина, бремя доказывания, презюмирование.

Российская Федерация является правовым государством и поэтому его главной задачей является охрана прав и свобод личности. Отсюда вытекает обязанность государства препятствовать нарушению данных прав, а в случае их нарушения обязанность их восстановить. Одним из инструментов реализации этих обязанностей выступают презумпции. Презюмирование находит свое место во многих областях человеческой деятельности, особенно презумпции популярны в правовой системе. В уголовном процессе они помогают установить справедливость и рациональность доказывания обстоятельств дела.

Следует выделить, что с давних времен в сознании людей существует представление, что мораль господствует над нормой права. Так и презумпция берет свое начало в обычаях, то есть ее возникновение зачастую не связано с правом. Далее, в процессе познания, такое предположение становится более прочным, определенным и понятным. Весь предшествующий опыт подытоживается и в случае его повторения, ранее сделанные выводы находят свое применение. При закреплении такого вывода в качестве нормы права, он ста-

новится обязательным для каждого субъекта права.

Несмотря на всю важность изучения института презумпции, современная доктрина и законодатель не выработали единого определения понятия. Что же такое презумпция? Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, презумпцией считается предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное¹. По определению В. К. Бабаева презумпция – это: «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»².

Вообще, презумпция – это слово, пришедшее с Древнего Рима и в переводе с латинского (*praesumptio*) на русский язык означает «предположение, основанное на вероятности. В юридической литературе и практике – это «признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное». Определения простой презумпции как предположения, по мнению большинства ученых, являются общепринятыми.

Презумпцию можно характеризовать тем, что с одной стороны, она является обобщением индуктивного и дедуктивного методов, с другой стороны, представляют собой обычный порядок предметов или явлений в области права и вероятные обобщения, которые возможны в силу причинно-следственной связи между предметами и явлениями³.

Презумпция признается правовой в случае, если она прямо или косвенно отражена в норме права. В таком случае ее применение будет определяться потребностями правовой деятельности.

Можно выделить следующие основные черты правовых презумпций в уголовном процессе:

1. Это положения, условно признаваемые юридическими фактами.

То есть предметом презумпций являются юридические факты, обстоятельства, которые влекут возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Так, всякое обстоятельство, которое создает юридические последствия, может рассматриваться как юридический факт. В системе презумпций выделяют два юридических факта, которые составляют структуру презумпций: первый юридический факт предусмотрен диспозицией, второй – гипотезой нормы.

2. Презумпция является содержанием правовой нормы и предусматривает такой способ формирования юридического факта, который порождает правоотношение.

Принято выделять юридические и фактические презумпции, причём

---

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2007. С. 784.

² Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. М.: Норма, 2006. С. 97.

³ Годовалова М. Н. Философско-логические предпосылки исследования презюмирования вины в гражданских отношениях // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 1 (22). С. 74.

юридические – это те, которые закреплены в нормах права, а фактические – те, которые в нормах права не закреплены (такими будут являться умозаключения из косвенных доказательств). Однако фактические презумпции, так же, как и юридические, всегда содержатся в нормах права либо, в крайнем случае, выводятся из них с помощью юридического толкования. Различие их состоит в том, что фактические презумпции основаны на естественных закономерностях. Но также, как и юридические, фактические презумпции всегда нацелены на установление того или иного юридического факта⁴.

3. Презумпции не тождественны основаниям юридических норм.

Любая правовая норма имеет свое основание, причину возникновения, мотив, который побудил законодателя ее создать. Многие авторы, размышляя над данным принципом приходят к выводу о том, что в некоторых случаях имеет место презумпция недоразумения, так как если это основание является предположением, то возникает необходимость употреблять термин «презумпция». Содержание такой презумпции в том, что в случае, если в силу недостижения лицом возраста, с которого наступает юридическая ответственность, презюмируется неспособность лица осознавать характер своих действий и руководить ими.

4. Презумпции необходимо отличать от выводов из косвенных доказательств.

Главное отличие в том, что при доказывании с помощью косвенных доказательств нужна совокупность фактов доказывания. Так, обнаружение отпечатков пальцев (косвенное доказательство) подозреваемого в квартире потерпевшего указывает на присутствие в ней подозреваемого (доказательственный факт), но для того что подвести итог о том, что подозреваемый был в квартире в момент кражи, а не до или после нее необходимы иные доказательства.

5. Назначение презумпций состоит в даче той или другой стороне в доказывании возможность опровергать наличие юридического факта.

6. Презумпции выполняют роль правил распределения бремени доказывания.

Против кого из участников уголовного процесса толкуется состояние недоказанности, и кто из участников должен обосновать наличие юридического факта определяет категория бремени доказывания? В уголовном процессе распределение бремени доказывания путем презюмирования может обеспечивать различные интересы, основным интересом является состязательное равенство сторон, то есть сторона, находящаяся в худшем положении по сравнению с другой стороной может быть защищена презумпцией. Так, заведомо слабая сторона может быть освобождена от доказывания важного для нее обстоятельства, или же данный процесс доказывания будет

---

⁴ Дяконов В. В. Теория государства и права : учебное пособие. М. : Allpravo. RU, 2004. С. 79.

упрощен. Примером может послужить презумпция невиновности, которая защищает подозреваемого и обвиняемого, возлагая доказательственные обязанности на обвинителя, из-за того, что сторона защиты, как правило, более слабая сторона по сравнению со стороной публичного уголовного преследования, за которой стоит материальная и организационная мощь государства⁵. Однако бремя доказывания не всегда возлагается на сильнейшую сторону, в некоторых ситуациях данное бремя ложится на сторону защиты, непосредственно здесь имеет место презумпция необоснованности заявленного ходатайства, бремя доказывания лежит на стороне, заявившее ходатайство.

Таким образом, правовые презумпции можно определить, как закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве предположения о наличии или отсутствии юридических фактов, основанные на связи между ними и фактами наличными, т. е. фактически доказанные, не требующие специальных доказательств и установленные для достижения задач уголовного судопроизводства путем возложения на субъектов уголовного процесса определенных прав и обязанностей.

Презумпция являются результатом многовековой практики, освобождающая от необходимости повторять мыслительные процессы, тем самым упрощая процесс правового регулирования и способствует достижению истины. Несомненно, правовые презумпции являются основой для любой отрасли права, играют важную роль в правовом регулировании, внося в процесс стабильность. При прямом или косвенном закреплении в правовых нормах презумпции уголовного процесса становятся логической платформой, оказывающей влияние на предмет доказывания. И, тем самым, сокращают процесс доказывания, сужают его объем, распределяя бремя доказывания.

Информация об авторах

Очирова Арюна Дугаровна – студентка 3 курса Восточно-Сибирского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный университет правосудия". 664074, г. Иркутск ул. Ивана Франко, 23А. e-mail: ochirova_aruna@mail.ru, 89503891002.

Антонова Юлия Александровна – студентка 3 курса Восточно-Сибирского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный университет правосудия". 664074, г. Иркутск ул. Ивана Франко, 23А. e-mail: yuli_antonova_97@mail.ru, 89025450031.

---

⁵ Панькина И. Ю. Презумпция невиновности: теория и практика реализации в Российском уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 30.

УДК 343.133

II 27

В. А. Перфильева,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

**Сущность обвинения и соотношение его с уголовным преследованием
в российском уголовном судопроизводстве**

В статье анализируются основные подходы к понятиям «обвинение» и «уголовное преследование» в правовой науке. Рассматриваются вопросы соотношения указанных понятий в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: обвинение, уголовное преследование.

Российское уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Достижение данной цели обеспечивается эффективным осуществлением уголовного преследования, состоящего в подготовке, выдвижении и формулировании обвинения

Законодатель определяет обвинение как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом», выдвинутое в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Обвинение, о котором идет речь в ст. 172 УПК РФ, – это то, в чем лицо обвиняется, – содержание описательной и резолютивной частей постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого¹. В логическом плане обвинение означает определенную деятельность стороны обвинения, прежде всего следователя, направленную на утверждение о совершении лицом преступного деяния и обоснование его уголовной ответственности. Эта деятельность «покоится на четко определенных правовых началах, протекает в установленном законом порядке и характеризуется специфическими признаками, носит строго официальный характер, основывается на фактических данных, всестороннее проверенных специальными государственными органами (следователем как должностным обвинителем) и состоит из процессуальных действий и отношений, указанных в законе. Оно не может вестись произвольно, без достаточных оснований и в формах, не предусмотренных законом»².

В законе, теории и практике понятие обвинения употребляется для обозначения и тех противоправных фактов (обстоятельств), которые вменяются обвиняемому в вину как основание его уголовной ответственности. Такое значение придается данному понятию в случаях, когда говорится о формировании и о формулировании обвинения, об его изменении, об отношении лица

---

¹ См.: Бобылев М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 3.

² Лапин И. Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого : дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 49.

к предъявленному обвинению, о его праве знать сущность обвинения. Так, П. М. Давыдов рассматривал обвинение как «сформулированные в соответствии с нормами закона положения, в которых мотивированно дается описание сущности конкретного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, и вменяемого в вину определенному лицу, которое наделяется процессуальным статусом обвиняемого»³.

Несмотря на то, что точки зрения к определению понятия сущности обвинения как процессуального акта исторически менялись, а вслед за этим, соответственно менялись и процессуальные формы, фиксирующие эти подходы, неизменным остается одно – сущностью обвинения является его предмет – сформулированный обвинительный тезис, определяющий пределы судебного разбирательства конкретного уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). Из этого следует, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого лица, подлежащего уголовной ответственности, выступает в качестве одной из основных процессуальных форм такого утверждения.

Для правильного определения понятия «обвинение» необходимо разграничить его с понятием «уголовное преследование».

В соответствии с положениями п. 55 ст. 5 УПК РФ «уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В юридической литературе «уголовное преследование» обычно трактуется как уголовно процессуальная функция, как одно из основных направлений уголовно – процессуальной деятельности. Однако в это понятие вкладывается разное содержание.

Так, по мнению М. С. Строговича, уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность⁴. Как синоним понятию обвинение использовал термин «уголовное преследование» И. Я. Фойницкий. По утверждению А. М. Ларина, «уголовное преследование есть предшествующая разрешению дела уголовно-процессуальная деятельность, которая состоит в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом»⁵. М. С. Строгович и А. М. Ларин возбуждением уголовного преследования считали вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также задержание и применение меры пресечения до предъявления обвинения⁶. С точки зрения М. А. Чельцова, в уголовное преследование входит также возбуждение уголовного дела⁷. По мнению З. З. Зинатуллина, «уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного

---

³ Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 28.

⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 194.

⁵ Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Процессуальные функции. М., 1986. С. 25.

⁶ Строгович М. С. Указ. соч. С. 194 ; Ларин А. М. Указ. соч. С. 39.

⁷ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 88–89.

процесса, т. е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания. По своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания»⁸.

Таким образом, анализ имеющихся в юридической литературе точек зрения свидетельствует о том, что уголовное преследование понимается как процессуальная деятельность, и в этом смысле имеет явное сходство с понятием обвинения в процессуальном смысле и обвинением как процессуальной функцией. Более того, ряд ученых прямо отождествляют обвинение и уголовное преследование, определяя эти понятия друг через друга, полагают, что возбуждение уголовного преследования есть привлечение лица в качестве обвиняемого⁹.

Более верной и обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой следует различать уголовное преследование и обвинение. Так, А. П. Гуляев отмечал, что «можно обвинить лицо в совершении преступления, осуществив в отношении него до конца функцию обвинения, и в то же время освободить его от уголовной ответственности по основаниям, указанным в законе, то есть по существу отказаться от уголовного преследования»¹⁰. Следует заметить, что здесь смешиваются понятия «уголовное преследование» и «уголовная ответственность». Как верно отмечает А. Г. Халиулин, «уголовная ответственность – это понятие материально-правовое, относящееся к сфере уголовного права, в то время как уголовное преследование – это понятие уголовно-процессуальное, отражающее наименование одной из основных уголовно-процессуальных функций»¹¹.

Представляется, что понятие «уголовное преследование» является более широким, чем «обвинение»; уголовное преследование начинается раньше, чем обвинение, и включает в себя подозрение в совершении преступления; уголовное преследование включает в себя и обвинение, и процессуальную деятельность государственных органов до предъявления лицу обвинения. Обвинение является основной формой уголовного преследования.

---

⁸ Зинатуллин З. З. Зинатуллин Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск 1997. С. 7–8.

⁹ См.: Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2007. С. 127–141.

¹⁰ Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 15.

¹¹ Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 35.

Информация об авторе

Перфильева Валентина Андреевна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

e-mail: pervalencia@mail.ru

УДК 343.13

С 60

Е. М. Соломко,

*студент 4 курса Институт права
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса*

**Особенности процедуры временного отстранения от должности
в уголовно-процессуальном законодательстве Армении и Грузии**

В данной статье рассматривается вопрос применения временного отстранения от должности в законодательстве Армении и Грузии. Автором сделан вывод о том, что российский законодатель может использовать некоторые положения законодательства названных государств в целях усовершенствования УПК РФ.

Ключевые слова: временное отстранение от должности, Грузия, Армения, УПК, мера принуждения.

Многие государства бывшего СССР, являясь членами Совета Европы, предпринимают попытки усовершенствовать свое законодательство, в том числе и уголовно-процессуальное, чтобы стать в этом плане ближе к стандартам защиты прав человека, принятым в странах-членах Европейского Союза. К таким государствам, в частности, относится Республика Грузия, которая сейчас находится в процессе активного восприятия западноевропейских ценностей. Кроме того, такая страна как Армения, сейчас переживает интеграцию в единое с Россией экономическое пространство в рамках таможенного союза стран Евразийского экономического союза. Территориальная близость данных государств, подчеркивают необходимость изучения законодательства данных стран. Еще одним важным аспектом является то, что в 2010 г. в Грузии был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК Грузии)¹, по поводу которого, в том числе и его норм связанных с временным отстранением от должности, в грузинском обществе были дискуссии. В Армении, в свою очередь, ведется разработка нового Уголовно-процессуального кодекса.

Б. Т. Безлепкин выделяет цель применения временного отстранения от занимаемой должности. По его мнению, она заключается в том, чтобы

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 09 окт. 2009 г. № 1772-Пс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (06.02.2018).

«предотвратить возможность использования служащим своего положения в целях воспрепятствования производству по уголовному делу. Конечно, сказанное касается, прежде всего, должностных лиц. Именно власть имущий на время уголовного судопроизводства должен быть лишен всяких рычагов («административного ресурса») влияния на ход расследования и судебного разбирательства»². Схожую позицию разделяет Н. А. Колоколов³. Следует согласиться с позициями данных авторов. Анализируя институт временного отстранения от должности необходимо исходить именно из целей его применения, при этом цель должна быть четкой и понятной.

По законодательству Армении временное отстранение от должности имеет ряд особенностей, которые отличают её от своего российского аналога⁴.

Во-первых, в России и Армении не совпадают субъекты, которые могут инициировать применение рассматриваемой процессуальной меры.

Из п. 1 и 2 ст. 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁵ вытекает, что инициировать временное отстранение от должности могут: следователь с согласия руководителя следственного органа; дознаватель с согласия прокурора; в случаях указанных в п. 5 ст. 114 УПК РФ Генеральный прокурор РФ. Инициаторы ходатайствуют о применении такой меры перед судом, а в случае, предусмотренном п. 5 ст. 114 УПК РФ направляют Президенту РФ представление. Из изложенного видно, что российское законодательство предусматривает необходимость вынесения судебного акта или принятия решения Президентом РФ.

В отличие от РФ круг инициаторов по законодательству Армении не столь широк. Согласно п. 1 ст. 152 УПК Армении инициатором применения исследуемой меры является прокурор, а также, по поручению прокурора, орган дознания и следователь. Это означает, что субъект инициатор один – прокурор. При этом нет необходимости обращаться в суд. Поэтому можно говорить, что именно прокурор обладает исключительной компетенцией инициирования и применения процессуальной меры временное отстранение от должности.

Во-вторых, в законодательстве Армении установлен срок, в течение которого руководитель временно отстраняемого лица должен исполнить постановление о временном прекращении занятия подозреваемым или обвиняемым должности. В п. 2 ст. 152 УПК Армении указано, что постановление должно быть исполнено в трехдневный срок после его получения, а орган

---

² Безлепкии Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

³ Колоколов Н. А. Временное отстранение от должности: критерии законности и обоснованности судебного решения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 3–6.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения : закон от 01 сент. 1998 г. № ЗР-248 : в ред. от 07 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus> (06.02.2018).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 05 дек. 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

или лицо, вынесшие соответствующее постановление должны быть поставлены об этом в известность. Такая процедура вызывает положительные отклики в среде российских исследователей⁶.

В-третьих, имеются особенности отмены временного отстранения от должности.

Временное отстранение от должности является длящейся мерой процессуального принуждения. Временный характер означает, что решение об отстранении от должности нельзя считать окончательным, поскольку оно действует в период предварительного расследования и судебного разбирательства, пока не отпала необходимость в данной мере. В п. 3 ст. 152 УПК Армении закреплено, что временное прекращение занятия должности отменяется по решению суда, прокурора, органа дознания или следователя, если в нем отпадает необходимость. Это означает, что субъекты, которые могут отменить постановление об отстранении от должности и принять его не совпадают. В ст. 152 УПК Армении нет указания на возможность обжалования применения данной меры принуждения, однако возможность оспаривания решения органа, осуществляющего расследование по делу возможна. Данная возможность установлена в главе 39 УПК Армении в ст. 289, где указано, что необходимо руководствоваться правилами ст. 287 и 288 УПК Армении. Правом на обжалование обладают прокурор, обвиняемый, его защитник или законный представитель.

Таким образом, временное отстранение от должности по законодательству Армении осуществляется прокурором или специально уполномоченным им на это лицом, при этом отменено оно может быть судом, следователем, прокурором, органом дознания. Из этого следует, что инициатива применения исследуемой процессуальной меры всецело принадлежит прокурору, что, с одной стороны, облегчает ее применение, но с другой стороны, может привести к злоупотреблениям. Положения УПК Армении о порядке исполнения постановления о временном отстранении лица от занимаемой должности заслуживает большого внимания.

Порядок применения временного отстранения от должности по законодательству Грузии закреплен в ст. ст. 160, 161 и 162 УПК Грузии. По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 160 УПК Грузии, основанием для ее применения является ходатайство прокуратуры или органов следствия/дознания с согласия прокуратуры, которое разрешается судом по месту производства следствия. При наличии достаточных оснований суд выносит определение о применении данной меры. Следовательно, в отличие от Армении отстранить от обвиняемого от должности (работы) возможно лишь посредством принятия судебного акта, что можно признать более ориентированным на предотвращение коррупционных элементов и чрезмерного увеличения полномочий прокурора. Рассмотренный порядок применения временного отстранения от

---

⁶ Баландюк О. В. Временное отстранение от должности: вопросы исполнения в уголовном процессе // Российский следователь. 2016. № 16. С. 10–13.

должности схож с российским законодательством, поскольку решение вопроса о временном отстранении лица от должности в России решается также судом (ст. 114 УПК РФ).

Еще одной особенностью УПК Грузии по вопросу применения временного отстранения от должности является наличие процедуры ее применения к ряду субъектов. Ст. 162 УПК Грузии, регламентирует порядок применения исследуемой меры процессуального принуждения к следующим категориям должностных лиц: члены Парламента, депутаты высших представительных органов Абхазской и Аджарской автономных республик, Народных Защитников Грузии, судей, Генерального аудитора.

Таким образом, законодательство Армении и Грузии имеет сходства в том, что в обоих государствах регламентировано то, как должен быть исполнен акт, на основании которого лицо временно отстраняется от должности. Представляется, что опыт этих стран в данном вопросе следует изучить российскому законодателю. Что касается порядка принятия такого документа, то в законодательстве Армении и Грузии имеются существенные различия. В Армении решение о временном отстранении лица от должности принимает прокурор или иное лицо, уполномоченное им. В Грузии такой вопрос решается исключительно судом, перед которым ходатайствует следствие. В этой связи можно говорить о том, что в вопросе применения исследуемой процессуальной меры УПК Грузии более ориентирован на защиту прав человека.

Информация об авторе

Соломко Е. М. – студентка 4 курса, *Институт права Владивостокский государственный университет экономики и сервиса*

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, 5505, katya_solomko@mail.ru

УДК 343. 13

С 77

В. В. Стародубов,

студент 3 курса

Гомельского государственного

университета им. Франциска Скорины

Некоторые вопросы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

В статье анализируются некоторые вопросы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. На основании анализа законодательства и судебной практики делается вывод о наличии проблем в применении института досудебных соглашений.

Ключевые слова: досудебное соглашение, уголовно-процессуальное законодательство, Республика Беларусь Российская Федерация.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленные в главе 49¹ УПК Республики Беларусь и главе 40¹ УПК Российской Федерации, изначально предполагал оптимизацию процессуальных действий, осуществляемых в связи с расследованием наиболее тяжких групповых преступлений, упрощение уголовного судопроизводства. Данный институт в иностранных государствах, где он активно используется до сих пор, доказал свою достаточную эффективность.

В Российской Федерации и Республике Беларусь досудебное соглашение о сотрудничестве не является полной копией аналогичного института англосаксонской системы права, а призвано рационализировать процесс расследования под надзором прокурора, который рассматривает ходатайство о заключении досудебного соглашения. Также рассматриваемый институт выступает эффективным средством борьбы с организованными формами преступности, позволяет достичь процессуальной экономии, а сэкономленные материальные и временные ресурсы направить на расследование тех сложных и трудоемких уголовных дел, по которым отсутствует возможность заключить досудебное соглашение о сотрудничестве.

Важным сопутствующим элементом применения досудебного соглашения о сотрудничестве являются меры по обеспечению безопасности. В уголовном процессе Республики Беларусь данные меры применяются в общем порядке, предусмотренном главой 8 УПК. В УПК Российской Федерации, согласно ст. 317⁹ особо оговаривается возможность применения мер безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. При этом на них распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса, предусмотренных федеральным законодательством¹.

Открытым остаётся вопрос о регулировании составления досудебного соглашения о сотрудничестве в части сообщения о других преступлениях и лицах, совершивших эти преступления.

В УПК Республики Беларусь возможность сообщить известные сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших, установлена в ч. 4 ст. 468⁶, ч. 3 ст. 468⁸, в соответствии с которыми указанные сведения рассматриваются в качестве дополнительной информации. Причём подозреваемый (обвиняемый) по своему усмотрению решают, брать ли на себя такое обязательство. В УПК Российской Федерации аналогичная норма отсутствует, тем не менее, на практике соответствующие обязательства прописываются в досудебном соглашении о сотрудничестве. При этом в обоих случаях ос-

---

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] : федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ : в ред. от 7 февр. 2017 г. № 7-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

новой проблемой является возможность оговора заведомо невиновных, чтобы рассчитывать на более мягкое наказание. Однако никакой ответственности за сообщение ложных сведений в законодательстве обеих стран не предусматривается.

Оценивая рассматриваемую проблему, нужно исходить из того, что сообщение вышеуказанных сведений никак не связано с расследуемым уголовным делом и, соответственно, с предъявляемым обвинением. В данной связи дача заведомо ложных сведений никак не может рассматриваться как способ защиты, а подозреваемый (обвиняемый), их давший, должен предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Таким образом, существует необходимость о включении в УПК нормы, согласно которой указанное лицо предупреждалось бы о такой ответственности. Параллельно заметим, что, в силу ч. 2 ст. 169 УПК Республики Беларусь, в случае, если явившийся с повинной сообщает о совершении преступления совместно с другими лицами, заявивший о повинной предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Особо стоит остановиться на порядке судебного рассмотрения дела в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В УПК Республики Беларусь порядок производства по уголовному делу регулируется ст. 468⁵, ст. 468¹¹, которые устанавливают, что разбирательство проводится в общем порядке, предусмотренном гл. 34-38. Это обеспечивает полное разбирательство по делу, как и в случае, если такое соглашение не было заключено. В УПК Российской Федерации (ст. 314, 317⁶) установлено, что суд получает возможность рассмотреть дело, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в особом порядке при определённых условиях. В таком случае суд не может полно и объективно рассмотреть дело, учитывая то, что в особом порядке не исследуются доказательства, которые были собраны по делу.

Заключение досудебного соглашения с несовершеннолетними в процессе разработки данного института ставилось под вопросом. В УПК Республики Беларусь данный вопрос разрешен в ст. 468⁸, где предусматривается возможность составления прокурором или его заместителем досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Такое ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником и законным представителем.

Возможность заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними позволяет наиболее эффективно использовать данный институт, а несовершеннолетним в свою очередь, получать определённые льготы. В УПК Российской Федерации однозначного ответа на этот вопрос нет. В ст. 317¹ УПК Российской Федерации предусмотрена возможность приглашения защитника законным представителем подозреваемого или обвиняемого. Согласно п. 12 ст. 5 УПК Российской Федерации законные представители могут быть как раз у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Если об-

ратить внимание на судебную практику Российской Федерации, то, по сути, возможность заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними отрицается.

Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», не допускается применение в отношении несовершеннолетних особого порядка принятия судебного решения. Следуя логике Пленума, в случае, если дело будет рассматриваться в особом порядке, то применение института досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении несовершеннолетних невозможно.

В то же время, если несовершеннолетний содействовал следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, судам необходимо учитывать данные обстоятельства при назначении наказания². Но в таком случае несовершеннолетние попадают в худшее положение в отличие от взрослых обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение. Так, согласно ч. 1, 2 ст. 62 УПК Российской Федерации, в случае с несовершеннолетними снижение верхнего предела максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, может произойти только на одну треть, а в случае с взрослыми обвиняемыми – наполовину.

Учитывая возможность заключения досудебного соглашения с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми) в виду отсутствия запрета на это в соответствующих главах УПК Российской Федерации и Республике Беларусь 40¹ и 49¹, можно утверждать о некоторых проблемах использования такой возможности. Согласно законодательству, прокурору предоставляется право определять, с каким количеством обвиняемых (подозреваемых) заключать досудебные соглашения, но рациональность и необходимость таких действий следует поставить под вопрос. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми) мы столкнёмся с первой проблемой: обвиняемые (подозреваемые) начнут использовать эту возможность, чтобы получить наиболее мягкое наказание. Это может выражаться в обоюдном оговоре либо сговоре нескольких обвиняемых (подозреваемых) для того, чтобы дать совместные показания в отношении конкретного обвиняемого (подозреваемого). Таким образом, представляется оптимальным заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с одним лицом, чтобы исключить возможность оговора и процессуальные затраты.

Согласно ч. 1 п. 4 ст. 165 УПК Республики Беларусь и ч. 1 п. 4 ст. 154

---

² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 16. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК Российской Федерации существует возможность выделить уголовное дело в отдельное производство. При выделении уголовного дела возникает проблема, связанная с определением процессуального статуса участников, которая проявляется после вынесения судом приговора в отношении обвиняемого (подозреваемого) по выделенному делу. Данное лицо становится осужденным, но оно остаётся связанным с основным уголовным делом, из-за чего и происходит конфликт статусов. Осужденные лица при даче показаний по основному делу выступают в качестве свидетеля. При этом они могут воспользоваться правом не свидетельствовать против себя и, соответственно, не давать показаний. Однако стоит отметить, что в ч. 2¹ ст. 317³ УПК Российской Федерации предусмотрена возможность использования показаний в качестве доказательств по делу, которые дал подозреваемый (обвиняемый), в случае, если он отказался от них. О данной норме лицо предупреждают при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В УПК Республики Беларусь данный вопрос не урегулирован, и возможные последствия в виду отказа от дачи показаний могут повлиять на возможность привлечения к ответственности соучастников преступления.

Информация об авторе

Стародубов Валерий Валерьевич – студент 3 курса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

*246019, г. Гомель, ул. Кирова, 119, e-mail: valera.belyu.1998@mail.ru
факс (0232) 57-16-72*

**УДК 343.13
С 90**

А. А. Сурикова,

*студентка 4 курса
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
(ВГУЭС)*

**Временное отстранение от должности через призму субъектного состава
(анализ УПК некоторых государств СНГ)**

В статье анализируются нормы института временного отстранения от должности в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств СНГ. На основе анализа были выделены общие положения и особенности регламентации лиц, в отношении которых может быть применено временное отстранение от должности.

Ключевые слова: государства СНГ, уголовный процесс, принуждение, временное отстранение от должности, субъект.

Важную роль временное отстранение от должности приобретает по таким категориям дел, где уголовно-преследуемое лицо может оказать нега-

тивное воздействие на осуществление уголовного судопроизводства с помощью использования своих должностных полномочий.

Действующая в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодательная конструкция, определяющая состав субъектов, в отношении которых применяется временное отстранение от должности, не продумана и требует более детального закрепления¹.

В вопросе определения субъектов, к которым применяется мера процессуального принуждения временное отстранение от должности, особый интерес представляет анализ норм уголовно-процессуального законодательства некоторых стран СНГ.

Общим для регулирования отстранения от должности в качестве меры процессуального принуждения или меры пресечения является то, что она применяется к уголовно-преследуемому лицу, выполняющему должностные или иные функциональные обязанности, с целью обеспечить его надлежащее поведение (предотвратить попытки воспрепятствования движения дела и пресечение дальнейшей преступной деятельности) и всестороннее, полное производство по делу. При этом отличается статус субъекта и регламентация понятия «должностное лицо».

Специфика Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики (далее по тексту – УПК АР) состоит в том, что отстранение от должности относится к мерам пресечения и принимается в отношении подозреваемого или обвиняемого. Отстранение состоит в запрещении исполнения своих должностных полномочий, продолжения им выполняемой работы или осуществляемой деятельности (ст. 172.1 УПК АР)². Положительным моментом в УПК АР можно отметить то, что эта мера принуждения (отстранение от должности) может быть применена к любым субъектам, независимо от их профессиональной ориентации.

Аналогичный подход к закреплению субъектного состава рассматриваемой меры процессуального принуждения предусмотрен в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ч. 2 ст. 131)³ и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (ст. 255)⁴.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (далее по тексту – УПК РА) закрепляет меру процессуального принуждения в виде вре-

---

¹ Тензина Е. Ф. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Вестник Удмуртского ун-та. 2014. С. 201. (Экономика и право).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : закон от 14 июня 2000 г. № 907-IQ // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=1;-117 (18.01.2018).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон от 16 июля 1999 г. № 259-3 // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (18.01.2018).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : закон от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (18.01.2018).

менного прекращения занятия должности в статье 152. Эта мера принуждения применяется к подозреваемому или обвиняемому, который является государственным служащим. Однако УПК РА не даёт конкретизации понятия «государственный служащий» для его использования в процессуальных правоотношениях. Из ст. 3 Закона Республики Армения «О государственной службе» следует, что «гражданский служащий – лицо, занимающее какую-либо должность, предусмотренную Номенклатурой должностей гражданской службы, или находящееся в резерве кадров гражданской службы» (п. «г» ч. 1 ст. 3 Закона «О государственной службе»)⁵. К государственной службе относятся гражданская служба, судебная служба, специальная служба, в республиканских исполнительных органах обороны, национальной безопасности, внутренних дел, налоговых, таможенных органах, органах по чрезвычайным ситуациям, а также дипломатическая и иная служба, предусмотренная законами. Таким образом, в УПК РА действует ограниченный круг субъектов, к которым применяется мера временное прекращение занятия должности. Подобных мер пресечения или процессуального принуждения в отношении лиц, не обладающих статусом «государственный служащий», не предусмотрено.

Подобный подход к определению социального статуса уголовно-преследуемого лица, в отношении которого может применяться мера процессуального принуждения – временное отстранение от должности – содержится в УПК Республики Молдова (далее по тексту – УПК РМ). Отличие состоит в том, что данная мера применяется в отношении обвиняемого или подсудимого (ст. 200 УПК РМ)⁶, т. е. предусмотрен другой статус участника уголовного судопроизводства. Возможно, данную меру не применяют в отношении подозреваемого потому, что отличается процедура принятия решения о временном отстранении от должности: решение принимается администрацией учреждения, в котором лицо работает по ходатайству прокурора. Обвиняемому, подсудимому запрещается исполнять должностные обязанности в интересах государственной службы или иную деятельность в интересах государственной службы. Под государственным служащим в Республике Молдова понимается лицо, занимающее оплачиваемую государственную должность и имеющее ранги и чины, установленные в соответствии с принципами, определёнными Законом «О государственной службе» (ст. 1 Закона «О государственной службе»)⁷.

---

⁵ О государственной службе [Электронный ресурс] : закон Республики Армения от 20 июля 2000 г. № 926-ПQ // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30589357 (18.01.2018).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : закон от 14 марта 2003 г. № 122-XV // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (18.01.2018).

⁷ О государственной должности и статусе государственного служащего [Электронный ресурс] : закон Республики Молдова от 04 июля 2008 г. № 158-XVI // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30473531 (18.01.2018).

По нашему мнению, рассматривать применение временного отстранения от должности только в отношении государственных служащих нецелесообразно, поскольку есть категории субъектов, которые не относятся к государственным служащим, но могут повлиять на движение дела с помощью использования своих функциональных обязанностей. Например, директор юридического лица может каким-либо образом воздействовать на работников-свидетелей, уничтожить, сфальсифицировать документы, имеющие значение для дела либо продолжить заниматься преступной деятельностью.

Наибольшее сходство в регламентации статуса уголовно-преследуемого лица института временного отстранения от должности с Российской Федерацией содержится в Уголовно-процессуальных кодексах (далее по тексту – УПК) Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Туркменистана, и Украины. Сходство заключается в том, что нормы уголовно-процессуального законодательства указанных стран содержит формулировку «должность», но понятие «должностное лицо» не раскрывается в нормах уголовно-процессуальных законов. Для определения социального статуса субъекта, приходится обращаться к иным законодательным актам. Отличается статус уголовно-преследуемого лица как участника уголовно-процессуальных правоотношений: в Кыргызской Республике (ст. 122 УПК Республики Кыргызстан)⁸ и Украине (ст. 154 УПК Украины)⁹ – в отношении подозреваемого и обвиняемого; в Туркменистане (ст. 167 УПК Туркменистана)¹⁰ – обвиняемого и подсудимого; в Республике Казахстан мера процессуального принуждения применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого и подсудимого (ст. 158 УПК Республики Казахстан)¹¹.

К числу лиц, в отношении которых может быть применена мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, добавляется подсудимый. Данное положение обоснованно, поскольку не исключено, что подсудимый может воспользоваться своим должностным положением и повлиять на свидетелей, экспертов и иных участников процесса во время разбирательства в суде.

Проанализировав законодательство стран СНГ можно сделать вывод о том, что до настоящего времени не сформировался единый подход относи-

---

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Кыргызстан [Электронный ресурс] : закон от 30 июня 1999 г. № 62 // ПАРАГРАФ информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241915 (18.01.2018).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : закон от 13 апр. 2012 г. № 4651-VI Право Украины. URL: <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks> (18.01.2018).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : закон от 18 апр. 2009 г. № 28-IV // Центр правовой информации : Право Украины. URL: <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks> (18.01.2018).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : закон от 04 июля 2014 г. № 231-V // ПАРАГРАФ : информационные системы. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852 (18.01.2018).

тельно того к каким участникам (с точки зрения социального и процессуального положения) применимо временное отстранение от должности.

При разрешении ходатайства о временном отстранении лица от должности следует обратить внимание не на должностное положение лица, а какие его функциональные обязанности могут повлиять на достижение цели её применения.

Представляется, что нормы ст. 114 УПК РФ можно откорректировать следующим образом: «Временное отстранение от функциональных обязанностей может быть осуществлено в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления следователем с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателем с согласия прокурора ...».

Информация об авторе

Сурикова Алина Александровна – студентка 4 курса Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС)

690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: alincur71@mail.ru.

УДК 343.13

Т 35

Р. А. Терехин,

студент 4 курса

Юридического института

Кемеровского государственного

университета (ЮИ КемГУ)

Проблемы и перспективы развития процессуального положения прокурора в стадии возбуждения уголовного дела

В статье анализируются актуальные вопросы процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела. Автором обобщены научные подходы к реформированию изучаемого вопроса. Автор формулирует собственный подход к дальнейшему развитию процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, прокурор, процессуальный статус прокурора.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации существует немало проблемных вопросов, подвергаемых неоднозначной оценке и даже откровенной критике. Хотелось бы обратить внимание на одну из актуальных проблем досудебного производства – вопрос возбуждения уголовного дела. Как отмечает М. К. Свиридов, стадия возбуждения уголовного дела, при правильной ее организации, является действенным механиз-

мом, обеспечивающим конституционные права и свободы граждан¹.

По действующему законодательству исчерпывающий перечень субъектов, обладающих полномочием возбуждать уголовное дело, включает четырех участников уголовного процесса: орган дознания, дознавателя, руководителя следственного органа и следователя. С 2007 г. прокурором утрачено полномочие возбуждать уголовное дело, потому что вектор реформы был направлен в сторону независимости расследования, его отделения от прокурорского надзора. Однако спустя некоторое время прокурору было дано право передавать материалы в органы расследования для решения ими вопроса об уголовном преследовании. Форма такой передачи установлена в виде мотивированного постановления (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Из данной формулировки неясно, почему как-то особенно должно мотивироваться именно это постановление, если к решениям в уголовном процессе применяется общее правило о законности, мотивированности и обоснованности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

В науке названные выше реформы оценивались неоднозначно. Так, С. М. Ягофаров указывает, что, реализовывая чисто надзорные полномочия, прокурор не выполняет требований оперативности в уголовном процессе². А. С. Александров и С. А. Грачев считают лишение прокурора права на возбуждение уголовного дела доктринальной ошибкой³. А. В. Петров усматривает в изменениях законодательства создание искусственных препятствий для эффективного надзора, а также соблюдения законности в стадии возбуждения уголовного дела⁴. В то же время А. М. Багмет полагает, что ранее существовал перекосяк в сторону полномочий прокурора (многие из которых, по мнению ученого, были не мотивированы), который сейчас исправлен⁵. Д. П. Чекулаев видит в реформах рассматриваемой стадии лоббирование ведомственных интересов, поэтому усматривает необходимость деформации стадии, в том числе, и по вопросу передачи прокурору некоторых утраченных ранее полномочий⁶.

Рассуждая о вопросах возбуждения уголовного дела, процессуальном положении прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на два аспекта – нужно или нет прокурору полномочие по возбуждению уголовного дела, а если нужно, то в каком объеме (каким образом оно должно реализовываться)?

---

¹ Свиридов М. К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.

² Ягофаров В. М. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. 2015. № 3 (178). С. 153–158.

³ Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 101–108.

⁴ Петров А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 21.

⁵ Багмет А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 27–32.

⁶ Чекулаев Д. П. Стадия возбуждения уголовного дела – ликвидировать нельзя оставить // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 189–201.

Заметим, что некоторые авторы указывают на то, что стадия возбуждения уголовного дела сама по себе является субъективным барьером в деятельности органов и должностных лиц стороны обвинения⁷.

Видится, что правильным направлением дальнейшего развития уголовного процесса в вопросах досудебного производства будет, в том числе, и преодоление подобных барьеров. Одним из наиболее перспективных средств достижения этой цели видится возвращение прокурору утраченного полномочия по возбуждению уголовного дела. В пользу такого подхода свидетельствует анализ правоприменительной практики. Так, иногда прокурору систематически приходится отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, принимаемые органами дознания и предварительного расследования по итогам проверки сообщения о преступлении, поскольку соответствующие постановления были вынесены преждевременно. При этом часто доработанный материал проверки становится уголовным делом. Такая тенденция, в частности, имеется по мошенничествам и некоторым другим преступлениям, в том числе, против собственности.

Если говорить о возвращении прокурору права возбуждать уголовное дело, то необходимо определить границы его реализации. То есть установить, какое количество составов преступлений, чьей подследственности будут входить в компетенцию прокурора по вопросам возбуждения уголовных дел. Закономерно выделить два пути – отдельная группа составов преступлений, по которым прокурор будет иметь право возбуждать уголовные дела, либо универсальный характер полномочия по возбуждению уголовного дела.

В науке есть мнение, согласно которому прокурор должен иметь право на возбуждение уголовного дела, но только в отношении так называемых специальных субъектов⁸ (т. е. в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ). В соответствии с действующим законодательством таким полномочием обладают следователи Следственного комитета РФ. Однако уже существует законопроект⁹, согласно которому соответствующие полномочия должны быть переданы Федеральной службе безопасности РФ. Такое направление вполне понятно, потому как оперативное сопровождение уголовных дел, возбужденных в отношении названных категорий лиц, зачастую осуществляется ФСБ РФ.

Однако при таком подходе не стоит забывать о том, что, какому бы органу не передавались бы по подследственности уголовные дела в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, так или иначе его сотрудники подпадают под названную категорию специальных субъектов. При этом у прокурора, как перспективного субъекта возбуждения уголовного дела в отношении

---

⁷ Сергеев А. Б. Хохрякова Э. А. Стадия возбуждения уголовного дела – атавизм уголовного процесса? // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2015. № 17 (372). С 163–169.

⁸ См., напр., Борозонец Н. Н. Полномочия прокурора при разрешении сообщений о преступлениях // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. С. 349–353.

⁹ Законопроект № 342273-7 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законотворческой деятельности : портал. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/342273-7> (27.01.2018).

специальных субъектов, есть одно неоспоримое преимущество – в качестве источника получения информации, необходимой для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, видится вполне уместным использовать сведения, полученные в ходе осуществления прокурорского надзора. Использование этой информации и последующее возбуждение уголовного дела именно прокурором позволит избежать излишней волокиты, временных потерь на передачу материалов, но самое главное – позволит органу предварительного расследования непосредственно начать осуществление следственных действий. Станет возможным не только оперативно решать задачи уголовного процесса, но и избегать дублирования в работе органов расследования (как это происходит по отношению к постановлению прокурора как повода для возбуждения уголовного дела, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Кроме того, прокурор все же является фигурой независимой, в том числе, и от ведомственных интересов и ряда других факторов.

В заключении хотелось бы отметить, что своевременное возбуждение уголовного дела – залог успешного и эффективного расследования. Поэтому, исходя из вышеизложенного, думается, что дальнейшим вектором реформ в досудебном производстве должно быть возвращение прокурору утраченного права возбуждать уголовные дела по всем категориям преступлений, но без полномочий расследования по ним.

Информация об авторе

Терехин Роман Андреевич – студент 4 курса Юридического института Кемеровского государственного университета (ЮИ КеМГУ).

650066, Кемеровская обл., г. Кемерово, пр. Ленина, д. 65 «Б», кв. 25,
Тел./факс: +7-923-603-0543. E-mail: roman_terehin@list.ru.

УДК 343.131

Т 81

Д. А. Тугутова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу о применении конструкции «благоприятствование защите» («favor defensionis») в современном уголовном процессе

В статье исследуются вопросы применения конструкции «благоприятствования защите» («favor defensionis») в современном уголовном процессе. Рассматриваются подходы ученых к пониманию сущности данной конструкции в историческом и современном плане.

Ключевые слова: благоприятствование защите, favor defensionis, принципы уголовного процесса.

Вопрос о применении конструкции «благоприятствование защите» не является новым в науке и практике уголовно-процессуального права, но

остается актуальным и в современных правовых реалиях, что непосредственно связано со стремлением достичь процессуального равенства сторон в состязательном процессе, реализуя назначение уголовного судопроизводства.

Традиция рассмотрения благоприятствования защите (*favor defensionis* – с лат. «привилегированное положение защиты»¹) как важной составляющей уголовного процесса была заложена германской доктриной XVII-XIX вв., которая, в свою очередь, осуществила рецепцию данной конструкции из римского права. Отечественное право также переняло данную категорию. В. К. Случевский в «Учебнике русского уголовного процесса»² в качестве одного из основных начал уголовного процесса выделял исключительные права защиты, которые находят отражение в применении правила преимущества защиты перед обвинением (*favor defensionis*). Например, право на последнее слово, а также толкование всех сомнений в пользу обвиняемого. По мнению В. К. Случевского, «основанием господства этого правила является тот факт, что положение обвиняемого на суде в общем тяжелее положения обвинителя и что, следовательно, раз приходится одной из сторон дать преимущество перед другой, то признание этих преимуществ за защиту является делом прямой *справедливости*».

Л. Е. Владимиров в своей работе – «Advocatus Miles. Пособие для уголовной защиты»³ относительно конструкции *favor defensionis* указывал, что она носит специфический характер, апеллируя к такому принципу римского права как *in dubio mitius* – в сомнительном случае более мягкое решение⁴. Он писал: «Почему все истолковывают в пользу подсудимого, почему не в пользу правосудия, защищающего государство, общество, отдельного человека и все, необходимое для человеческого общежития? Логического основания нет для *favor defensionis*. Но есть основание, вытекающее из чувства сострадания и из одного великого соображения, что в сомнительных случаях лучше оправдать, чем осудить. Оправдывая виновного, юстиция только ошибается; осуждая невиновного юстиция совершает преступление».

В настоящее время вопросы конструкции *favor defensionis* продолжают оставаться актуальными. Позиции по данной проблематике представлены в научных трудах Л. В. Головки, И. Б. Михайловской, М. А. Михеенковой, С. А. Соловьева, А. А. Хайдарова и других процессуалистов.

А. А. Хайдаров выделяет благоприятствование защите как принцип уголовного процесса и высказывает следующее суждение: «Проявления указанного принципа в уголовно-процессуальном законе уравнивают публичную наступательную деятельность органов предварительного расследо-

---

¹ Словарь латинских юридических изречений [Электронный ресурс] // Dictum factum. Бюро юридических переводов. URL: <http://dictumfactum.com.ua/ru/infopoint/latinlawexpressions.html> (08.02.2018).

² Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб : Типография Стасюлевича, 1892.

³ Владимиров Л. Е. Advocatus miles : пособие для уголовной защиты. СПб. : Законоведение, 1911.

⁴ Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/1107/In (08.02.2018).

вания и прокуратуры. Принцип благоприятствования защите является продолжением принципа защиты прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и создает условия для действительной состязательности сторон в ходе судебного следствия»⁵.

Л. В. Головкин, придерживаясь аналогичной позиции, обращает внимание на то, что логика уголовного процесса изначально подразумевает некоторое неизбежное процессуальное и фактическое неравенство сторон защиты и обвинения. Иначе говоря, некоторых прав у стороны защиты не может быть в принципе (связанных с ограничением конституционных прав), а реализация других зачастую значительно затруднена возможным отсутствием или ограниченностью у нее квалификации, средств, механизмов принуждения и т. д. Поэтому фактические возможности стороны защиты всегда меньше, чем у стороны обвинения – она изначально находится в ущемленном положении по сравнению с последней, что в теоретическом смысле является результатом не какого-то несовершенства законодательства, а естественного положения вещей⁶. При этом, как правильно замечает Л. В. Головкин, благоприятствование защите не должно быть возведено в абсолют, нарушая принцип состязательности и равенства сторон. «В целом одновременное признание двух связанных с друг с другом процессуальных конструкций – благоприятствования защите (*favor defensionis*) и запрета злоупотребления правом на защиту – позволяет найти искомую точку баланса: уголовно-процессуальная система должна благоприятствовать защите как более слабой стороне, но лишь до тех пор, пока защита не начинает злоупотреблять принадлежащими ей правами. В этом смысле запрет злоупотребления правом на защиту очерчивает те пределы, в которых существует благоприятствование защите»⁷, – пишет Л. В. Головкин.

И. Б. Михайловская⁸ выделяет три типа ситуаций, при которых возможно применение конструкции благоприятствования защите: доказательство получено стороной обвинения с нарушением требований уголовно-процессуального закона; сведения, представленные защитой, могут обрести свойство допустимости, если лицо (орган), в производстве которого находится дело, совершит требуемые законом процессуальные действия; сведения, представленные защитой, в силу причин объективного характера не могут быть трансформированы в доказательства. И. Б. Михайловская приходит к следующему выводу: «... Существо правила благоприятствования защите, помимо отсутствия у неё обязанности доказывать невиновность привлеченного к ответственности лица, состоит в возможности использования ею более широкого, чем у стороны обвинения, круга сведений, обосновывающих от-

---

⁵ Хайдаров А. А. Принцип благоприятствования защите и его проявление в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 12. С. 88–90.

⁶ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. М. : Статут, 2016.

⁷ Там же.

⁸ Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 27.

стаиваемую перед судом позицию».

М. А. Михеенкова благоприятствование защите понимает как процессуальную конструкцию, суть которой предусматривает дополнительную гарантию правам стороны защиты, предоставляемую законодателем сверх механического уравнивания полномочий сторон⁹. По мнению М. А. Михеенковой, «в современном российском уголовном судопроизводстве конструкция благоприятствования защите находит свое процессуальное проявление в ряде норм и институтов, важнейшие из которых традиционны: презумпция невиновности и толкование сомнений в пользу обвиняемого, *onus probandi*, «асимметрия» в доказывании; *pop reformatio in reius*; порядок прений сторон и право подсудимого на последнее слово. Элементы *favor defensionis* составляют также сроки пересмотра и основания отмены судебных решений; «право на молчание» обвиняемого; отдельные случаи недопустимости доказательств; нормы, регулирующие порядок подсчета голосов судей и присяжных»¹⁰.

С. А. Соловьев, предлагает рассматривать данную конструкцию не принципом уголовного процесса, а «началом-максимой состязательного процесса, который не требовал бы предлагаемых рядом ученых революционных изменений всей парадигмы уголовно-процессуального законодательства в России, но существенным и позитивным образом реформативировал бы полномочное соотношение сторон в смешанном по своему строению уголовном процессе России, использовался бы для «настроек» процессуального баланса между публичным и диспозитивным началом в уголовном судопроизводстве, и выполнял бы при этом роль социального «камертона» справедливого и законного правосудия»¹¹.

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство и позиции учёных-процессуалистов, можно заключить, что в современном уголовном процессе конструкция благоприятствования защите находит свое непосредственное отражение в ряде институтов и норм, обеспечивая соблюдение таких принципов, как состязательность и равенство сторон, тем самым достигая справедливости уголовного процесса.

Информация об авторе

Тугутова Дулма Аюровна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664022, г. Иркутск, ул. 6-я Советская, 21А,

e-mail: tugutova.dulma@gmail.com

---

⁹ Михеенкова М. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Соловьев С. А. Необходимость закрепления процессуального механизма благоприятствования защите (*favor defensionis*) в действующей системе принципов уголовного судопроизводства России: правовой и социальный аспект [Электронный ресурс] // Сословие. URL: http://www.soslovie-ab.ru/read/detail.php?id=111#_ftn7 (08.02.2017).

УДК 343.131.2
Ч 58

И. А. Чигвинцев,
студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

**К вопросу о реализации принципа участия общественности
в уголовном-судопроизводстве**

В статье рассматриваются проблемы реализации участия общественности в осуществление уголовного судопроизводства. Анализируется институт общественных обвинителей на примере Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.

Ключевые слова: участие общественности, обвинение, судебный процесс, принципы уголовного судопроизводства.

Одним из критериев показателя уровня развития демократии является степень участие народа в осуществлении власти. Участие народа имеет важное значение при реализации судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. В юридической литературе участие народа в осуществлении правосудия, а именно – по уголовным делам, предлагается рассматривать в качестве принципа¹. В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) участие народа реализуется, в основном, посредством деятельности суда присяжных, а так же через участие в уголовном деле лиц, не являющихся адвокатами, при оказании участникам процесса юридической помощи. Учитывая, что на суд присяжных приходится незначительное количество уголовных дел, а участие лиц-непрофессионалов в связи с неурегулированностью в законе их статуса – явление сомнительное, можно заключить, что участие народа в отправлении правосудия утрачивает значение принципа.

Считаем необходимым обратиться к истории отечественного судопроизводства.

Советское уголовно-процессуальное право было приближено к народу за счет существования таких институтов, как «присяжные заседатели», «товарищеские суды», «общественные помощники следователя», «общественные обвинители и общественные защитники».

Подробнее остановимся на институте общественных защитников и общественных обвинителей.

В ст. 250 УПК РСФСР 1960 г. устанавливались положения об участии представителей общественных организаций и трудовых коллективов в су-

---

¹ Мицай Д. Г. Институт участия населения в отправлении правосудия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. № 2. С. 29.

дебном разбирательстве, а именно: «Представители общественных организаций и трудовых коллективов могут быть по определению суда допущены к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или общественных защитников. Они выделяются общим собранием общественной организации или трудовым коллективом предприятия, учреждения, организации, а также коллективом цеха, отдела или другого подразделения, которые в письменном виде подтверждают их полномочия»².

В ст. 23 УПК РСФСР не предусматривалась возможность отвода общественного обвинителя. По мнению И. Д. Перлова, «общественный обвинитель должен, как и прокурор, государственный обвинитель, быть объективным, а это невозможно, если он будет лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела. Поэтому было бы неправильно исключать возможность отвода общественного обвинителя. В этом смысле он должен быть приравнен к прокурору — государственному обвинителю»³. На наш взгляд, решение вопроса об отводе общественного обвинителя или защитника напрямую было связано с одним из основных принципов уголовного судопроизводства, а именно объективностью исследования обстоятельств дела. Таким образом, какие-либо родственные или неприязненные отношения общественного обвинителя, или общественного защитника к обвиняемому или потерпевшему, несомненно, могли отразиться на независимом, всестороннем, объективном исследовании дела.

Следует отметить, что согласно УПК РСФСР как полноправные участники судебного разбирательства общественные обвинители (общественные защитники) обладали широкими общими полномочиями. Так, они были вправе:

- 1) представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств;
- 2) заявлять перед судом ходатайства и отводы;
- 3) участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им.

Примечательно, что общественные обвинители (общественные защитники) могли в судебных прениях не только изложить мнение общественности о личности подсудимого, но и могли затрагивать правовые вопросы, в частности, анализировать доказательства, предлагать свою квалификацию содеянного подсудимым. Этот перечень прав не был исчерпывающим. В силу ст. 245 УПК РСФСР права участников судебного разбирательства были равны, а представители общественной организации являлись участниками судебного разбирательства. Из чего следовало: хотя в процессуальных нормах, определяющих порядок заявления и разрешения ходатайств, допрос подсудимого, свидетелей и иных лиц, осмотр вещественных доказательств, мест-

---

² Уголовно процессуальный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР № 40 1960 г. Ст. 592.

³ Перлов И. Д. Проблемы дальнейшего развития демократических Основ уголовного судопроизводства в свете Программы КПСС // Советское государство и право. 1962. № 4. С. 90–101.

ности и помещений, окончание судебного следствия и представление замечаний на протокол судебного заседания и т. д., общественные обвинители и защитники не упоминались, тем не менее, их право активно участвовать в соответствующих судебных действиях было несомненным, ибо все эти действия – конкретные формы собирания и исследования доказательств.

Общественный обвинитель в прениях излагал суду мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им. Он мог высказать также соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого.

Общественный обвинитель, несмотря на решение общественной организации о его функции в процессе, мог отказаться от обвинения, если данные судебного следствия давали для этого основания.

Следует заметить, что институт общественного обвинения и общественной защиты получил широкое распространение и поддержку со стороны граждан.

В целом, на наш взгляд, участие общественных обвинителей и общественных защитников является одним из примеров важных форм расширения демократических основ в осуществлении правосудия, но в итоге с принятием УПК РФ 2001 г. отечественный уголовный процесс их утратил. Не вызывает сомнений, что участие в судопроизводстве общественности послужило бы мощным толчком к поднятию уровня доверия населения к судебной системе⁴.

Информация об авторе

Чигвинцев Илья Андреевич – студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

664035 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1,
e-mail: Ilya1234qwera@gmail.com

---

⁴ См.: Лавдаренко Л. И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 51.

УДК 159.92

А 65

А. В. Андреева,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

Современные тенденции агрессивного поведения несовершеннолетних

В статье анализируются современные тенденции агрессивного поведения несовершеннолетних. Агрессия среди несовершеннолетних рассматривается как явление, стремительно развивающееся и меняющее свои формы. Автор выделяет некоторые современные проявления агрессии у несовершеннолетних, связывает их с социальными и психологическими факторами.

Ключевые слова: агрессия, несовершеннолетние, агрессивное поведение, формы агрессивного поведения.

Агрессия несовершеннолетних как социальная проблема – одна из актуальных тем в современном обществе. Отношение к агрессии несовершеннолетних у исследователей разное. Так, зарубежные психологи Э. Фромм и К. Лоренц отмечают, что агрессия несовершеннолетних это типичная для них простая форма активности, как их динамическая характеристика¹. Отечественные исследователи, такие как М. В. Алфимова, В. И. Трубников утверждают, что агрессивное поведение несовершеннолетних в большинстве случаев приводит к негативным последствиям, а игнорирование взрослых данной проблемы только усугубляет ситуацию².

Агрессия (лат. *aggressio* – нападение) – это мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт³. В науке можно выделить такие подходы к определению данного феномена, как нормативный, эмоциональный, целевой и др.

Из вышеприведенного определения агрессии, учитывая психологические особенности несовершеннолетних, можно сформулировать общее понятие их агрессивного поведения. *Агрессивное поведение несовершеннолетних* – это деструктивная форма проявления активности несовершеннолетних, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический и иной вред обществу, усугубляющееся кризисным периодом становления характера у несовершеннолетних, неустойчивой системой ценностей и нравственных установок, внушаемостью и конформностью по отношению к окружающему миру.

---

¹ Лоренц К. Агрессия : пер. с нем. М., 1994. С. 272.

² Алфимова М. В. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 10.

³ Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.academic.ru/33.8F> (13.02.18).

Рассматривая проблему агрессивности несовершеннолетних, можно выделить два основных фактора, влияющих на появление и развитие агрессии у несовершеннолетних: период полового созревания (физиологический кризис) и социальное взросление (психологический кризис), в сочетании со стремлением к самостоятельности, но нежеланием брать на себя ответственность взрослых.

В последнее время агрессивность несовершеннолетних приобретает все больше преступный характер. Число несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением неуклонно растет. Агрессивное поведение несовершеннолетних проявляется в асоциальных и антисоциальных действиях (проституция, алкоголизм, наркомания, хулиганство, вандализм и др.). Появляются и новые виды девиантного поведения: несовершеннолетние участвуют в организациях экстремистской направленности, с целью развлечения снимают на видеоаппаратуру жестокое обращение с людьми, и затем загружают видеоролики в социальные сети, что получило название – «хэппи слэппинг»⁴.

В связи со стремительным развитием информационного общества, с разработками различных компьютерных программ и игр, распространяющих культ насилия, отмечаются тенденции к появлению новых форм агрессивного поведения несовершеннолетних. Так, И. Б. Лебедев в своей работе раскрывает сущность новой аддикции современных подростков, получившего название «гейминг» (игровая зависимость). Автор делает неутешительные выводы о том, что «распространение компьютерных игр с сюжетным содержанием жестокости и насильственных действий подрывают эмоциональное состояние подростка, а герои данных игр часто становятся прототипами идеалов, которым подростки хотят подражать»⁵.

Известно, что компьютерные игры, типа «Синего кита» способны привести к аутоагрессивному поведению несовершеннолетних, выражающемуся в членовредительстве и самоубийствах. Это также форма агрессии, только обращенная на себя. Известно, что подобные компьютерные игры переносятся в коллективы школьников и уже в реальной жизни одни подростки приносят вред другим, как правило, боле слабым сверстникам, продолжая играть наяву в «китов» и «дельфинов».

К новым формам агрессивного поведения можно отнести агрессию несовершеннолетних по отношению к своим родителям, связанную с социальным сравнением благополучных и неблагополучных в финансовом отношении семей. Культ богатства, роскоши становится мерилем счастья, а фрустрация, вызванная неудовлетворением потребности иметь, например, новый гаджет, выливается в агрессию по отношению к родителям, неспособным его купить.

Семейные ссоры приводят и к другой противоположной тенденции –

---

⁴ Норкин Г. А. Юридическая психология: опыт развития и анализ правовых проблем, требующих психологического подхода // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. С. 44.

⁵ Лебедев И. Б. Кибернетическая лудомания – новая область психологических исследований криминальной агрессии // Психопедагогика в правоохранительных органах. М., 2013. С. 55.

агрессивности взрослых по отношению к детям, что формирует с помощью механизма подражания, стереотип агрессивного реагирования у несовершеннолетних. Так, число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении детей за 2013 год составило 7421; 2014 год – 8572; 2015 год – 10646; 2016 год – 11756 преступлений⁶. Исходя из этих данных, можно видеть, что с каждым годом такие показатели растут. Процесс формирования агрессивного поведения, как известно, обоюдный.

Т. В. Сафонова отмечает: «Не только вербальная, но и физическая агрессия доказывает, что несовершеннолетний воспринимает весь окружающий мир как враждебное явление ... Чтобы предотвратить дальнейшие серьезные последствия, необходимо работать с подростками»⁷. Данный автор показывает, как психологические тренинги, направленные на снижение агрессивности способствуют снижению его индекса.

В заключении следует отметить, что какими бы не были новые формы и тенденции проявления агрессивного поведения у несовершеннолетних, в большинстве случаев взрослые способны помочь подросткам справиться с негативными эмоциями и переживаниями, передав и сформировав у них определенную базу ценностей, вовремя заметив проблему и найдя подходящий путь профилактики.

Информация об авторе

Андреева Анжела Владимировна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

E-mail: anzh.skype@mail.ru

УДК 159.9

А 84

Д. С. Арнаутова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Психологические особенности восприятия личности обвиняемого присяжными заседателями

В статье анализируются психологические особенности восприятия личности обвиняемого присяжными заседателями. Автор аргументирует влияние субъективного восприятия личности обвиняемого на принятие решений в суде с участием присяжных заседателей.

---

⁶ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (21.12.2017).

⁷ Сафонова Т. В. Педагогическая помощь при аутоагрессивном поведении подростков // НаркоНет. 2017. № 3. С. 36–39.

Ключевые слова: присяжные заседатели, суд присяжных, личность обвиняемого.

23 июня 2016 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»¹. Изменения, вступающие в силу 1 июня 2018 г., значительно расширяют роль присяжных заседателей в ходе судебного разбирательства. Согласно этому закону участие присяжных заседателей предусмотрено в районных судах, чего не было в УПК РФ ранее. Несмотря на то, что суд присяжных, – не новый процессуальный институт в российском уголовном судопроизводстве, споры о нем не только не утихают, но и в связи с новыми законодательными изменениями набирают актуальность. Основным аргументом противников суда присяжных заседателей становится так называемый «обвинительный субъективизм»² – влияние эмоций на объективную оценку личности обвиняемого и содеянного им деяния, заведомо предвзятое отношение к подсудимому. Этим обстоятельством обусловлена актуальность изучения отношения присяжных к обвиняемому лицу с точки зрения юридической психологии и применение в процессе исследования специальных методов данной научной отрасли.

Суд присяжных, как институт, основанный на непосредственном взаимодействии нескольких субъектов в процессе судопроизводства, а также принятии решения на основе убедительности доводов участвующих сторон, обладает своими психологическими особенностями, появляющимися в связи с вышеназванными обстоятельствами. А. А. Корчагин выделяет следующие психологические свойства данного института³:

- 1) психологические особенности, связанные с личностью присяжных заседателей;
- 2) психологические особенности, связанные с личностью государственного обвинителя;
- 3) психологические особенности, связанные с личностью подсудимого;
- 4) психологические особенности, связанные с порядком исследования в суде обстоятельств дела и добытых на предварительном следствии и в суде доказательств;
- 5) психологические особенности, связанные с личностью защитников;
- б) психологические особенности, связанные с личностью других лиц, проходящих по делу.

В рамках рассматриваемой проблемы наибольший интерес представляют особенности восприятия личности обвиняемого (подсудимого) присяж-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3859.

² Кондрачук О. Н. Влияние эмоций на вердикт присяжных заседателей // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 68.

³ Корчагин А. А. Психология поддержания обвинения в суде присяжных заседателей // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 208.

ными. С этой целью целесообразно обратиться к психологической характеристике присяжных заседателей, как мало группе и обстоятельству, влияющему на оценку личности и деяния подсудимого. Как и любой малой группе, присяжным свойственно внутреннее распределение ролей в зависимости от психологических типажей отдельных членов. Именно в процессе взаимодействия, вызванного обсуждением принятия решения по конкретному делу, начинают проявляться определенные качества характера отдельного лица, которое может оказать влияние на принятие решения всей группы, немаловажную роль играет, в том числе, темперамент. Однако большинство психологов утверждают, что индивидуальные характеристики оказывают влияние на решение присяжных, но они стоят на втором месте после предъявляемых в ходе судебного процесса доказательств, эмоций, полученных в ходе судебного разбирательства. Так, согласно О. А. Гулевич, «... не существует индивидуальных характеристик присяжных, которые оказывают влияние на их решение вне зависимости от рассматриваемого дела и других особенностей судебного процесса»⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что решение присяжных, в первую очередь, базируется на психоэмоциональных впечатлениях, полученных непосредственно в ходе судопроизводства, а немаловажным в данном случае является эмоциональный портрет обвиняемого лица, складывающийся у присяжного заседателя еще до принятия решения.

Обращаясь к личности обвиняемого (подсудимого), важно отметить, что ученые выделяют ряд психологических характеристик, имеющих значимость в глазах присяжных. В качестве основных выделяют: моральный облик обвиняемого, прежде всего его социальная привлекательность, намерения и причины совершения им преступления, а также его раскаяние в содеянном.

Влияние «морального облика» подсудимого на решение присяжных было отмечено уже в первых исследованиях данного вопроса. Так, Г. Кальвин и Г. Зейцел замечали, что обвинение имеет большие шансы на победу, если подсудимый «аморален» или жертва «высокоморальна»⁵. Однако «моральный облик» подсудимого становится значимым только при двух условиях: когда доказательства недостаточно ясны и когда решение связано с оценкой того, достойна ли доверия версия подсудимого о происшедшем⁶.

Одним из параметров «морального облика» является «социальная привлекательность», под которой понимается наличие у подсудимого индивидуальных особенностей и рода занятий, делающих его привлекательным в глазах окружающих. Чем менее социально привлекателен подсудимый, тем более строгое наказание он получает. В частности, подсудимый, описанный исследователями как «непривлекательный» и «холодный», рассматривался респондентами как заслуживающий более длительного тюремного заключения,

---

⁴ Гулевич О. А. Психология в суде присяжных : учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. М., 2003. С. 34.

⁵ Kalven H. Jr., Zeisel H. The American jury. Boston, 1966.

⁶ Гулевич О. А. Указ. соч. С. 98.

чем его «милый» и «теплый» коллега⁷.

Кроме того, на решение присяжных оказывает влияние их представление о намерениях подсудимого и степени испытываемого им раскаяния. В частности, присяжные более позитивно оценивают, приписывают меньшую ответственность за совершение преступления и назначают менее строгое наказание тому подсудимому, который отрицает свое намерение совершить преступление или раскаивается в содеянном. Однако люди больше верят невербальным показателям раскаяния, например, слезам, чем его вербальному выражению.

Таким образом, учитывая важность эмоционального восприятия присяжными заседателями личности обвиняемого (подсудимого) в процессе судопроизводства, основывающегося на вышеперечисленных значимых психологических характеристиках, можно сделать вывод, что в случае отклонения поведения подсудимого от подсознательно одобряемой модели ожидаемой от него присяжными, можно предположить усиление субъективности принятого решения каждым отдельным присяжным заседателем. В данной ситуации степень виновности подсудимого не играет столь значимой роли, как, например, его умение производить впечатление на присяжных, вести себя в рамках социально одобряемой модели, что существенно искажает объективность вердикта суда с участием присяжных заседателей.

Информация об авторе

Арнаутова Дарья Сергеевна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: ambelmanbk@mail.ru

УДК 343.14

А 85

С. А. Арсеньев,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Обстоятельства, подлежащие доказыванию государственным обвинителем по делам о взяточничестве

В статье проанализированы причины высокого уровня латентности рассматриваемых преступлений. Представлен перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по коррупционным преступлениям. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкивается государственный обвинитель в процессе, предложены пути их решения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, взяточничество, противодействие коррупции.

На сегодняшний день правоохранительными органами ведется актив-

---

⁷ Гулевич О. А. Господа присяжные заседатели: размышления психолога // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 101.

ная борьба с проявлениями коррупции в обществе. Практически ежедневно в сводках новостей мы сталкиваемся с информацией о возбуждении уголовных дел о взяточничестве в отношении высокопоставленных должностных лиц. Однако этот «вирус» настолько порастил аппарат управления, что полностью его искоренить практически невозможно.

Основной причиной латентности данного преступного деяния является тот факт, что при взяточничестве имеет место обоюдная заинтересованность в получении предмета взятки чиновником. И только в редких случаях, которые можно считать исключением, лица, у которых истребуются денежные средства, другое имущество или услуги, обращаются в правоохранительные органы с сообщением о поступлении незаконного требования от должностного лица.

Таким образом, процесс доказывания по рассматриваемому преступному деянию имеет ряд сложностей.

Прежде чем переходить к характеристике обстоятельств, подлежащих доказыванию, видится необходимым в общих чертах раскрыть сущность взяточничества.

В юридической литературе под взяточничеством понимается получение должностным лицом лично или через третьих лиц денег, ценных бумаг, другого имущества или услуг имущественного характера за совершение определенных действий (бездействие), входящих в его компетенцию, содействие в совершении определенных действий в силу служебного положения или же общее покровительство. Кроме того, к взяточничеству относится и дача взятки должностному лицу за совершение действий, которые связаны с осуществлением последним властных полномочий¹.

Данное преступление характеризуется обязательным участием специального субъекта – должностного лица. В соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, должностными лицами признаются лица, постоянно временно или по специальному полномочию выполняющие функции представителя власти или организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органах государственной власти или местного самоуправления, а также иных государственных и муниципальных организациях определенных в указанной норме².

Первым обстоятельством, которое необходимо доказать государственному обвинителю это – личности виновных. Разумеется, определяющее значение имеет личность взяточполучателя, ведь если последний не имеет статус должностного лица, то состав преступления, предусмотренный ст. 290 УК РФ отсутствует. Однако не стоит недооценивать значение личности взяткодателя. При подготовке к поддержанию государственного обвинения прокурору необходимо получить информацию о взаимоотношениях рассматриваемых субъектов, ведь в случае, когда между сторонами неприязненные отношения, может иметь место оговор, что государственный обвинитель не

---

¹ Алеников А. Г. Криминалистика. М. : Аллель, 2010. С. 157.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. от 29 июля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вправе допустить³.

Кроме того, подлежат доказыванию обстоятельства, свидетельствующие о заинтересованности взяткодателя в действиях должностного лица. Так, видится абсурдной дача взятки должностному лицу медицинского учреждения безработным гражданином за выдачу больничного листа без наличия законных оснований. Таким образом, в целях определения объективной истины, необходимо установить действительную заинтересованность в тех или иных действиях должностного лица.

Обстоятельства, свидетельствующие об изыскании денежных средств, также позволяют доказать совершение преступного деяния. Суммы, истребуемые за совершение определенных незаконных действий, достигают девятизначных размеров. Возможностью предоставить такие денежные средства из личных активов обладают единицы, поэтому взяткодатели зачастую прибегают к продаже имущества, получению денег в долг от физических лиц и кредитных организаций и другим способом изыскания денежных средств.

Предмет взятки также подлежит доказыванию. Как было указано выше, в качестве взятки могут передаваться различные материальные ценности, а также оказываться услуги (предоставление путевок, ремонт квартир и т. д.). Для более полного раскрытия всех обстоятельств преступного деяния предмет взятки должен быть максимально индивидуализирован, то есть должны быть идентифицированы все характеристики (количество, стоимость, качество и т. д.).

В целях исключения представления взяточничества в качестве гражданско-правовой сделки, прокурору следует уделить особое внимание способу совершения данного преступления, который включает в себя подготовку, исполнение и сокрытие следов. Редки случаи, когда государственный обвинитель имеет дело с прямой передачей предмета взятки. В большинстве случаев это сложный завуалированный процесс, направленный на получение блага за взятку. Лишь доказав взаимосвязь всех действий субъектов, государственный обвинитель может заявлять об их виновности.

Выше был представлен перечень обстоятельств, которые подлежат обязательному доказыванию по делам о взяточничестве. Безусловно, представленный перечень является открытым и может изменяться в зависимости от обстоятельств совершения преступного деяния. Однако, в случае, если вышеуказанные факты не будут доказаны, обвинение по делу будет бессмысленным, а виновные останутся безнаказанными.

Информация об авторе

Арсеньев Сергей Александрович – студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664043, г. Иркутск, ул. Депутатская, 15-22,

e-mail: arsenev.sergej.96@mail.ru.

---

³ Коршунова О. Н. Руководство для государственного обвинителя : учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2015. С. 567.

УДК 343.9
Б 43

Ю. С. Белевич,

*магистрант 1 года обучения
Юридического факультета
Гродненского государственного
университета им. Янки Купалы
(ЮрФакГрГУ им. Я. Купалы)*

**Качественный осмотр места происшествия как залог
успешного расследования и дальнейшего раскрытия неочевидных
убийств, связанных с обнаружением неопознанных трупов женщин**

В статье уделяется внимание проведению осмотра места происшествия сложнораскрываемых убийств. Данное следственное действие является важнейшим, так как от его результатов во многих случаях зависит не только дальнейшее направление следствия, но и его исход.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, убийства женщин, орган уголовного преследования, следственные действия.

Появление понятия «осмотр места происшествия» в советской криминалистике связано с именами таких ученых, как И. Н. Якимов, В. И. Громов, П. И. Тарасов-Родионов, А. И. Винберг. Наиболее точно из них определение осмотра места происшествия было дано А. И. Винбергом: «Осмотр места происшествия – следственное действие, направленное к изучению механизма происшествия, фиксированию обстановки преступления для обнаружения, сохранения и последующего изучения следов преступления, а также различных объектов, предметов, документов и прочего, имеющего по делу значение доказательств в целях установления обстоятельств произошедшего события»¹.

Осмотр места происшествия является одним из важнейших первоначальных и неотложных следственных действий, который должен проводиться обязательно по каждому факту насильственной смерти граждан. При этом основания и порядок проведения осмотра регулируются ст. 203-205 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ). В ходе осмотра места происшествия следует учитывать некоторые особенности данного следственного действия в зависимости от обстоятельств и причины смерти граждан.

Очевидно, что осмотр места происшествия по каждому уголовному делу об убийстве, связанном с обнаружением неопознанного трупа женщины, имеет свои особенности. Именно поэтому качество осмотров мест происшествий не всегда отвечало предъявляемым требованиям. Имели место случаи, когда следователи не в достаточной степени оценивали важность надлежа-

---

¹ Криминалистика / под ред. А. И. Винберга, С. П. Митричева. М. : Госюриздат, 1950. 3 с.

шего проведения осмотра места происшествия по сообщениям (заявлениям) об обнаружении неопознанных трупов как граждан вообще, так и женщин, смерть которых произошла в условиях неочевидности. Осмотры в некоторых случаях вообще не проводились либо осуществлялись поверхностно, при этом допускались нарушения норм уголовно-процессуального законодательства.

В настоящей статье внимание уделено подготовительным мероприятиям и общим подходам к проведению осмотра места происшествия по уголовным делам об убийствах, связанных с обнаружением неопознанных трупов женщин, с целью недопущения типичных ошибок органом, осуществляющим уголовное преследование.

Подготовка к проведению осмотра места происшествия. После получения заявления (сообщения) об убийстве, связанном с обнаружением неопознанного трупа женщины, следователь должен сообщить о данном факте своему непосредственному начальнику и в составе следственно-оперативной группы (далее – СОГ) незамедлительно выехать на место происшествия. Начальники следственных подразделений по сообщениям о вышеуказанных убийствах вскоре также лично выбывают на место происшествия, где принимают активное участие в его осмотре, организации производства неотложных следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий. В связи с необходимостью одновременного выполнения различных неотложных следственных действий создается следственная группа из нескольких следователей, в которой определяется ее персональный состав, назначается руководитель, в соответствии со ст. 185 УПК РБ².

Прибыв на место происшествия, перед началом проведения осмотра следователю необходимо следующее.

1. Дополнительно узнать об обстоятельствах обнаружения неопознанного трупа женщины у находящихся на месте происшествия сотрудников органов внутренних дел, скорой медицинской помощи и т. д.; выяснить, что было изменено на месте происшествия до прибытия СОГ, чтобы более полно представлять картину случившегося; выдвинуть верные версии о мотиве убийства, лице, его совершившем, а также определить, где и какие следы преступления надлежит искать.

2. Дать указания сотрудникам органа дознания о сборе дополнительной информации о происшествии, необходимой для установления очевидцев и свидетелей убийства, по возможности установлении и задержании лица, совершившего преступление по «горячим» следам, а также установлении личности убитой и т. д.

3. Определить границы осмотра места убийства, удалить с места происшествия посторонних лиц, при необходимости выставить оцепление или оградить место происшествия сигнальной лентой.

---

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : от 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. в Кодекс с 4 апр. изм. и доп. не вносились. Минск : Академия МВД, 2016. 139–140 с.

4. Если местом происшествия является местность – принять меры к сохранности следов (предметов), которые могут быть уничтожены или сокрыты, например, вследствие погодных условий: ураган, ливень, мокрый снег и т. д.

5. В качестве понятых в добровольном порядке привлечь не заинтересованных в исходе уголовного дела совершеннолетних лиц; согласно ч. 1 ст. 64 УПК РБ убедиться в том, что у них отсутствуют физические и психические недостатки, препятствующие правильному восприятию хода и результатов осмотра. Как правило, по уголовным делам об убийстве, согласно ч. 5 ст. 64 УПК РБ, понятые допрашиваются судом в качестве свидетелей, а любые несоответствия между показаниями понятого и содержанием протокола осмотра (по ходу и результатам осмотра, времени составления протокола и т. д.) являются основанием для признания судом протокола осмотра недостоверным доказательством. В связи с этим и рекомендуется перед проведением осмотра места происшествия тщательным образом проверять личности понятых на предмет их соответствия предъявляемым требованиям.

Процесс осмотра места происшествия. При проведении осмотра места происшествия по уголовному делу об убийстве, связанном с обнаружением неопознанного трупа женщины, следует максимально полно описывать вещную обстановку и объекты, находящиеся на месте происшествия, не оценивая их относимость и значение для расследования. Осмотру требуется подвергать не только помещение (участок местности), где обнаружен труп, но и окружающие помещения и территории. Результаты детально проведенного осмотра позволяют получить информацию о времени, способе, мотивах совершения убийства, количестве лиц, его совершивших, путях их прихода и отхода, перемещении трупа после причинения телесных повреждений и других обстоятельствах, имеющих значение для дела³. В связи с этим при проведении осмотра места происшествия в протоколе осмотра в обязательном порядке отражается наличие или отсутствие следующих свидетельствующих о конкретных обстоятельствах совершения убийства следов.

1. О времени совершения преступления. Для того чтобы наглядно установить время неочевидного убийства стоит, например, проверить горячие или теплые бытовые предметы (печь, посуда с пищей, вода в чайнике и т. д.) на ощупь; засохшие, загнившие или свежие остатки пищи; количество скопившиеся корреспонденции и ее дату в почтовом ящике, отметку в календаре, остановившиеся на руке трупа часы и т. п.

2. О количестве лиц, находившихся на месте происшествия во время совершения убийства. Необходимо обратить внимание на оставленные следы рук (ног), количество столовых приборов на столе, наличие на месте происшествия окурков от различных марок сигарет и т. п.

---

³ Потапов В. К., Варавко Ю. В. Алгоритм действий следователя при производстве неотложных процессуальных и следственных действий при расследовании уголовных дел об убийствах: Осмотр места происшествия и трупа. Минск : СК Республики Беларусь, 2014. 5 с.

3. О мотивах убийства. Например, распахнутые дверцы шкафов, выдвинутые ящики свидетельствуют о корыстных мотивах; наличие на трупе следов совершенного полового акта – стремление к удовлетворению половой страсти либо банальная месть и т. п.

4. О признаках лица, совершившего убийство. Наличие предметов одежды (ее частей), не принадлежащей убитой, размеры и особенности следов рук (ног) могут судить о примерном возрасте, росте, особенности походки виновного лица, а также о его половой принадлежности; сокрытие личности потерпевшей может свидетельствовать о том, что убийство было совершено знакомым либо родственником самой жертвы дабы скрыть причастность к данному преступлению и т. п.

6. О месте совершения убийства. Стоит обратить внимания на наличие или отсутствие следов волочения, следов крови на месте обнаружения трупа с колото-резаными ранами. С помощью полученной информации решается вопрос о совпадении места совершения преступления с местом обнаружения трупа.

Проводя осмотр места происшествия по всем фактам убийств, связанных с обнаружением неопознанных трупов женщин, следователю надлежит в обязательном порядке привлекать к его участию в качестве специалистов государственного медицинского судебного эксперта, эксперта-криминалиста, в некоторых случаях и кинологов, а также использовать в ходе осмотра фотосъемку и (или) видеосъемку. В ходе проведения данного следственного действия во всех случаях необходимо составлять схему осмотра места происшествия, которую следует приобщать к протоколу осмотра для полноты видовой картины убийств⁴.

Перечисленные выше мероприятия не являются исчерпывающими. Полноту действий и исследований следователю надлежит определять, исходя из конкретной обстановки на месте происшествия. В статье отражены лишь основные моменты, на которые следователям необходимо обращать внимание при осмотре места происшествия по убийствам, связанным с обнаружением неопознанных трупов женщин, исходя именно из обстоятельств и причин того или иного факта.

Осмотр места происшествия по сообщениям об убийствах данной категории должен быть тщательно спланирован следователем, дабы исключить упущения фактических данных, которые так необходимы для раскрытия преступлений и, как правило, в дальнейшем могут быть невозможны.

Перед началом каждого осмотра места происшествия следователю рекомендуется обращаться к нормам уголовно-процессуального законодательства, регулирующим порядок проведения осмотра, а именно к ст. ст. 193, 194, 203-205 УПК РБ. В ходе осмотра необходимо уделять должное внимание вещной обстановке и объектам, находящиеся на месте убийства, а после его

---

⁴Гракович А. С., Лис Л. С. Методические рекомендации по осмотру места происшествия и трупа по фактам насильственной смерти граждан. Минск : СК Республики Беларусь, 2015. 25 с.

окончания и составления протокола – проверить качество выполненной работы. Результатом игнорирования сотрудником, производящим осмотр, вышеназванных рекомендаций становится то, что доля преступлений остаются нераскрытыми. Это зачастую приводит к совершению преступниками повторных, в том числе серийных, преступлений.

Информация об авторе

Белевич Юлия Сергеевна – магистрант 1 года обучения Юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (ЮрФакГрГУ им. Я. Купалы)

УДК 343.98

Б 48

Е. В. Березина,

студентка 3 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

**Особенности обнаружения, фиксации, изъятия следов,
подвергшихся частичной деструкции**

В статье анализируются основные способы, применяемы на данном этапе развития, обнаружения фиксации и изъятия следов. Рассматриваются особенности работы с объемными следами, в частности, со следами обуви. Предлагаются способы фиксации и изъятия указанных следов.

Ключевые слова: обнаружение, фиксация, изъятие объемных следов, деструкция следов.

Обнаружение, фиксация и изъятие следов имеют принципиальное значения для раскрытия преступления. При этом внимания, должной осмотрительности, аккуратности, профессионализма и многих других качеств требуют все три стадии. Обнаружение говорит само за себя: без высокой степени тщательности осмотра места происшествия криминалист едва ли сможет выявить какие-либо следы. При фиксации и изъятии важную роль играет, в первую очередь, соблюдение правил УПК РФ для того, чтобы избежать признания судом доказательства недопустимым. Кроме того, немало важно не повредить след при его фиксации и изъятии. В этом случае след может потерять информацию, которую несет, и станет бесполезным для расследования.

Преступления совершаются в разных условиях, в том числе и на открытом воздухе. А это значит, что тот или иной след может быть поврежден еще до прибытия следственной группы и независимо от действий ее участников. Следы подвергаются деструкции в результате воздействия на них природных явлений: дождь, снег, град, ветер и т. д. Учитывая значение каждого следа для раскрытия преступления, необходимо изыскивать средства для

фиксации и изъятия обнаруженных и подверженных внешнему воздействию следов с минимальным ущербом их информативности и с возможностью в дальнейшем их идентификации.

Одним из губительных для следов факторов является вода. Она способна не только смывать вещества с поверхностей, но и изменять рельеф объемных следов. Например, следов обуви на пластичных поверхностях: песок, глина, жидкий цемент и др. Как уже было сказано выше, такие следы относятся к группе объемных. Наиболее часто применяемые способы их фиксации – это фотосъемка, изготовление гипсового слепка. Кроме того, в науке предлагается использовать 3D печать для работы со следами обуви¹.

Безусловно, каждый из выше приведенных способов обладает рядом преимуществ. Но в тоже время указанные способы не всегда эффективны. Например, 3D печать не приобретает в данный период времени широкого использования в связи с тем, что оборудование для изготовления 3D модели является громоздким, что неудобно для оперативной работы, и дорогостоящим. Разработать компактные сканеры и 3D принтеры науке еще предстоит. Криминалистическая фотосъемка не всегда приемлема. В зависимости от различных обстоятельств: умений криминалиста, освещения, метеорологических условий, разрешения фотокамеры и др., фотографии не всегда получаются должного качества. Более того, нередко идентификация сфотографированного следа не представляется возможной. Некоторые специалисты справедливо отмечают, что цифровая фотосъемка (которую криминалисты на сегодняшний день преимущественно используют) позволяет скорректировать изображение, изменяя групповые или индивидуализирующие признаки изображенного объекта (следа), его расположение относительно других предметов и т. д.²

Традиционным способом фиксации следов обуви является их моделирование путем изготовления гипсовых слепков. Однако применение данного способа вызывает трудности в случаях, когда, например, след обуви, оставленный на глиняной поверхности, заполнен дождевой водой. Естественно, у криминалиста нет возможности ждать окончания дождя или высыхания воды в следе. Любое промедление может навредить расследованию. Не бывает «ненужных» следов – каждый след имеет значение для раскрытия преступления. Поэтому на наш взгляд, даже такой след нельзя считать «потерянным» для следствия. Следовательно, есть необходимость выработки способов «высушивания» следа для дальнейшей его фиксации путем изготовления гипсо-

---

¹ Куценко Н. А. Пути совершенствования методики исследования следов обуви с использованием 3D печати // Современное общество и наука: социально-экономические проблемы в исследованиях преподавателей вуза : сб. науч. статей / под ред. Г. Н. Дудукаловой. Ростов-на-Дону, 2015. С. 174–179.

² Хитев А. П. Особенности фиксации и изъятия следов, обнаруживаемых на неровных, шероховатых, объемных поверхностях // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2010. № 1. С. 164–165.

вого слепка. В рамках взаимодействия имеет смысл активно привлекать ученых-химиков.

Представляется, что перспективными направлениями исследований в данном вопросе могут считаться следующие.

1. Использование реагентов (например, аммиачной воды или гидроксида натрия³). Данный способ наименее губителен для рельефа следа, при этом кристаллы, которые могут образовываться можно будет удалять, используя пинцет, как при удалении посторонних предметов из объемного следа.

2. Погружение в воду, заполняющую след, нагреваемых элементов, которые вызовут испарение воды. Однако данный способ имеет смысл применять при работе с большими следами, т. к. в следах небольшого размера могут иметься мелкие рельефные элементы, из которых вода может не испариться.

3. Использование жидкого азота. Как известно, его применяют для заморозки, в том числе крупных объектов. Предлагается следующий механизм: участок рельефа, на котором располагается след, подвергается заморозке с использованием жидкого азота. Далее этот участок вырезается, погружается в холодильную камеру и перевозится в лабораторию, где в дальнейшем идет работа со следом. Кроме того, вода, замерзая по рельефу следа, сама становится его моделью. Естественно, сохранить модель из льда не представляется возможным, или чрезвычайно затруднительным, поэтому при низких температурах в максимально короткие сроки необходимо изготовить ее копию из термоустойчивых материалов. Данный способ весьма трудоемкий, требует особой осторожности, т. к. высока вероятность повреждения рельефа следа, что влечет за собой невосполнимую утрату информации.

Приведенные выше способы не являются универсальными и достаточно эффективными, они неоднозначны. Однако работа в этих направлениях является шагом вперед. Перед криминалистикой стоит сложнейший вопрос, ответ на который ученые-криминалисты должны искать совместно с представителями естественных наук, прежде всего, физики и химии.

Информация об авторе

Березина Екатерина Витальевна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). 66035, г. Иркутск, ул. Советская, д. 1 Ж, e-mail: ber483@mail.ru

---

³ Мухина Т. Н., Барабанов Н. Л., Бабаш С. Е. Пиролиз углеводородного сырья. М., 1987. С. 240.

УДК 340.6
Г 15

Г. В. Галекбаров,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Значение судебно-психологической экспертизы в определении ролей соучастников преступления

В статье анализируется цель и задачи проведения судебно-психологической экспертизы по установлению ролевых позиций участников преступной группы. Автор исследует вопросы, которые ставятся перед экспертами-психологами, анализирует пример практической ситуации и психологические особенности личности главаря преступной группы.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, роли соучастников, преступная группа.

В настоящее время при расследовании групповых преступлений для их правовой квалификации перед следователем и судом стоит задача определения вида преступной группы в зависимости от степени её организованности: группа лиц без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ); группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ); организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ); преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

В этой связи важной составляющей является установление роли каждого участника при совершении групповых преступлений. Понятие «роль» законодателем не используется, однако в юридической психологии под ролью понимается модель поведения, включающая определенные права, обязанности и обязательства, ожидаемые окружающими от него. Законодателем предусмотрены следующие соучастники: организатор, исполнитель, подстрекатель и пособник. Установление данных ролей значимо не только для квалификации деяния, но и в целях индивидуализации уголовной ответственности. Для выяснения обстоятельств уголовного дела, связанных с ролевыми позициями в преступной группе, привлекаются эксперты-психологи с целью производства судебно-психологической экспертизы. Судебно-психологическая экспертиза (далее СПЭ) преступного формирования может назначаться при маскировке участниками своих истинных ролей, стремлении переложить ответственность на других, исказить степень участия в отдельных эпизодах преступной деятельности формирования. В этой связи необходимо проверить показания соучастников, которые могут быть результатом заранее разработанного сценария, в соответствии с которым при провале второстепенный соучастник осуществляет самооговор в расчете на смягчающие для него обстоятельства или на будущую (материальную либо иную) поддержку действительного главаря.

По данным В. Н. Китаевой с судебной психологической экспертизой

преступных групп сталкивались в своей работе всего 25% судей и 16,2 % прокуроров и следователей¹, что, по нашему мнению, является существенным упущением.

Ряд ученых считают экспертный подход в установлении психологических особенностей преступных группы вполне приемлемым². Так, по мнению О. Д. Ситковской проведение СПЭ целесообразно в большинстве таких дел, т. к. суду и следствию сложно оценить латентные взаимоотношений участников организованной группы (сообщества) – в связи с чем возможны серьезные ошибки при решении вопроса о действительном статусе конкретного субъекта преступления³.

Цель данной судебно-психологической экспертизы – выявление в преступном формировании лиц, обладающих выраженными личностными качествами, позволяющими выдвинуться в лидеры, и, наоборот, лиц, имеющих определенные свойства в эмоционально-волевой и интеллектуальной сферах, в силу которых они заняли в формировании подчиненное положение. Особенностью таких экспертиз считается то, что исследованию подлежит не один обвиняемый, а каждый участник преступного формирования, а также уровень влияния группы на отдельных ее членов.

Перед экспертом при исследовании структуры и ролевых функций членов преступного формирования могут быть поставлены следующие вопросы: 1) каковы индивидуально-психологические особенности личности обвиняемых; 2) кто из подэкспертных имеет лидерские качества, организаторские способности и склонность к доминированию; 3) кому из обвиняемых присущи такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, зависимость или повышенная агрессивность, жестокость (в зависимости от того, что интересует следствие); 4) имеются ли в группе социально-психологические признаки высокой организованности, сплоченности, и если имеются, то в чем они конкретно выражаются⁴.

Выявленные психологические особенности членов формирования дают возможность составить вероятный «сценарий» их поведения в ситуации совершения преступления.

В научных исследованиях выделены личностные качества, которые присущи современному главарю организованного преступного сообщества,

---

¹ Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза как основная форма использования психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. криминалистики. 2006. Вып. 4 (20). С. 25–33.

² См.: Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза : метод. руководство. Калуга-Обнинск-Москва, 1997. С. 146–147 ; Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 2000. С. 521–525 ; Нагаев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы : учеб. пособие для вузов. М., 2000. С. 189–192 ; Гецманова И. В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе : учеб. пособие. М. ; Воронеж, 2006. С. 153–163.

³ См.: Ситковская О. Д., Конышева Л. П., Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого и мотивов противоправных действий // Новые направления судебно-психологической экспертизы : справочное пособие. М., 2000. С. 33–35.

⁴ Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Указ. соч. С. 146–147.

это: криминальный опыт, хорошие физические данные, предприимчивость, сообразительность, решительность, склонностью к риску, способностью быстро ориентироваться в новой обстановке и принимать решения в сложных ситуациях, подчинять своей воле других, умением обеспечивать конспиративность готовящихся преступлений⁵. Однако опасность быть разоблаченными формирует у многих из них и такие черты характера, как повышенная подозрительность, мстительность, бескомпромиссная жестокость.

Важно отметить, что для судебно-психологической экспертизы по установлению ролевых позиций в преступной группе большое значение имеет предоставление в распоряжение экспертов видеозаписей следственных действий с показаниями допрашиваемых лиц.

Так, по делу преступной группы из Усолья-Сибирского была проведена судебно-психологическая экспертиза с использованием видеозаписи допроса свидетеля М., который будучи главарем преступной группы долгое время скрывал свою роль, проходя свидетелем по делу об убийствах и грабежах. Из заключения судебно-психологической экспертизы следует, что свидетель по делу о поджоге М. на допросе давал характеристики деятельности преступной группы как опосредованный участник юридически значимых событий, при этом не отрицал осведомленности о них. В ходе беседы М. демонстрировал свою дистанцированность от группы, между тем, допускал оговорки, свидетельствующие об осмыслении (оценке) направленности преступной группы («у них своя обособленная группа, отрицательно-направленная»), а также противопоставлял себя остальным участникам – «они – плохие ребята, т. е. не боятся преступления совершать». Данные факты свидетельствуют об отсутствии горизонтальных отношений между М. и другими участниками событий (А., К., Е., Б.). Кроме того, М. показывает, что не интересовался способом совершения преступлений преступной группой, хотя, учитывая совместное времяпровождение, должен бы был. Данное обстоятельство указывает на то, что М. в большей степени интересовал результат, а не способ его достижения. Случайность (если её предположить) осведомленности М. о результате преступных действий может быть исключена уже потому, что именно случайность чаще всего вызывает естественное любопытство. Таким образом, нежелание знать о способах совершения преступлений являлось для свидетеля М. целенаправленной установкой. Свидетель М. выражено уменьшает степень инициативы своих действий в юридически значимых событиях. Демонстрируя свою обособленность от группы, М., тем не менее, показывает на хорошую осведомленность о личности каждого участника. В данных им характеристиках участников преступной группы присутствуют основные особенности их совместной деятельности и общения. Свидетель М. сообщает, что якобы «главным» в преступной группе являлся А., при этом допускает оговорки, противоречащие этому. Так, свидетель М. называет А. «тренером», говорит о том, что «во всяком случае, к нему прислушиваются».

---

⁵ Шиханцов Г. Г. Юридическая психология. М., 1998. С. 352.

Из материалов же уголовного дела следует, что А. имеет прозвище «Бублик», организаторскими способностями не отличается, малословен, легко подчиняется более сильным, внушаем. Кроме того, с точки зрения криминальной психологии, «главный» человек в преступной группе, как правило, не носит уничижающих прозвищ⁶. Таким образом, проведение судебно-психологической экспертизы помогло в установлении главаря преступной группы, которым оказался М., что было в дальнейшем подтверждено другими доказательствами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что судебно-психологическая экспертиза может оказать существенную помощь при расследовании уголовных дел в установлении главаря преступной группы посредством исследования ролевых позиций в ней, особенностей взаимоотношений между участниками, их личностных характеристик, и даже прозвищ.

Информация об авторе

Галекбаров Герман Викторович – студент 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: Galekbarov.ry@mail.ru

УДК 343.98

Г 15

Я. Б. Галсанова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Использование достижений дерматоглифики в раскрытии и расследовании преступлений

В статье анализируется возможность применения и использования методов дерматоглифики в следственной и криминалистической практике. Обосновывается целесообразность применения дерматоглифических данных при идентификации личности, составлении психологического портрета либо поисковой криминалистической модели личности в целях эффективного расследования и раскрытия преступлений и предупреждении преступности в целом.

Ключевые слова: дерматоглифика, папиллярные узоры, дактилоскопия, криминалистическая диагностика.

На сегодняшний день такое научное направление как дерматоглифика, изучающее вариации папиллярных узоров кожного рельефа, представляет интерес для специалистов из различных областей знаний. Методы дерматоглифики успешно применяются в антропологии, медицине, генетике и криминалистике.

---

⁶ Уголовное дело № 92109 // СО по г. Усолье-Сибирское СУ СК РФ по Иркутской обл., 2014.

Возникнув практически одновременно с дактилоскопией, имея общий объект исследования – гребешковую кожу человека, дерматоглифика и дактилоскопия, однако, развивались обособленно и независимо друг от друга, преследуя разные цели и решая различные задачи. Традиционно целью дактилоскопии считается идентификация личности, тогда как цель дерматоглифики – определение биологических свойств и характеристик личности. Тем не менее, в настоящее время пути данных областей знания нередко пересекаются, поскольку существует объективная необходимость во взаимодействии, «взаимообогащении» дактилоскопии и дерматоглифики. Так, криминалисты зачастую прибегают к методам дерматоглифики при определении характеристик личности по папиллярным узорам (определение пола, роста, возраста и т. д.). Наряду с этим, дерматоглифика также решает криминалистические задачи, связанные с идентификацией личности. Данные положения явились основой оформления такого понятия как «криминалистическая дерматоглифика»¹.

Впервые термин криминалистическая дерматоглифика был предложен В. В. Яровенко в 1996 г., под которой автор понимал систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных средств и методов исследования дерматоглифических узоров в целях получения криминалистически значимой и иной криминалистической информации в целях раскрытия и расследования преступлений². Позднее в работах Т. В. Патрушевой³, Д. В. Исютина-Федоткова⁴ и ряда других авторов развиваются положения о криминалистической дерматоглифике. Так, К. Н. Бадиков указывает, что дерматоглифами выступают направления главных ладонных линий, узоры межпальцевых промежутков, осевые и гипотенарные трирадиусы, дефекты узора в области тенара, дисплазии папиллярных линий⁵. При этом если дактилоскопия рассматривает папиллярный узор и его след как графическое изображение, то дерматоглифика отвечает, почему этот узор или след имеет такой рисунок⁶. Итак, в чем же конкретно кроется значение дерматоглифики при раскрытии и расследовании преступлений?

На сегодняшний день есть объективные данные о существовании корреляции между дерматоглификой и способностями человека к повышенным силовым нагрузкам, выносливости, сложно координируемой деятельности. По дерматоглифическим особенностям возможно установление кровного

---

¹ Яровенко В. В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в дерматоглифике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 1996. С. 40.

² Там же.

³ См. : Патрушева Т. В. Понятие криминалистической дерматоглифики // Дальневосточные криминалистические чтения : сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Яровенко. Владивосток, 2000. С. 90–93.

⁴ См. : Исютин-Федотков Д. В. Криминалистическая дерматоглифика – новый термин в языке криминалистики? // Юрлингвистика. 2011. № 1 (11). С. 429–432.

⁵ Бадиков К. Н. Становление и перспективы развития дерматоглифики в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Владивосток. 2002. С. 44.

⁶ Божченко А. П. Проблемы и перспективы дактилоскопии и дерматоглифики в криминалистической и судебно-медицинской практике // Судебная экспертиза. 2007. № 2 (10). С. 31–32.

родства. Доказано, что в каждом семейном триplete четко прослеживается доминирование характеристик узора одного из одноименных пальцев родителей⁷.

Обнаружена связь дерматоглифических признаков кожных покровов с полом, ростом, конституцией, расой, возрастом человека. Е. С. Мазур разработала собственную методику установления взаимосвязи ладонной дерматоглифики с конституциональными и внешне-опознавательными признаками человека. Автор методики обращает внимание, что топография связей на ладонях у мужчин обусловлена папиллярными узорами в виде ульнарных петель и с наличием двух дополнительных трирадиусов. У женщин в отличие от мужчин установлены связи, обусловленные папиллярными узорами в виде радиальных петель и наличием одного дополнительного трирадиуса⁸. Так, при помощи уравнений прогнозирования внешних характеристик человека возможно с большой долей вероятности предопределить длину тела, длину стопы, диаметр головы, ширину лба, скуловой диаметр. Имея информацию о значениях дерматоглифов, есть вероятность определить цвет кожи, цвет глаз, цвет волос, ширину глазных щелей, толщину губ, степень оттопыренности ушных раковин⁹.

Существуют и иные методы корреляционного анализа, например, определение связи между антропологическими характеристиками и углом наклона оси узора папиллярных линий, причем наибольшее количество таких связей обнаруживается именно среди дуговых узоров. Так, по углу наклона дуги среднего пальца правой кисти можно вычислить диаметр бедра и длину туловища до нижней точки лона; угол наклона дуги безымянного пальца правой кисти коррелирует с шириной плеч и длиной нижней конечности от нижней точки лона; угол наклона дуги большого пальца левой кисти коррелирует с диаметром головы и шириной лица; угол наклона дуги среднего пальца левой кисти корреляционно связан с окружностью грудной клетки и диаметром плеча¹⁰.

По дерматоглифическим данным возможно установить психологический портрет личности, чем занимается психодерматоглифика. Данное направление дерматоглифики довольно успешно развивается, имея особое значение и для криминалистики, поскольку построение поисковой криминалистической модели личности является необходимым условием эффективно-

---

⁷ Фандеев А. Л. Экспертиза родства по признакам дерматоглифики кисти и стопы : автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М. 2005. С. 16.

⁸ Калянов Е. В., Мазур Е. С. Дерматоглифика в криминалистическом описании человека // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. науч. статей / под ред. С. А. Елисеева. Томск, 2009. С. 205–207.

⁹ Мазур Е. С. К вопросу о новых криминалистических методах отождествления человека // Российский следователь. 2013. № 11. С. 40–42.

¹⁰ Клак Н. Н. Пальцевая дерматоглифика в прогнозировании антропометрических данных у мужчин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. № 2 (32). С. 152–156.

го раскрытия преступлений¹¹. Психодерматоглифический анализ направлен, в первую очередь, на диагностику отклоняющегося или девиантного поведения. Имеются данные об особенностях дерматоглифики у лиц, совершающих насильственные преступления на сексуальной почве, преступления против жизни и здоровья. Согласно исследованиям, установлено наличие уклонений дерматоглифики в группе совершивших преступления против жизни и здоровья человека, которые можно рассматривать, по мнению авторов, как генетические маркеры девиантного поведения¹². В частности, у мужчин, осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и убийство, отмечается преобладание частоты встречаемости завитков на указательном пальце левой руки; увеличена частота завитков на среднем пальце левой руки; на среднем пальце левой руки была уменьшена частота ульнарных петель.

Таким образом, данные дерматоглифики и их применение в следственной практике выполняют скорее диагностическую функцию. Так, используя методы дерматоглифики возможно установить пол, рост, примерный возраст, конституцию человека, также может быть отслежена предрасположенность к агрессии, различным видам девиации, что дополнительно создаст примерный психологический портрет личности. Применение в практической деятельности достижений дерматоглифики существенно расширит возможности криминалистического исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Информация об авторе

Галсанова Янжима Баировна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

66035, г. Иркутск, ул. Советская, д. 1 Ж.

УДК 343.98

Г 27

А. А. Гебгардт,

*магистрант 2 года обучения
Юридического института
Байкальского государственного
университета*

Выемка и осмотр изделий и принадлежностей медицинского назначения при расследовании ятрогенных преступлений

Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам производства выемки, осмотра изделий и принадлежностей медицинского назна-

¹¹ Бадиков К. Н. Психодерматоглифика и ее значение в криминалистике // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 1. С. 76–81.

¹² Чистикина Т. А., Ефремов Е. С. Результаты статистических наблюдений дерматоглифических маркеров у осужденных лиц // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии : сб. науч. трудов. Тюмень, 2009. С. 453–456.

чения при расследовании ятрогенных преступлений. Автор раскрывает понятия изделий и принадлежностей медицинского назначения, дает рекомендации по осуществлению выемки и осмотра указанных объектов при расследовании ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ятрогенные преступления; изделия и принадлежности медицинского назначения; выемка; осмотр.

Расследование ятрогенных преступлений или преступлений, совершенных врачами в своей профессиональной деятельности, требует не только специальных знаний в осуществлении расследования в целом, но и отдельных рекомендаций по проведению некоторых следственных действий. К сожалению, методических рекомендаций по производству следственных действий при расследовании данной категории дел очень мало, в связи с этим все чаще появляются сложности в расследовании данной категории уголовных дел.

Наибольший интерес вызывает выемка, осмотр изделий медицинского назначения, так как при проведении данных следственных действий у следователя появляется множество вопросов.

На практике все чаще возникает необходимость в выемке, осмотре изделий, принадлежностей медицинского назначения, которые имеют доказательственное значение для дела. К сожалению, работ, посвященных исследованию данного вопроса, небольшое количество. Как правило, многие авторы, которые так или иначе освещали в своих исследованиях вопросы методики расследования ятрогенных преступлений, затрагивали вопросы об особенностях выемки и осмотра медицинской документации, но вопросам осмотра предметов и изделий медицинского назначения уделяли внимание единицы¹. В то же время, работ об особенностях выемки предметов, изделий медицинского назначения обнаружить не удалось. Тем не менее, изделия и предметы медицинского назначения заслуживают пристального внимания со стороны следователя, так как имеют прямое доказательственное значение. На указанных предметах, в связи со спецификой ятрогенных преступлений, могут оставаться следы биологического происхождения, которые принадлежат потерпевшему; следы лекарственного препарата, которые вводились потерпевшему, также могут доказывать причастность того субъекта, чьи отпечатки обнаружены на предмете, и иные следы оказания соответствующей медицинской помощи, оставление предмета медицинского назначения в теле потерпевшего. Кроме того, сами предметы, изделия медицинского назначения являются материальными следами преступления, которые несут в себе информацию о совершенном преступлении.

Мы попытаемся определить, что включает в себя понятия «изделия ме-

---

¹ См., напр.: Иванова В. Г. Теория и практика расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2017 ; Пристансков В. Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию : монография. СПб, 2005 и др.

дицинского назначения», «принадлежности медицинского назначения», а также сформулировать необходимые рекомендации по выемке и осмотру данных объектов. Об изделиях медицинского назначения писала В. Г. Иванова, которая раскрывала вопрос об особенностях осмотра данного рода объектов, не называя их². Речь идет о видах предметов медицинского назначения.

Однако имеется законодательное определение понятия изделий медицинского назначения. В соответствии со ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» изделия медицинского назначения — это любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека³. Приведенное в Законе определение весьма широкое, но в то же время является исчерпывающим.

Однако законодатель не раскрывает, что следует понимать под понятием «принадлежности медицинского назначения». Исходя из словарного определения термина «принадлежностей», таковыми являются – вещи, предметы, предназначенные для чего-нибудь как составная часть целого, комплекта, набора и т. п.⁴ Следовательно, применительно к медицине, принадлежности медицинского назначения – это вещи, предметы, предназначенные для осмотра пациента, диагностики, медицинских исследований, лечения и принятия профилактических мер, как составная часть медицинских аппаратов, приборов, наборов инструментов и т. д. Например, телескопа, скальпели, иглы Вереща. Принадлежностями медицинского назначения могут быть стерильные простыни, шланг, тубус и т. д.

Следует отметить, что и в криминалистической характеристике ятрогенных преступлений внимание вопросу изделиям, предметам медицинского назначения, как правило, не уделяется. Чаще всего затрагивают вопросы о способе совершения преступления, как об элементе криминалистической характеристики. Представляется, что в рамках данного вопроса следует рассматривать указанные предметы, используемые в качестве орудия соверше-

---

² Иванова В. Г. Указ. соч. С. 139.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ : в ред. от 1 июля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1986. С. 515.

ния преступлений.

Как отмечает В. Д. Пристансков, предметам, изделиям медицинского назначения уделяется внимание при назначении экспертиз. Например, в заключении эксперта должны быть отражены вид орудия или средства, которыми причинены повреждения, механизм возникновения повреждений и т. д.⁵

Многообразие изделий и принадлежностей медицинского назначения не позволяет в рамках данной статьи изложить детальные рекомендации по осмотру каждого предмета. Тем не менее, целесообразно применять не только правила и общие приемы осмотра таких объектов, но и необходимы методические рекомендации по проведению следственных действий при выемке и осмотре данных объектов.

Как упомянуто было выше, В. Г. Иванова рассматривает в своей работе особенности осмотра изделий медицинского назначения, но, к сожалению, становится неясно, в ходе каких следственных действий данные изделия появляются в уголовном деле⁶. Представляется, что одним из таких следственных действий может быть выемка. Важно отметить, что при подготовке к выемке целесообразно привлекать помощь специалиста в силу специфики данных орудий, средств преступления. В дальнейшем данный специалист может быть привлечен к участию в осмотре данных объектов. В связи со специальной областью знаний расследуемого преступления помощь специалиста может заключаться в консультации следователя по вопросам планирования при подготовке к проведению отдельных следственных действий. Привлечение специалиста поможет в поиске интересующих объектов, также поможет разобраться в относимости предметов медицинского назначения к расследуемому преступлению, в описании изымаемого предмета. Иными словами, привлекать к участию в данном случае необходимо специалистов-медиков соответствующего профиля в зависимости от совершенного преступления.

Перед осмотром изделий и принадлежностей медицинского назначения следует ознакомиться с руководством по эксплуатации данных объектов или инструкцией по применению. В начале осмотра стоит изучить упаковку предмета, если таковая имеется, пояснительные надписи, затем описывается сам предмет. Следы биологического происхождения также подробно описываются, если они имеются на таком предмете. При осмотре необходимо применять фото-, видеосъемку. Это сделает описание рассматриваемых предметов в протоколе наглядным, более ясным.

В протоколе осмотра надлежит обязательно указать наименование изделия, назначение предмета, свойства изделия, его функциональные характеристики, условия и возможность использования, маркировочные обозначения, условия хранения, комплектующие его принадлежности.

Таким образом, для совершенствования методики расследования ятро-

---

⁵ Пристансков В. Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию : монография. СПб, 2005. С. 326.

⁶ Иванова В. Г. Указ соч. С. 139.

генных преступлений и повышения эффективности расследования указанных преступлений, представляется необходимым, уделять серьезное внимание тактическим рекомендациям по выемке и осмотру изделий, принадлежностей медицинского назначения.

Информация об авторе

Геггардт Анастасия Анатольевна – магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «Байкальского государственного университета».

664058, г. Иркутск, ул. Алмазная, д. 10, кв. 12, e-mail: anastasiya-dicz2013@ya.ru

УДК 343.98.067

Г 82

А. Ю. Гришанин,

студент 2 курса

Института прокуратуры

*Уральского государственного
юридического университета*

**Ситуационная методика расследования Леонида Яковлевича Драпкина:
наследие советской криминалистики в современных условиях**

Статья посвящена известному ученому, основоположнику теории следственных ситуаций Л. Я. Драпкину. Анализируется его методика расследования, на основании теоретических обобщений и практического применения делается вывод об эффективности методики.

Ключевые слова: ученый-криминалист, расследование преступлений, теория следственных ситуаций, методика расследования.

Раскрытие преступлений во многом зависит от принятия правильных решений в следственных ситуациях. Создание теории следственных ситуаций связано с именем известного ученого-криминалиста Леонида Яковлевича Драпкина¹. Его профессиональный опыт и научные исследования представляют большой интерес для юристов, являются важными с точки зрения преемственности поколений.

Под методикой расследования понимается система методов, приемов и способов, применяемых при расследовании преступлений. Л. Я. Драпкин разработал собственную методику расследования, выявив ряд сложных следственных ситуаций, требующих разрешения при раскрытии преступления, и

---

¹ Л. Я. Драпкин – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, Почетный работник прокуратуры РФ, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЮН, участник Великой Отечественной войны, автор более 360 научных трудов.

определив способы их разрешения². Эффективность способа разрешения следственной ситуации определяется, главным образом, на практике. Представляется необходимым привести конкретные примеры из уголовных дел, раскрытых Л. Я. Драпкиным, подтверждающие эффективность применения способов расследования, составляющих методику.

Проблемная ситуация – комплекс трудностей, препятствующих раскрытию преступления (в основе – семантическая неопределенность). При этом используется результативный версионный метод, который «позволяет разрешать проблемные ситуации, прокладывая «информационно-доказательственный» путь от следов (признаков) преступления к лицам, его совершившим, и иным обстоятельствам», – отмечает Л. Я. Драпкин³. Одним из ярких расследований, проведенных Л. Я. Драпкиным, является раскрытие им убийства бригадира грузчиков Р. Исанаева, труп которого был найден неподалеку от железнодорожной станции Звезда. Экспертами было установлено, что смерть наступила в результате сильного удара, нанесенного в переднюю часть шеи. Перед следователем встала основная задача – найти убийц и доказать их виновность. Л. Я. Драпкин выдвинул следующие версии: 1. Убийство было совершено грузчиками из бригады Исанаева. Следствием предварительно было выяснено, что вечером в ходе распития крепких алкогольных напитков между бригадиром и грузчиками завязалась драка. Исанаев, со слов очевидцев, убежал с территории базы. 2. Убийство было совершено членами ОПГ Н. Кирсанова. Согласно полученным данным в районе станции действовала преступная группа, члены которой совершали нападения на пьяных, снимали одежду, отнимали ценности. 3. Убийство было совершено двумя молодыми людьми. Обходчица В. Филимонова дала следующие показания: в день убийства, совершая обход, обнаружила пьяного мужчину, попробовала оттащить его от железнодорожных путей. Увидев проходивших парней, она попросила оказать ей помощь. Молодые люди согласились, а Филимонова продолжила обход. Когда она вернулась, мужчины и парней не было. 4. Убийство было совершено спортсменом, владеющим единоборствами.

Версии в отношении грузчиков и членов ОПГ Кирсанова были отвергнуты (грузчики были отправлены в медвытрезвитель, алиби членов ОПГ установлено). В результате проверки версии в отношении молодых людей, вызвавшихся помочь В. Филимоновой, были выявлены убийцы (двое парней, один из которых владел приемами самбо)⁴. Таким образом, при расследова-

---

² Хомякова М. Леонид Драпкин: «С детства мечтал стать следователем» : интервью с Л. Я. Драпкиным // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3. С. 7.

³ Драпкин Л. Я. Страницы из дневника следователя // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 135.

⁴ Драпкин Л. Я. Страницы из дневника следователя. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮУ, 2016. С. 11–20.

нии убийств, проблемной ситуацией является выявление убийц и доказывание их виновности, а наиболее эффективный способ ее разрешения – версионный.

В основе конфликтных ситуаций лежат противоречия между следователем и противодействующими ему подозреваемыми, обвиняемыми, другими лицами (стратегическая неопределенность – отсутствие сведений о намерениях сторон). Высокоэффективным методом преодоления конфликта представляется использование тактико-психологических приемов. Л. Я. Драпкин, проводя допросы, мастерски использовал тактико-психологические приемы. В ходе расследования убийства пилота Н. И. Черемушкина грамотное ведение допроса одного из фигурантов дела способствовало установлению личности убийц. Леонид Яковлевич использовал приемы, основанные на убеждении допрашиваемого (предъявление доказательств, разъяснение возможностей следствия), приемы, воздействующие на эмоциональную сферу личности допрашиваемого, базирующиеся на психологическом воздействии (изменение темпа допроса, резкий переход со спокойного ведения диалога на крик способствовали получению следователем необходимых сведений)⁵. Таким образом, для разрешения конфликтных ситуаций (главным образом возникающих при ведении допросов) необходимо использовать тактико-психологические приемы, ставить вопросы, задавать их в определенном порядке и темпе так, чтобы, допрашиваемый выдавал свою причастность к преступлению, передавал необходимую информацию.

Ситуации тактического, оперативного риска обусловлены синтаксической неопределенностью, связанной с трудностями формирования и выбора способа действий и возможностями возникновения случайных помех при реализации этих действий (например, при проведении обыска). В таких ситуациях необходима реализация резервных схем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Действенным будет введение венчурной методики – методики риска, которая и определяет успех следствия. Справедливость утверждений подтверждается следующим случаем. В 1962 г. Леониду Яковлевичу было поручено «подключиться» к расследованию дела о хищении платины. В ходе допроса обвиняемый П. Кашенцев предложил вернуть около 80 г. платины, спрятанных у него в квартире. Было принято решение доставить Кашенцева в квартиру. В стене был найден тайник, в котором хранился сверток с платиной. После завершения процессуальных действий оперативники повели Кашенцева во двор. Однако обвиняемому удалось сбежать. Л. Я. Драпкиным был составлен план розыска. Аэропорт, вокзал были немедленно перекрыты. Во все райотделы города отправлены инструкции и фотографии обвиняемого. Л. Я. Драпкин составил список родных

---

⁵ Драпкин Л. Я. Страницы из дневника следователя. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮУ, 2016..С. 56–57.

и друзей Кашенцева, за ними было установлено оперативное наблюдение. Вскоре Кашенцев был задержан. Составление и реализация резервной схемы действий способствовали поимке опасного преступника⁶. Ситуации тактического и оперативного риска (например, в случае обыска, задержания) часто сопутствуют следствию. Необходимо минимизировать риск путем подготовки и реализации резервных вариантов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Неупорядоченные организационно-управленческие ситуации связаны с прагматической неопределенностью. В таких случаях представляется необходимым планирование, распределение обязанностей и контроль за их исполнением. В практике Л. Я. Драпкина встречались подобные ситуации, например, в деле об убийстве таксиста Беркутова. Леониду Яковлевичу было поручено принять дело к производству, т. к. в прокуратуре района с раскрытием не справились. Разработка Леонидом Яковлевичем плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, распределение обязанностей и установление контроля способствовали раскрытию дела⁷. Таким образом, возникновение неупорядоченных ситуаций связано с непониманием целей и задач, стоящих перед организационной структурой, субъектом следственной или оперативной деятельности, ошибочной оценкой ресурсов и их достаточности для разрешения задач, неправильным выбором организационной структуры деятельности и т. д.

Методика расследования уголовных дел, разработанная Л. Я. Драпкиным, представляется и сегодня практически значимой, позволяет избежать ошибок в расследовании, дает возможность прогнозирования. Системный характер методики позволяет структурировать процесс расследования, выделить в нем следственные ситуации и выбрать наиболее эффективные и реализуемые на практике способы их разрешения. Тем самым обеспечивается принятие следователем правильного решения в следственной ситуации, что способствует раскрытию преступления. Ситуационный подход представляется уникальным сочетанием как теоретических, так и практических основ расследования преступлений. Теория следственных ситуаций – одно из величайших криминалистических изобретений, действенных, эффективных и успешно применяемых на практике.

Информация об авторе

Гришанин Александр Юрьевич – студент 2 курса Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета.
620049, г. Екатеринбург, пер. Курьинский, д. 10, кв. 58,
тел.: 8 (923) 584-29-43; e-mail: grishanin_aleksandr_98@mail.ru

---

⁶ Драпкин Л. Я. Страницы из дневника следователя. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮУ, 2016. С. 87–93.

⁷ Там же. С. 119–128.

**УДК 159.923
К 46**

О. А. Кичеева,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Психологические аспекты коррупции

В статье анализируются некоторые психологические аспекты коррупции, связанные с личностью преступника коррупционной направленности. На примере психологической характеристики личности взяточника автор показывает особенности формирования коррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, личность взяточника.

Коррупция на протяжении существования государственного аппарата сформировала фактор, тормозящий развитие общественных отношений. Во-первых, коррупция – это противоправный институт, который подрывает демократические основы и правопорядок в стране, дискредитирует принцип законности государственного аппарата, а также способствует формированию низкого уровня правосознания. Во-вторых, коррупция наносит огромный вред экономической стабильности, снижая уровень поступления бюджета, что тормозит развитие жизнедеятельности общества. В-третьих, рост коррупции обусловлен низкой вероятностью разоблачения факта коррупционных деяний, а также низким уровнем реализации правовых механизмов борьбы.

На сегодняшний день, несмотря на огромное количество механизмов контроля и влияния, коррупционная деятельность характеризуется обыденностью, особенно в Российской Федерации. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации с 2012 г. показатели статистических данных преступлений, связанных с получением взятки, имеют стабильность в пределах 6000–6500 преступлений в год, что означает, что проблема коррумпированности – это устойчивая проблема, которая трудно искоренима. В связи с этим актуальность изучения психологических особенностей коррупции является существенной составляющей в рассмотрении данной проблемы.

По мнению исследователей, психология коррупции – это сложная многоуровневая система, которая включает в себя элементы, составляющие предпосылки преступления. Ряд авторов традиционно считают, что психологические аспекты коррупции включают в себя следующие составляющие: 1) психологию коррупционного поведения; 2) психологию коррумпирующего поведения (то есть тех, кто дает взятки); 3) отношение общества к проблеме коррупции и к ее конкретным компонентам; 4) социально-

психологические процессы, влияющие на коррупцию¹.

По мнению А. С. Кривченкова, коррупцию следует рассматривать как девиантное поведение публичных должностных лиц, которое вопреки интересам общества и других лиц проявляется в неправомерном использовании существующих у них полномочий, представляющих им возможности, а также иные общественные ресурсы, к которым они получили доступ в связи с достигнутым статусным положением, с расчетом получения выгоды в личных, узко групповых и/или корпоративных целях².

Известно, что психология личности взяточполучателя (взяточника) и взяткодателя имеет существенные различия. Наибольший интерес для исследований представляет личность взяточника, на примере разбора которой рассмотрим формирование его коррупционного поведения.

Коррупционное поведение взяточника детерминируется не только внешними, объективными условиями, а имеет ярко выраженные психологические составляющие и также социокультурные корни, т. е. значительно зависит от внутренних субъективных причин: определенных свойств личности, ее правовых установок, ценностных ориентаций и т. п.³

В современных научных работах довольно часто встречается сравнение коррупционного поведения взяточника с аддиктивным (зависимым) поведением. В частности, психолог Р. Р. Гарифуллин рассматривает коррупцию как «взяточманию», характеризующуюся четырьмя стадиями: «Первая – имеет характер разового получения вознаграждения. На второй стадии возникает зависимость (взяточник ждет этого события, прокручивая в голове образ ситуации получения взятки). На третьей стадии появляются депрессивные признаки, приоритетной остается только одна ценность взятки, которые превращаются в определенный допинг, позволяя испытывать ощущение комфорта. Последняя – четвертая стадия характеризуется тем, что человек отрывается от реальности, теряет чувство сопереживания и уже не радуется тому, что получает. Подобная личность возвращается в реальность «только оказавшись за решеткой»⁴.

В психологической характеристике взяточника выделяют четыре основных аспекта, лежащих в основе формирования его коррупционного поведения: эмоциональный, мотивационный, волевой и межличностный.

Существенной особенностью в характеристике личности взяточника является его эмоциональные свойства. К ним относится, прежде всего, «игровой» аспект поведенческого стереотипа. Психологическое удовольствие от острых ощущений, связанных получением взятки, присуще взяточнику, как

¹ См., напр. : Анненкова Н. В., Камнева Е. В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 68.

² Антонян Ю. М. Криминология : избранные лекции. М., 2004. С. 270.

³ Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.anti-corr.ru/awbreport/> (05.09.2015).

⁴ Гарифуллин Р. Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взяточмании) // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 9–13.

человеку с морально-нравственными отклонениями от социальных норм, а также глубоким эгоцентризмом, присущим ему. Психологическая характеристика личности взяточника связана со слабой устойчивостью к внешним проявлениям и большей подверженностью к внеправовым действиям. Азарт, игра и риск быть изобличенным, нарушение закона, но уход от ответственности, создает эмоционально-насыщенные ситуации, в которых взяточник получает положительные эмоции и удовлетворение.

Корыстный мотив, лежащий в основе коррупционного поведения взяточника, также непосредственно связан с игровым стереотипом поведения. Корысть, т. е. стремление получить материальную выгоду является основной побудительной причиной совершения преступления⁵. Мотив корысти гипертрофируется современными ценностями, диктуемыми с экранов телевизоров и других источников СМИ. В современном обществе закладываются ценностные ориентиры на получении прибыли, таким образом, что смысл жизни заключается в роскоши и богатстве, что определяет в целом мотивационное поведение населения. Выделяют абсолютно идентичные разновидности корыстной мотивации: стремление к материальному комфорту и благополучию; алчность, жадность, стяжательство; личная материальная нужда; уверенность в безнаказанности совершенного деяния; карьеристские устремления⁶.

Волевой аспект поведения взяточника характеризуется умением сознательно регулировать свое поведение и действия, независимо от внутренних и внешних препятствий. Стоит выделить следующие психологические качества волевого аспекта, которые присущи взяточнику: целеустремленность, последовательность, инициативность, активность, находчивость. Несмотря на то, что в целом данные качества характеризуются положительно, однако в сочетании с корыстным мотивом они приобретают негативное значение в точки зрения легкости адаптации взяточника к социуму и сложности его изобличения.

Следует особое внимание обратить на четвертый межличностный аспект поведения взяточника. Проведенное сравнение симптомокомплексов личностных свойств сотрудников, обвиняемых за взяточничество, сотрудников, положительно характеризующихся по службе и сотрудников, входящих в группу повышенного внимания психологов (характеризующиеся скрыто или явно отрицательно с точки зрения коррупционного риска) позволило представить типологию сотрудников коррупционной направленности в зависимости от межличностных особенностей их поведения и мотива социальной полезности⁷:

---

⁵ Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 105.

⁶ Поляков А. В. Психология личности коррупционера (на примере сотрудников органов внутренних дел) // Актуальные проблемы противодействия коррупции. М., 2013. С. 57.

⁷ Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов : монография / под ред. Д. В. Сочивко и Е. Е. Гавриной. М.-Рязань, 2010. С. 225.

1) общительные, дружелюбные, готовые к близким эмоциональным контактам и желающие быть социально-полезными (32% от предложенной выборки);

2) общительные, дружелюбные, готовые к близким эмоциональным контактам и не желающие быть социально-полезными (0% от предложенной выборки);

3) замкнутые, испытывающие эмоциональную отчужденность и не желающие быть социально-полезными (33% от предложенной выборки);

4) замкнутые, испытывающие эмоциональную отчужденность и желающие быть социально-полезными (45% от предложенной выборки).

Следует отметить, что первый тип личности коррупционера чаще всего скрывает преступные мотивы поведения, что способствует успешному совершению ими преступлений коррупционной направленности и сокрытию от выявления данных фактов.

В заключении важно сказать, что психологические характеристики личности преступника коррупционной направленности меняются под влиянием развития ценностей общества: чем больше процент предлагаемых обществом ценностей, связанных с материальной стороной жизнедеятельности человека, тем выше удел преступлений коррупционной направленности.

Информация об авторе

Кичеева Ольга Андреевна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: okicheeva9@yandex.ru

УДК 316.6 : 340.6

К 59

Д. В. Козулина,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Социально-психологическая детерминация правонарушений: к вопросу о соотношении объективных и субъективных факторов

В статье анализируются социально-психологические детерминанты правонарушений в их сопоставлении с объективными и субъективными факторами. Делается вывод о том, что объективные факторы правонарушений, являясь условиями формирования преступной направленности личности, прямо не детерминируют преступное поведение. Только включаясь в личностные, мотивационные структуры человека, объективные факторы могут стать элементами социально-психологической детерминации правонарушений.

Ключевые слова: детерминация, правонарушения, социально-психологические детерминанты, объективные и субъективные факторы.

Правонарушения являются «постоянной составляющей» всех государственных формаций¹ и затрагивают самые различные сферы жизни общества. Причины (факторы) совершения преступных деяний напрямую связаны с дискуссией о том, какое начало в человеке является определяющим: биологическое или социальное. По мнению одних ученых, люди предрасположены к преступному поведению по своему биологическому складу (Ч. Ломброзо)², особенностям строения тела (Э. Кречмер)³. Другие ученые обосновывают отклоняющееся поведение «умственными дефектами», «дегенеративностью», «слабоумием» и «психопатией» (З. Фрейд)⁴. Третьи находят причины преступных девиаций в «конflikте между нормами культуры» (Т. Селлин, В. Миллер)⁵. Поэтому вопрос о причинности правонарушений остается неизменно актуальным.

Очевидно, правонарушение является закономерным результатом целого комплекса факторов (причин): внешних условий жизни правонарушителя и его внутренних (психических) качеств, антиобщественной направленности и индивидуальных наклонностей. Нельзя точно сказать какой из факторов станет определяющим.

В этой связи психологи используют понятие «детерминация», под которой понимаются определяющие (значимые) факторы, то есть такие из них, которые непосредственно связаны с поведением (действием, результатом).

Понятие детерминация происходит от лат. *determinare* и означает «определять». Детерминант соответственно означает «определитель», детерминировать – «определять, обуславливать», а детерминация – «процесс обуславливания, определения». По мнению А. И. Долговой, детерминизм – это признание всеобщей взаимосвязи, взаимодействия всех вещей, объектов, явлений и процессов⁶. В толковом словаре С. И. Ожегова детерминизм определяется как учение о закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы и общества⁷. Иными словами, детерминация правонарушения – это взаимовлияние и взаимодействие различных форм связей, которые обуславливают обстоятельства, условия, причины, порождающие правонарушение, можно сделать вывод о том, что причинность есть сущность, внутреннее

---

¹ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2015. С. 367.

² Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. С. 159–183.

³ Романов В. В. Юридическая психология : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт ; ИД Юрайт, 2015. С. 71.

⁴ Бартол К. Психология криминального поведения. СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 154–155.

⁵ Радюкин Е. Е., Морозова О. А. Основные концепции девиантного поведения в зарубежных источниках // Вестник Санкт-Петербургского универ. МВД России. 2019. № 2. С. 223–232.

⁶ Долгова А. И. Криминология : учебник. М., 2005. С. 235.

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2011. С. 384.

содержание детерминации⁸.

Принято говорить об объективных и субъективных факторах, а также о социально-психологических детерминантах поведения человека. Соотношение между ними не однозначное.

Объективные факторы правонарушения – это то, что находится вне индивида и влияет на его поведение. Они связаны с внешними по отношению к индивиду условиями, способствующими, а иногда провоцирующими проявление антисоциальных связей. Объективные факторы и есть условия, как негативные обстоятельства, создающие благоприятную среду для совершения правонарушения, формирующие причину правонарушения и в сочетании с другими обстоятельствами способствующие формированию следствия⁹.

К отдельным объективным факторам правонарушений можно отнести:

1) негативные явления в экономике, экономические кризисы: обнищание населения, безработица, полярность доходов отдельных социальных слоев;

2) духовный кризис общества, кризис морали: рост жестокости и насилия, отсутствие общих идеологических ориентиров у населения, аномия (точки зрения Р. К. Мертона, аномия представляет собой результат конфликта или рассогласованности между «культурой» и «социальной структурой», нормальными, законными средствами и побуждения к поиску новых (незаконных) способов удовлетворения потребностей);

3) ухудшение генофонда нации;

4) распространение криминального фольклора (вследствие чего человек воспроизводит делинквентное поведение своего непосредственного окружения);

5) недостаточно эффективная работа правоохранительных органов (ненадлежащее выполнение должностными лицами возложенных на них обязанностей)¹⁰.

Субъективные факторы правонарушения связаны с самой личностью правонарушителя. Они находят своё отражение в различных субъективных мотивах (корыстных, насильственных и т. д.) и целях совершения правонарушений (поднятие социального статуса и улучшение материального положения, самоутверждение за счет других и т. д.).

К отдельным субъективным факторам правонарушений можно отнести:

1) особенности характера и эмоционального состояния потенциального правонарушителя (например, повышенная внушаемость и флегматизм в

---

⁸ Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 10.

⁹ Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие. М., 2007. С. 231.

¹⁰ Клейсберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 10.

совокупности могут привести лицо к формированию антиобщественных установок под воздействием среды);

2) акселерация (ускоренные темпы физического развития подростков, которые сопровождаются рассогласованием процессов физиологического созревания организма и социализацией личности);

3) наличие психических аномалий, при которых человек проявляют сниженную способность осознавать и контролировать свои действия вследствие интеллектуальной или эмоционально-волевой патологии (невротические расстройства; остаточные явления черепно-мозговых травм и органические заболевания головного мозга; интеллектуальная недостаточность¹¹);

4) пристрастие к пагубным/вредным привычкам (алкоголизм, токсикомания, наркомания, игромания) и снижение самоконтроля (неспособность контролировать свои эмоции и поведение, усугубленная, например, воздействием алкогольного или наркотического опьянения);

5) низкий уровень правовой культуры и правовой нигилизм (практически полное отсутствие позитивных правовых знаний, избирательный абсентеизм, политический инфантилизм).

Когда речь заходит о детерминации или непосредственных причинах (факторах) правонарушений, то вряд ли можно механически соотносить объективные факторы с социальными детерминантами, равно как субъективные факторы с психологической детерминацией. По нашему мнению, опираясь на основной постулат юридической психологии о том, что причиной правонарушений является неблагоприятное или отрицательное взаимодействие несоциализированной личности и криминальной ситуации, но в большей степени это личностная валентность ситуации, можно сделать следующий вывод: объективные факторы правонарушений, являясь условиями формирования преступной направленности личности, прямо не детерминируют преступное поведение. Только включаясь в личностные, мотивационные структуры человека, объективные факторы (условия) могут стать элементами социально-психологической детерминации правонарушений. Поэтому, как об отдельных, – социальной или психологической детерминации правонарушений, как правило, не говорят, используя более корректное понятие – социально-психологическая детерминация правонарушений.

Информация об авторе

Козулина Диана Владимировна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: Diana_kozulina@mail.ru

---

¹¹ Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003. С. 105.

УДК 316.6 : 343.988

К-68

М. С. Коробейникова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Психологические аспекты виктимного поведения потерпевших по делам против свободы, чести и достоинства личности

В статье рассматриваются и обобщаются некоторые психологические аспекты виктимного поведения по делам против свободы, чести и достоинства личности. В результате чего делается вывод об особенностях поведения потерпевших по делам об общественно опасных деяниях, запрещенных главой 17 Уголовного кодекса Российской Федерации под угрозой наказания.

Ключевые слова: виктимное поведение, психология поведения потерпевших по делам против свободы, чести и достоинства личности.

Виктимология означает буквально «учение о жертве» (лат. *victima* – жертва, лат. *logos* – учение). Виктимность – это «предрасположенность (способность) при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления или неспособность противостоять криминальному поведению»¹. С позиции криминологии и юридической психологии виктимология изучает «личность жертвы, пострадавшей от уголовно-наказуемого деяния, а также характер взаимоотношений с преступником, механизм виктимного поведения, формы и методы защиты от противоправного поведения»².

Наряду с понятием «жертва» используется также такой юридический термин, как «потерпевший», если речь идет об уголовно-процессуальном статусе лица, которому нанесен моральный, имущественный или физический вред в результате преступления. Поэтому совместное (но не тождественное) использование данных понятий в теории юридической психологии и криминологии вполне допускается³.

Психологические аспекты виктимного поведения потерпевших по делам против свободы, чести и достоинства личности, т. е. тех общественно опасных деяний, запрещенных гл. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) под угрозой наказания, имеют ряд особенностей. К данной категории преступлений отнесены: похищение человека (ст. 126), незаконное лишение свободы (ст. 127), торговля людьми (ст. 127.1), использо-

---

¹ Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 1. С. 62–63.

² Шалагин А. Е. Указ. соч. С. 64–65.

³ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 304.

вание рабского труда (ст. 127.2), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128), клевета (ст. 128.1).

Согласно данным официальной статистики МВД России за январь-ноябрь 2017 г. было зарегистрировано 339 случаев похищений людей, из них раскрыто 220⁴. Между тем, не стоит забывать о неточности цифр в связи существованием латентности данной категории преступности. Зачастую родственники потерпевших решают не обращаться в правоохранительные органы по разным причинам, в том числе в связи с утратой надежды на розыск похищенных.

Жертва похищения, как правило, выбирается преступником заранее, это может быть должник; человек, за которого, по мнению преступника, близкие родственники способны заплатить определенную денежную сумму, должностное лицо; несовершеннолетние дети; лицо, обладающее определенными физическими качествами или навыками, в случае, если цель преступника – продажа человека в рабство; человек может быть похищен также для последующего уничтожения или по «заказу» третьего лица⁵.

Лицам, обладающим повышенной виктимностью, по делам о похищениях свойственны следующие психологические характеристики⁶:

1) лица, имеющие лидерские качества, авторитетные личности, к примеру, занимающиеся предпринимательской деятельностью, или работающие в различных коммерческих структурах и получающие от этой деятельности высокие доходы, а также их близкие родственники;

3) лица, склонные к преступному поведению, то есть занимающиеся каким-либо незаконным промыслом и получающие от этого высокие доходы

4) одинокие пожилые люди, инвалиды, а также алкоголики, наркоманы.

Незаконное лишение свободы – преступное деяние, которое отличается от похищения человека лишь одним фактом незаконного изъятия человека из его микросреды⁷. Таким образом, мы можем предположить, что потерпевшие по делам о незаконном лишении свободы обладают виктимностью, если не тождественной, то, по крайней мере, достаточно сходной с потерпевшими по делам о похищениях.

Потерпевшими по преступлениям, предусмотренным ст. 127¹ УК РФ («Торговля людьми»), могут быть как женщины, так и мужчины. Возраст потерпевших также варьируется, ими могут стать как несовершеннолетние, так

⁴ Состояние преступности : январь-ноябрь 2017 г. [Электронный ресурс] // МВД РФ : сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/11830347> (15.01.2017).

⁵ Новикова О. В. Особенности виктимологической характеристики похищения людей [Электронный ресурс] // Современное право : электрон. журн. 2006. № 10. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view> (21.12.2017).

⁶ Там же.

⁷ Тасаков С. В. Преступления против свободы: уголовно-правовые и нравственные аспекты // Вестн. Чуваш. ун-та. 2006. № 4. С. 152–161.

и более зрелые люди. Однако чаще всего жертвами торговли людьми становятся женщины, обладающие повышенной доверчивостью, с низким уровнем образования и правовой культуры⁸.

Потерпевшими по преступлениям, запрещенными ст. 128 УК РФ («Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях»), как правило, становятся одинокие, пожилые люди, обладающие недвижимостью или иными финансами⁹.

Ст. 128.1 УК РФ («Клевета») защищает права обычных граждан, т. к. помимо неё УК РФ содержит в себе нормы, находящиеся в других главах, запрещающие клевету в отношении специальных субъектов. Потерпевшим по ст. 128.1, как правило, может стать человек, вызывающий у другого человека личную неприязнь, обладающий определенной властью и материальным достатком, пользующийся какой-либо популярностью. К примеру, судом Самарской области рассматривалось дело в отношении гражданки, совершившей клевету в связи с возникшей неприязнью¹⁰.

Таким образом, обобщая психологические характеристики потерпевших по делам против свободы, чести и достоинства личности можно прийти к выводу, что, как правило, данные преступления совершаются в отношении лиц, посредством которых можно достичь незаконного материального обогащения или иного получения выгоды. Чаще всего это лица социально незащищенные или же одинокие, доверчивые, но вместе с этим могут обладать как высоким, так и низким уровнем образования, соблюдающие нормы права и, наоборот, нарушающие их, также их поведение может нередко вызывать неприязнь, вызванную разными мотивами, к примеру, мести или зависти.

Информация об авторе

Коробейникова Мария Сергеевна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

E-mail: korobejnikova.mar@yandex.ru

---

⁸ Сутурин М. А., Залуцкая И. В. Жертва в механизме преступления, предусмотренного статьей 127.1 «Торговля людьми» уголовного кодекса РФ. Постановка проблемы // Сиб. юрид. вестн. 2005. № 2. С. 67–70.

⁹ Горлов И. А. К вопросу о субъекте ч. 1 ст. 128 УК РФ [Электронный ресурс] // Интернет-конференции Омской юридической академии : сайт. URL: <http://conf.omua.ru/content/k-voprosu-o-subekte-ch1-st-128-uk-rf> (21.12.2017).

¹⁰ Приговор судебного участка № 107 Самарской области от 12 февр. 2013 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-107-samarskoj-oblasti-s/act-220903673/> (20.12.2017).

УДК 159.9 : 34.01

Л 74

Я. С. Ломач,

*студентка 2 курса Крымского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
(КЮИ (ф) АГП РФ)*

Психологические особенности развития правового сознания у будущих прокурорских работников

В статье рассматриваются теоретические и эмпирические аспекты развития правового сознания студентов. Автором приводятся результаты эмпирического исследования развития правового сознания студентов по сферам жизнедеятельности (бытовая, деловая, гражданская). На основании результатов исследования предлагаются рекомендации по развитию правового сознания в процессе профессиональной подготовки прокурорских работников.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая культура, уровень развития правосознания студентов, сферы правосознания.

В настоящее время одним из основополагающих научных направлений юридической психологии является проблема правосознания, изучение его реального уровня и состояния, ведь в современных условиях социально-экономических перемен уровень сознания и российского общества претерпевает ряд трансформаций. Вследствие этого изучение вопросов правового сознания и правовой культуры у студентов имеет актуальное значение. Проблема развития правосознания приобретает особое значение в процессе профессиональной подготовки кадров для органов прокуратуры Российской Федерации, что обусловлено специфическими особенностями будущей профессиональной деятельности, предъявляющим высокие требования к интеллектуальным, нравственным и личностным качествам прокурорских работников. Актуальность данной проблемы обозначена в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». Важной задачей воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации выступает формирование социально и профессионально значимых психологических и моральных качеств, необходимых для эффективного труда, готовности к выполнению служебных задач в любой обстановке, способности к преодолению трудностей. К профессионально значимым качествам личности в том числе относят и высокий уровень развития правового

сознания выпускников образовательных учреждений прокуратуры¹.

Труд прокурора имеет свои специфические особенности, что относит его к числу профессий, предъявляющих повышенные требования к личности профессионала. К факторам профессиональной пригодности к прокурорской деятельности относят развитое правосознание, доминирование социально значимых мотивов в профессиональной деятельности; честность, принципиальность; ответственность, исполнительность, дисциплинированность. Данный фактор составляют личностные структуры, в первую очередь относящиеся к мотивационной сфере, ценностным ориентациям и установкам в области правовых отношений (правосознание), а также морально-нравственные качества. Таким образом, одной из задач психологического сопровождения профессиональной подготовки будущих прокурорских работников должно выступать изучение актуального уровня сформированного правового сознания и моральных качеств, а также создание условий для развития качеств, необходимых для эффективного труда, способности к преодолению трудностей, безусловному соблюдению ограничений и запретов.

Целью статьи является изучение уровня развития правового сознания будущих прокурорских работников и выработка рекомендаций, направленных на совершенствование профессиональной подготовки.

Правосознание рассматривают как сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. отношениями².

Исследователи отмечают, что правосознание юристов и сотрудников правоохранительных органов имеет качественные отличия от правосознания рядовых граждан. Отличительные особенности связаны прежде всего с профессиональной деятельностью и характеризуются систематичностью, полнотой, детальностью, осознанностью и убежденностью.

Профессиональное правосознание юриста – это научно обоснованная, стройная система правовых знаний, убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей деятельности. Оно формируется в процессе познания правовой системы общества, сущности и роли права; изучения различных юридических дисциплин; практической деятельности по реализации права. Для профессионального правосознания человека характерно усвоение правовых знаний как системы, понимание взаимосвязей различных правовых норм, представление о воздействии права на общественные отношения, на

---

¹ Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора РФ № 114. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

² Ефремова Г. Х. Становление и развитие психолого-правовых исследований правосознания // Актуальные проблемы правосознания в современной России : сб. науч. трудов. Ч. I. М., 2005. С 5.

мотивы поведения личности в правовой сфере³.

Так, профессиональное правосознание играет важную роль в осознании сотрудниками правоохранительных органов целей и задач своей деятельности и ее мотивации. Изучение уровня развития правосознания студентов на этапе профессионального становления имеет высокую практическую значимость, так как результат осмысления полученных данных позволяет разработать комплекс мероприятий правового воспитания обучающихся.

С целью определения уровня развития правового сознания студентов, обучающихся по направлению подготовки «Прокурорская деятельность», было проведено диагностическое исследование. В исследовании приняли участие 80 студентов 1–3 курсов очной формы обучения. Данные студенты изучают отраслевые предметы юриспруденции, которые являются обзорными и направлены на формирование системы представлений о правовой реальности.

В качестве диагностического инструментария была использована методика Л. А. Ясюковой «Правовое и гражданское сознание». Данная методика позволяет оценить сформированность правового сознания и готовность придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях, гражданскую зрелость. Распределение ответов испытуемых по уровню и сферам развития правового сознания представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Уровень развития правосознания
будущих прокурорских работников (%)**

Курс обучения	Сфера правосознания	Бытовая	Деловая	Гражданская	Правовые знания	Общее правосознание
	Уровень					
1 курс	слабый	0	7,7	0	0	0
	средний	7,7	0	30,8	0	15,4
	хороший	7,7	23,1	30,8	16	23
	высокий	84,6	69,2	38,4	84	61,6
2 курс	слабый	0	6,25	25	0	6,25
	средний	18,75	12,5	56,25	12,5	43,75
	хороший	37,5	56,25	18,75	37,5	50
	высокий	43,75	25	0	50	0
3 курс	слабый	5,6	0	11,1	0	0
	средний	11,1	38,9	50	11,1	33,4
	хороший	0	33,3	33,3	22,3	61,1
	высокий	83,3	27,8	5,6	66,6	5,5

³ Раднаева Э. Л., Лихатина А. Л. Правосознание будущих юристов как фактор профессионального становления // Актуальные проблемы правосознания в современной России : сб. науч. трудов. Ч. II / под ред. Г. Х. Ефремовой. М., 2005. С. 63.

Так, результаты исследования сформированности сфер правосознания указывают на то, что для студентов 1 курса наиболее сформированными сферами являются бытовая, деловая и правовые знания. У студентов 2–3 курсов сформированы бытовая сфера и правовые знания. Наименьше развитой для всех студентов выступила гражданская сфера правосознания. Что касается общего уровня правосознания, то из полученных данных отмечается преобладание высокого уровня у студентов 1 курса (61,6 %). У студентов 2 курса высокого уровня развития правового сознания не диагностировано. Большинство студентов 2 курса имеют хороший и средний уровень развития правового сознания. Подобное распределение ответов наблюдается и среди студентов 3 курса: всего 5,5 % имеют высокий уровень правосознания.

Таким образом, правовые установки студентов сформированы неравномерно и функционируют в социально-бытовой сфере, в то время как гражданское и профессионально-деловое сознание еще недостаточно сформировано. Достаточный уровень правовых знаний, выявленный в ходе проведения методики, на наш взгляд, еще не обеспечивает соответствующих поведенческих установок. Так, в целом правосознание студенческой молодежи характеризуется противоречивостью, отсутствием системности и целостности, что указывает на необходимость совершенствования организации и содержания правового воспитания как основного средства развития правосознания, соответствующего профессиональным требованиям.

Целью правового воспитания должно выступать не только приобретение правовых знаний, а также формирование уважения к праву, закону, которое должно опираться на стойкие правовые убеждения, взгляды, оценки, установки, привитие навыков правомерного и социально активного поведения личности в правовой сфере. Наряду с приобретением профессиональных знаний в учебной деятельности для формирования профессионального правосознания особое значение имеют работа студентов в «юридических клиниках», участие в правовой пропаганде в образовательных учреждениях, целенаправленная организованная воспитательная работа в вузе, профессионально-психологическая подготовка, в ходе которой формируются профессионально значимые качества личности. Вышеперечисленные мероприятия помогут сформировать правосознание, характеризующееся целостностью, системностью, способностью к прогнозированию.

Информация об авторе

Ломач Яна Сергеевна – студентка 2 курса Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (КЮИ (ф) АГП РФ).

295011, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9, e-mail: yanalomach@mail.ru

УДК 343.9
М 47

А. С. Мелентьев,

*студент 3 курса
Иркутского национального
исследовательского
технического университета*

Криминалистический подход к изучению особенностей убийств с особой жестокостью, совершенных несовершеннолетними

В данной статье рассматривается криминалистическая характеристика убийств, совершенных несовершеннолетними. Исследуются основные обстоятельства совершения подобных преступлений, анализируются основные причины и мотивы убийств с особой жестокостью, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетний, убийства, преступления, криминалистическая характеристика, орудия преступления.

На сегодняшний день преступность несовершеннолетних является актуальной проблемой как на территории Российской Федерации, так и во всем мире. Как показывают статистические данные ИЦ МВД России, каждое двадцать седьмое из расследованных преступлений (3,7%) с января по сентябрь 2017 г. совершено несовершеннолетними или при их соучастии, а за аналогичный период 2016 г. – 4,3%¹. Существуют различные факторы, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними, в т. ч. убийств. Чаще всего ими являются неблагоприятные условия жизни несовершеннолетних и недостаточное воспитание, в первую очередь, со стороны семьи. Таким образом, преступность несовершеннолетних – это так называемый «сигнализатор» уровня социальной ситуации в России, требующий внимательного изучения.

Переходя непосредственно к рассмотрению вопроса об особенностях убийств, совершаемых несовершеннолетними, стоит отметить, что данные преступления характеризуются проявлением в них немотивированной агрессии и жестокости. В подтверждение этому можно привести дело так называемых иркутских «молоточников». В одной из публикаций «Российской газеты» убийства, совершенные этими двумя молодыми людьми, расцениваются как «убийства без всякой цели»². Действительно, по мнению многих специалистов, действия виновных не имели конкретного мотива, а совершались «из интереса». При этом они нередко сопровождались попытками расчленения тела жертвы.

¹ Статистические данные о состоянии преступности в РФ [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ : официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (17.01.2018).

² Материалы публикаций Российской газеты [Электронный ресурс] // Рос. газ. : официальный сайт издания Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2013/04/11/ohotniki.html> (17.01.2018).

В соответствии с российским законодательством, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет (ст. 20 УК РФ). Интересен тот факт, что преступность несовершеннолетних как явление в целом, всегда привлекала достаточно большое внимание ученых-криминалистов. Именно криминалистика как наука играет важнейшую роль в расследовании преступлений, потому что изучение «следов преступлений» дает возможность извлечь полезные сведения, направленные на установление истиной картины произошедшего, а также выступает отправной точкой всего процесса предварительного расследования.

Криминалистическая характеристика убийств, совершенных несовершеннолетними, включает в себя несколько элементов. Сюда относится характеристика личности самого преступника, способ совершения преступления, время, место, следы и другие аспекты, способствующие качественному проведению расследования. У данной категории преступлений имеются свои специфические черты, характерные именно для несовершеннолетних преступников.

Огромную роль при производстве предварительного расследования играет установление свойств личности виновного. Структура характеристики личности подростка состоит из социально-демографических, нравственно-психологических и биологических свойств. К первым относятся пол, возраст, образование, семейное положение и социальный статус. Несовершеннолетних часто делят на несколько возрастных групп: от 14 до 15 лет, от 15 до 18 лет³. Для каждой возрастной группы характерно определенное поведение. А вот нравственно-психологические свойства – это интересы и стремления личности. Часто для того, чтобы понять, почему подросток совершил убийство, да еще и с собой жестокостью, необходимо знать, какие цели он преследовал в жизни. И, наконец, к биологическим свойствам принято относить физиологическое развитие подростка, т. е. следует учитывать его наследственные факторы, общее состояние здоровья несовершеннолетнего. Важно заметить, что нередко отождествление личности несовершеннолетнего можно произвести по некоторым элементам внешности, одежды, обуви. Данный процесс становится гораздо проще, если виновный имел отношение к молодежным субкультурам, в особенности, если он состоял в них на момент совершения убийства.

Рассматривая субъектный состав анализируемой в данной работе категории преступлений, можно увидеть, что он далеко не однозначен. В связи с этим, убийства, совершенные несовершеннолетними можно разделить на несколько основных групп. Во-первых, это убийства, совершенные индивидуально – как правило, одним несовершеннолетним. Во-вторых, совершенные группой несовершеннолетних. И, в-третьих, такие преступления могут быть

---

³ Усова К. В. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных несовершеннолетними // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности : сб. науч. статей / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 135.

совершены несовершеннолетними совместно со взрослыми. На практике, каждая из данных групп имеет свои криминалистические особенности совершения убийств, в т. ч., с особой жестокостью.

Подобное объясняется разными причинами, одной из которых является мотив преступления. Так, несовершеннолетние совершают убийства из корыстных, хулиганских побуждений, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. По мнению А. Р. Филиппова, в силу различных причин именно корыстные побуждения доминируют в мотивационной сфере несовершеннолетних преступников⁴. Еще для несовершеннолетних специфична мотивация самоутверждения в группе – «лжетоварищество», более всего связанная с низкой культурой досуга и эмоциями⁵. При этом нередко на совершение убийства подростков подталкивает страх, т. е. совершение убийства не является их первоначальной целью. Однако обнаруженные на месте совершения другого преступления (например, кражи), несовершеннолетние, опасаясь наступления ответственности, все-таки совершают убийство.

Криминалистическая характеристика такого убийства показывает, что наиболее часто имеют место два случая: виновный либо машинально наносит удары потерпевшему под воздействием страха, либо ему сознательно приходит мысль об убийстве с целью сокрытия другого преступления. Исходя из этого, такие убийства можно назвать спонтанными. Как правило, из-за того, что убийства совершались под влиянием каких-либо эпизодических обстоятельств, они сопровождаются оставлением множества следов и наличием признаков особой жесткости, объясняемой необдуманно совершаемыми действиями виновных. К тому же в убийствах, совершенных несовершеннолетними, отчетливо выражается факт проявления чувства нетерпения любых помех, возникающих на их пути. Как отмечает И. С. Кошелева, важным обстоятельством, характеризующим рассматриваемую категорию преступлений, является то, что 82% всех убийств были совершены подростками в состоянии алкогольного опьянения, поскольку именно состоянием алкогольного опьянения многие подростки объясняют причину убийства⁶.

Обращаясь к работам исследователей, занимающихся рассмотрением вопроса об орудиях убийств, используемых несовершеннолетними, можно заметить, что наиболее распространенным орудием преступления выступают любые попавшие под руку предметы (обрезки арматуры, топоры, предметы одежды – шарфы, галстуки и т. д., молотки, кирпичи, деревянные палки и многое другое). Также довольно часто в качестве орудия преступления используются бытовые ножи. Что касается локализации ранений при соверше-

---

⁴ Филиппов А. Р. Некоторые вопросы квалификации убийства, совершенного организованной преступной группой несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2014. № 2 (36). С. 43.

⁵ Шайко И. А. Мотивация убийств, совершаемых несовершеннолетними // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 654.

⁶ Кошелева И. С. Организация первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2006. С. 14.

нии убийств несовершеннолетними, то она приходится на шею, грудную клетку и живот. Так как подростки зачастую обладают небольшой физической силой, то они не могут сразу нанести глубокое повреждение, в результате наносятся несколько резанных ран. Затем, понимая, что смерть потерпевшего не наступила от предпринятых ими действий, виновные причиняют жертве и другие повреждения. Как правило, ранения или иные повреждения наносятся до тех пор, пока потерпевший не перестает дышать или издавать хрипящих звуков. Данное обстоятельство и является одной из причин присутствия факта особой жестокости при совершении убийств несовершеннолетними. Моментом совершения преступления является вечернее, или дневное, при отсутствии контроля со стороны взрослых, а также в свободное от учебы время⁷.

Для первоначального этапа расследования таких преступлений характерно изучение достаточных эмпирических данных, их анализ и дальнейшее обобщение результатов. Очень важно на данном этапе выяснить, где последний раз видели потерпевшего, до того, как он был обнаружен на месте преступления, а также постараться узнать его обычный маршрут передвижения от его места жительства до работы, учебы и т. д. Необходимо отметить, что при расследовании убийств, совершенных несовершеннолетними, общие версии выдвигаются значительно реже, чем по уголовным делам об убийствах, совершенных взрослыми. Е. С. Папышева подчеркивает, что большей частью они являются если не персонифицированными, то ориентированными на причастность к убийствам лиц определенного круга, с определенными приметами, чертами поведения, прозвищами и иными признаками⁸.

Итак, криминалистический подход к изучению убийств, совершенных несовершеннолетними, в т. ч., с особой жестокостью, имеет свои особенности. Поэтому для эффективного и качественного расследования таких преступлений необходимо отталкиваться от мотива, движущего несовершеннолетним, способа и орудия совершения убийства. Все это поможет установить хронологию событий совершения преступления и, как следствие, личность виновного.

Информация об авторе

Мелентьев Андрей Сергеевич – студент 3 курса Иркутского национального исследовательского технического университета.

664074, г. Иркутск, ул. Ак. Курчатова, 12,

e-mail: melentjewand@gmail.com

---

⁷ Демашкина Д. Д. Криминалистическая характеристика и методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1 (12). С. 42.

⁸ Папышева Е. С. Методика первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2010. С. 23.

УДК 316.6 : 343.35

М 80

М. А. Морозов,

студент 2 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

**К вопросу о мотивах совершения должностных преступлений
сотрудниками органов внутренних дел**

В статье анализируются вопросы, связанные с мотивами совершения должностных преступлений сотрудниками органов внутренних дел. На основании анализа теоретических положений и обобщения судебной практики делается вывод о некоторых мотивах злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Автор аргументирует значимость выявления данных мотивов.

Ключевые слова: должностные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, мотив.

Совершение преступления сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, свидетельствует об их осознанном противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции¹. Данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации справедлива и не поддается сомнению.

Специфика преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, заключается в возможности совершения ими как «общеуголовных», так и должностных преступлений. К последним из них относятся: превышение и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). В данном случае должностное лицо не только выходит за пределы своих полномочий, но и причиняет существенный вред охраняемым интересам общества в целом и гражданам, в частности². Согласно статистике в первом полугодии 2014 г. сотрудники органов внутренних дел совершили 1757 преступлений (+4%), из них «общеуголовных» – 747 (+1,6%), должностных и против правосудия –

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 24 янв. 2013 г. № 129-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (10.01.2018).

² Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 104.

1010 (+5,4%)³. Указанные обстоятельства обусловили выбор объекта исследования в данной статье.

Под злоупотреблением полномочиями законодатель понимает «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности» (ст. 285 УК РФ). Понятие превышение полномочий включает в себя «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий» (ст. 286 УК РФ). Оба этих деяния влекут существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Не углубляясь в детали дефиниций указанных норм, отметим, что, на первый взгляд, разница между ними не заметна. Данное обстоятельство вызывает проблемы в правоприменительной практике в связи с разграничением составов преступлений. Так, отдельные авторы считают, что «превышение ничем по существу не отличается от злоупотребления, поскольку злоупотребление должностными правами суть их превышение»⁴. Между тем с данным утверждением трудно согласиться, поскольку в рассматриваемых составах преступлений имеется существенное отличие в одном из основных признаков субъективной стороны, а именно – мотивах.

На это обстоятельство указано и в положении Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁵ (далее – Постановление Пленума № 19). Так, в п. 16 указано о том, что для решения вопроса о наличии в действиях виновного признаков состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, необходимо установить мотивы (побуждения) лица, совершившего данное деяние. К таким мотивам относятся: корыстная либо иная личная заинтересованность. Для квалификации по ст. 286, согласно п. 19 указанного Постановления, мотив значения не имеет. Однако, по нашему мнению, это не означает, что мотив вообще не должен быть установлен. Так, согласно положениям пп. 2 п. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) мотив является обстоятельством, подлежащим доказыванию.

Поскольку установление мотивов превышения должностных полномочий не имеет значения для квалификации, то это вполне может быть связано с затруднениями в его выявлении на практике. Следовательно, на сегодняшний день особую актуальность приобретает сфера исследования мотивов

---

³ О мерах по обеспечению собственной безопасности и противодействию коррупции в системе органов внутренних дел Российской Федерации за 6 месяцев 2014 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. М., 2018. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/anticorr/statistics> (10.02.2018).

⁴ Беляев Н. А. и др. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. Л., 1978. С. 266.

⁵ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 12.

должностных преступлений.

Вопрос о мотиве весьма дискуссионный и в науке понимается по-разному. Так, В. В. Романов считает, что мотив – «это побуждение, направленное на удовлетворение значимой для субъекта потребности»⁶. Подобной позиции придерживается М. И. Еникеев, который определяет мотив, как «осознанное побуждение к достижению определенной цели»⁷. Иное содержание в понятие мотива вносит К. Обуховский, который под мотивом понимает «объяснение причин действия»⁸. Ю. М. Антонян указывает, что мотив в первую очередь отражает «внутреннюю непосредственную причину преступления, выражающую личностное отношение к тому, на что направлены преступные действия»⁹.

Согласно положениям Постановления Пленума № 19, внутренней непосредственной причиной злоупотребления полномочиями является корыстная или иная личная заинтересованность. Корыстная заинтересованность включает в себя стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить выгоду имущественного характера, которая не связана с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение кредита полицейским либо иных льгот, освобождение от возврата имущества, уплаты налогов и т. п.). Иная личная заинтересованность – это стремление извлечь выгоду неимущественного характера (карьеризм, семейственность, попытка заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса либо скрыть свою некомпетентность и т. п.).

Для того чтобы определить мотивы превышения должностных полномочий необходимо проанализировать судебную практику. Так, Пермским районным судом было установлено, что старший лейтенант N, явно превышая свои должностные полномочия, применил в отношении M специальное средство, ограничивающее подвижность – наручники, а именно пристегнул его к решетке накопителя в унижающем человеческое достоинство положении – сидя на полу, в котором M, испытывая сильную физическую боль, оставался на протяжении более получаса¹⁰.

Несмотря на то, что суд не указал на мотивы преступления, однако, непосредственной причиной такого поведения можно считать демонстрацию своего превосходства, обусловленного наличием властных полномочий. Аргументы в пользу данной трактовки исследуемого мотива заложены в самом слове «превышение», а именно превосходной степени, выраженной в приставке «пре» и корне «выше». Демонстрация своего превосходства, того, что ты выше других в условиях, не связанных с исполнением долга, мотивом

⁶ Романов В. В. Юридическая психология : учебник. М. 2004. С. 218.

⁷ Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. М. 2004. С. 215.

⁸ Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. С. 16.

⁹ Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М, 2006. С. 138.

¹⁰ Приговор Индустриального районного суда г. Перми (Пермский край) от 30 июня 2017 г. № 1-211/2017 по делу № 1-211/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wOLTvyRbnbQV> (10.02.2018).

преступления, предусмотренного составом ст. 286 УК РФ считаться не будет.

В ряде случаев суды все же устанавливают мотивы превышения должностных полномочий. Так, Малоपुरгинский районный суд установил, что основанием применения насилия сотрудником полиции Р. явилось внезапно возникшее неприязненное отношение к гражданину К., который, не выполнив требование об остановке, совершил столкновение со служебным автомобилем¹¹. В данном случае неприязненное отношение (как отрицательная эмоция) побудило (мотивировало) действия в виде демонстрации превосходства, тем самым удовлетворив потребность сотрудника полиции показать (продемонстрировать) гражданину К. своё неприязненное отношение.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что часто встречаемым мотивом совершения преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, является демонстрация превосходства.

В заключении отметим, что выявление мотивов совершения должностных преступлений сотрудниками органов внутренних дел является важной составляющей правоприменительной практики, требующей отдельных теоретических исследований и глубокого анализа основ психологии мотивации.

Информация об авторе

Морозов Максим Андреевич – студент 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: mahmorozov1998.1@mail.ru

УДК 159.9

Н 28

П. А. Нарышкин,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Психологический портрет личности кибертеррориста

В статье анализируются психологические особенности личности кибертеррориста. Автор аргументирует значимость выявления социально-психологических особенностей личности кибертеррористов с целью эффективной борьбы с негативным воздействием в информационном пространстве, а также своевременным предотвращением кибератак.

Ключевые слова: киберпространство, личность кибертеррориста, кибератака.

Одним из важнейших достижений человечества является создание новых информационных систем, которые обеспечивают коммуникационные

---

¹¹ Приговор Малоपुरгинского районного суда Удмуртской Республики от 29 июня 2017 г. № 1-96/2017 по делу № 1-38/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/y6Pqft0Abq5Q> (10.02.2018).

возможности и позволяют облегчить трудовую деятельность людей. Однако информационные системы, поддерживающие функционирование информационного пространства (киберпространства), помимо выполнения общественно-значимых задач, стали беспощадным орудием массового негативного психологического воздействия в руках террористов. Деятельность террористов всегда связана с устрашением мирного населения и сопровождается шантажом и провокациями по отношению к государственно-властным структурам. Новейшие информационно-коммуникационные инфраструктуры, особенно сеть «Интернет», позволили террористическим организациям выйти на совершенно иной уровень для достижения своих целей, главной из которых является подрыв общественного и государственного строя, социальная дестабилизация. Поэтому в XXI в. терроризм как явление социальной действительности претерпел значительные модификации, в частности, проникновение его в Интернет-пространство стало причиной возникновения так называемого кибертерроризма.

До сих пор в науке не сложилось единого определения дефиниции «кибертерроризм». В законодательствах многих стран не закреплено данное понятие. Объясняется это тем, что кибертерроризм – явление нового толка, которое продолжает осмысляться учёными. Тем не менее, интерес к данной проблеме лишь возрастает. Проблеме разработки понятия «кибертерроризм» уделили своё внимание такие отечественные и зарубежные учёные как В. А. Голубев, Ю. В. Гаврилов, Л. В. Смирнов, Д. Б. Фролов, В. А. Мазуров, У. Тафойа и др.

В последнее десятилетие прошлого века были сообщения о том, что члены некоторых исламских экстремистских организаций пытаются развить хакерские сети для оказания компьютерной поддержки и организации информационных войн в будущем. Были также неподтвержденные сообщения о том, что при атаке на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. террористами-камикадзе система ПВО США была временно выведена из строя компьютерными хакерами «Аль-Каиды». По мнению сотрудников Международного института антитеррористической политики, террористы уже использовали или в состоянии использовать такие средства нападения, как компьютерные вирусы, «черви», «тройанские кони» и «логические бомбы»¹.

Следовательно, главной задачей правоохранительных органов в борьбе с кибертеррористами остаётся своевременное предупреждение кибератак, а также пресечение данной незаконной деятельности. В этой связи весьма актуален вопрос об определении мотивов кибертеррористов. А выявить мотивы, в свою очередь, нам помогут знания психологических особенностей данных преступников, которые поспособствуют в дальнейшем определить и ликвидировать террористическую организацию или группировку.

Сложилось общее представление о том, что кибертеррористы – это ха-

---

¹ Белоножкин В. И., Остапенко Г. А. Информационные аспекты противодействия терроризму. М. : Горячая линия-Телеком, 2009. С. 11.

керы, IT-специалисты, которые подвержены влиянию террористической и экстремистской идеологии и которые находятся в рядах террористических организаций или группировок. Как показывают опросы самих хакеров, на первом месте среди мотивов своего поведения они называют познавательный (поработать на более мощном компьютере, узнать, как работает та или иная программа); кроме того называются корысть, стремление расчитаться с работодателем, добиться признания своих способностей, выразить себя, пусть даже во вред окружающим².

Результаты опроса среди жителей г. Иркутска, который был проведен нами в январе 2018 года, весьма явно подтверждают в большей степени наличие корыстных мотивов у кибертеррористов. Не меньшая часть опрошенных считают, что кибертеррористы – это люди, разочарованные жизнью, стремящиеся отомстить другим, реализуя свой потенциал в преступном мире.

Среди распространённых действий кибертеррористов в сети «Интернет» является вербовка других лиц с целью пополнения численности террористических организаций или группировок, вовлечение новых последователей террористической идеологии. Так, выделяют ряд социальных и психологических факторов, которые обеспечивают вовлеченность в кибертеррористическую деятельность. Среди них выделяют следующие:

– использование различных психологических технологий, которые направлены на изменение сознания (способ внушающего воздействия, идеологическая обработка и т. д.);

– механизм групповой идентификации, который позволяет людям с ущербной самооценкой почувствовать себя сформированной личностью, приобщаясь к числу «избранных, призванных к исправлению мира»;

– поглощение человека социальной ролью – возникает «коллективная мысль», содержание которой без критики и какой-либо попытки самостоятельности разделяется членами группы. Противопоставление определяет главное содержание этой мысли. Весь мир делится на «наших» и «не наших». «Наши» и «не наши» часто соединяются средствами карикатуры. Все, что исходит от «наших», любые их высказывания и действия, безраздельно одобряются. Все, что исходит от «не наших», бурно обсуждается, презирается и объявляется порочным. Любая информация, которая противоречит такой железной установке, блокируется и не воспринимается;

– конфликтные ситуации, особенно с органами правопорядка, довольно часто носят криминальный и асоциальный опыт³.

Психологи выделяют ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами и рычагами вступления индивидов на путь кибертерроризма: защита своего «Я», путём постоянной агрес-

---

² Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. М., 1998. № 1. С. 89–100.

³ Мусийчук С. В., Мусийчук М. В. Социальные функции механизмов юмора в политической карикатуре [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 4. URL: <http://domhors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-politika-ekonomika-pravo> (12.02.2018).

сивной и оборонительной готовности; недостаточная личная идентичность, низкая самооценка, элементы расщепления личности; сильная потребность в групповой самостоятельности или принадлежности; переживание из-за социальной несправедливости; склонность проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность, отчужденность, ощущение нахождения на краю общества и потери жизненной цели и смысла существования⁴.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам:

– во-первых, кибертерроризм – это феномен социальной действительности, обусловленный проявлением негативного воздействия в информационном пространстве на неопределённый круг лиц с целью достижения идеологических, экономических, политических и иных выгод;

– во-вторых, определение психологических особенностей личности кибертеррористов носит практический характер, т. к. это позволит эффективно проведению оперативно-розыскных мероприятий, что в свою очередь ориентировано на выполнение задач по обеспечению национальной безопасности.

Информация об авторе

Нарышкин Пётр Алексеевич – студент 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

E-mail: pyoter.naryshckin@yandex.ru

УДК 343.98

П 38

К. В. Плиткина,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Тактика допроса несовершеннолетнего с отставанием в психическом развитии

В статье освещены основные проблемы, возникающие при допросе несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. Автор акцентирует внимание на важности предварительной подготовки этого следственного действия, а также предлагает определенный этапы подготовки и проведения допроса.

Ключевые слова: тактика допроса, несовершеннолетние с отставанием в психическом развитии, криминалистическая тактика.

По данным, которые содержатся в докладе «О положении детей в РФ»

---

⁴ Психологи о терроризме : материалы круглого стола // Психологический журнал. 1995. № 4. С. 35–38.

Министерства образования в РФ 331 444 отстающих в психическом развитии обучаются в 13 778 коррекционных классах и специальных учреждениях, в которых созданы особые условия для образования и воспитания несовершеннолетних. Это говорит нам о том, что на одном из допросов следователя может быть допрашиваемый с такими особенностями. Тактика допроса несовершеннолетнего, отстающего в психическом развитии, должна быть детально проработана, так как такие участники допроса нуждаются в особом подходе к пониманию.

Допрос – это следственное действие, в процессе которого следователь получает от допрашиваемого (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого) словесную информацию об обстоятельствах события преступления и других фактах, имеющих значение для установления объективной истины и обеспечения правильного применения закона.

Так в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК участие педагога или психолога обязательно при допросе несовершеннолетнего, который не достиг 16 лет, либо достиг, но имеет отставание в психическом развитии. Здесь же можно говорить о пробеле в УПК, т. к. он не содержит положений о том, в каких ситуациях присутствует педагог, а в каких психолог. Скорее подразумевается, что в местностях, где дефицит кадров психологических специальностей или не представляется возможным доставить психолога на допрос несовершеннолетнего, альтернативным вариантом может быть привлечен педагог.

В доктринальных источниках по разному подходят к решению этого вопроса, к примеру, Э. Б. Мельникова считает, что «более полезен в таких допросах психолог либо психотерапевт, т. к. его участие позволит достигнуть полноты допроса»¹. И. И. Мамайчук говорит о том, что нужен психолог с определенной специализацией: «... детский психолог с практикой общения с такими детьми»². И. В. Геуманова, С. Г. Любичев и А. Н. Попов предложили исключить педагога из процесса допроса за его ненужностью, т. к. психолог может осуществить и педагогические функции.

В литературе существует множество описаний приемов, которые советуют применять практические психологи в отношении допроса несовершеннолетних, но, к сожалению, нет тактики допроса, адаптированной под несовершеннолетнего с отставанием в психическом развитии, а ведь это очень важный вопрос, который требует детального изучения и рассмотрения, потому что такие дети имеют свои психические особенности.

Предлагаем использовать следующие этапы при подготовке к допросу несовершеннолетних отстающих в психическом развитии.

1 этап – изучение материалов уголовного дела. На этом этапе мы определяем процессуальное положение несовершеннолетнего – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель, т. к. это может повлиять на дальнейший ход допроса.

---

¹ Мельникова Э. Б. Участие специалиста в следственных действиях. М., 1964. С. 77–78.

² Мамайчук И. И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 34–36.

2 этап – изучение личности допрашиваемого. В этот этап входит сбор информации о несовершеннолетнем: справки из психоневрологического диспансера, характеристики из школы и дополнительного образования, характеристика от родителей, отношение к социальным ценностям. На этом же этапе следует определить предмет допроса – круг обстоятельств, которые необходимо выяснить путем допроса³.

3 этап – определение места и времени допроса. Психологи советуют допрашивать малолетних в привычной для них обстановке дома или в школе, для детей возраста 14+ советуют использовать кабинет следователя, т. к. это позволит показать, что разговор пойдет о важных вещах, что подтолкнет к осознанию чувства серьезности. Время допроса стоит выбрать как можно ближе от времени совершения преступления, т. к. несовершеннолетние легко поддаются внушению со стороны, подменяя свои высказывания чужими.

4 этап – определение круга участников допроса. Так в соответствии с УПК на допросе могут присутствовать законные представители несовершеннолетнего, защитник, педагог или психолог. В ходе допроса в зависимости от того, какие отношения складываются у несовершеннолетнего с иными лицами, присутствующими на допросе, они помогут установить психологический контакт следователя с допрашиваемым⁴.

5 этап – подготовка плана допроса. На этом этапе необходимо обобщить все имеющиеся сведения по делу, сведения, которые противоречат друг другу, определить сведения, которые нуждаются в дополнении по ходу допроса.

После того, как специалист обозначил подготовительную часть, можно приступать к основной части. Основная часть зависит от того к какой группе по отношению к событиям принадлежит допрашиваемый. В зависимости от процессуального положения выделяют 3 группы⁵:

- а) очевидцы и иные свидетели;
- б) потерпевшие;
- в) подозреваемые/обвиняемые.

В первом случае, предпочтительной формой допроса будет форма свободного рассказа, дополнительные вопросы следует задавать после того, как свидетель закончит рассказ. В случае, когда требуется задать дополнительные вопросы лучше всего, заранее проконсультироваться с участвующим в допросе психологом, так как он поможет преподнести вопрос так, чтобы допрашиваемый смог уяснить суть и дать правильный ответ. Нельзя допускать наводящих вопросов, так как несовершеннолетние, отстающие в психическом развитии, легко поддаются внушению⁶.

---

³ Сkachko O. Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. Саратов, 2005. С. 134.

⁴ Макаренко И. А. Криминалистические учения о личности несовершеннолетнего обвиняемого. Саратов, 2006. С. 78.

⁵ Герасимов И. Ф. Криминалистика : учебник для вузов. М. : Высшая школа, 2010. С. 455–470.

⁶ Амаcьянц Р. А., Амаcьянц Э. А. Интеллектуальные нарушения : учебное пособие. М. : Педагогическое общество России, 2004. С. 123.

Во втором случае, необходимо учитывать, что потерпевший, который обычно заинтересован в исходе дела, в состоянии отставания в психическом развитии может не осознавать опасный характер действий, направленный против него⁷.

По отношению же к несовершеннолетнему обвиняемому / подозреваемому тактика проведения допроса будет различаться в зависимости от того какая позиция будет у самого допрашиваемого.

Когда у допрашиваемого и следователя не возникает конфликтной ситуации, следует применять следующие тактические приемы.

1. Так как необходимо детализировать обстоятельства совершения преступления и роль самого несовершеннолетнего, следует использовать уточняющие вопросы, причем, стараться зацепить их за яркие действия и события, т. к. допрашиваемый легче запоминает именно яркие обстоятельства дела.

2. Необходимо выслушать рассказ по собранным доказательствам, при этом лучше визуализировать упоминания о них, так как зрительный образ лучше осознается несовершеннолетним, таким образом, если имеются противоречия, их можно устранить в ходе такого опроса.

3. Также необходимо допросить несовершеннолетнего по обстоятельствам, которые могли привести к общественно опасному деянию, поведения участников событий до и после совершения преступления.

4. Не стоит требовать рассказа о наиболее жестоких и циничных действиях, так как это может привести к психической травме⁸.

В ситуациях, когда несовершеннолетний отрицает причастность и не осознает ее, возможно использование следующих приемов.

1. Изложение цепочки взаимосвязанных доказательств. Их следует расположить по нарастающей значимости, но тем не менее они должны быть неразрывно связаны логически⁹.

2. Приводить факты, напрямую доказывающие вину несовершеннолетнего и его соучастников, которые не уличают, а раскрывают механизм преступления.

Таким образом, мы видим, что допрос несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии, существенно отличается от допроса других категорий лиц. Вместе с тем, очень важно сознавать, что правильная тактика при проведении этого следственного действия зачастую имеет решающее значение для полноты, объективности и всестороннего изучения обстоятельств дела и принятия законного и обоснованного решения.

---

⁷ Детская психиатрия : учебник. М. : К. : ВСИ «Медицина», 2012. С. 37.

⁸ Козловская Г. В. Задержки психического развития. Патология психического развития / под. ред. А. С. Тиганова [Электронный ресурс]. URL: <http://ncpz.ru/lib/54/book/36/chapter/20> (03.01.2018).

⁹ Кузьмина Е. А., Семенчукова Л. Л., Лоскутова Н. В. Сборник методических рекомендаций для организации специальной (коррекционной) работы с учащимися с особыми образовательными потребностями [Электронный ресурс]. М. : 2010. URL: <http://vozmog.ru/text/metodicheskie-rekomendacii-dlya-organizacii-specialnoj-korrekcii/page-1> (03.01.2018).

Информация об авторе

Плиткина Кристина Владимировна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

УДК 159.9 : 34.01

П 40

Н. И. Плюснин,
студент 2 курса
Института прокуратуры
Уральского государственного
юридического университета

**Некоторые аспекты психологического воздействия (рефрейминг)
в судебном процессе**

В статье рассматривается один из популярных приёмов психологического воздействия – «рефрейминг», имеющий признаки скрытой целевой установки воздействующего лица, как правило, не осознаваемой участником уголовного разбирательства, на которых он направлен. В популярной психологической литературе рефрейминг называется приёмом языкового манипулирования. По мнению автора, участники уголовного судопроизводства должны быть осведомлены о признаках и проявлениях подобных приёмов в целях осуществления противодействия и необходимого пресечения во избежание негативных последствий.

Ключевые слова: психологическое воздействие, манипуляция как скрытое психологическое воздействие, рефрейминг.

На современном этапе развития уголовного судопроизводства процедура судебного разбирательства подробно регламентирована законодательством. Однако, несмотря на детальную регламентацию судебной деятельности и совершенствование законодательства, до сих пор остаются проблемными вопросы, касающиеся психологического воздействия, которое осознанно или не осознанно оказывается участниками судебного процесса друг на друга. Сегодня все чаще те или иные приёмы психологического воздействия в судебном процессе становятся предметом научных дискуссий.

Благодаря бурному развитию психологической науки, а также психологии популярного жанра, в свет выходят книги, содержанием которых являются методы и приёмы скрытого психологического воздействия. Многие из данных методов и приёмов не получили должной оценки в науке, но, между тем, данные методы быстро проникают в практическую деятельность людей, в том числе, деятельность юристов.

Скрытое психологическое воздействие в психологии принято называть «манипулированием». Данный метод приобрел отрицательную репутацию, поскольку при его использовании цели для объекта воздействия всегда скрыты, воздействующий желает получить выгоду для себя в обход желаниям и интересам того, на кого данный метод направлен.

Один из ставших популярным в практике уголовного судопроизводства стал такой приём скрытого психологического воздействия, как рефрейминг. В популярной психологической литературе рефрейминг называется приемом языкового манипулирования. Средства и механизмы, лежащие в основе рефрейминга, служат показателями убедительности аргументации сторон в уголовном процессе, без фактического наличия аргументации.

Рефрейминг в ряде источников называется методикой, изменяющей понимание, мнение личности для придания ему в дальнейшем другого значения¹. По мнению одного из авторов нейролингвистического программирования Р. Бендлера, говорящий при описании окружающего мира использует такие слова и выражения, которые определенным образом программируют смысл услышанного. Иначе говоря, при помощи подходящих слов и выражений можно изменять внутреннюю модель мира слушателей, формировать у них разные точки зрения, представления, взгляды, убеждения на определенные ситуации, явления, события и факты².

Из вышесказанного следует, что рефрейминг является одним из приёмов психологического воздействия, использование которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. При этом, цели воздействующего лица могут быть как позитивными, так и негативными.

Основным психофизиологическим механизмом, лежащим в основе рефрейминга, является влияние на бессознательные процессы психики человека³. Известно, что всякая информация, воспринимаемая индивидом, хранится в памяти⁴, как на сознательном, так и бессознательном уровне⁵. Прием рефрейминга рассчитан на то, чтобы вызвать бессознательные образы слушающего, побудить его воспринимать картину так, как выгодно говорящему.

Г. В. Бороздина в качестве примера психологического воздействия с применением рефрейминга приводит дело, в котором участвовал знаменитый русский адвокат Ф. Н. Плевако, владеющий в совершенстве ораторским искусством и мог несколькими вопросами изменить отношение присяжных к рассматриваемому делу. В частности, Ф. Н. Плевако, обратился к присяжным с такими словами: «Уважаемые господа присяжные! Не мне напоминать вам о том, сколько испытаний выпало на долю нашему государству, и в скольких из них Россия вышла победительницей. Устоев Российской империи не смогли подорвать ни татаро-монгольское нашествие, ни нашествие шведов,

---

¹ Бендлер Р. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий [Электронный ресурс] // Online-knigi.com. URL: <http://online-knigi.com/page/53784?page=1> (02.02.2018).

² Там же.

³ Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивидов и масс [Электронный ресурс] : www.mediagram.ru. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_1eaef80e566efbfa04 (31.01.2018)

⁴ Там же.

⁵ Фрейд З. Толкование сновидений [Электронный ресурс] // e-libra.su. URL: <http://e-libra.su/read/178345-tolkovanie-snovidenij.html> (31.01.2018).

турок, французов. Как вы думаете, вынесет ли Российская империя одну французскую булку?»⁶.

Л. А. Скабелина приводит различные классификации видов психологического воздействия, в том числе, с применением рефрейминга, которые часто применяют адвокаты в судебных процессах. Кроме того, приводит примеры проведения судебно-психологических экспертиз психологического воздействия, если в связи с допустимостью границ воздействия возникает спор у сторон. По ее мнению в России давно назрела необходимость в законе, регламентирующем применение психологического воздействия⁷.

Одним из важных направлений коммуникативной подготовки современных специалистов является формирование у них знаний, умений и навыков по своевременному распознаванию и разоблачению различных способов негативного (недобросовестного) манипулятивного психологического воздействия.

Такая подготовка особенно необходима для адвокатов, прокуроров и судей, чтобы они могли своевременно обнаружить и пресечь различные способы негативного манипулятивного психологического воздействия на присяжных.

Так В. В. Мельник в своей работе «Ведение защиты в суде с участием присяжных заседателей»⁸ отмечает, что в условиях состязательного судопроизводства существует только один способ защиты от недобросовестного использования другой стороной рефрейминга, – публичное разоблачение используемых им приемов языковой манипуляции. Действенность различных приёмов рефрейминга, основанных на языковом манипулировании, их «магическое» влияние на сознание присяжных заседателей пропадает или резко снижается, как только процессуальный противник или судья обратит на них внимание слушателей и раскроет им речевые средства и механизмы языковой манипуляции.

В завершении необходимо отметить, что тактику (как следственную, так и судебную), основу которой составляет психологическое воздействие, законодательному регулированию вряд ли полностью возможно придать. Достаточно того, что законодателем установлены рамки допустимости психологического воздействия, критериями которых является отсутствие наводящих вопросов, оказания давления, шантаж, угрозы и т. д. Между тем, сторонам важно уметь вовремя распознать скрытый прием психологического воздействия, суметь его пресечь и предотвратить его последствия, которые могут выразиться в конкретных решениях суда и присяжных заседателей.

---

⁶ Бороздина Г. В. Психология делового общения : учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2006. 224 с.

⁷ Скабелина Л. А. Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография // [Электронный ресурс] // lawlibrary.ru. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2258800.html> (02.02.2018).

⁸ Мельник В. В. Ведение защиты в суде с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс] // 5fan.ru. URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=20398> (01.02.2018).

Информация об авторе

Плюснин Никита Игоревич – студент 2 курса Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ)
620137, Екатеринбург, Июльская, 18,
e-mail: cool.nikitos-dzaraki@yandex.ru

УДК 340.69

Р 25

Я. Д Ратов,

аспирант юридического факультета
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского

**Технология решения типовых задач
в судебно-бухгалтерской экспертизе**

В статье поднимается проблема технологии диагностического исследования в судебно-бухгалтерской экспертизе. Предложена концепция диагностики, которая должна лежать в основе формирования общей и частных методик судебно-бухгалтерских исследований.

Ключевые слова: судебная бухгалтерия, криминалистика, диагностика, экспертиза.

В современных условиях развития судебно-бухгалтерской экспертизы существуют проблемы методического обеспечения, в основе решения которых лежит правильное понимание процесса диагностического исследования в данной области. Целью диагностики в судебно-бухгалтерской экспертизе является решение задач доказывания и выявления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Решение указанных задач достигается в процессе диагностического исследования хозяйственно-учетной деятельности организации, при этом исследование направлено на выявление и исследование замаскированных и неявных признаков.

Традиционно под диагностикой понимается распознавание, различение, определение, Ю. Г. Корухов определял суть диагностики, как процесс, основанный на распознавании объекта, сходного уже с известным, и выделения из его числа подобных, приводящих к его окончательному определению как объекта диагностирования, его свойств, состояния, изменений, связи с внешней средой и т. п.¹ Судебно-бухгалтерская экспертиза является диагностическим исследованием, сутью которого является изучение системы бухгалтерского учета организации, распознавании явлений, происходящих внутри хозяйственной деятельности организации, сопоставление выявленных данных с уже известными базами данных.

Научные положения в судебно-бухгалтерской экспертизе, посвящен-

---

¹ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практич. пособие. М. : НОРМА- ИНФРА-М, 1998. С. 29.

ные диагностическому исследованию, существуют, но раскрывают данный процесс с позиции оперативного или следственного работника. Диагностическое экспертное исследование представлено в работах многих ученых, но определение понятия диагностического исследования в судебно-бухгалтерской экспертизе и его раскрытие понимается по-разному. Для совершенствования методики экспертного исследования необходимо определиться с понятием диагностики в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы. Во-первых, это метод познания, во-вторых, это средство познания, в-третьих, это процесс познания. Диагностика, как метод познания, является способом познания окружающей действительности путем изучения отражений событий и явлений во внешнем мире. Как средство познания, диагностика представляет собой совокупность определенных приемов, позволяющих понять суть рассматриваемого явления.

Диагностика в судебно-бухгалтерской экспертизе – это процесс познания окружающей действительности при помощи специальных экспертных методов, направленных на распознавание объекта в виде системы бухгалтерского учета, выделения специфических признаков, индивидуализирующих систему учета и привнесенных изменений, сопоставления их с ранее известными системами учета и способами изменения их содержания, окончательного формирования вывода об определении природы искажения системы учета организации.

Для эффективного использования диагностики необходимо решить и описать последовательность и особенности ее применения на разных стадиях процесса исследования. Главной задачей такого исследования будет являться по исходным и ограниченным сведениям об определенной системе, представленных эксперту, распознать более полный комплекс происшедших в них изменений, выявить причины, механизм и направленность этих изменений.

Диагностическое исследование имеет определенные особенности, которые ограничивают возможность ее применения, в большинстве ситуаций диагностический процесс состоит из следующих двух уровней.

1. Собираение и обобщение информации о типичных для данного преступления признаках.

2. Извлечение и исследование скрытых свойств и изменений, происходящих в бухгалтерском учете.

В случае если преступление совершено способом или с помощью применения специальных приемов, не известных ранее, то установление и распознавание преступного явления будет затруднено или вообще невозможно. Таким образом, мы выделим две основные задачи в разработке теории диагностики в судебно-бухгалтерской экспертизе:

- 1) разработка алгоритмов решения типовых задач, направленных на стандартизацию экспертной деятельности и повышения качества судебно-бухгалтерского исследования;

- 2) разработка новых методик исследования ранее известных преступ-

ных явлений или разработка методик выявления, распознавания и установления явлений еще не известных судебной практике.

В рамках данной статьи мы разберем особенности решения первой задачи, имеющую практическую направленность, позволяющую оптимизировать и повысить качество экспертного исследования. Вопрос качества в экспертизе является одной из наиболее актуальных проблем в настоящий момент времени, многие дискуссии посвящены именно этому вопросу². Стандартизация и алгоритмизация позволят выйти экспертизе на новый более качественный уровень. Решение этой проблемы заключается в разработке типовых этапов судебно-бухгалтерского исследования, в которых будут все этапы стандартного исследования, включая отдельное и сравнительное исследование.

1. Предварительное исследование – сбор информации о преступлении и последующих изменениях в бухгалтерском учете организации. Главным объектом экспертного внимания будут являться материалы дела, позволяющие эксперту сформировать версию относительно будущего исследования. Диагностический подход здесь проявляется именно на этапе построения версии на основе материалов дела и консультаций с лицом, ведущим расследование. Данный этап, как правило, заканчивается сбором необходимого эмпирического материала, но также возможна ситуация, когда исследование невозможно по причине недостаточности материалов либо их недоброкачественности. В данном случае диагностические процессы, происходящие в сознании эксперта, сформируют одну из следующих следовых картин:

- 1) учетный процесс в организации функционирует нормально, деструкций не наблюдается;
- 2) деструкции в учетном процессе организации;
- 3) определение характерных признаков, свидетельствующих о преступном происхождении разрушающих признаков.

2. Переходя на этап отдельного исследования, эксперт уже владеет необходимой эмпирической базой и версией, которую он будет проверять на последующих этапах. Суть отдельного исследования заключается в выявлении всех признаков, которые имеют особенности для данной организации. Выявление одного или нескольких признаков недостаточно для подтверждения или опровержения экспертной версии, необходимо выявить совокупность признаков и расшифровать информационный сигнал, исходящий от них. Для проверки версии используются различные приемы документальной проверки, такие как: арифметическая проверка, нормативная проверка, встречный проверка, взаимный контроль.

3. Далее после формирования устойчивой совокупности диагностических признаков мы переходим к сопоставлению выявленных признаков с признаками ранее известных способов совершения преступлений. Трудность

---

² Усов А. И., Кузьмин С. А. Пути стандартизации судебно-экспертной деятельности на пространстве Содружества Независимых Государств // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 27.

данной стадии заключается в том, что в правоохранительной практике нет систематизированной структуры признаков совершенного преступления в экономической сфере или в сфере хозяйственной деятельности организации. В настоящее время для завершения сравнительного анализа эксперт реализует свои специальные знания на основе опыта, полученного в ходе практической деятельности, т. о. опыт эксперта будет являться информационной базой для дальнейшего сопоставления признаков.

4. Дополнительное углубленное исследование определенных секторов бухгалтерского учета хозяйствующего субъекта как экспертным путем, так и с помощью корректировки хода расследования для поиска дополнительных потенциальных вещественных доказательств. После устранения всех противоречий эксперт верифицирует свою гипотезу либо формирует новую.

5. Проанализировав все выявленные признаки, указывающие на определенный способ совершения преступления или подтверждающие результаты хозяйственной деятельности организации, эксперт формирует вывод, в котором отвечает на вопросы, на разрешение которых была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза.

Информация об авторе

Ратов Ярослав Дмитриевич – аспирант кафедры судебной экспертизы юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

*603022, г. Н. Новгород, пр-т Гагарина, 23,
e-mail: yaroslav.ratov@yandex.ru*

УДК 316.6

Р 69

Е. Р. Романова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Правосознание и мотивы правомерного поведения

В статье анализируется понятие и виды мотивов правомерного поведения, а также их связь с правосознанием. На основании обобщения результатов проведенного опроса делается вывод о некоторых часто встречаемых мотивах правомерного поведения.

Ключевые слова: правосознание, правомерное поведение, мотивы правомерного поведения.

Проблема формирования высокого уровня правосознания населения в современном мире является актуальной, поскольку напрямую обуславливает правомерное поведение граждан. Правосознание и правомерное поведение (а также его мотивы), являются необходимыми элементами состояния законно-

сти и порядка. Между тем, если мотивам неправомерного поведения людей посвящено множество работ, то мотивы правомерного поведения не являются столь изученными.

В юридической литературе под правосознанием обычно понимают совокупность идей, взглядов, представлений, чувств и эмоций, выражающих субъективное отношение людей к праву и другим правовым явлениям действительности¹. К таким правовым явлениям относятся: правотворчество, правоприменение, правоотношения, правовое поведение, юридическая ответственность и так далее. Правосознание населения определяет информированность людей о праве, усвоение им правовых ценностей, отношение к действующему законодательству и поведение в сфере действия юридических норм. Также данный элемент определяет осознание людьми ценностей действующего права, прав и свобод человека и гражданина, признание достоинства права. Кроме отношения людей к действующему праву правосознание предполагает отношение и к праву желаемому. Как пишет И. А. Ильин: «Для развития нормального правосознания необходимо знать нормы действующего права, осознавать их, обосновывать и соблюдать». По мнению автора, правосознание присуще любому человеку: «Нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием ...»².

Достаточный уровень правосознания влияет на правомерность поведения людей, поскольку, чем выше правосознание, тем осознаннее человек соблюдает нормы права. Под правомерным поведением принято понимать волеизъявление субъекта, соответствующее праву, его идеям, принципам и нормам, имеющее целью удовлетворение общественных или личных потребностей и интересов³.

Правомерному поведению всегда предшествуют мотивы. В юридической психологии существует несколько подходов к определению мотивов поведения. Так, С. С. Рубинштейн и В. В. Романов определяют мотив как «побуждение, направленное на удовлетворение значимой для субъекта потребности»⁴. М. И. Еникеев отмечает, что мотив – это «осознанное побуждение к достижению определенной цели»⁵. Ю. М. Антонян считает, что мотив – это «внутренняя, непосредственная причина поведения, выражающая личностное отношение к тому, а что направлены преступные действия»⁶. Проанализировав различные точки зрения, под мотивом правомерного поведения мы предлагаем понимать побуждение, направленное на удовлетворение зна-

---

¹ Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 2 : Теория права : учеб. пособие. Иркутск, 2011. С. 276.

² Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 155.

³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 248.

⁴ Романов В. В. Юридическая психология : учебник для бакалавров. М., 2012. С. 242.

⁵ Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М., 2005. С. 353.

⁶ Антонян Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений : учебник. М., 1996. С. 148.

чимой для субъекта потребности, не противоречащей требованиям закона и приобретающей свойства долженствования.

В литературе принята следующая иерархия мотивов правомерного поведения: 1) общественный; 2) государственный; 3) гражданский; 4) коллективный; 5) мотив личного достоинства или целесообразности; 6) безопасности⁷.

Очевидно, что ведущее положение в данной иерархии занимает общественный мотив. Человек, который руководствуется общественным мотивом, как правило, живет по принципу – «в обществе, где нет порядка, жить невозможно». Он осознает себя частью общества и понимает, что от правомерного поведения каждого человека зависит состояние законности и правопорядка в обществе в целом.

Государственный мотив направлен непосредственно на поддержание правопорядка и законности в том государстве, в котором живет тот или иной человек. Данный мотив также относится к высшим, поскольку человек соотносит себя с определенным государством и нацелен на соблюдение законов данного государства, ведь без этого в государстве не будет правопорядка.

Гражданский мотив отражает принцип: «Законы определяют мои свободы, права и обязанности и обеспечивают их. Как гражданин я могу воспользоваться ими и получить то, что гарантируется правом, что мне положено и предусмотрено законами»⁸.

При коллективном мотиве человек опирается на господствующие общественные мнения, настроения, стремления; психологические особенности господствующего образа жизни и степень удовлетворенности им. Большинство людей, руководствуясь данным мотивом правомерного поведения, соблюдают законы, поскольку так поступают большинство их друзей и знакомых. Соблюдение законов при данном мотиве рассматривается как общая цель, где каждый должен делать то, что может.

Мотив личного достоинства или целесообразности характеризует людей, которые соблюдают законы, потому что законы выражают их личные интересы. Данный мотив в иерархии относится к категории низших, поскольку люди, руководствуясь данным мотивом, соблюдают законы лишь избранно – только те, которые выражают их интересы и представляются им наиболее целесообразными.

Последним элементом в данной иерархии находится мотив безопасности, поскольку таким мотивом руководствуются люди с недостаточным уровнем правосознания. Как правило, такие люди поступают правомерно из-за страха понести юридическую ответственность или боясь осуждения со стороны общества, либо соблюдение законов при таком мотиве может просто вошло в привычку.

Также стоит сказать о связи правосознания с мотивами правомерного

---

⁷ Полянская В. А. Юридическая психология : методические рекомендации и задания для самостоятельной работы студентов. Иркутск, 2013. С. 38.

⁸ Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология : учебник. М., 2001. С. 45.

поведения. Возникает вопрос, что же первично – правосознание или мотивы? Мы считаем, что правосознание предшествует мотивам. Осознав ту или иную потребность, человек сопоставляет реальные условия и мысленно представляет ряд возможных вариантов поведения и их последствия для осуществления целей. Оценивая варианты своих действий, человек мотивирует свой выбор разными факторами. Потребности человека, пройдя через сознание, приобретают форму юридических значимых мотивов⁹. Данные мотивы основываются на жизненном опыте, на определенных знаниях, иначе говоря, на достигнутом уровне правосознания человека.

С целью установления часто встречаемых мотивов правомерного поведения нами был проведен опрос студентов Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ), Юридического Института Иркутского государственного университета, Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), а также Сибирско-американского факультета менеджмента Иркутского государственного университета. По результатам данного опроса были получены следующие результаты.

При ответе на вопрос: «Каким мотивом Вы чаще всего руководствуетесь, осуществляя правомерные поступки?» большинство студентов ИЮИ (ф) АГП РФ ответили: «В обществе, где нет законности и правопорядка, жить невозможно», следовательно, студенты данного ВУЗа руководствуются общественным мотивом правомерного поведения. Студенты остальных юридических ВУЗов руководствуются в основном тем, что «законы созданы, чтобы их соблюдать и несоблюдение закона не зависит от того, нравится он людям или нет», что может свидетельствовать о существовании некоего конформистского мотива, к сожалению, не описанного в научной литературе. Студенты не юридического профиля выбрали вариант: «Это вошло в привычку», что указывает на отсутствие осознанной мотивации, поскольку не ясно в связи с чем данный поведенческий стереотип вошел в привычку.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование разных аспектов правосознания и мотивов правомерного поведения представляет собой особый интерес в связи с взаимообусловленностью данных явлений. Перспективным направлением может стать разработка мер формирования высокого уровня правосознания посредством развития мотивов правомерного поведения и наоборот.

Информация об авторе

Романова Екатерина Руслановна – студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ). E-mail: ekaterina_rom98@mail.ru

---

⁹ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. СПб., 2010. С. 87.

УДК 343.985.2
С 42

С. А. Скибин,

*магистрант 1 года обучения
юридического факультета
очной формы обучения
Южного федерального
университета (ЮФУ)*

**«Следственная хитрость» или «тактический обман»
как нетрадиционный тактический прием в деятельности следователя**

В статье рассматривается специфический тактический прием «следственная хитрость». Выделяются формы реализации, пределы допустимости использования «тактического обмана», а также проводится сравнение с зарубежным законодательством. Актуальность рассмотрения данного вопроса обусловлено тем, что не существует в российском законодательстве норм, регулирующих такой нетрадиционный тактический прием.

Ключевые слова: «следственная хитрость», тактический «обман», тактический прием, «психологические раздражители», допрос, недобросовестная сторона, тактическое прогнозирование.

На предварительном следствии довольно часто возникают конфликтные ситуации. Причины конфликта между участниками возможны самые разнообразные. Но являясь ключевой фигурой проведения следственных действий, следователю надлежит грамотно управлять ими и направлять развитие следственной ситуации в необходимое для полного и беспристрастного расследования русло. Преодолению конфликта и достижению полноты расследования в уголовном процессе способствуют специфические тактические приемы и рекомендации следственной тактики. Вместе с тем отметим, что их использование не должно ни противоречить закону, ни нравственным основам расследования.

Наиболее актуальным для нас является изучение такого метода достижения цели следователя в расследовании и раскрытии преступления как «следственная хитрость» или «тактический обман». Уголовно-процессуальным законодательством данный вопрос не урегулирован, что обуславливает теоретическую и практическую направленность рассмотрения данного тактического приема.

Вопрос в том, является ли подобный тактический прием законным и нравственно оправданным средством реализации задач и целей уголовного судопроизводства, каковы его критерии и границы использования?

Использование рассматриваемого тактического приема на практике проявляется как в виде действий, так и в виде бездействий, умолчания о фактах, искусственного создания ситуаций ошибочного восприятия информации

о событиях и явлениях¹. Такие действия (бездействия) будут правомерны тогда, когда противодействующая сторона без прямого давления будет свободна в выборе: реагировать ли на представленную информацию или сделать вид, что ничего не произошло.

В. П. Бахин справедливо замечает, что следователь не воздействуют непосредственно на допрашиваемого, а только создает условия, способствующие формированию ошибочного мнения у допрашиваемого об осведомленности следователя об обстоятельствах определенного события². Аналогичную позицию занимает С. Ю. Якушин, указывая на то, что следователь лишь демонстрирует определенную обстановку, которую допрашиваемый истолковывает как свидетельствующую о том, что на допросе нет смысла лгать и следует говорить правду³. Так, при допросе следователь может использовать какие-либо «психологические раздражители» (предметы, документы и т. д.), которые не являются доказательствами, но которые могут привлечь к себе внимание допрашиваемого, действительно совершившего преступление⁴.

Среди форм реализации тактического обмана особо выделяются: сокрытие умысла следователя касательно цели допроса, создание у допрашиваемого увеличенного впечатления относительно осведомленности следствия об обстоятельствах преступления, создание у виновного лица впечатления о том, что другие соучастники уже сознались⁵. С применением таких форм реализации тактического приема повышается шанс исключить установку на отрицание вины и разоблачить недобросовестную сторону.

С правовой точки зрения запретов на применение «тактического обмана» уголовно-процессуальное законодательство не содержит, так как ч. 4 ст. 164 УПК РФ не допускает применение насилия, угроз и иных незаконных действий при производстве следственных действий. Полагаем, что категория «тактический обман» не относится к «иным незаконным мерам». Также ч. 2. ст. 189 УПК РФ закрепляет свободу следователя в выборе тактики допроса.

Также применение такого тактического приема противопоказано, если

---

¹ Зорин Р. Г., Крамаренко В. П. Обман как правомерное-неправомерное психическое воздействие в состязательном уголовном судопроизводстве, в системе следственных действий и как форма противодействия в деятельности сторон обвинения и защиты. // Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности правоохранительных органов : сб. науч. статей. Калининград : Калининградский юрид. ин-т МВД России, 2011. С. 59–67.

² Бахин В. П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности [Электронный ресурс] / Междунар. Славян. акад. наук. URL: [http://www. agentura.ru/library/deza/](http://www.agentura.ru/library/deza/).

³ Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань : Изд-во Казан. унта, 1983. 104 с.

⁴ Соловей Е. В. Использование обмана и провокации при допросе: взгляды теоретиков и практические рекомендации // Вестник Брестского ун-та. Серия 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 2. С. 167–172.

⁵ Луценко О. А., Рожкова Л. О. Проблемы допустимости тактических приемов при допросе обвиняемого (подозреваемого) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 8 (14). С. 129–131.

допрашиваемое лицо обладает повышенной внушаемостью. Ибо это может спровоцировать самооговор. На наш взгляд, к таким можно отнести лиц, обладающих легкой степенью дебильности, истеричности и в тоже время являющихся дееспособными.

В противоположность вышеназванным нормам УПК РФ приведем нормы Уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики, а именно ст. 5 УПК⁶, согласно которой обман относится к незаконным действиям при получении показаний. Представляется, что узаконение запрета на использование такого тактического приема существенно ограничивает следователя при выборе той или иной тактической операции в условиях недостаточности информации по уголовному делу.

В самом широком смысле обман представляет собой ложное представление о чём-либо, заблуждение, ошибку. В руках неопытного следователя может привести к нарушению прав и свобод человека. Поэтому следователю для минимизации тактического риска необходимо смоделировать предстоящее следственное действие на основе имеющихся доказательств, а также изучить личность, поведение и реакцию допрашиваемых лиц. Такая оценка тактического приема говорит о его рациональном применении и в большем случае приводит к положительному результату.

Любой тактический прием должен отвечать основным критериям допустимости, среди которых в юридической литературе выделяют:

- 1) законность (правомерность) приема.
- 2) соответствие приема нормам нравственности (этичность);
- 3) избирательность воздействия⁷.

Применимо к рассматриваемой теме предполагаем, что «тактический обман» в руках опытного следователя будет отвечать требованиям: 1) законности, с учетом положений ст. 164 и ст. 189 УПК РФ; 2) нравственности (не унижает честь и достоинство граждан, не способствует признанию несуществующей вины и т. п.); 3) избирательности воздействия (оказание воздействия только на допрашиваемого, обладающего искомой информацией).

Некоторые ученые-криминалисты⁸ выделяют дополнительные критерии допустимости тактического приема, как целесообразность и индивидуальность, что, на наш взгляд, имеет второстепенное значение по сравнению с основными.

Приведем пример допустимого «тактического обмана». Так, группа лиц по предварительному сговору обвиняется в совершении убийства. Ни один из предполагаемых преступников, допрошенных отдельно, признательных показаний не дал. При повторном допросе одного из обвиняемых следо-

---

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (06.02.2018).

⁷ Жалнина А. В. К вопросу о допустимости тактических приемов расследования преступлений // Молодёжь и наука. 2011. № 6. С. 50–54.

⁸ Якушин С. Ю. Указ. соч. С. 72.

ватель положил на стол заявление о чистосердечном раскаянии, допрашиваемый увидел это и посчитал, что его соучастник дал признательные показания. В результате чего допрашиваемый обвиняемый перестал отрицать свою вину и дал признательные показания.

В заключении определяем, что зачастую следователю для достижения истины по уголовному делу приходится прибегать к нетрадиционным тактическим приемам и комбинациям, и одной из разновидностей таких приемов выступает «тактический обман», который преследует своей целью поставить обвиняемого в положение, где он в лучшем виде проявит свою преступную осведомленность. В каждом конкретном случае такой тактический прием может служить рекомендацией о наиболее оптимальном поведении и способе действия следователя. Ошибка следователя в тактическом прогнозировании может стать ключевым фактором в расследовании преступления и свести результат предыдущих и дальнейших его усилия на нет. Поэтому строгое соблюдение уголовно-процессуальных норм, психологический анализ участников и правильный выбор тактических приемов – все это способно привести к положительному результату проведения следственных действий.

На наш взгляд, целесообразнее законодательно урегулировать применение неординарных тактических приемов в ведомственных тактических рекомендациях, содержащих пояснения по поводу того, когда и при каких условиях они могут выступать средствами деятельности, каковы критерии и границы использования.

Информация об авторе

Скибин Сергей Александрович – студент 1 курса магистратуры юридического факультета Южного федерального университета (ЮФУ).

344025, Ростов-на-Дону, ул. Комсомольская 9, кв.14, e-mail: skibin2013@yandex.ru

УДК 343.98

Ч 59

А. Д. Чиж,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

Тактика проведения следственного эксперимента

В данной статье рассматривается значимость производства следственного эксперимента в деятельности органов предварительного расследования, а также тактика производства следственного эксперимента.

Ключевые слова: следственный эксперимент, тактика производства следственного эксперимента, тактические условия, тактический прием.

Тенденция изменения преступности в нашем обществе, обуславливает необходимость постоянного совершенствования деятельности органов предварительного расследования для достижения поставленных целей, одной из которых является установление истины при расследовании совершенных преступлений.

Необходимость производства следственного эксперимента, возникает в ряде случаев, когда следователю (дознавателю) необходимо выяснить реальную возможность того или иного события в условиях конкретной ситуации. Для полного понимания, что представляет из себя следственный эксперимент, приведем пример из практики. Так, при расследовании уголовного дела, следователь усомнился в показаниях обвиняемого по уголовному делу связанного с хищением материальных ценностей на территории базы. Обвиняемый утверждал, что проник на территорию базы через забор, опираясь ногами на покрышку автомобильного колеса, лежавшую вблизи у забора и затем подтягиваясь на руках. Следователь вынес постановление о проведении следственного эксперимента с целью проверки показаний обвиняемого. В ходе проведения следственного эксперимента было найдено аналогичное автомобильное колесо и приставлено к забору. Следователь предложил обвиняемому продемонстрировать, как он мог, забравшись на колесо и схватившись руками за край забора, подтянуться и перелезть через забор. Выяснилось, что при проведении опытных действий, обвиняемый не смог продемонстрировать описанное им. В последующем, невозможность проведенного следственного эксперимента, позволила следователю исключить соответствующие версии из дальнейшей проверки. Установление объективной возможности, облегчило доказывание соответствующих фактов.

Следственный эксперимент является сложным и трудоемким следственным действием, как по структуре, так и своему содержанию, поскольку требует много времени и затрат. Поэтому, в качестве неотложного следственного действия он проводится весьма редко, так как его проведение требует серьезной, тщательной подготовки. Однако нельзя недооценивать его значение для расследования уголовного дела, поскольку при профессиональном его производстве он является важным источником доказательства по делу.

В юридической литературе, следственный эксперимент чаще всего рассматривается как самостоятельное следственное действие¹. Но ряд авторов так не считают, в том числе профессор М. С. Строгович, считал, что по своему существу, следственный эксперимент есть не что иное, как «особая форма осмотра» или «осмотр в воспроизведенной обстановке»². Но мы, придерживаемся первой точки зрения, поскольку следственный эксперимент, как самостоятельное следственное действие, получил нормативное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ),

---

¹ См. : Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко, А. А. Топоров. М., 2010. С. 374 ; Карлов В. Я. Криминалистика. : учеб. пособие. М., 2011. С. 171.

² Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник. М., 1946. С. 245–246.

а именно, в ст. 181 УПК РФ.

Тактика проведения следственного эксперимента, базируется на общих положениях тактики. Так, тактика следственных действий – это комплекс наиболее рациональных приемов, направленных на выбор наиболее оптимальных и целесообразных действий. Тактические приемы не носят обязательного характера, они являются рекомендацией, которыми следователь может воспользоваться в своей деятельности на основе личных убеждений, но не выходить за рамки уголовного – процессуального законодательства.

Учеными-криминалистами постоянно ведется работа по совершенствованию тактики производства отдельных следственных действий. Однако результаты их научных достижений не должны оставаться только на теоретическом уровне, а должны постоянно использоваться в практической деятельности с учетом соответствия требованиям закона. В этой связи нельзя не согласиться с Э. К. Горячевым и И. В. Тишутинной, которые считают, что сами по себе тактические приемы и рекомендации мало что значат для практики расследования преступлений, если порядок (процедура) их применения в этих целях не обеспечен организационно, не определен в законе, если они не стали достоянием следователя, дознавателей, оперативных работников при их обучении (профессиональной подготовке), если они разработаны без учета реальных потребностей практики³.

Наиболее полно, по нашему мнению, изучение тактики проведения следственного эксперимента рассмотрено в работах Р. С. Белкина, выдающегося советского и российского криминалиста, который проводил различия между тактическими условиями и тактическими приемами.

К тактическим условиям относится, во-первых, определенное количество участников эксперимента, которое обеспечивается тем, что следователь привлекает для проведения эксперимента только необходимых лиц, без которых производство следственного эксперимента невозможно провести.

Во-вторых, проведение эксперимента в условиях, максимально сходных с теми, в которых имело место событие или факт, интересующие следствие, например, время суток, погодные условия, обстановка, предметы и др.

В-третьих, многократность проведения однородных опытов. Как считает, Р. С. Белкин позволяет более тщательно изучить исследуемое событие, и удостовериться, что полученные экспериментальным путем результаты являются не случайными. Условия могут изменяться в сторону ухудшения, улучшения и упрощения. Так, это позволяет более тщательно изучить исследуемое событие, убедиться в том, что полученные результаты не являются случайными и что они достоверны. Многократность проведения опытов представляет собой повторное проведение эксперимента, с некоторыми различными условиями⁴.

В-четвертых, деление эксперимента в несколько этапов, что позволяет

---

³ См. : Горячев Э. К., Тишутинна И. В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : монография. М., 2006. С. 72.

⁴ Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959. С. 154.

всем субъектам понять последовательность проведения, а также получить правильное представление о проводимом эксперименте на всех его стадиях. Стоит отметить, что разделение опыта может быть условным или мысленным в тех случаях, когда темп совершаемых действий не может быть замедлен.

Тактический прием – это наиболее рациональная линия поведения следователя, сложившаяся в определенной ситуации. Они, в свою очередь, должны соответствовать определенным требованиям: быть законными, направлены на соблюдение объективности исследования и достижения целей и задач. Так, В. Я. Карлов выделяет такие тактические приемы проведения следственного эксперимента как, проведение следственных опытов в темпе, сходном с темпом исследуемых действий; проведение контрольных опытных действий с другими исполнителями; перемена мест нахождения участников следственного эксперимента (когда опыты проводятся на значительном расстоянии их друг от друга); учет изменившихся и не поддающихся реконструкции условий⁵.

Как уже отмечалось выше, следственный эксперимент, должен быть максимально приближен к обстановке совершенного преступления, а именно: определение времени суток, когда условия максимально сходны с исследуемым событием; место, где совершилось преступление; соблюдение подобных климатических условий, особенно, при проведении эксперимента по делам о дорожно-транспортных преступлениях; использование тех же предметов, приборов, механизмов; установление сходство темпов производимых опытов с темпом исследуемого события позволяет определить выполнение какого-либо действия или производства предметов за установленное время и др.

Так, часто к проведению эксперимента привлекаются эксперты, в отношении которых также имеются некоторые тактические приемы. М. Я. Сегай выделяет основные вопросы, на которых должен ответить эксперт: 1) каковы свойства или состояния взаимодействующих объектов; 2) какие конкретно объекты взаимодействовали друг с другом или с материальной средой; 3) каковы механизм и условия их взаимодействия⁶.

Итак, следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, выполняемое следователем, содержанием которого является воспроизведение проверяемого события в условиях, максимально сходных с условиями, существовавшими в момент проверяемого факта, явления, события. В свою очередь, тактика следственного эксперимента определяет последовательность и целенаправленность проводимых следователем действий, а также устанавливает порядок работы участников. Применяемые следователем тактические приемы должны соответствовать требованиям закона, поставленным целям и задачам эксперимента. Профессиональное производство следственного эксперимента, позволяет, главным образом установить ту

---

⁵ Карлов В. Я. Криминалистика. : учеб. пособие. М., 2011. С. 98.

⁶ Сегай М. Я., Стржэюа В. К. Предмет судебной экспертизы материальных следов преступления // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1991. Вып. 43. С. 41.

цель, которую преследовал следователь, а правильная тактика позволит обеспечить максимальную эффективность при строжайшем соблюдении требований законности.

Информация об авторе

Чиж Анна Дмитриевна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

УДК 343.98

Ю 85

С. В. Юрьева,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ

**Содержание проблемы применения одорологии
в криминалистике и пути ее решения**

В статье анализируются вопросы современной криминалистической одорологии. Рассматриваются способы изучения запаховых следов. Исследуются естественнонаучный и технический, процессуальный и тактический аспекты проблемы современной одорологии и пути их решения.

Ключевые слова: одорология, экспертиза, запахи, проблемы одорологии.

На сегодняшний день сохраняются тенденции роста преступности, что ставит одной из задач активизацию деятельности работников следственного аппарата, увеличение объема познаний экспертов и расширение сферы их применения. При раскрытии и расследовании преступлений особое значение имеют запаховые следы, которые не могут быть уничтожены или замаскированы лицом, совершившим преступление, в частности при расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности¹.

Обнаружением, фиксацией и исследованием запаховых следов занимается одорология. Одорология — это раздел науки, изучающий закономерности процессов образования запаха, его распространения и распознавания в целях выработки приемов, средств и методов использования его свойств в жизнедеятельности людей².

Криминалистическая одорология – это одно из направлений криминалистической техники, в рамках которого изучаются закономерности образования запаховых следов, способы обнаружения, фиксации, хранения, исследования и использования их в целях раскрытия, расследования и предупре-

¹ Грошенкова О. А. Использование запаховых следов человека в расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2000. С. 3.

² Федоров Г. В. Одорология : запаховые следы в криминалистике. Минск, 2000. С. 10.

ждения совершения преступлений.

Следы – это источник запаха, одновременно является как трасологической, так и запаховой информацией. Данная информация фиксируется отдельно и в определенной последовательности. Так, в первую очередь закрепляется (консервируется) запаховая информация, содержащаяся в следе обуви, а затем с этого следа изготавливается копия (слепок). Следы-запахи представляют собой газообразное облако, смесь воздуха с пахучими веществами при отсутствии источника запаха в месте обнаружения запахового следа.

На экспертизу направляются запаховые пробы с места происшествия, эталонные запаховые следы и образцы индивидуального запаха проверяемых лиц. Результаты исследования оформляются актом кинологической идентификации в виде экспертного заключения или кинологической выборки.

Помимо биологического детектора, при исследовании запахов применяют и технические детекторы – газовые анализаторы, хроматографы. Они распознают компоненты газовых смесей. Вывод делается по результатам сопоставления хроматограмм. Такие исследования проводятся в форме экспертизы³.

Ольфакторная информация о преступниках, содержащаяся в оставленных ими следах, всё чаще используется в судах как источник доказательств причастности лиц к совершению преступлений. Вместе с тем, рассматриваемый метод не является однозначным в следственной практике, что обусловлено недоверием к достоверности результатов таких исследований в силу необычного детектора – собаки, поведение которой невозможно полностью контролировать, и отсутствия надежной инструментальной базы, способной проверить эти результаты⁴.

Высказанная впервые А. И. Винбергом эта идея процессуально выразилась в том, что воздух со следами запаха изымается при осмотре места происшествия на основании ст. 78 УПК РСФСР (ст. 176 УПК РФ) и в соответствии со ст. 83 УПК РСФСР (ст. 81 УПК РФ).

Образцы запаха подозреваемого следователь получает в порядке ст. 186 УПК РСФСР (ст. 202 УПК РФ). Выборку запахоносителя осуществляют соответствующие должностные лица органов внутренних дел. Результаты выборки излагаются в справке. Справка о результатах выборки оценивается в совокупности с другими доказательствами по делу.

На сегодняшний день проблема одорологического метода имеет три аспекта: естественнонаучный и технический, процессуальный и тактический⁵.

---

³ Воробьева И. Б., Маланьина Н. И. Следы на месте преступления : учеб. пособие. Саратов, 1996. С. 108–113.

⁴ Ревенко Н. И. Применение служебно-розыскных собак в раскрытии преступлений // Вестн. Омского ун-та. 2009. С. 229.

⁵ Очкалова А. И., Кислицина И. Н. Проблема одорологического метода: возникновение проблемы и пути ее решения. [Электронный ресурс] // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля-31 марта 2013 г. URL: <https://www.scienceforum.ru/2013/22/6704> (10.02.2018).

Рассматривая естественнонаучный и технический аспект проблемы, необходимо отметить то, что запаховый след человека представляет собой сложный комплекс запахов. По мнению профессора Р. С. Белкина, включавшего в этот комплекс, состоящий из местных запахов, индивидуального и общего запаха⁶. Индивидуальный запах человека зависит от состояния источников его выделений: потовых желез, жировых желез, жизнедеятельность которых подвержена известным возрастным изменениям.

В техническом плане задача представляется решенной уже в настоящее время. Разработанные и успешно применяемые средства и методики отбора и хранения запаховых проб обеспечивают сохранность их в неизменном виде и возможность сравнения в любой момент с другими объектами.

Процессуальный аспект проблемы. Центральный пункт дискуссии по проблеме одорологического метода – вопрос о доказательственном значении результатов его применения.

Однако А. И. Винберг, и В. Д. Арсеньев, и другие сторонники одорологического метода в доказывании считали, что действие собаки, как и любое доказательство, подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами.

Одорологический метод может быть применен в рамках одного из следственных действий – следственного эксперимента. Следственный эксперимент – это опытное установление факта или его проверка. Гарантией достоверности его результатов служит многократное повторение опытов, приводящее к одинаковым результатам при варьировании условий эксперимента. При производстве следственного эксперимента с использованием биодетектора – собаки объектом наблюдения будет поведение собаки. Так же следует учитывать то, что эксперт формулирует заключение на основе внутреннего убеждения. Эксперт должен проверять правильность результатов своих действий, в том числе правильность выбора методического обеспечения, технических средств и в конечном счете истинность выводов.

Тактический аспект проблемы. Тактические приемы проведения одорологической выборки должны обеспечить объективность, достоверность, убедительность и наглядность ее результатов.

Тактические приемы:

- 1) использование при выборке собак, дрессированных для этих целей;
- 2) применение для выборки унифицированных предметов – запахоносителей, не отличающихся друг от друга своим внешним видом;
- 3) сведение роли кинолога при выборке к минимуму, а именно: даче собаке для занюхивания проверяемого объекта-запахоносителя и подаче команд собаке на выборку и возвращение в исходное положение по ее окончании;

---

⁶ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 22–35.

4) неоднократное повторение выборки с переменной мест предъявляемых объектов и разными собаками;

5) исключение воздействия на собаку во время выборки посторонних раздражителей⁷.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что, несмотря на существующие проблемы, использование криминалистической одорологии позволяет обеспечить раскрытие и расследование наиболее сложных в доказывании преступлений, чтобы обеспечить объективность результатов одорологической экспертизы, необходимо, чтобы они подтверждались другими собранными доказательствами, и для эффективного внедрения одорологических экспертиз в практику необходимо проведение совместной работы ученых-криминалистов, биологов и процессуалистов.

Информация об авторе

Юрьева Софья Васильевна – студентка 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) АГП РФ).

664005, г. Иркутск, Ул. Джамбула 30/4, кв. 48,

e-mail: sofya.yurjeva1@yandex.ru

---

⁷ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 22–35.

Проблемы становления гражданского общества

*VI Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 30 марта 2018 года

Часть III

Подписано в печать 26.03.2017.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 17,9.
Уч.-изд. л. 19,87. Тираж 10 экз. Заказ № 623.

Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.